

На правах рукописи

БАЛАБАНОВА Евгения Сергеевна

**Социально-экономическая зависимость как феномен
сознания и стратегий поведения населения
современной России**

Диссертация

на соискание ученой степени доктора социологических наук

Специальность 22.00.04 – социальная структура, социальные
институты и процессы

Нижний Новгород

2006 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	6
ГЛАВА I СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЗАВИСИМОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	29
1.1. Проблематика социально-экономической зависимости в различных теоретических концепциях.....	29
1.1.1. Социолого-экономическая концепция либерализма: свобода как альтернатива зависимости	29
1.1.2. Гуманистический подход: свобода и ответственность как нравственный выбор личности.....	34
1.1.3. Макроэкономическая теория зависимости: развитые страны и Третий мир.....	37
1.1.4. Макросоциологический подход: концепции социокультурной укорененности экономического действия.....	40
1.1.5. Исследования организаций: теория ресурсной зависимости.....	46
1.1.6. Социально-антропологический подход: зависимость в теории социального обмена.....	47
1.1.7. Социально-психологические теории «зависимой личности»	49
1.1.8. Концепции «культуры бедности» и андекласса	55
1.1.9. Социальная теория феминизма: экономическая зависимость женщины как неотъемлемая черта патриархата.....	57
1.2. Анализ понятия социально-экономической зависимости	59
1.2.1. Высокая потребность Зависимого в ресурсах.....	61
1.2.2. Монополия Провайдера на ресурсы	63
1.2.3. Заменяемость Зависимого	66
1.2.4. Властные преимущества Провайдера. Трансформация экономической зависимости во властные отношения	67
1.2.5. Неэффективность и кумулятивный характер отношений зависимости	75
Заключение к Главе I.....	79
ГЛАВА II СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЗАВИСИМОСТЬ В ЗАПАДНОМ ОБЩЕСТВЕ	83

2.1. Историческое развитие понятий свободы и зависимости на Западе	83
2.2. Институционализованная зависимость на Западе: государственная социальная политика и Underclass	91
2.3. Современные концепции андекласса: «культура зависимости» или несовершенство общества?	93
2.3.1. Правые: ведущая роль индивидуально-личностных причин зависимости	95
2.3.2. Левые: андекласс как жертвы структурно созданной зависимости	97
2.4. «Борьба с зависимостью»: современные тенденции развития социальной политики в США и Западной Европе	100
2.4.1. Новая идеология предоставления социальной помощи	100
2.4.2. Практическая реализация новых принципов предоставления социальной помощи.....	103
Заключение к главе 2	105
ГЛАВА III СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЗАВИСИМОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ	109
3.1. Ограничители экономической свободы в дореволюционной России	109
3.1.1. «Первичные узы»: общинная организация жизни.....	109
3.1.2. Экспансионистское государство: монополия верховной власти на экономические ресурсы и традиции внеэкономического принуждения.....	111
3.2. Последствия ограничения экономической свободы в дореволюционной России	113
3.2.1. Контроль над поведением зависимого населения: правовая и экономическая уязвимость и внеэкономическое принуждение.....	114
3.2.2. Контроль над сознанием граждан: зависимые черты национального характера	115
3.2.3. Зависимые черты национальной экономической культуры.....	117
3.2.4. Неэффективность структурных ограничений экономической свободы и «зависимой» экономической культуры дореволюционной России.....	123
3.3. Ограничители экономической свободы в Советской России	127
3.4. Последствия ограничения экономической свободы в СССР	130

3.4.1. Контроль над поведением зависимых граждан	131
3.4.2. Формирование «зависимой личности» в системе государственного патернализма	134
3.4.3. Зависимые черты советской экономической культуры	138
3.4.4. Неэффективность структурных ограничений экономической свободы и «зависимой» экономической культуры	142
Заключение к Главе 3	144
ГЛАВА IV СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЗАВИСИМОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	146
4.1. Социально-экономическая зависимость как феномен массового сознания	147
4.1.1. Когнитивные проявления экономической зависимости: внешняя локализация контроля над индивидуальным благосостоянием.....	150
4.1.2. Зависимость как нормативная ценность.....	155
4.1.3. Понимание свободы как материальной обеспеченности и готовность жертвовать ради нее свободой-независимостью	158
4.1.4. Высокий уровень доверия к архаическим социальным институтам и трудности в формировании гражданского общества ..	165
4.1.5. Ценности и установки в экономической сфере: выраженность мотива достижения, готовности к риску и активным моделям экономического поведения	170
4.1.6. Взаимосвязь (не)зависимых установок и успешности социально- экономической адаптации населения	179
Заключение к параграфу 4.1	188
4.2. Социально-экономическая зависимость от государства	191
4.2.1. Преемственность традиции авторитарного государства: структурные ограничения экономической свободы	191
4.2.2. Сохранение патерналистского характера социальной политики	196
4.2.3. Государственная социальная политика в отношении женщин	199
4.2.4. Социальный портрет зависимых от государства социальных групп.....	202
Заключение к параграфу 4.2	213
4.3. Социально-экономическая зависимость от работодателя.....	216
4.3.1. Факторы зависимости от работодателя	216

4.3.2. Властные преимущества Провайдера-работодателя.....	240
4.3.3. Неэффективность и кумулятивный характер отношений зависимости	256
Заключение к параграфу 4.3	261
4.4. Социально-экономическая зависимость в домохозяйстве	265
4.4.1. Социально-демографические характеристики зависимых и масштабы зависимости в домохозяйствах	267
4.4.2. Факторы экономической зависимости в домохозяйстве	269
4.4.3. Властные преимущества провайдеров и уязвимость зависимых в семье	288
4.4.4. Неэффективность и кумулятивный характер отношений зависимости	314
Заключение к параграфу 4.4	324
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	327
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	330

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

Развитие обществ западного типа последних двух столетий шло в направлении индивидуализации социальной жизни – снижения значимости аскриптивных социальных статусов и традиционных общностей и повышения роли индивидуально-личностных факторов социальной успешности. По оценкам ведущих представителей современной социологической теории, этот процесс продолжается и сейчас: «люди освобождаются от классово окрашенных отношений и форм жизнеобеспечения в семье и начинают в большей мере зависеть от самих себя и своей индивидуальной судьбы на рынке труда с ее рисками, шансами и противоречиями»¹. Это означает расширение зоны свободы индивидов как наличия все большего числа альтернатив и, соответственно, расширение зоны индивидуальной ответственности и рисков: «...теперь в гораздо большей степени [люди] *должны* принимать решения также и в отношении самих себя. Они не только *могут*, но и *должны* стать более самостоятельными. В этом отношении у них нет выбора»².

В последние 15 лет в глобальный процесс индивидуализации социальной жизни включилось и российское общество. До того, будучи формально «индустриальным», советское общество тяготело, скорее, к традиционным формам организации социальной жизни, основной характеристикой которых было суженое пространство индивидуальных свобод и индивидуальной ответственности. Ситуация стала в корне меняться с начала 1990-х гг., вместе с либерализацией механизмов социальной мобильности.

Расширение пространства индивидуальных свобод способствовало, соответственно, и индивидуализации социально-экономических рисков. Такие проблемы современного российского общества, как массовый характер бед-

¹ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 106.

² Элиас Н. Проблемы самосознания и образа человека // Н. Элиас. Общество индивидов. М.: Праксис, 2001. С. 171.

ности трудоспособного населения и высокая степень социальной напряженности, безусловно, в значительной степени обусловлены макроэкономическими причинами – экономическим кризисом, изменением структуры рынка труда. Однако траектории социально-экономической мобильности граждан последних полутора десятилетий убедительно показывают, что в кризисных системах, к каковым сегодня относится Россия, сравнительно уменьшается роль статусных характеристик субъектов социальной деятельности, их ранее накопленных «капиталов». И, напротив, в этих условиях резко возрастает значимость индивидуально-личностных факторов социальной мобильности. К ним относятся типы ментальности, индивидуалистически-либеральные либо патерналистско-эгалитарные установки, степень мобильности психики и адаптационный ресурс человека, его готовности воспринять соответствующие современному обществу индивидуалистические ценности и модели поведения¹. Трудности социально-экономической адаптации трудоспособных граждан свидетельствуют о том, что значительная часть российского населения оказалась неготовой к «испытанию свободой».

Одним из важнейших компонентов психологической неготовности к указанным выше переменам оказались *массовые зависимые установки и модели поведения*. Под «зависимыми» установками и поведением мы понимаем ориентацию социальных акторов на отношения ***социально-экономической зависимости, возникающие по поводу обмена экономическими ресурсами и характеризующиеся подчинением низкоресурсного актора высокоресурсному***. Социально-экономическая зависимость как установка предполагает стремление делегировать ответственность за свое жизнеобеспечение и готовность отказаться от ряда своих прав и свобод в обмен на материальную обеспеченность.

¹ См.: Тихонова Н.Е. Динамика социальной стратификации в постсоветском обществе // *Общественные науки и современность*, 1997. № 5; Тихонова Н.Е. На пути к новой стратификации российского общества // *Общественные науки и современность*, 1998. № 3; Корель Л.В. Социология адаптаций: этюды апологии. Новосибирск, ИЭиОПП СО РАН, 1997.

На индивидуальном уровне зависимые установки и поведение препятствуют успешной социально-экономической адаптации¹ людей, подавляя их собственную активность, блокируя их индивидуальные ресурсы, ориентируя их на поиск внешней поддержки. Обретая такую поддержку, зависимый полагается свои интересы высокоресурсному субъекту («провайдеру»); в случае же неспособности получить такую поддержку зависимый оказывается в зоне риска депривации и деградации.

На макросоциальном уровне зависимые установки и поведение способствуют социально-политической напряженности в обществе, обеспечивая поддержку популистским партиям и движениям. Доминирование «перераспределительной» риторики в социально-экономической политике тесно увязано с убежденностью в том, что якобы все проблемы социально незащищенных групп решаются увеличением финансирования программ социального вспомоществования. Между тем, западный опыт «войны с бедностью» наглядно показал тупиковость «пассивного» характера социальной поддержки. Этот опыт показывает, что увеличение размера пособий без культивирования независимых установок у реципиентов не уничтожает бедность, а воспроизводит ее. Наиболее же серьезным последствием «зависимых» установок избирателей является потенциальное принятие тоталитарного режима, который обеспечит населению равенство, стабильность и скромный достаток ценой нарушения гражданских прав и ограничения свобод.

Итак, проблема настоящего диссертационного исследования заключается в противоречии современных тенденций индивидуализации и либерализации социальной жизни сохраняющимся и даже воспроизводящимся массовым установкам на социально-экономическую зависимость и «зависимым» моделям экономического поведения.

¹ В настоящей работе под «социальной адаптацией» мы понимаем процесс и результат активного приспособления индивида к условиям новой социальной среды. «Успешной» мы полагаем адаптацию, нацеленную на сохранение или повышение социального статуса индивида, гармоничного развития личности. Экономическими показателями успешной адаптации является положительная динамика доходов и самооценка материального положения.

Степень научной разработанности проблемы

Анализ публикаций позволяет утверждать, что на сегодняшний день проблематика зависимости как объект специального изучения наиболее обстоятельно рассмотрена экономистами и психологами.

Проблема экономической зависимости на макроуровне – стран Третьего мира от индустриально развитых держав – с 1950-х гг. является предметом изучения макроэкономической «Теории зависимости» (*Dependency theory*). Наиболее известными представителями этого теоретического направления являются латиноамериканские экономисты Ф. Кардозо, Т. Дос Сантос, К. Фуртадо¹. Для целей нашего исследования важны их выводы о том, что экономическая зависимость неизбежно перетекает в сферу политического влияния, обуславливая глобальные асимметричные и неравноправные отношения между богатыми и бедными странами, закрепляя невыгодное положение последних.

Другой аспект зависимости рассматривается экономистами на уровне изучения организаций. Труды Дж. Томпсона², Дж. Пфедфера и Дж. Саланчика³, Р. Бёрта⁴ легли в основу «Теории ресурсной зависимости». Организационные исследования в рамках этого направления посвящены выработке успешной стратегии руководства, позволяющей сохранить автономность организации от поставщиков необходимых организации ресурсов либо минимизировать негативные последствия зависимости.

Проблема «зависимой личности» – серьезно разработанное направление в социальной психологии (Р. Борнштейн, А. Мемми⁵). В его рамках зависи-

¹ Cardoso F.H. Dependent Capitalist Development in Latin America // *New Left Review*, 1972. Vol. 74. P. 43-60; Кардозо Ф.Э., Фалетто Э. Зависимость и развитие Латинской Америки. Опыт социологической интерпретации. М.: ИЛА РАН, 2002; Dos Santos T. The Structure of Dependence // *American Economic Review*, 1970. Vol. 60. P. 231-236; Furtado C. The Concept of External Dependence in the Study of Underdevelopment // *Political Economy of Development and Underdevelopment* / Ed. C.K. Wilber. N.Y.: Random House, 1973.

² Thompson J.D. *Organizations in Action*. N.Y.: McGraw-Hill, 1967.

³ Pfeffer J., Salancik G.R. *The External Control of Organizations*. N.Y.: Harper and Row, 1978.

⁴ Burt R.S. *Structural Holes: The Social Structure of Competition*. Cambridge: Harvard University Press, 1992.

⁵ Bornstein R.F. *The dependent personality*. New York : Guilford Press, 1993; Memmi A. *Dependence : a sketch for a portrait of the dependent*. Boston: Beacon Press, 1984ю

мость рассматривается в качестве индивидуально-личностной характеристики человека и мало затрагивает экономическую составляющую взаимодействия зависимого и «провайдера». Объектом внимания являются, прежде всего, эмоциональные, когнитивные, мотивационные, поведенческие аспекты зависимости личности от своего ближайшего окружения.

Что касается представленности интересующей нас проблематики в социологической науке, то ни одно из ее направлений не ставило социальные аспекты экономической зависимости в центр своего рассмотрения. Различные аспекты зависимости рассматриваются в контексте других социологических проблем, но так или иначе к проблеме отношений социальной власти, за которыми стоит обмен экономическими ресурсами, обращаются многие исследователи. Для построения аналитической модели отношений социально-экономической зависимости наиболее богатый материал представлен в следующих теоретических направлениях.

Прежде всего, это работы, посвященные проблематике социальной власти (М. Вебер¹, А. Хиршман², Дж. Погги³, Р. Раммель⁴, Б. Барри⁵). Их анализ позволяет построить в нашем исследовании модель зависимости, ключевой в которой является социальное взаимодействие в условиях монополии на жизненно важные ресурсы одного из субъектов.

Сущность отношений зависимости на межличностном уровне в условиях неравноценного обмена деятельностью позволяют понять работы в рамках теории социального обмена (Дж. Хоманс, П. Блау, Р. Эмерсон⁶). Это направ-

¹ Вебер М. Типы господства // Социологические исследования, 1988. № 5.

² Hirschman A.O. Exit, Voice, and Loyalty : Responses to Decline in Firms, Organizations, and Strategies. Cambridge: Harvard University Press, 1970.

³ Poggi G. Forms of Power. Cambridge: Polity Press, 2001.

⁴ Rummel R.R. Social Power // Rummel R.R. Understanding Conflict and War. Vol. 2. Beverly Hills: Sage, 1976.

⁵ Barry B. Power: an Economic Analysis // Power and Political Theory: Some European Perspectives / Ed. B. Barry. L.: Wiley, 1976.

⁶ Homans G. Social Behaviour as Exchange // American Journal of Sociology, 1958. Vol. 62. P. 66-79; Homans G. Social Behaviour: Its Elementary Forms. N.Y.: Harcourt, Brace and World, 1961; Blau P. Exchange and Power in Social Life. N.Y.: Wiley, 1964; Emerson R.M. Power-dependence Relations // American Sociological Review, 1962. Vol. 27. P. 31-41; Emerson R.M. Social Exchange Theory // Social Psychology: Sociological Perspectives / Ed. M. Rosenberg, R.H. Turner. N.Y.: Basic Books, 1981.

ление оперирует понятиями баланса власти, асимметричности отношений и является одной из ключевых для концептуализации социально-экономической зависимости в рамках нашего исследования.

Близко к теории социального обмена в интересующем нас аспекте находится концепция «социального капитала» (П. Бурдьё¹, Дж. Коулман², В. Радаев³), в частности, благодаря идее конвертации ресурсов («капитала»). Этими авторами рассмотрен процесс взаимного превращения экономического капитала в прочие виды капитала – культурного, человеческого, социального, административного, политического, символического, физического.

Другие работы зарубежных и отечественных социологов обеспечивают эмпирический материал для анализа отношений социально-экономической зависимости как феномена сознания и поведения.

Целый пласт западной литературы посвящен проблеме «культуры бедности» и андекласса (*underclass*) – социальных слоев, живущих на общественном иждивении (О. Льюис⁴, К. Аулетта⁵, Ч. Мюррей⁶, Л. Моррис⁷). Авторы этого направления трактуют зависимые установки и поведение и как результат «щедрых» социальных программ, и как факторы, удерживающие участников этих программ на «социальном дне». К этим идеям обращаются и ряд российских исследователей, отмечая тенденции формирования российского андекласса (Н. Тихонова⁸, С. Ярошенко⁹).

¹ Bourdieu P. The Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / Ed. J.G. Richardson. N.Y.: Greenwood Press, 1986.

² Coleman J.S. Social Capital in the Creation of Human Capital // American Journal of Sociology, 1988. Vol. 94. P. 95-120; Coleman J.S., Foundations of Social Theory. Cambridge, L., 1990; Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность, 2001. № 3.

³ Радаев В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертации // Общественные науки и современность, 2003. № 2.

⁴ Lewis O. The Culture of Poverty // Poverty in America / Ed. L. Ferman and others. University of Michigan Press, 1965.

⁵ Auletta K. The Underclass. N.Y.: Random House, 1982.

⁶ Murray C. Losing Ground. L. and N.Y.: Routledge, 1992.

⁷ Morris L. Dangerous Classes: The Underclass and Social Citizenship. L. and N.Y.: Routledge, 1994.

⁸ Тихонова Н.Е. Российские безработные: штрихи к портрету // Мир России. Том VII. 1998, № 1-2.

⁹ Ярошенко С.С. Северное село в режиме социального исключения // Социологические исследования, 2004. № 7.

К проблеме экономической зависимости женщины в семье и от «Государства социального обеспечения» (*Welfare State*) обращаются многие представители социальной теории феминизма (А. Соренсен, Р. Листер, Дж. Брайнс, Н. Фрейзер и Л. Гордон, К. Доулинг¹). Эти работы содержат методику измерения и результаты эмпирических исследований экономической зависимости женщин, однако, за исключением перевода части статьи Дж. Брайнс², они практически не включены в научный оборот в российском социологическом сообществе.

Насколько нам известно, среди опубликованных результатов исследований российских социологов нет специально посвященных социально-экономической зависимости. Проблема «социального иждивенчества» достаточно часто упоминалась в работах последних 15 лет, однако в них отсутствовал научный анализ этой категории. Тем не менее, работы отечественных авторов обеспечивают нас материалом относительно феноменов, сопутствующих различным проявлениям социально-экономической зависимости в сознании и поведении.

Так, в работах отечественных исследователей представлен анализ категории власти и принуждения в системе экономических отношений (В. Радаев³), патернализма и патрон-клиентских отношений⁴. Большое количество

¹ Sorensen A., McLanahan S. Married Women's Economic Dependency, 1940-1980 // *American Journal of Sociology*, 1987. No. 3; Lister R. Women, Economic Dependency and Citizenship // *Journal of Social Policy*, 1990. Part 4; Lister R. Women's Economic Dependency and Social Security. Manchester: Equal Opportunities Commission, 1992; Lister R. Citizenship: Feminist Perspectives. 2nd ed. N.Y.: New York University Press, 2003; Brines J. Economic Dependency, Gender, and the Division of Labor at Home // *American Journal of Sociology*. 1994. No. 3; Fraser N., Gordon, L. A Genealogy of 'Dependency': Tracing a Keyword of the U.S. Welfare State // *Justice Interrupts: Critical Reflections on the 'Postsocialist' Condition* / Ed. N. Fraser. N.Y. and L.: Routledge, 1997; Dowling C. The Cinderella Complex. Women's Hidden Fear of Independence. N.Y.: Summit Books, 1981.

² Брайнс Дж. Экономическая зависимость, гендер и разделение домашнего труда // *Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики* / Отв. редактор и составитель Е.Б. Мезенцева. М.: ИСЭПН РАН-МЦГИ-«Русская панорама», 2002.

³ Радаев В.В. Рынок как идеальная модель и форма хозяйства. К новой социологии рынков // *Социологические исследования*, 2002. № 9.

⁴ Ковалев Е. Взаимосвязи типа «патрон-клиент» в российской экономике // *Неформальная экономика. Россия и мир* / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999; Левада Ю.А. Комплексы общественного мнения // *Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения*, 1997. № 1(27); Тихонова Н.Е., Шкаратан О.И. Российская социальная политика: выбор без альтернатив? // *Социологические исследования*, 2001. № 3.

работ позволяют нам сделать анализ зависимости как составляющей российской экономической культуры¹. Работы, посвященные исследованиям сдвигов массового сознания последних 15 лет, позволяют судить о том, насколько общественное мнение склонно признавать индивидуальную ответственность индивидов за свое экономическое благосостояние²; выявить специфику понимания россиянами свободы³; проследить динамику ценностей населения в трудовой сфере⁴; оценить общую тенденцию развития российского общества в направлении его «либерализации» либо «традиционализации»⁵. Особенно важными нас представляются данные исследований о взаимосвязи установок и экономического поведения респондентов, их социальной успешности и адаптированности⁶.

Материал для анализа социально-экономической зависимости наемного работника от работодателя обеспечивают результаты исследований трудовых отношений на промышленных⁷ и сельскохозяйственных¹ предприятиях.

¹ Касьянова К. О русском национальном характере. М.: Институт национальной модели экономики, 1994; Вишневецкий А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998.

² Тихонова Н.Е. Феномен городской бедности в современной России. М.: Летний сад, 2003; Муздыбаев К. Переживание бедности как социальной неудачи: атрибуция ответственности, стратегии совладания и индикаторы депривации // Социологический журнал, 2001. № 1.

³ Лапин Н.И. Власть, вседозволенность и свобода в ценностном сознании россиян // Куда идет Россия? Власть, общество, личность / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2000; Тихонова Н.Е. Личность, общность, власть в российской социокультурной модели // Общественные науки и современность, 2001; Шабанова М. Социология свободы: трансформирующееся общество. М.: МОНФ, 2000; Готлиб А.С. Смыслы и ценность свободы в контексте социальной адаптации: попытка эмпирического анализа // Вестник Самарского университета, 2002.

⁴ Магун В.С. Структура и динамика трудовых ценностей российского населения // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001.

⁵ Заславская Т.И. Социоструктурный аспект трансформации российского общества // Социологические исследования, 2001. № 8; Левада Ю. От мнений к пониманию. Социологические очерки. 1993-2000. М.: Московская школа политических исследований, 2000; Лапин Н.И. Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций // Мир России, 2000. № 3.

⁶ Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Профессионалы – портрет на фоне реформ // Социологические исследования, 2005. № 2; Козырева П.М. Некоторые тенденции адаптационных процессов в сфере труда // Социологические исследования, 2005. № 9; Тихонова Н.Е. Феномен городской бедности в современной России. М.: Летний сад, 2003; Готлиб А.С. Социально-экономическая адаптация россиян: факторы успешности и неуспешности // Социологические исследования, 2001. № 7.

⁷ Заславская Т.И., Шабанова М.А. Неправовые трудовые практики и социальные трансформации в России // Социологические исследования, 2002. № 6; Темницкий А.Л. Ориентации рабочих на патерналистские и партнерские отношения с руководством // Социологические исследования, 2004. № 6; Кабалина В.И., Сидорина Т.Ю. Предприятие-город: трансформация социальной инфраструктуры в период реформ // Мир России. Том VII. 1999, № ½; Клеман К. Формальные и неформальные правила: каков оптимум? // Становление трудовых отношений в постсоветской России / Под ред. Дж. Де Барделебен, С. Климовой, В. Ядова. М.: Академический проект, 2004.

Что касается анализа установок и отношений социально-экономической зависимости в приватной сфере, то эта часть работы опирается преимущественно на теоретические и эмпирические работы зарубежных исследователей. В отличие от западной социологии, в российской относительно редки исследования проблематики внутрисемейной власти или распределения экономических ресурсов; в качестве таковых отметим работы Н. Тихоновой и М. Малышевой². Имеющиеся в отечественных публикациях данные такого типа опираются, как правило, на теоретические положения и эмпирический материал зарубежных исследователей³.

Итак, можно констатировать, что экономическая зависимость как самостоятельный предмет исследования в настоящее время представлена на макроуровне в работах экономистов и на уровне межличностных взаимодействий в социальной психологии. Настоящее исследование представляет собой попытку *социологического изучения* отношений экономической зависимости, зависимых установок и поведения. При этом мы опираемся на обширный теоретический и эмпирический материал российских и зарубежных исследований, обеспечивающий содержательное наполнение предложенной нами аналитической модели социально-экономической зависимости.

Объектом исследования в диссертационной работе является массовое сознание и экономическое поведение трудоспособного населения России.

Предметом исследования является социально-экономическая зависимость как феномен массового сознания, модель экономического поведения и

¹ Никулин А.М. Кубанский колхоз – в холдинг или асьенду? // Социологические исследования, 2002. № 1; Родионова Г.А. Современное сельскохозяйственное предприятие и стратегии выживания сельских сообществ: симбиоз величин и функций // Неформальная экономика. Россия и мир. М.: Логос, 1999.

² Тихонова Н.Е. Феномен городской бедности в современной России. М.: Летний сад, 2003. Малышева М.М. Современный патриархат. Социально-экономическое эссе. М.: Academia, 2001..

³ Гендерные проблемы и развитие. Стимулирование развития через гендерное равенство в правах, в доступности ресурсов и возможности выражать свои интересы : Научный доклад о политике Всемирного банка. М.: «Весь Мир», 2002; Калабихина И. Теоретические направления гендерного анализа домохозяйства и некоторые вопросы социальной политики // Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики / Отв. ред. и сост. Е.Б. Мезенцева. М.: ИСЭПН РАН – МЦГИ – «Русская панорама», 2002.

отношений в условиях монополии на ресурсы одного из субъектов.

Цель исследования состоит в комплексном изучении социально-экономической зависимости трудоспособного населения как социального феномена в условиях индивидуализации жизни современного общества.

Поставленная цель определяет **основные задачи исследования**:

1. Обзор и анализ существующих теоретических подходов к исследованию различных аспектов отношений зависимости в социальных науках.
2. Анализ социально-экономической зависимости как социологической категории с построением интегральной модели отношений Зависимого и Провайдера.
3. Социально-исторический анализ специфики российской и западной экономической культуры с точки зрения поощрения самостоятельных либо зависимых установок и поведения.
4. Выяснение степени преемственности зависимости как черты национальной экономической культуры дореволюционной, советской и современной России.
5. Описание социальных групп, чьи установки и поведение можно характеризовать как (не)зависимые.
6. Выяснение взаимосвязи установок на социально-экономическую зависимость и уровня адаптированности людей.
7. Анализ отношений социально-экономической зависимости в трех сферах: от работодателя, от государства, в домохозяйстве.

Методология исследования

В качестве *методологической основы* диссертационного исследования используется теория структуризации Э. Гидденса¹. Являясь компромиссом между методологическим индивидуализмом и социоцентризмом, активистская

¹ Giddens A. The constitution of society: Outline of the theory of structuration. Cambridge: Polity Press, 1984.

социология сводит воедино индивидуальное действие и структуру и позволяет наиболее адекватно анализировать динамику как индивидуальных ценностей, установок и поведения, так и социальных институтов и процессов.

Выбор *теоретической основы* исследования определяется принципом политеоретичности¹. В связи с заявленной целью комплексного изучения феномена социально-экономической зависимости этот принцип представляется нам наиболее продуктивным. Обоснованность стратегии множественного объяснения изучаемого феномена, стремление к получению его «объемной» картины заключается в уже отмеченной нами степени разработанности исследовательской проблемы. Не являясь предметом специального социологического изучения, проблематика зависимости присутствует в целом ряде теоретических направлений, и нашей задачей является сведение воедино разных теоретических парадигм для построения интегральной модели отношений социально-экономической зависимости. В частности, мы опираемся на следующие теоретические традиции:

- экономико-философская концепция либерализма (Ф. Хайек, Л. Мизес);
- концепции социокультурной укорененности экономического действия (А. Инкелес, П. Димаджио, П. Сорокин, Г. Хофшted);
- теория социального обмена (Дж. Хоманс, П. Блау, Р. Эмерсон);
- теории «зависимой личности» (Р. Борнштейн, А. Мемми)
- концепции «культуры бедности» и «андекласса» (О. Льюис, К. Аулетта);
- социальная теория феминизма (Р. Листер, А. Соренсен, К. Доулинг).

Эмпирические методы исследования представлены сочетанием «количественных» и «качественных» методов. Сбор количественных данных осуществлялся путем массовых анкетных опросов. Их обработка и анализ осу-

¹ См.: Ядов В.А. Два рассуждения о теоретических предпочтениях // Социологический журнал, 1995. № 2; Ядов В.А. Возможности совмещения теоретических парадигм в социологии // Социологический журнал, 2003. № 3.

ществлялись с применением пакета программ SPSS+. Методы анализа включали:

- описательную (дескриптивную) статистику;
- поиск взаимосвязей между переменными (условные распределения);
- корреляционный анализ;
- анализ внутренней структуры феномена зависимости методами анализа надежности и факторного анализа (поиска взаимосвязей множества переменных);
- кластерный анализ – многомерную типологизацию населения по стратегиям жизнеобеспечения, ориентациям на поиск внешней поддержки либо опоры на собственные силы, приверженности ценностям независимости.

«Качественные» методы исследования основаны на результатах углубленных интервью. Их анализ основан на интерпретативной социологической традиции и включает генерализацию и типизацию, выявление каузальных связей, нарративный анализ.

Эмпирическая база исследования

Основой эмпирической базы диссертационного исследования являются результаты индивидуального исследовательского проекта «Социально-экономическая зависимость женщин», осуществленного при финансовой поддержке Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров (грант № 03-77876-000-GSS). Эмпирическое исследование опиралось на два типа данных. В октябре-ноябре 2003 г. был проведен массовый репрезентативный опрос населения г. Нижнего Новгорода методом личного стандартизованного интервью. Выборка включала 878 жителей города трудоспособных возрастов (женщины 18-54 лет и мужчины 18-59 лет), попавших в нее методом случайного отбора по месту жительства. Женщины составили 432 человека (49% выборки), мужчи-

ны – 446 (51%). Выборка репрезентирует жителей города указанных возрастов по полу и возрасту. В мае-июне 2004 г. были проведены углубленные интервью с женщинами, набравшими наивысшие значения индексов зависимости от государства; работодателей; от членов своих семей. Всего по трем группам было проведено 32 углубленных интервью.

Кроме этого, в настоящем исследовании использованы эмпирические результаты более ранних проектов с участием автора:

«Совладающее поведение в посткоммунистической России: экономические и социальные стратегии андекласса», выполненного при поддержке Института «Открытое Общество» (проект № 153 /1998) коллективом в составе В.В. Радаева (руководитель), Е.С. Балабановой, М.Г. Бурлуцкой, А.Н. Демина, О.Е. Кузиной, Л.Е. Петровой. Исследование включало проведение двух серий углубленных интервью по 100 чел. и массовый анкетный опрос в мае-июне 1999 г. (806 чел.) среди трех групп респондентов – вынужденных мигрантов, безработных и «работающих бедных». Исследование проводилось в гг. Москве, Нижнем Новгороде, Екатеринбурге, Краснодаре.

«Социально-экономическая зависимость женщин», проведенное при финансовой поддержке Московского общественного научного фонда (МОНФ). В феврале-марте 1999 г. автором проведено 28 интервью в 4 группах женщин: неработающие замужние женщины; «работающие матери», чей доход в семейном бюджете составлял 10% и менее; спонсируемые женщины; одинокие матери, находящиеся на содержании родственников и на государственных пособиях.

«Социально-экономическая зависимость и социальный паразитизм как формы адаптации» (при финансовой поддержке МОНФ). 1998 г. Опрошено 365 чел. по целевой выборке в Нижнем Новгороде.

«Социально-экономическая зависимость как феномен массового сознания» (при финансовой поддержке МОНФ). 1997 г. Опрошено 567 чел. по целевой выборке в Нижнем Новгороде.

«Модернизация пищеперерабатывающей промышленности посредством взаимного трансфера технологий между ЕС, Литвой и Россией», финансируемого Европейской Комиссией (Программа Инко-Коперникус). Н. рук. А.О. Грудзинский. В сентябре-октябре 1999 г. опрошены руководители 216 предприятий Нижегородской области, в 2000 г. проведены case-study на 3 предприятиях.

«Эффективный собственник в сельском хозяйстве». Н. рук. А.О. Грудзинский. В феврале-марте 2003 года был проведен опрос руководителей 317 сельскохозяйственных предприятий 18 районов Нижегородской области.

Научная новизна исследования

В диссертации предлагается решение новой научной проблемы, имеющей важное социально-культурное значение – комплексное теоретическое и эмпирическое исследование феномена социально-экономической зависимости трудоспособных граждан. Новыми научными результатами диссертационного исследования являются:

1. Построение теоретической 5-компонентной модели для социологического анализа феномена социально-экономической зависимости, базирующейся на синтезе философского, экономического, социологического и психологического подходов к его изучению.
2. Обоснование вывода об исторически сложившемся противоположном отношении к экономической зависимости трудоспособных людей в западной и российской культурах.
3. Обоснование связи «зависимых» установок с трудностями социально-экономической адаптации трудоспособного населения.
4. Классификация факторов социально-экономической зависимости граждан от государства, в сфере трудовых и семейных отношений.
5. Создание социального портрета групп трудоспособных граждан, экономически зависимых от государства; работодателя; от членов семьи.

6. Интерпретация отношений между провайдерами – работодателями и кормильцами в домохозяйствах – и зависимыми работниками и членами семей как отношений власти.
7. Обоснование вывода о неэффективности отношений зависимости с точки зрения нашего понимания «успешной адаптации».
8. Обоснование вывода о самовоспроизводящемся и кумулятивном характере отношений социально-экономической зависимости.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Основными компонентами отношений социально-экономической зависимости как в публичной, так и в приватной сферах являются следующие: 1) Потребность Зависимого в ресурсах жизнеобеспечения; 2) Монополия Провайдера на необходимые Зависимому ресурсы; 3) Заменяемость Зависимого для Провайдера; 4) Властные преимущества Провайдера; 5) Воспроизводящийся и кумулятивный характер отношений зависимости.
2. Проведенное историко-социологическое исследование показало исторически сложившееся противоположное отношение к экономической зависимости трудоспособных людей в западной и российской культурах. В западном обществе ценности экономической самостоятельности были оплотом экономического процветания наций, а экономическая зависимость трудоспособных людей исторически связывалась с понятием «неприличной бедности». Идеология предоставления государственной помощи малоимущим за последние полтора столетия прошла этапы «укрощения опасных классов», «утверждения социальных прав» и в настоящее время вернулась к пониманию неприемлемости зависимости трудоспособного человека от общественного вспомоществования. Что касается российской экономической культуры, то социально-экономическая зависимость является одной из ее характерных черт.

Она была сформирована в условиях многовековых ограничений экономической свободы со стороны государства и крестьянской общины. На всем протяжении истории России отношения социально-экономической зависимости и соответствующие культурные нормы были неэффективными и тормозили социально-экономическое развитие страны.

3. Показана связь «зависимых» установок с трудностями социально-экономической адаптации трудоспособного населения. Социально-политические установки массового сознания значительно больше тяготеют к консервативно-патерналистской модели, нежели к либерально-рыночной. Установки на зависимость в экономическом поведении – атрибут дезадаптированных групп, следствие и фактор дальнейшего углубления их экономической депривации.
4. Социально-экономическая зависимость от государства, в сфере трудовых и семейных отношений определяется четырьмя группами факторов: структурные ограничения экономического поведения; низкая ресурсная обеспеченность зависимых; существующий у них комплекс «зависимой личности»; зависимость как нормативная ценность.
5. Группы трудоспособного российского населения с высокими индексами зависимости от государства и работодателя в значительной степени перекрываются: это низкоресурсные «работающие бедные» со средним образованием, среди которых преобладают рабочие и женщины. В случае зависимости от государства ведущим фактором оказались низкие доходы, зависимости от работодателя – предпенсионный возраст. Зависимые в домохозяйстве на две трети представлены женщинами, на треть – мужчинами. Женская экономическая зависимость в домохозяйстве в большей степени связана с состоянием в браке, статусом домохозяйки или пребыванием в отпуске по уходу за ребенком. Мужская – с нестабильной занятостью и низкими личными доходами.

6. В ситуации экономической зависимости в сфере трудовых и семейных отношений возникают отношения власти, в которых Провайдер обеспечивает себе возможность контроля поведения и сознания зависимых. Контроль поведения проявляется в ограничении мобильности Зависимого, установлении выгодных Провайдеру условий взаимодействия и распределения ресурсов. Контроль над сознанием заключается в целенаправленном формировании у Зависимого комплекса «зависимой личности» и моральных обязательств перед Провайдером.
7. Отношения зависимости являются неэффективными с точки зрения нашего понимания «успешной адаптации». Они обуславливают: 1) ущемление прав и свобод Зависимого; 2) его повышенную экономическую уязвимость и низкий адаптивный потенциал. Провайдер также несет издержки неэффективности таких отношений. В случае с работодателем к ним относится негативный отбор работников; в семье наличие экономически зависимых взрослых обуславливает относительное социально-психологическое неблагополучие и экономическую уязвимость домохозяйства.
8. Кумулятивный характер отношений зависимости обусловлен тем, что, контролируя поведение Зависимого, Провайдер закрепляет депривацию Зависимого от важных для него ресурсов. Контроль над сознанием обеспечивает лояльность Зависимого, его управляемость, снижение притязаний, готовность поддерживать отношения зависимости. Отношения зависимости в публичной и приватной сферах образуют «порочный круг» гендерного экономического неравенства.

Научная и практическая значимость результатов исследования

Основная *научная значимость* исследования заключается в разработке аналитической модели отношений социально-экономической зависимости. Продемонстрированы возможности этой модели при анализе эмпирического

материала. Проведено комплексное исследование феномена социально-экономической зависимости – типа взаимодействия социальных акторов в условиях монополии одного из них на жизненно важные ресурсы; феномена сознания; стратегии экономического поведения. В работе систематизированы результаты исследований зарубежных авторов, до настоящего времени не введенных в научный оборот в российском социологическом сообществе. Прежде всего это работы, посвященные проблематике социальной власти, «культуры бедности», распределения власти и ресурсов в домохозяйстве.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в анализе результатов государственных программ поддержки малоимущих в странах с развитой рыночной экономикой в плане предотвращения формирования «государственно-зависимого» слоя трудоспособных людей.

Обширный материал, представленный в диссертационной работе, может быть использован в преподавательской деятельности по специальностям «социология» и «социальная работа» – как в качестве основы специального курса по проблеме социально-экономической зависимости, так и составной части различных учебных курсов, таких как социология власти, экономическая социология, социология общественного мнения, гендерная социология, историческая социология, социология труда.

Подтверждением научной и практической значимости диссертационной работы являются полученные автором индивидуальные гранты российских и международных научных фондов, поддержавших настоящее исследование на разных его этапах и разработку учебных материалов на его основе. В их числе:

Московский общественный научный фонд при содействии Фонда Форда (США)

- 3 индивидуальных исследовательских проекта в рамках программы поддержки молодых ученых «Российские общественные науки: Новая перспектива» (1996-1999 гг.).

Институт Открытое общество (Фонд Содействие)

- Стажировка в Центрально-Европейском Университете (Будапешт) в рамках Программы “Women Studies Fellowships” (1999 г.)

ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование), Москва

- Грант на индивидуальное исследование «Социально-экономическая зависимость населения России в период реформ», грант (2002 г.)

Национальный Совет по евразийским и восточноевропейским исследованиям США (NCEEER)

- Стажировка в Университете Виллановы (США) для проведения исследования «Социально-экономическая зависимость» (2002 г.)

Фонд К. и Дж. Макартуров, Программа индивидуальных исследовательских проектов

- Грант на индивидуальное исследование «Социально-экономическая зависимость женщин», грант № 03-77876-000-GSS (2003-2004 гг.)

Программа индивидуальных грантов Европейской Комиссии TEMPUS

- Индивидуальный грант на разработку спецкурса «Социально-экономическая зависимость: феномен сознания и стратегия экономического поведения» (2004 г.).

Апробация результатов исследования

Основные результаты диссертационного исследования были изложены на международных и российских конференциях и семинарах, летних школах. В их числе: Всероссийские социологические конгрессы «Социология и общество» (С.-Петербург, 2000 г.) и «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы» (Москва, 2003); Симпозиумы Московской высшей школы социальных и экономических наук и Интерцентра «Куда идет Россия? Власть, общество, личность» (2000), «Кто и куда стремится вести Россию? Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного

трансформационного процесса» (2001), «Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики» (2002); конференции «Государственное регулирование экономики. Региональный аспект» (Н. Новгород, 1999, 2001, 2003 гг.), «Социальная политика социального государства» (Н. Новгород, 2002 г.), «Прикладная статистика в социально-экономических проблемах» (Н. Новгород, 2003 г.), «Малая социальная группа: социокультурный и социопсихологический аспекты» (Н. Новгород, 2004 г.), «Организация в фокусе социологических исследований» (Н. Новгород, 2005 г.), «Женщины России на рубеже XX-XXI веков» (Иваново, 1998 г.), межрегиональные семинары «Маргинальность в современной России» (Москва – Н. Новгород, 2000 г.), «Социологические исследования в социальной работе» (Н. Новгород, 2001 г.); Виртуальная мастерская Московского общественного научного фонда «Поиск эффективных институтов для России XXI века» (2000 г.).

На основе результатов диссертационного исследования разработаны и опубликованы спецкурсы для студентов факультета социальных наук Нижегородского госуниверситета, обучающихся по специальностям «социология» и «социальная работа»: «Теория социальной работы», «Феминология», «История социальной работы в России», «Институциональная экономика для социологов», «Вынужденная миграция: проблемы и решения», «Социально-экономическая зависимость как феномен массового сознания и стратегия экономического поведения». Разработка Интернет-программы последнего спецкурса была поддержана Образовательным порталом Высшей школы экономики «Экономика. Социология. Менеджмент»; программа курса доступна на Портале по адресу <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/128018.html> .

Структура диссертации

Диссертация состоит из настоящего Введения, четырех глав, Заключение и списка литературы.

Первая глава – «Социально-экономическая зависимость как предмет социологического исследования» – посвящена разработке аналитической модели феномена социально-экономической зависимости. В первой части главы делается обзор релевантных социологических, экономических и психологических концепций, на основе которых выделяются ключевые компоненты отношений зависимости и во второй части главы предлагается интегральная 5-компонентная модель для социологического анализа феномена социально-экономической зависимости.

Во второй главе – «Социально-экономическая зависимость в западном обществе» – анализируются основные отличия западной культурной традиции отношения к экономической зависимости в контексте вопросов общественного вспомоществования малоимущим и степени экономической свободы, которую должно гарантировать своим гражданам государство. Рассматриваются исторические условия, способствовавшие «либеральному» пониманию свободы и формированию этики индивидуальной ответственности за экономическое благосостояние. Опираясь на предложенную в предыдущей главе модель социально-экономической зависимости, автор анализирует генезис, современные проявления и последствия экономической зависимости от государства «андекласса» – социального слоя трудоспособных граждан, длительное время или постоянно живущих на общественном иждивении.

Третья глава – «Социально-экономическая зависимость в российской экономической культуре» – представляет анализ исторически сложившихся в России национальных политических, экономических, социальных институтов, обуславливающих массовое распространение зависимых установок и стратегий экономического поведения. Автор выделяет исторически существовавшие структурные ограничители экономической свободы в дореволюционной и советской России, которые сформировали, в отличие от западной культуры, «антилиберальное» понимание свободы. Утверждается, что эти ограничения в лице крестьянской общины и экспансионистского государства

способствовали формированию «зависимого» национального характера и зависимости как нормативной культурной ценности.

Четвертая глава – «Социально-экономическая зависимость в современной России» – посвящена комплексному анализу зависимости как феномена массового сознания и как типа отношений низко- и высокоресурсных акторов в условиях монополии последних на ресурсы.

Соответственно, *первый параграф* главы представляет анализ зависимости как нормативной ценности массового сознания и комплекса характеристик «модальной зависимой личности». Выясняется степень преемственности «зависимой» православной и коммунистической экономической культуры в современной России. Приводятся результаты исследований восприятия идеи свободы россиянами, выясняется степень доверия россиян к архаическим социальным институтам. Особое внимание заострено на выяснении взаимосвязи (не)зависимых установок и успешности социально-экономической адаптации респондентов.

Во втором параграфе главы рассматриваются тенденции сохранения преемственности традиции поддержания экономической зависимости граждан от государства путем 1) структурных ограничений экономической свободы; 2) сохранения «патерналистского» характера социальной политики. Анализируются тенденции «либерализации» отношений граждан и государства, дается социальный портрет «государственно-зависимых» групп населения.

Третий параграф главы представляет анализ отношений социально-экономической зависимости в сфере трудовых отношений. Субъектами этих отношений выступают наемные работники и работодатели. В соответствии с предложенной в главе 1 моделью рассмотрены факторы возникновения и поддержания зависимости от работодателя и возникающие при этом властные преимущества Провайдера-работодателя.

В четвертом параграфе главы рассмотрены отношения социально-экономической зависимости в частной сфере, субъектами которых высту-

пают «кормильцы» и члены семьи, не имеющие самостоятельного дохода. Приводятся оценки масштабов зависимости в домохозяйствах; дается социальный портрет зависимых; рассмотрены структурные, культурные и индивидуально-личностные факторы экономической зависимости в домохозяйстве. Обсуждаются условия возникновения властных преимуществ провайдеров в отношении экономически зависимых членов семьи.

В *Заключении* изложены основные результаты диссертационного исследования.

Публикации по теме диссертации

Результаты диссертационного исследования опубликованы в 45 научных публикациях, в том числе одной монографии объемом 17,9 а.л., 44 статьях и текстах докладов на конференциях общим объемом около 50 а.л. В их числе 17 статей, опубликованных в изданиях, рекомендованных ВАК для публикации научных результатов диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора наук.

ГЛАВА I СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЗАВИСИМОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Проблематика социально-экономической зависимости в различных теоретических концепциях

Несмотря на то, что социально-экономическая зависимость на уровне больших и малых социальных групп до сих пор не становилась предметом специального социологического изучения, тематика свободы и подчинения, взаимодействия высоко- и низкоресурсных субъектов, проявления различных форм социальной власти, подвергаются осмыслению в различных теоретических концепциях. Обзор существующих подходов к исследованию зависимости помог нам выработать интегрирующую теоретическую модель социально-экономической зависимости на основе соединения различных парадигм.

1.1.1. Социолого-экономическая концепция либерализма: свобода как альтернатива зависимости

Значение социолого-экономической концепции либерализма для изучения заявленной темы заключается, прежде всего, в самой постановке проблемы зависимости. Либеральная традиция, постулирующая личность как высшего обладателя политических, экономических и культурных прав, приоритетность индивидуальных прав над групповыми – положена в основу концептуального подхода настоящей диссертационной работы.

Из либеральной традиции нами взято понимание свободы, являющейся противоположностью зависимости. Как известно, существует множество взаимоисключающих трактовок свободы и соответствующих им идеологических воззрений, которые мы можем разделить на три большие группы: «анархический», «социалистический» и «либеральный».

Анархический подход: свобода как «вольность». Это понимание свободы предполагает неподконтрольность индивида в реализации своих желаний и инстинктов – возможность «делать все, что хочется». Такая свобода носит неправовой, разрушительный характер и не предполагает ответственности ее субъектов. Поэтому, с точки зрения сторонников либерального подхода, обеспечить наибольшую возможность истинной свободы для всех можно достичь, только одинаково ограничив свободу всех с помощью единых абстрактных правил, подчинением универсальным нормам рационального поведения, кодифицированным в формальных законах. По определению Л. Мизеса, свобода означает, что «ты зависишь от свободы действий других людей не больше, чем другие зависят от твоей свободы действий»¹. Понимание людьми границ и возможностей индивидуальной свободы является ядром правового сознания и описывается известным афоризмом «моя свобода кончается там, где начинается свобода другого человека».

Социалистический подход: свобода как «материальная обеспеченность». В течение всего XX столетия он был влиятельной альтернативой либеральному пониманию свободы и представляет собой «потребительское» понимание свободы как «социальных прав», «материальной обеспеченности» – наличия внешних по отношению к индивиду возможностей пользования важными для него благами, гарантированных возможностей потребления, которые общество должно ему обеспечить.

«Потребительское» понимание свободы представляет собой распространение принципа фундаментальных «прав» с политической на экономическую сферу² и исходит из приоритетности гарантированных индивиду материальных благ перед гражданскими правами и свободами. В сущности, это традиционалистский подход, исходящий из приоритетности группового над индивидуальным: существует некое универсальное понимание «общего блага»,

¹ Мизес Л. Либерализм. М.: Экономика, 2001. С. 210.

² Rand A. Capitalism: The Unknown Ideal. N.Y.: New American Library, 1966. P. 200.

жестко задающее индивидам рамки социальной деятельности, но при этом обеспечивающее им основания для чувства стабильности и защищенности.

Тем самым изначально возникшее либеральное понимание прав и свобод граждан как «защиты от» (посягательств на жизнь и имущество, религиозных и политических преследований, цензуры) трансформировалось в «притязания на» (гарантированный доход, жилище, медицинское обслуживание). Если осуществление прав-свобод целиком зависит от собственных ресурсов субъектов свободы, то реализация прав-гарантий – от создаваемых извне возможностей, для чего необходимы перераспределительные институты – всеобщее социальное обеспечение, уравнивающее распределение социальных благ, пресечение имущественного расслоения. Права-свободы носят универсальный, общечеловеческий характер, в то время как права-гарантии являются «особыми», или «классовыми», правами, которые одни социальные группы утверждают за счет других.

Либеральная критика такого понимания свободы основана на том, что свобода вовсе *не* предполагает права на обеспечение и материальную помощь со стороны государства, ибо это ущемляет права тех, кто должен будет оплачивать такие «свободы». Понимаемые таким образом «права» являются по сути не правами, но *привилегиями*, которые всегда обеспечиваются одним индивидам *за счет других*¹. Популярный политический лозунг «свободы от нужды» на самом деле означает не свободу, а право на получение за счет общества необходимых средств существования, «то есть право на нечто, тебе не принадлежащее»².

Либеральные теоретики вовсе не отрицают необходимости «относительной защищенности» – определенного минимума в еде, жилье и одежде, достаточного для сохранения здоровья и работоспособности людей. Однако они отказываются рассматривать такую защищенность как «право». Скорее,

¹ Пайпс Р. Собственность и свобода. М.: Московская школа политических исследований, 2000. С. 16.

² Там же. С. 314.

это инструмент укрощения «опасных классов», то есть меньшее зло по сравнению с высоким уровнем социальной напряженности, порождаемой экономическим неравенством.

«Благо» не может являться синонимом свободы еще и потому, что потребности, лежащие в основе такого ее понимания, не имеют четкого универсального определения: они по своему характеру безграничны и имеют свойство возрастать по мере их удовлетворения. Это приводит к тому, что право на определение критериев «общего блага» или «достойной жизни» делегируется государственной бюрократии. Возникает замкнутый круг: по мере роста объема социальных и экономических гарантий требуются все более эффективные механизмы перераспределения. Для этого «защищающее» государство должно усиливать свою власть, то есть расширить свои функции с гарантий соблюдения закона и сохранности жизни и имущества граждан на экономическую и идеологическую сферу, вырабатывая: 1) механизмы своего вмешательства в экономику, позволяющие контролировать доходы экономических субъектов и изымать существенную их часть, а также ограничивать свободу распоряжения своими способностями и собственностью; 2) идеологию оправдания такого вмешательства, для чего создаются идеологемы «социальной справедливости», «войны с бедностью», «патриотизма». Все это – не что иное, как ограничение свободы наиболее активной и мобильной части общества ради обеспечения гарантий менее способным и активным, подчинение индивидуальных прав групповым.

Таким образом, ценности социальной защищенности и равенства, с одной стороны, и свободы, с другой, несовместимы: социальные гарантии одним неизбежно ведут к подавлению свобод других¹. Хайек указывает, что «создание для всех людей гарантий стабильности их доходов возможно лишь при уничтожении свободы выбора жизненного поприща... такого рода безо-

¹ Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: Новости, 1992; Хайек Ф.А. Индивидуализм: истинный и ложный // Ф.А. Хайек. Индивидуализм и экономический порядок. М.: Изограф, 2000. С. 41.

пасность неизбежно сопряжена с потерей свободы и с иерархическими отношениями армейского типа. Это безопасность казарм и барачков»¹. «Как только мы отказываемся от принципа невмешательства государства в жизнь индивида, мы в конце концов приходим к тому, что начинаем регулировать ее в мельчайших деталях. Индивид становится рабом общества, обязанным повиноваться диктату большинства», - писал Л. Мизес².

Подавление же индивидуальных прав и свобод, согласно подходам либерализма, снижает возможности гармоничного развития личности и ведет к общей экономической неэффективности общества, а значит, не позволяет достичь экономического процветания. Во-первых, любые дарованные блага развращают людей, нанося урон трудовой этике. Требования «защищенности», по Хайеку, есть требование «справедливого» вознаграждения, то есть «вознаграждения, соотнесенного с субъективными достоинствами человека, а не с объективными результатами его труда». Во-вторых, активная экономическая роль государства наносит вред механизму свободной конкуренции, приводя к подавлению единственно эффективного механизма распределения ресурсов – рынка³.

Либеральный подход: свобода как «самостоятельность». Как следует из вышеприведенной критики анархического и социалистического понимания свободы, либеральная традиция постулирует свободу как *независимость и самостоятельность*, означающая способность индивида действовать автономно. Либеральное понимание свободы, которое мы используем в настоящей работе, определяется как *наличие альтернатив и ответственность индивида за их выбор*. Факторами, определяющими наличие и количество у индивида альтернатив своих действий, являются: 1) внешние – принцип нарушения прав и свобод других индивидов и те ограничения, которые налагает общество на индивидуальную свободу; 2) внутренние – собственные ре-

¹ Хайек Ф.А. Дорога к рабству. М.: Экономика, 1992. Гл. IX.

² Мизес Л. Указ. соч. С. 56.

³ Хайек Ф.А. Дорога к рабству. Гл. IX.

сурсы субъекта свободы.

В отличие от «потребительского» понимания свободы в социалистической традиции, либеральный подход акцентирует «деятельностную» сторону свободы. Важнейший аспект свободы – это возможность обеспечения индивидуального благосостояния через индивидуальный выбор, свобода экономической деятельности, которая может быть предложена обществу для обмена на материальные или духовные блага. Понимаемая таким образом свобода первична по отношению к благам, является предпосылкой их получения. В либеральной концепции свободы присутствует категория ответственности, поскольку свобода как возможность выбирать заключается в том, что индивиду достаются как все дивиденды, так и все издержки его действий.

Таким образом, из трех пониманий свободы – «анархического», «социалистического» и «либерального» – нами для дальнейших концептуальных построений исследования взято либеральное понимание свободы как наличие альтернатив для индивидуальных действий и индивидуальной ответственности за выбор этих альтернатив. Это «деятельностное» понимание свободы акцентирует внимание на индивидуальных ресурсах и институциональных «правилах игры», определяющих количество доступных индивиду альтернатив своих действий.

1.1.2. Гуманистический подход: свобода и ответственность как нравственный выбор личности

Подход, который мы условно назовем «гуманистическим», ставит во главу угла нравственный выбор человека в пользу свободы либо зависимости, и мы рассмотрим его на примере произведений Ф.М. Достоевского и Э. Фромма. В их произведениях мы находим обращение к дилемме «Свобода-независимость или Свобода-благо». Оба автора рассмотрели проблему: почему, при каких условиях люди добровольно отказываются от своей свободы и связанной с нею ответственности, обменивая ее на защищенность.

В романе «Братья Карамазовы» Ф. Достоевский вкладывает в уста Великого Инквизитора презрение к человечеству под видом «социальной» любви к нему, заключающейся в том, чтобы побороть свободу «для того, чтобы сделать людей счастливыми». «Слабому, вечно порочному и вечно неблагодарному людского племени» не нужна свобода, оно боится тяжкого бремени ответственности: «нет у человека заботы мучительнее, как найти того, кому бы передать поскорее тот дар свободы, с которым это несчастное существо рождается». Достоевский в художественной форме полемизирует с идеей социалистов о первичности материальных потребностей людей, о нищете как первоисточнике всех зол, о «хлебе всем, и поровну». По словам Великого Инквизитора, хлеб небесный не может сравниться в глазах людей с хлебом земным: «они принесут свою свободу к ногам нашим и скажут нам: "Лучше поработите нас, но накормите нас"»¹.

Задолго до появления трудов классиков либерализма XX столетия и современных теорий социальной власти Достоевский обнаружил несовместимость свободы, равенства и защищенности («свобода и хлеб земной вдоволь для всякого вместе немислимы...») и важнейшее следствие делегирования ответственности: обретение власти тем, кому эта ответственность передана. Это почва для проявления деспотизма и насилия под маской «заботы». В этом случае работает механизм «приручения», и ограничение индивидуальной свободы оправдывается ответственностью за «прирученных». «Обрати [камни] в хлебы, и за Тобой побежит человечество как стадо, благодарное и послушное, хотя и вечно трепещущее, что Ты отымешь руку Свою и прекратятся им хлебы Твои». В свою очередь, «прирученные», теряя абстрактные права и свободы, получают взамен осязаемые блага – осмысленность своего бытия, комфорт безответственности, стабильность и небольшой, но гарантированный кусок хлеба: люди будут «уверены более чем когда-нибудь, что

¹ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30-ти т. Т. 14. С. 229-240.

свободны вполне»... и «будут нам покоряться с весельем и радостью»¹. Созданные «структуры приручения» постепенно становятся принудительными и навязываются даже не желающим быть «прирученными».

Вслед за Достоевским к проблеме ответственности как нравственного выбора обращается Э. Фромм в широко известной книге «Бегство от свободы». Пафос этой работы заключается в утверждении, что зависимость в обмен на стабильность – это выбор деиндивидуализированной, безликой массы людей, для которых свобода, неразрывно связанная с ответственностью, – это тяжкое бремя. Надо быть достойным свободы, надо уметь ею воспользоваться: «понятие свободы меняется в зависимости от степени осознания человеком себя самого как независимого и отдельного существа»².

Апеллируя к интеллектуальному авторитету Достоевского, Фромм проводит анализ причин, по которым для людей ценность стабильности оказывается выше ценности свободы. Он оперирует понятием «первичных уз», относя к ним принадлежность к церкви, семье, общине и профессиональным цехам в средневековом обществе. Эти «первичные узы» дают человеку чувство надежности, но при этом предполагают отсутствие индивидуальности; жестко программируют его жизнь, задают не подлежащие обсуждению моральные стандарты и модели поведения.

Однако развитие западных обществ в последние несколько столетий, переход от традиционного общества к современному шли по пути увеличения индивидуализации человеческой жизни, то есть ослабления влияния «первичных уз». Наряду с развитием и раскрытием творческого потенциала, формированием активной, критической и ответственной личности, следствием ослабления «первичных уз» становится растущее одиночество и неопределенность человеческой жизни. «Индивид стал одиноким; все теперь зависело не от гарантий его социального статуса, а от его собственных уси-

¹ Там же.

² Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1989. С. 30.

лий». Таким образом, Фромм вскрывает противоречие современного развития: при все большем освобождении от сил внешних, люди оказываются под бременем собственных внутренних страхов и преград. От негативных проявлений индивидуализации страдают, прежде всего, слабые, не способные позитивно реализоваться, личности. Именно для них свобода оказывается невыносимым бременем¹, избавиться от которого можно, лишь подчинив себя другому. Их ответом на возросшую непредсказуемость общества становится поиск «вторичных уз», или того самого «Великого Инквизитора», который бы вернул им стабильность и взял у них не нужную им свободу. С поиском таких «вторичных уз» Фромм связывает возможность возникновения тоталитарных режимов – коммунизма и фашизма. И тот, и другой дают человеку гарантированный минимум материальных благ, освобождают его от необходимости думать и заботиться о себе. Как видим, и Достоевский, и Фромм связывают выбор свободы или стабильности не только с индивидуальным выбором, но и с типом государства, которое либо поощряет независимость людей, либо обеспечивает все их жизненно важные потребности, оставляя в обмен за собой право тотально контролировать их жизнь.

1.1.3. Макроэкономическая теория зависимости: развитые страны и Третий мир

Одна из широко известных макроэкономических теорий получила свое название «Теория зависимости» (*Dependency theory*). Ее центральная тема – неравное распределение власти и влияния в глобальной системе мировой экономики, неравные и асимметричные взаимодействия между богатыми и бедными нациями. Начиная со второй половины 1960-х гг. она становится основной теоретической парадигмой анализа путей развития стран мировой периферии. Наиболее значительными в этом плане оказались труды Ф. Кар-

¹ Там же. С. 59, 40.

дозо¹, Т. Дос Сантоса²; впоследствии их идеи были подхвачены теорией глобализации и стали влиятельными среди социологов³.

Предметом рассмотрения в рамках этой теории является самый масштабный уровень зависимости – одних государств от других в экономико-политической сфере. Под зависимостью понимается ситуация, в которой экономика страны обусловлена развитием и экспансией экономики других стран, которым та подчинена. Ресурсами, необходимыми для выживания и экономического развития зависимых стран, являются капитал, технические знания, продовольственная, военная помощь, экспортная выручка. Исторически такая зависимость была сформирована колониальным доминированием. Непосредственными причинами такой зависимости являются монокультурный характер экономики развивающихся стран и то, что в международной торговле эти страны завязаны на торговые отношения с богатым Севером. При этом развивающиеся страны не являются уникальным поставщиком ресурсов, в которых заинтересованы страны «золотого миллиарда». Финансовая и военная помощь развитых стран Третьему миру позволяет последнему решать текущие экономические, социальные, политические и военные задачи, однако «зависимая индустриализация» не позволяет сократить отставание в развитии, а, напротив, способствует углублению зависимости.

Неотъемлемой чертой взаимоотношений доминирующих и зависимых стран является структурно невыгодная позиция последних в мировой экономике. Поскольку периферийные страны не являются поставщиками уникальных ресурсов, возникают «ножницы цен», по которым развивающиеся страны экспортируют свои товары и импортируют западные. Развитые страны сегодня выступают поставщиками качественно нового безграничного ресурса –

¹ Cardoso F.H. Dependent Capitalist Development in Latin America // *New Left Review*, 1972. Vol. 74. P. 43-60.

² Dos Santos T. The Structure of Dependence // *American Economic Review*, 1970. Vol. 60. P. 231-236.

³ Harrison D. The sociology of modernization and development. L.: Unwin Human, 1988; Валлерстайн И. После либерализма. М.: Эдиториал УРСС, 2003; Беляева Л.А. Россия в контексте мировых переходных процессов в конце XX века // *Мир России*, 1998. № 4; Иноземцев В.Л. Постиндустриальное хозяйство и «постиндустриальное» общество (К проблеме социальных тенденций XXI века) // *Общественные науки и современность*, 2001. № 3.

информации и знаний. Менее же развитые могут предложить на мировом рынке лишь ограниченные сырьевые ресурсы и стандартизованную промышленную продукцию, требующие больших трудозатрат. Продукция стран Третьего мира конкурентоспособна на мировом рынке только при низких ставках оплаты труда, что обуславливает хронически высокий уровень бедности в этих странах.

Помимо того, что доминирующие страны замедляют экономическое развитие зависимых, существуют также серьезные социальные, политические, экологические и культурные последствия экономической зависимости. Это, например, размещение на территориях периферийных стран «грязных» производств. Высокий уровень их внешней задолженности и долговые кризисы ведут к ограничению политической самостоятельности. Что касается негативных социальных последствий «зависимого развития», то сохранение высокого уровня бедности обуславливает слабое развитие человеческих ресурсов: например, если население богатых стран составляет 93% мировых пользователей Интернет, бедных – всего 0,2%¹. Для зависимых стран характерен анклавный характер развития, социально-экономическая поляризация. Необходимым элементом экономико-политической структуры зависимых стран является олигархия – посредничающая структура власти, через которую проходят огромные потоки правительственных закупок и иностранной финансовой помощи и которая поэтому заинтересована в сохранении отношений внешней зависимости. В культурном плане западные ценности проникают в зависимые страны не в их «деятельностном» (трудовая этика, ориентация на достижения) варианте, а в «потребительском», прежде всего, через демонстративное потребление коррумпированной элиты, и тем самым скорее, замедляют, чем ускоряют, экономическое развитие².

¹ Юрлов Ф.Н. Социальные издержки глобализации // Социологические исследования, 2001. № 7.

² Portes A. On the Sociology of National Development: Theories and Issues // American Journal of Sociology, 1976. Vol. 82. P. 55-85; Jaffee D. Levels of socio-economic development theory. New York : Praeger, 1990. P. 35.

Таким образом, обращение к макроэкономической теории зависимости в рамках настоящего исследования позволяет выделить ключевые компоненты отношений зависимости: монополия доминирующей стороны на ресурсы; тот факт, что зависимая сторона не является уникальным поставщиком ресурсов для доминирующей; структурно неэквивалентный характер обмена в рамках отношений зависимости; негативные экономические, социальные, политические, культурные последствия зависимости; перспективы выхода из зависимых отношений.

1.1.4. Макросоциологический подход: концепции социокультурной укорененности экономического действия

Группу теоретических подходов, о которых здесь пойдет речь, объединяет анализ влияния исторически сформировавшихся факторов культуры и общественного сознания на специфику экономической деятельности данного общества, взаимодействия экономических субъектов. Обращение к этим подходам обеспечивает возможность рассмотрения феномена зависимости в культурно-историческом разрезе, как характеристику, присущую российскому обществу в целом и отличающую ее от обществ западного типа.

Исследователи, анализируя воздействие субъективных факторов на модели экономического поведения людей в том или ином обществе, оперируют такими понятиями, как «национальный характер», «экономическая ментальность», «экономическая культура», «экономические институты». На наш взгляд, эти четыре понятия предполагают анализ зависимости «по восходящей», то есть по принципу от частного к общему.

Национальный характер. Характер определяется как «совокупность психических особенностей, из которых складывается личность человека и которые проявляются в его действиях, поведении»¹. Поскольку характер – это личностный феномен, то, говоря о «национальном характере», исследова-

¹ Толковый словарь русского языка Д.Н. Ушакова <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1080206>

тель оперирует неким идеальным типом – «модальной личностью»¹, являющейся обобщенным носителем эмоциональных, мыслительных, волевых свойств, диспозиций, детерминант поведения, присущих большинству взрослых представителей той или иной нации². Бум исследований национального характера наблюдался после Второй мировой войны, с 1950-х гг. начинается изучение национальных различий в мотивации достижений, уровне конформизма, социальной дистанции или межличностных связях³. Вскоре появляются социологические объяснения психологических различий среди национальных и других групп населения⁴. Таким образом, характеристика зависимости как русского национального характера предполагает выяснение того, насколько присущи «модальной личности» когнитивные, эмоциональные, мотивационные и поведенческие характеристики «зависимой личности».

Экономическая ментальность. Ментальность, или менталитет, мы понимаем как исторически сложившееся долговременное умонастроение, единство сознательных и бессознательных ценностей, норм и установок в их когнитивном, эмоциональном и поведенческом воплощении⁵. Если характер является, прежде всего, *эмоциональной* детерминантой поведения, то ментальность как умонастроение – это способ *осмысления* происходящего вокруг, определяющий стереотипы принятия решений и поведения. Тема национального менталитета и его влияния на экономическое развитие России достаточно часто упоминается в публикациях⁶. Социально-экономическая зависимость может рассматриваться как характерная черта российского «нерыноч-

¹ Inkeles A., Levinson D.J. National character: the study of modal personality and socio-cultural system's // Handbook of social psychology / Ed. G. Lindzey. Vol. 2. Cambridge, 1954.

² Inkeles A. National Character: A Psycho-social Perspective. New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 1997. P. 10-17, 135.

³ Riesman D. The lonely crowd. New Haven: Yale University Press, 1950.

⁴ Parsons T. Social structure and personality. N.Y.: Free Press, 1964.

⁵ В поиске социальной парадигмы («круглый стол») // Социологические исследования, 1995. № 10. С. 65.

⁶ См., например: Ментальность россиян (Специфика сознания больших групп населения России) / Под общ. ред. И.Г. Дубова. М., 1997; Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики: Коллективная монография / Под ред. К.А. Абульхановой. М.: Институт психологии РАН, 1997; Балабанова Е.С. Особенности российской экономической ментальности // Мир России. Социология. Этнология. Том X. 2001, № 3; Моисеева Н.А., Сороковникова В.И. Менталитет и национальный характер (О выборе метода исследования) // Социологические исследования, 2003. № 2.

ного» менталитета¹, совокупность ценностей и норм, ставящих общественное выше личного и выводящих ответственность за происходящее с индивидом и за его благосостояние вовне.

Экономическая культура. Говоря об отличии понятия «культура» от рассмотренных выше «национального характера» и «менталитета», отметим, что культура связывает воедино эмоциональное и когнитивное, она определяет социально приемлемые рамки поведения людей во всех сферах жизни. Экономическая культура включает в себя исторически сложившийся широкий спектр взаимодействий, стереотипов поведения и представлений, ценностей и мотиваций в сфере производства, распределения и потребления материальных благ. Культурные факторы являются неотъемлемым элементом хозяйственного действия: «культура играет множество ролей в хозяйственной жизни: конституирует акторов и хозяйственные институты, определяет цели и средства действия, регулирует отношения между ними»². Она включает когнитивный, ценностный и символический аспекты и «предопределяет исходные когнитивные способности участников рынка, позволяя им накапливать знания, используя огромные потоки информации, отбирая, обрабатывая и осваивая ту информацию, которую они считают релевантной и надежной»³.

Наиболее известным произведением, рассматривающим влияние «надстроечных» факторов на специфику экономического действия, является «Протестантская этика и дух капитализма» М. Вебера⁴. Согласно ему, различия между обществами зависят от того, в какой степени они делают акцент на бережливость, накопительство, индивидуальный экономический успех, в отличие от традиционных обязательств перед своим сообществом. Идеи Ве-

¹ Мизес Л. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. М.: «Каталакия», 1993.

² Димаджио П. Культура и хозяйство // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев. М.: РОССПЭН, 2004. С. 504.

³ Радаев В.В. Рынок как идеальная модель и форма хозяйства. К новой социологии рынков // Социологические исследования, 2002. № 9. С. 26-27.

⁴ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.

бера дали толчок эмпирическому изучению национальных культур с точки зрения их «модерности» либо «традиционализма, культурных корней мотивации достижений»¹. Социокультурный подход также нашел свое применение в исследованиях организаций, наиболее известны в этом плане работы Г. Хофстеда². Среди современных отечественных социологов, занимающихся изучением культуры с точки зрения ее модерности / традиционализма, наиболее известны работы Н. Лапина³, выделяющего два типа социокультурных трансформаций – традиционализацию и либерализацию.

Обращение к национальной культуре в исследовании социально-экономической зависимости приводит исследователя к пониманию проблемы «социокультурных барьеров», которые сегодня препятствуют адаптации людей к новым условиям жизни. Так, П. Штомпка⁴ в своих работах отмечает, что идеи, идеологии, психологические свойства людей при определенных обстоятельствах могут тормозить или блокировать перемены.

Таким образом, зависимость как культурная ценность и модель поведения является элементом традиционалистского уклада и либерализации, блокирует высвобождение ресурсов для саморазвития общества, инновационных целерациональных действий и переносит локус контроля за происходящими в жизни человека событиями вовне. С этой проблемой сталкиваются все страны так называемой «запаздывающей» модернизации. Конфликт здесь заключается в том, что старые структуры показали свою непригодность либо перестали «работать», новые неспособны эволюционно вырасти из предшествующего развития общества, а нововведения, инициируемые элитой, встречают сопротивление большей части общества.

¹ Harrison L.E. Who prospers? How cultural values shape economic and political success. New York, NY : Basic Books, 1992. P. 16-19; Grondona M. A Cultural Typology of Economic Development // Culture Matters. How Values Shape Human Progress / Ed. L.E. Harrison, S.P. Huntington. NY: Basic Books, 2000.

² Hofstede G.H. Culture's consequences: comparing values, behaviors, institutions, and organizations across nations. Thousand Oaks, Calif.: Sage Publications, 2001.

³ Лапин Н.И. Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций // Мир России, 2000. № 3; Лапин Н.И. Власть, вседозволенность и свобода в ценностном сознании россиян // Куда идет Россия? Власть, общество, личность / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2000.

⁴ Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996.

Экономические институты. Включение в анализ понятия «институтов» позволяет связать воедино культурные и структурные характеристики экономической жизни. Описание экономического действия через существующие вокруг него отношения – повторяющиеся и предсказуемые связи между хозяйственными агентами – составляет сущность *институционального направления* экономической теории и экономической социологии. В его рамках институты определяются как устойчивые формальные и неформальные «правила игры» в обществе, встроенные ограничители, организующие взаимоотношения между людьми и структурирующие стимулы обмена во всех сферах – политике, социальной сфере и экономике, и механизмы принуждения к их исполнению¹. Институциональная теория близко подходит к задаче понимания феномена зависимости. Это направление вводит в экономический анализ социальную компоненту – специфику социальных отношений, формальные и неформальные правила распределения и использования экономических ресурсов, господствующую в социуме идеологию. Экономические действия людей всегда являются социально обусловленными, привязанными к различным социальным структурам и институтам².

Важность интеграции институционального анализа с рассмотренным выше социокультурным подходом обусловлена тем, что, как указывает Н. Флигстин, «производство рыночных институтов является культурным проектом ... [экономические] акторы совершают политические действия по отношению друг к другу и конструируют локальные культуры, направляющие это взаимодействие³. Понимание сложившихся институтов и векторов социально-экономических трансформаций, современных экономических практик того или иного общества невозможно без знания исторического развития экономических, политических и социальных процессов в нем. В институцио-

¹ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начало», 1997; Уильямсон О.И. Экономические институты капитализма. СПб.: Лениздат, 1996.

² Радаев В.В. Еще раз о предмете экономической социологии // Социологические исследования, 2002. № 7. С. 6-7.

³ Флигстин Н. Рынки как политика: политико-культурный подход к рыночным институтам // Западная экономическая социология. С. 187.

нальной теории это нашло отражение в концепциях зависимости современных экономических институтов от траектории предшествующего исторического развития страны (*path dependence*)¹, или институциональной преемственности.

К институциональному подходу в последние годы все чаще стали обращаться отечественные социологи и экономисты². Как одну из работ, способствующих пониманию исторического развития отношений власти-зависимости в российском обществе, отметим монографию С. Кирдиной³. Выделенные автором характеристики восточной институциональной матрицы, к которой она причисляет и Россию, частично отвечают на вопрос о разном контексте понимания свободы в России и на Западе: при всем различии базовых социально-экономических институтов, западные модели развития являлись привлекательными для России. В связи с этим актуальна еще одна проблема институциональной теории – возможность *импорта институтов*⁴. Институты либерального общества сформировались в результате довольно долгого эволюционного процесса, и в настоящее время мы видим, главным образом, положительные результаты их функционирования. Однако подражание этим институтам предполагает столкновение с их негативными аспектами за короткий промежуток времени, что неизбежно ставит вопрос о «цене независимости».

Итак, анализ исторически сложившихся институтов, экономической культуры, экономической ментальности через призму свободы и зависимости

¹ Arthur W. B. *Increasing Returns and Path Dependence in the Economy*. Ann Arbor: University of Michigan, 1994; Норт Д. Указ. соч.; Мартэн Д. Социальные измерения трансформации и модернизации: теоретические уроки эмпирических исследований // Социологические исследования, 2002. № 8.

² Олейник А. Институциональная экономика. М.: Инфра-М, 2000; Шаститко А.Е. Неоинституциональная экономическая теория. М.: ТЕИС, 1999; Тамбовцев В.Л. Экономические институты российского капитализма // Куда идет Россия? Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год / Под ред. Т.И. Заславской. М.: Логос, 1999; Радаев В.В. Формирование новых российских рынков: Трансакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М., 1998; Нестеренко А.Н. Проблемы российской экономики: институциональный подход // А.Н. Нестеренко. Экономика и институциональная теория / Отв. ред. Л.И. Абалкин. М.: Эдиториал УРСС, 2002.

³ Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск: ИЭиОПП РАН, 2001.

⁴ Олейник А.Н. Институциональная экономика // Вопросы экономики, 1999. № 7. С. 143-144; Нестеренко А.Н. Указ. соч. С. 367.

подчеркивает важность воздействия «надстроечных» факторов на реальное поведение людей в экономической сфере. Свобода или зависимость общества – это те характеристики, которые, с одной стороны, производны от действий индивидов, с другой – сами направляют эти действия. Социально-экономическая зависимость как культурная ценность и модель поведения является и продуктом исторически сложившихся отношений в экономической сфере, и фактором их сохранения, воспроизводства или изменения.

1.1.5. Исследования организаций: теория ресурсной зависимости

Этот аспект отношений зависимости представлен исследованиями в рамках теории и практики менеджмента. Наиболее значительные работы в этом направлении представлены трудами Дж. Томпсона¹, Дж. Пфеффера и Дж. Саланчика². Организационное поведение объясняется в терминах жизненно необходимых организации ресурсов, в которых та нуждается, чтобы выжить и развиваться. Поскольку ни одна из организаций не является самодостаточной в плане обеспечения себя ресурсами, всем им приходится вступать во взаимодействия по поводу ресурсов с внешним окружением. В фокусе внимания этой концепции находятся зависимости и властные различия, возникающие в результате неравного распределения ресурсов.

Томпсон указывает, что степень зависимости организации от определенного элемента своей целевой среды 1) прямо пропорциональна потребностям организации в ресурсах; 2) обратно пропорциональна способности других элементов предоставлять те же ресурсы³. Таким образом, ключевым компонентом отношений зависимости является невозможность получить необходимые ресурсы из альтернативного источника. Поэтому в наиболее сложном положении организация оказывается тогда, когда ресурсы находятся под

¹ Thompson J.D. *Organizations in Action*. N.Y.: McGraw-Hill, 1967.

² Pfeffer J., Salancik G.R. *The External Control of Organizations*. N.Y.: Harper and Row, 1978; Pfeffer J. *Managing With Power: Politics and Influence in Organizations*. Boston, Harvard Business School Press, 1992.

³ Thompson J.D. *Op. cit.*

контролем относительно небольшого числа акторов. В этом случае руководство организации частично теряет контроль над ней, поскольку вынуждено соглашаться на те условия, которые ей продиктует актор, контролирующей необходимые ресурсы¹. Помимо различных аспектов взаимодействия организации с внешней средой, в фокусе внимания теории ресурсной зависимости находятся и вопросы внутреннего распределения власти в организации². Так, отмечается, что наибольшую власть внутри организации приобретают те ее подразделения, которые управляют внешними зависимостями.

Таким образом, организационные исследования в рамках теории ресурсной зависимости строятся вокруг управления внешними зависимостями, стратегиями сохранения автономии либо минимизации негативных последствий зависимости для организации.

1.1.6. Социально-антропологический подход: зависимость в теории социального обмена

Эта концепция, связанная, прежде всего, с именами Дж. Хоманса³, П. Блау⁴, Р. Эмерсона⁵ позволяет исследователю оперировать понятием обмена деятельностью при объяснении формирования отношений господства и подчинения. Она позволяет понять, почему баланс власти между донором А и реципиентом Б оказывается асимметричным, почему экономическое покровительство создает статусные различия между людьми.

Ответ на этот вопрос выстраивается на уподоблении социальных взаимодействий экономическому обмену. По Хомансу, «социальное поведение есть обмен товарами, как материальными, так и нематериальными, такими как символы одобрения и престижа»⁶. Базовые характеристики обмена – ре-

¹ Pfeffer J., Salancik G.R. Op. cit.

² Kanter R.M. Men and Women of the Corporation. N.Y.: Basic, 1977; Bacharach S.B., Lawler E.J. Power and Politics in Organizations. San Francisco: Jossey-Bass, 1980.

³ Homans G. Social Behaviour: Its Elementary Forms. N.Y.: Harcourt, Brace and World, 1961.

⁴ Blau P. Exchange and Power in Social Life. N.Y.: Wiley, 1964.

⁵ Emerson R.M. Power-dependence Relations // American Sociological Review, 1962. Vol. 27. P. 31-41.

⁶ Homans G. Social Behaviour as Exchange // American Journal of Sociology, 1958. Vol. 62. P. 606.

ципрокность и добровольность¹, то есть обоюдные выгоды и совпадение стимулов участников обмена. С точки зрения этой теории, даже безвозмездный (в материальном смысле) подарок накладывает на получателя обязательство впоследствии адекватно ответить на него – встречным подарком, услугой, благодарностью. Принцип реципрокности легко осуществим, если субъекты взаимодействия обладают равными ресурсами и одинаково заинтересованы во взаимных услугах, то есть взаимозависимы. Но что происходит, когда взаимодействие осуществляется между обладателями неравных ресурсов и обменные отношения несбалансированны?

Эквивалентность обмена деятельностью в этом случае восстанавливается за счет властных отношений. Человек, покровительствующий другим, претендует на более высокий статус по отношению к «берущим»: тот, кто имеет в своем распоряжении ресурсы по удовлетворению потребностей других людей, без которых они не могут обойтись и не могут получить их из альтернативного источника, может приобрести власть над ними². В отношениях обмена происходит «аккумуляция капитала». Тот, кто предоставляет незаменимые услуги другим, накапливает капитал в форме ожиданий; почтительность и услужливость становятся формами платежа³.

Близко к теории социального обмена в интересующем нас аспекте находится концепция «социального капитала» (П. Бурдьё⁴, Дж. Коулман⁵, Н. Лин⁶), нашедшая применение в экономике и экономической социологии. Социальный капитал возникает в ходе взаимодействия акторов и является переживаемым ресурсом, облегчающим индивидуальным акторам достижение собственных целей. Если субъект А делает что-нибудь для субъекта Б и по-

¹ Blau P. Op. cit. P. 91.

² Култыгин В.П. Концепция социального обмена в современной социологии // Социологические исследования, 1997. № 5. С. 96-97.

³ Blau P. Op. cit. Pp. 28, 98, 315.

⁴ Bourdieu P. The Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / Ed. J.G. Richardson. N.Y.: Greenwood Press, 1986.

⁵ Coleman J. Social Capital in the Creation of Human Capital // American Journal of Sociology, 1988. Vol.94. P.95-120; Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность, 2001. № 3.

⁶ Lin N. Social Capital: A Theory of Social Structure and Action. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

лагает, что Б ответит в будущем взаимностью, это порождает ожидания А и обязательства со стороны Б, своего рода неформальные «долговые расписки». В случае неэквивалентных взаимодействий у А оказывается большое количество таких «непогашенных обязательств», и в некоторый момент времени он может потребовать от Б вернуть «кредит». Таким образом, предоставление «безвозмездных» услуг является «поведением, создающим цену», формой накопления социального капитала, позволяющей одному актору контролировать интересы других¹.

Теория социального обмена является одной из ключевых для концептуализации социально-экономической зависимости в рамках нашего исследования. Она выявляет каузальную связь между взаимодействием низко- и высоко-ресурсного субъектов и властными отношениями как средством установления баланса при асимметричных обменах.

1.1.7. Социально-психологические теории «зависимой личности»

Если упомянутые выше теоретические концепции делают предметом своего рассмотрения *взаимодействия* акторов по поводу необходимых им ресурсов, то социально-психологические теории «зависимой личности» (*dependent personality*) исследуют зависимость как индивидуально-личностную характеристику человека.

Ключевым в этой группе теорий является разграничение между «нормальной» и «патологической» зависимостью². В первом случае имеется в виду зависимость, возникающая в конкретной ситуации, и в этом смысле она является повсеместным феноменом – каждый человек в своей жизни сталкивается с проблемами, в решении которых он так или иначе рассчитывает на помощь других людей. Объектом же изучения является зависимость второго

¹ Marsden P.V. Restricted Access in Networks and Models of Power // The American Journal of Sociology, 1983. Vol. 88. No. 4. P. 686.

² Bornstein R.F. The dependent personality. New York: Guilford Press, 1993. P. 1.

типа – как психологическая доминанта личности. «Нормальная» для ребенка, зависимость взрослых квалифицируется как социальная и личностная «незрелость»¹.

Интегральная модель зависимости была предложена Р. Борнштейном². Ее ключевыми компонентами являются: 1) генезис зависимой личности; 2) взаимосвязанные когнитивные, мотивационные, эмоциональные и поведенческие характеристики зависимой личности; 3) позитивные и негативные последствия взаимодействия зависимой личности со своим окружением. Кратко суммируем результаты эмпирических исследований зависимости, следуя этой схеме³.

Генезис зависимости. Представители разных теоретических направлений называют разные внешние и внутренние факторы, играющие ключевую роль в «продолженном инфантилизме» взрослого человека. С точки зрения *психоаналитических теорий*, зависимость – это результат неудачного психологического развития, не преодоленной зависимости ребенка от матери. В рамках подхода *социального обучения* зависимость рассматривается как «благоприобретенное» качество, «выученный» феномен⁴. Зависимое поведение проявляется, поскольку оно получает вознаграждения (реальные или с точки зрения зависимого)⁵. Объясняя более высокие уровни женской зависимости, обычно выявляемые в эмпирических исследованиях, психологи часто обращаются к теории *полоролевой социализации*. Социальное окружение склонно в значительно большей степени поощрять автономию мальчиков и налагает на них более жесткие запреты на внешнее проявление зависимых чувств и поведения, чем в отношении девочек⁶. Поведенческая зависимость

¹ Ainsworth M.D.S. Object relations, dependency and attachment: A theoretical review of the infant-mother relationship // Child Development, 1969, Vol. 40. P. 970.

² Bornstein R.F. Op. cit. P. 161.

³ Подробнее см.: Балабанова Е.С. Теории «зависимой личности»: возможности социологической интерпретации // Личность. Культура. Общество. 2005. Т. 7. Вып. 4 (28).

⁴ Banfield, E.C. The Unheavenly City Revisited. Boston: Little, Brown, 1974.

⁵ См., например: Bornstein R.F. Op. cit. P. 6-7.

⁶ Bornstein R.F. Op.cit. P. 9-11.

как результат беспомощности и потери контроля объясняется моделями «самоэффективности», «агентности», «личностного контроля», «иллюзии контроля», «выученной беспомощности»¹.

Корреляционные и факторно-аналитические исследования показали наличие тесной взаимосвязи следующих когнитивных, мотивационных, эмоциональных и поведенческих характеристик зависимой личности².

Когнитивные особенности зависимой личности. Когнитивными факторами формирования зависимой личности являются результаты рефлексии человеком своего опыта. Негативный опыт может привести его к состоянию пессимизма и «выученной беспомощности», когда на основании неудачи в одной конкретной ситуации субъект делает вывод о своей неспособности решать и прочие задачи. К когнитивным особенностям зависимой личности относятся низкая самооценка, недостаток уверенности в себе, представление о себе как о беспомощном и неэффективном. Для зависимой личности типична внешняя локализация контроля над значимыми для нее событиями³.

Мотивационные особенности зависимой личности. Поскольку в результате «выученной беспомощности» зависимая личность считает себя неспособной контролировать происходящее с ней, она видит свои цели недостижимыми, перестает предпринимать попытки справиться даже с теми задачами, которые поддаются решению, и мотивирована уходить от ответственности, делегируя ее другим субъектам. Мотивационным ядром поведения зависимого становится получение поддержки, что обуславливает пассивность индивида. Поскольку человек ожидает, что есть люди, способные заменить его в решении определенной задачи, это не побуждает его действовать само-

¹ Bandura, A. Self-efficacy mechanism in human agency. *American Psychologist*, 1982. Vol. 37. P. 122-147; Lefcourt, M.M. *Locus of control: Current trends in theory and research*. Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1976; Seligman, M.E.P. *Helplessness: On depression, development, and death*. San Francisco: W.H. Freeman & Co., 1975.

² Bornstein R.F. *Op. cit.* P. 18.

³ Бажин Е.Ф., Голынкина Е.А., Эткинд А.М. Метод исследования уровня субъективного контроля // Психологический журнал. Том 5. № 3. 1984. С.152-153.

му. Этот феномен получил название «диффузии ответственности»¹.

Эмоциональные особенности зависимой личности. Чувства беспомощности и потребность поддержки приводят к тому, что «инструментальная» зависимость индивида перерастает в эмоциональную. Провайдер приобретает высокую субъективную значимость для зависимой личности. В ряде случаев получение моральной поддержки, выражение любви и сочувствия со стороны окружающих могут даже не быть связанными с решением конкретных задач, а являться конечной целью поведения зависимого². Зависимые индивиды демонстрируют меньшую устойчивость к фрустрации, у них выше чувство незащищенности. Эмпирические исследования установили положительные корреляционные связи зависимости от окружающих с психопатологией: фобиями, алкогольной, никотиновой, наркотической зависимостью, расстройствами, нарушениями питания (*eating disorders*), депрессиями³.

Поведенческие особенности зависимой личности. Прежде всего, это различные проявления конформно-приспособительского поведения⁴. Ради получения поддержки зависимый вступает во властные отношения с провайдером, занимая низший статус и подчиненную по отношению к нему позицию, проявляя готовность любой ценой поддерживать отношения зависимости, даже в случае плохого обращения с собой. Однако на противоположном конце спектра поведения зависимого находится агрессия, которая может возникнуть в том случае, если его ожидания не оправдываются. Чем большие ожидания возлагает зависимый на своего провайдера, тем сильнее его разочарование в случае, если провайдер не оправдывает их. Отсюда постоянно присутствующее чувство обиды и страх лишиться поддержки. Эти страхи реальны постольку, поскольку асимметричные отношения по природе своей

¹ См.: Магун В.С. О взаимосвязях готовности человека к собственным усилиям и ожидаемой им помощи // Психологический журнал. Том 12. 1991. № 6.

² Heathers G. Acquiring dependence and independence: A theoretical orientation // Journal of Genetic Psychology, 1955. Vol. 87. P. 277-291.

³ Bornstein R.F. Op. cit. P. 91-120.

⁴ Ibid. P. 63-64.

являются нестабильными. Чем больше зависимый требует, тем больше вероятность того, что провайдер попытается разорвать такие отношения¹.

Негативные последствия зависимости. Как свидетельствуют результаты исследований, в то время как для зависимого человека принадлежность к группе особенно важна, его социометрический статус обычно бывает низким. «Незрелое», конформистское поведение зависимых тесно связано с недостатком популярности и признания лидерами групп, их социальным отторжением². В межличностных отношениях зависимость часто провоцирует жестокое обращение с детьми, женами, пожилыми³, причем связь зависимости и насилия может быть двоякой. Во-первых, поддержка и забота о зависимых часто вызывает стрессы и фрустрацию (расстройство планов, крушение надежд), так что причиной жестокого обращения может быть эмоциональный срыв из-за бремени финансовой поддержки или бытового ухода. Во-вторых, ситуация зависимости может позволять личностям авторитарного социопсихологического типа реализовывать собственные потребности в доминировании. В свою очередь, зависимые участники этих отношений могут «добровольно» принимать на себя роль жертвы и даже провоцировать жестокое обращение с собой, полагая, что они бессильны изменить ситуацию или выйти из нее⁴.

Позитивный потенциал зависимости. Он, как ни странно, существует, поскольку социальные умения, которые развивает зависимый в целях максимизации возможности получения поддержки (эмпатия, чувствительность к настроению и поведению провайдера, стремление делать другим приятное, угождать), приводят к тому, что 1) помощь других позволяет зависимому решать конкретные задачи и обеспечивает ему чувства стабильности и защищенности; 2) зависимый формирует и поддерживает устойчивые отноше-

¹ Memmi A. Dependence : a sketch for a portrait of the dependent. Boston: Beacon Press, 1984. P. 42-50.

² Bornstein R.F. Op. cit. P. 78-86.

³ Kalmuss D.S., Straus M.A. Wife's marital dependency and wife abuse // Journal of Marriage and the family. 1982. Vol. 44. P. 277-286; Pillemer K. The dangers of dependency: New findings on domestic violence against the elderly // Social Problems, 1985. Vol. 33. P. 146-158.

⁴ Bornstein R.F. Op. cit. P. 86-87.

ния, в которых заинтересован не только он, но и провайдер. Асимметричные отношения не могут продолжаться долго, если они не выгодны обеим сторонам¹, поэтому они принимают на самом деле реципрокный характер, то есть баланс обмена значимыми друг для друга благами выравнивается. Зависимость может быть позитивной адаптивной ценностью, например, в старости или для людей с ограниченными возможностями. Так, зависимость может быть частью стратегии «успешного старения», совладания с неизбежными ограничениями ресурсов и способностей в старости. В этом случае зависимость является оптимизирующей стратегией по инициированию и сохранению социальных контактов, компенсаторной функцией, позволяющей пожилым сберечь энергию для того, чтобы участвовать в более предпочтительных для них видах деятельности².

Итак, обширный пласт социально-психологических исследований зависимости позволяет нарисовать психологический портрет «зависимой личности» и обеспечивает нас богатым материалом о специфике межличностных интеракций зависимого и провайдера. Результаты исследований дают возможность предсказать два основных направления развития этих отношений в долгосрочной перспективе: они либо окажутся разрушительными, способствуя социальному отторжению зависимого, усугублению его чувств собственной беспомощности и некомпетентности и провоцируя насилие в отношении его, либо перерастут в реципрокные отношения, то есть сбалансированный, эквивалентный обмен деятельностью и ресурсами.

1.1.8. Концепции «культуры бедности» и андекласса

Рассмотрению зависимости как культурного феномена и индивидуально-личностной характеристики посвящен целый пласт литературы о «культуре зависимости» (или «культуре бедности») в западном обществе. Речь

¹ Memmi A. Op.cit. P. 65.

² Batles M.M. The Many Faces of Dependency in Old Age. Cambridge University Press, 1996. P. xvi, 2, 145.

идет о социально-экономической зависимости, проявляющейся и на уровне ценностей и установок, и в реальном экономическом поведении. Данная концепция была предложена профессором Иллинойского университета О. Льюисом в 1960-е годы. Суть ее состоит в утверждении, что низшие слои в условиях постоянной нужды вырабатывают определенный образ жизни, установки, ценности, которые социально наследуемы, блокируют возможности продвижения по социальной лестнице и удерживают на социальном дне¹.

Принципиальные характеристики субкультуры бедности, по Льюису, – это отклонение от ценностно-нормативной системы основной части общества; своеобразный уклад семейной жизни; преобладание установок беспомощности, зависимости и униженного положения, связанных с низкой мотивацией к труду и достижениям, ориентация на сегодняшний день, неспособность к планированию. Беспомощность, лень, безответственность – система поведения, рациональная в условиях трущоб, облегчающая адаптацию к условиям жизни в бедности. Подобные установки и поведение делают бедность неизбежной². Первыми кандидатами на попадание в «субкультуру бедности» считались те, кто не пытается избежать бедности и кого удовлетворяет их положение. «Культура бедности» имеет тенденцию к самовоспроизводству, причем главным фактором становится не сохранение соответствующих материальных и социальных условий, а социализация следующих поколений.

По мнению Льюиса, культура бедности – это феномен, присущий капитализму, открытому и мобильному обществу, для которого характерны высокая значимость личного успеха. Культура бедности несовместима с социализмом: в этом случае у людей нет чувства апатии и бессилия, а есть равенство в бедности и перенесение решения проблемы в «светлое будущее»³. «Бедность особенно страшна не тогда, когда она всеобщая, (тогда она вос-

¹ Lewis O. *The Culture of Poverty // Poverty in America / Ed. L. Ferman et al.* University of Michigan Press, 1965; Ярошенко С.С. Проблематика субкультуры бедности в американской социологии: эволюция принципов исследования и подходов. Дис... канд. социол. наук. М., 1994

² Lewis O. *La Vida.* New York: Random House, 1968. P. 49-53.

³ Lewis, O. *The Culture of Poverty.*

принимается как нормальное состояние), а именно тогда, когда бедных сравнительно немного. Тогда бедные, видя благополучие большинства, ощущают себя отверженными, а большое число благополучных живет в страхе попасть в это меньшинство отверженных. Бедность при этом воспринимается как самая страшная и неизлечимая болезнь. Окружающие сторонятся бедных, как заразных больных»¹.

С начала 80-х годов преемницей субкультуры бедности стала концепция андекласса (*underclass*)². Если «старые бедные» рассматривались как виновники своей бедности, с нормативной системой, воспроизводящей нищету, то андекласс стал новым социальным феноменом. Пришло понимание того, что он был порожден системой государственных социальных пособий по бедности. Фактически сформировался новый социальный слой, живущий на содержании общества. Оказавшись получателями пособий, бедные соответственно себя ведут, дабы их не лишиться. С другой стороны, зависимые установки являются дополнительным барьером, препятствующим интеграции бедных в «большое общество»: они оказываются депривированными не только материально, но и культурно.

В связи с известными процессами социально-экономического расслоения в последнее десятилетие в России к идеям концепции культуры бедности обратились и отечественные исследователи³. Такие аналогии позволяют проводить данные об образе жизни беднейших слоев населения: «запирают» людей в нижних слоях социальной структуры не только их худшие жизненные шансы, но и зависимые установки. Ограничением же на применение этой концепции является то обстоятельство, что российские бедные в силу своей многочисленности никак не образуют «субкультуру» и поэтому не изолированы от «большого» общества.

¹ Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма. М.: Центрполиграф, 1995. С. 165.

² Auletta K. The Underclass. N.Y.: Random House, 1982; Балабанова Е.С. Андекласс: понятие и место в обществе // Социологические исследования, 1999. № 12.

³ См., например: Тихонова Н.Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М.: РОССПЭН, 1999.

1.1.9. Социальная теория феминизма: экономическая зависимость женщины как неотъемлемая черта патриархата

Проблема экономической зависимости женщины – ограниченного доступа к основным экономическим и человеческим ресурсам и возможности распоряжаться ими – в последние десятилетия является объектом внимания исследователей, работающих в феминистском дискурсе¹. Социально-экономическая зависимость женщин воспроизводится в рамках патриархата – «системы социальных структур и практик, в которых принято мужское доминирование, подавление и эксплуатация женщин»². Указывается, что стереотипное восприятие женщины как пассивной, беспомощной, профессионально не мотивированной «иждивенки» – основа ее дискриминации и в сфере семейно-брачных отношений, и на рынке труда.

Характерным для социальной теории феминизма является рассмотрение положения женщин в двух взаимосвязанных сферах – приватной и публичной. Экономическая зависимость женщины в семье – от мужчины-провайдера – актуализирует проблему властных отношений внутри семьи. В этой связи указывается на критическую важность для женщин обладания собственными экономическими ресурсами – от оплачиваемой занятости либо от государственной материальной поддержки. Доступ к общественным ресурсам повышают возможности выхода женщины из неблагополучных семейных отношений, уменьшая ее экономическую зависимость от мужчины-провайдера. В публичной сфере зависимость женщин от государства социального обеспечения (*Welfare State*) рассматривается в контексте только что

¹ Sorensen A., McLanahan S. Married Women's Economic Dependency, 1940-1980 // *American Journal of Sociology*, 1987. Vol. 93. No. 3; Lister R. Women, Economic Dependency and Citizenship // *Journal of Social Policy*. 1990. Vol. 19. Part 4; Brines J. Economic Dependency, Gender, and the Division of Labor at Home // *American Journal of Sociology*. 1994. No. 3; Young I. Mothers, citizenship and independence: a critique of pure family values // *Ethics*, 1995. No. 3; Ward C., Dale A., Joshi H. Income Dependency within Couples // *Gender Relations in Public and Private: New Research Perspectives* / Ed. L. Morris and E.S. Lyon. L.: Macmillan Press Ltd, 1996; Berkel M., Graaf N.D. Married Women's Economic Dependency in the Netherlands, 1979-1991 // *British Journal of Sociology*, 1998. No. 1.; Lister R. *Citizenship: Feminist Perspectives*. 2nd ed. N.Y.: New York University Press, 2003.

² Maltby, T. *Women and Pensions in Britain and Hungary: A cross-national and comparative case study of social dependency*. Brookfield: Avebury, 1994. P. 22.

упомянутой проблемы андекласса, поскольку безработные незамужние матери, принадлежащие к расовым «меньшинствам», составляют львиную долю долговременных получателей социальных пособий.

Влияние на подходы к изучению и преодолению зависимости женщин оказали теории зависимой личности – с 1950-х годов отмечается, что среди женщин, особенно одиноких матерей, широко распространены типичные признаки «зависимой личности». Появляется термин “*children having children*” («*дети, имеющие детей*»)¹. Как ответ на эти расхожие представления, в 1981 году в США выходит ставшая бестселлером книга К. Доулинг «Комплексе Золушки»², призывающая женщин пересмотреть отношения со своими близкими в пользу внутренней независимости, что позволит им избавиться от многих страхов и комплексов.

Гендерный аспект социально-экономической зависимости представляется тем более значимым, что, в то время как в либеральном обществе зависимость трудоспособного человека квалифицируется как «негатив», женская зависимость от мужчины продолжает многими считаться не просто как *эмерджентный феномен*, но, более того, как *желательное* состояние, на котором базируется институт семьи. Не случайно и в мнении обывателей, и в научной литературе современные процессы снижения рождаемости и «кризиса семьи» нередко объясняются именно возросшей степенью свободы женщин – экономической, эмоциональной, репродуктивной.

Таким образом, обращение к изучению экономической зависимости женщины в рамках феминистского подхода плодотворно, прежде всего, результатами значительного количества эмпирических исследований женской зависимости, а также предложениями по практическому содействию женской независимости в публичной и приватной сферах.

¹ Fraser N., Gordon L. A Genealogy of ‘Dependency’: Tracing a Keyword of the U.S. Welfare State // Justice Interrupts: Critical Reflections on the ‘Postsocialist’ Condition / Ed. N. Fraser. N.Y.: Routledge, 1997. P. 136-137.

² Dowling C. The Cinderella Complex. Women’s Hidden Fear of Independence. N.Y.: Summit Books, 1981.

Итак, нами рассмотрен ряд теоретических подходов к изучению зависимости, которые, на наш взгляд, наиболее релевантны для построения интегральной модели социально-экономической зависимости в рамках данного исследования. Разные уровни рассмотрения феномена зависимости позволяют выделить ключевые компоненты отношений зависимости: 1) благо, в котором нуждается субъект; 2) провайдер, являющийся безальтернативным поставщиком этого блага; 3) несбалансированный характер обмена между зависимым и провайдером; 4) властные отношения, в которые вступают провайдер и зависимый для восстановления баланса этого обмена; 5) деструктивные последствия таких отношений для зависимого.

1.2. Анализ понятия социально-экономической зависимости

Толковые словари предлагают нам два основных значения слова «зависимость» и производных от него. Первое обозначает расчет на внешнюю поддержку и отношения поддержки: полагание на кого-либо: «опора, расчет на кого-либо, опека»; «зависеть» – значит «полагаться на кого-либо», «зависимый» – «нуждающийся в помощи другого для поддержки»¹. Второе акцентирует подчиненное положение: «подчиненность другим, чужой воле, чужой власти при отсутствии самостоятельности, свободы»². Таким образом, уже этимологически зависимость предполагает связь недостаточных ресурсов, внешней поддержки и властных отношений. Анализ теоретических концепций, объектом которых являются разные аспекты отношений зависимости, позволяет нам выделить следующие ключевые компоненты отношений Зависимого и Провайдера.

1). Зависимый испытывает высокую потребность в некотором объекте (блага, ресурсах).

¹ Webster's Dictionary and Thesaurus. Ashland: Landoll, 1993. P. 44.

² Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 18-е изд. М., 1989. С. 172.

2). Провайдер – субъект, обладающий данным благом или контролирующий доступ к нему – является для Зависимого безальтернативным поставщиком такого блага, то есть обладает монополией на необходимые Зависимому ресурсы.

3). В свою очередь, Зависимый не является уникальным поставщиком необходимых для Провайдера ресурсов (благ). Это значит, что Зависимый заменим с точки зрения Провайдера и что Зависимый в большей степени заинтересован в Провайдере, чем Провайдер в Зависимом.

4). На основании (1) – (3) Провайдер получает властные преимущества, контролируя условия предоставления необходимых Зависимому ресурсов (благ).

5). Подобное взаимодействие закрепляет неблагоприятную позицию Зависимого, ограничивая ему доступ к необходимым ему ресурсам и формируя у него «зависимые» поведенческие стратегии.

Таким образом, первые три аспекта характеризуют условия возникновения отношений зависимости, четвертый – последствия этих отношений, пятый – их воспроизводство. Рассмотрим подробнее компоненты этой модели.

1.2.1. Высокая потребность Зависимого в ресурсах

На разных уровнях социальной реальности Зависимыми могут быть государства; регионы; большие и малые социальные группы; индивиды. По своему объекту зависимость может быть экономической, социальной, политической, эмоциональной, когнитивной, физической, физиологической.

Так, *на уровне государств* объектами зависимости выступают капитал, технические знания, продовольственная, военная помощь, ресурсы политического влияния. Что касается *регионального уровня*, то во многих странах имеются экономически отсталые территории, объектами зависимости которых становятся дотации, финансовые трансферты и, опять же, ресурсы поли-

тического влияния. *На уровне организаций* отношения зависимости могут возникать по поводу финансовых, материальных, управленческих, человеческих ресурсов, необходимых для их функционирования. *На уровне социальных групп* объектами зависимости могут быть экономические и социальные блага и услуги, обеспечиваемые государством, благотворительными организациями. Субъектом зависимости могут быть либо все население (в случае недифференцированного характера предоставления таких благ), либо отдельные социальные группы (например, льготные категории населения). *На индивидуальном уровне* объекты зависимости отражают многообразие человеческих потребностей и средств их удовлетворения. Объектом экономической зависимости являются ресурсы жизнеобеспечения. Физическая зависимость детей и людей с ограниченными возможностями связана с помощью в организации своей повседневной деятельности. Физиологическая зависимость имеет своим объектом субстантивные препараты (алкоголь, никотин, наркотики). Еще более многообразны проявления поведенческой и психологической зависимости. Человек может зависеть от вещей, с чем связано явление «потребительства», «когда процесс приобретения все новых благ становится самоценным, замыкается на самом себе, превращается в центр человеческой деятельности»¹. Объектом эмоциональной зависимости являются моральная поддержка со стороны окружающих, выражение любви и симпатии. Хорошо известно явление игровой зависимости.

Отметим, что на индивидуальном уровне зависимость возникает только тогда, когда некий объект (ресурс, благо) рассматривается индивидом как жизненно необходимый, незаменимый для удовлетворения его потребностей. Эти ресурсы или блага могут и не быть «объективно необходимыми» для благополучия человека (например, в случае зависимости от вещей, игр, алкоголя). Степень зависимости прямо пропорциональна субъективной значимости для индивида того или иного объекта. В этой связи неизбежно возникает

¹ Радаев В.В. Социология потребления: основные подходы // Социологические исследования, 2005. № 1. С. 15.

вопрос о зависимости как *феномене сознания*, которая и определяет поведение индивида и характер его взаимодействий с другими по поводу удовлетворения своих потребностей.

В настоящей работе рассмотрение феномена зависимости ограничено **социально-экономической зависимостью**, объектом которой являются ресурсы жизнеобеспечения людей. Термин «социальный» – это имплицитная характеристика «совместности» человеческой деятельности, ее общественно-го характера. Социальная (взаимо)зависимость возникает в процессе совместной деятельности индивидов, малых и больших групп, организаций, когда они совместно стремятся к целям, «которые для отдельного человека недостижимы вовсе или достижимы с меньшей эффективностью»¹. Понятие «экономический» предполагает рассмотрение взаимоотношений человека с природным и социальным окружением, которые обеспечивают ему средства удовлетворения материальных потребностей. Формальное значение термина «экономический» «подразумевает конкретную ситуацию выбора, а именно: выбора между различными способами использования средств, порождаемого их ограниченностью»².

С экономической независимостью индивидов традиционно ассоциируются ресурсы, получаемые ими в результате оплачиваемой занятости, доходы с собственности, дивиденды с капитала. Такие же источники поддержки, как государственные пособия и льготы, благотворительные пожертвования, внутри- и межсемейные трансферы предполагают некоторую степень зависимости их получателя.

1.2.2. Монополия Провайдера на ресурсы

Отношения зависимости возникают в ходе взаимодействия высоко- и низкоресурсных субъектов по поводу предоставления жизненно важных для

¹ Мизес Л. Социализм. Экономический и социологический анализ. М.: Catallaxy, 1994. С. 191.

² Полань К. Экономика как институционально оформленный процесс // Западная экономическая социология. С. 82.

последнего благ. Как следует из рассмотрения разных уровней зависимости, провайдерами, или поставщиками необходимых ресурсов, могут быть как индивиды, так и надындивидуальные образования – работодатели, благотворительные организации, «социальные государства».

На степень зависимости непосредственное влияние оказывает объективная или субъективная значимость для Зависимого этих благ. Помимо этого, зависимость будет тем выше, чем меньше в распоряжении Зависимого количество альтернативных взаимодействий, в которые он может вступить для доступа к необходимым ему благам. По терминологии А. Хиршмана¹, у субъекта нет или мало возможностей «выхода» из этих отношений. Невозможность «выхода», то есть монопольное положение Провайдера, и есть основополагающий признак зависимости. Такими «монополистами» оказываются транснациональные корпорации, контролирующие рынок того или иного товара; «естественные монополии», обеспечивающие поставки энергетических ресурсов; работодатель в условиях монопромышленного города или высокой безработицы; скупщики сельскохозяйственного сырья в производственной цепочке «производитель – переработчик»; центральная (федеральная) власть; чиновник, от подписи которого зависит возможность функционирования организации; единственный кормилец семьи².

Отношения зависимости являются результатом неравных позиций социальных акторов внутри сетей доступа к ресурсам. *Структурная экономическая зависимость формируется вследствие искусственного ограничения*

¹ Hirschman A.O., Exit, Voice, and Loyalty : Responses to Decline in Firms, Organizations, and Strategies. Cambridge, Massachusetts and London: Harvard University Press, 1970.

² Обращаем внимание на компонент безальтернативности источника благ и монопольного положения Провайдера, поскольку с феноменом зависимости часто отождествляют то, что правильнее было бы назвать «иждивенчеством» или «социальным паразитизмом». В случае социального паразитизма один субъект сознательно пользуется ресурсами другого, имея возможность обеспечивать себя самостоятельно. Типичный пример его – профессиональное нищенство. Другие проявления социального паразитизма связаны с принудительным отъемом ресурсов одними субъектами у других: одни предполагают применение насилия (рэкет, воровство, грабежи), другие – законодательное обеспечение себе разного рода привилегий и «особых прав». См.: Балабанова Е.С. Социально-экономическая зависимость и социальный паразитизм: стратегии «негативной адаптации» // Социологические исследования, 1999. № 4.

доступа акторов к ресурсам и возможности распоряжаться ими, то есть связана с различными проявлениями внеэкономического принуждения. Сложившиеся в данном обществе социальные, экономические и политические институты и соответствующие институциональные взаимодействия определяют «правила», по которым человек может использовать свои индивидуальные ресурсы по достижению значимых для него целей. Поэтому даже актор, потенциально обладающий ресурсами, нередко оказывается зависимым вследствие искусственно созданных барьеров, сокращающих количество альтернативных взаимодействий, в которые он может вступать с целью реализации своих интересов, получения важных для него благ.

Так, основой современной экономической зависимости менее развитых стран является их колониальное прошлое, подчинение внешней правящей силе. Будучи долгое время политически зависимыми, они не могли ничего противопоставить своей экономической эксплуатации метрополиями.

Исследования взаимосвязи общественных гарантий прав собственности и личной свободы граждан показывают, что политические и гражданские свободы, демократические формы правления способны развиваться только в тех обществах, которые гарантируют неприкосновенность частной собственности и возможность полноправного распоряжения ею. В отсутствие таких гарантий неизбежно происходит закрепление отношений личной зависимости и внеэкономического принуждения, «сращивание» политической власти и экономического господства. «Если собственность в каком-то виде еще и возможна без свободы, то обратное немыслимо»¹. Помимо ограничений прав собственности, традиционное общество характеризуется законодательными ограничениями дееспособности в отношении многих социальных групп и их прав заниматься определенными видами экономической деятельности, проживать на определенных территориях.

¹ Пайпс Р. Указ. соч. С. 11.

Обилие примеров искусственного ограничения доступа граждан к экономическим ресурсам дает советская командно-административная экономика. Запрет на занятие предпринимательской деятельностью; «потолок зарплат»; невозможность владеть средствами производства; жесткий контроль трудовой мобильности граждан означали резкое сокращение числа альтернатив, которые могли выбрать граждане для достижения своего материального благополучия.

Как и в Средневековье, современные общества дают немало примеров ограничения доступа граждан к экономическим ресурсам на основе придания им низшего правового статуса. Нарушение права российских граждан на свободу передвижения по территории своей страны в виде института прописки («регистрации») ограничивает их возможности легального трудоустройства, доступ к медицинской помощи и кредитным ресурсам. Этническая дискриминация в бывших советских республиках после развала СССР также создает условия для возникновения экономической зависимости последних¹. Схожая ситуация наблюдается и с вынужденными мигрантами в России из бывших советских республик².

1.2.3. Заменяемость Зависимого

Еще одним фактором, определяющим степень зависимости, является заменяемость Зависимого для Провайдера. Зависимый не является уникальным поставщиком ресурсов, в получении которых заинтересован Провайдер: Зависимый в большей степени заинтересован в Провайдере, чем Провайдер в Зависимом. Провайдер обладает более редким и ценным ресурсом, в то время как Зависимый – широко распространенным и малоценным. У Зависимого

¹ Веэрманн Р., Хелемяэ Е. Предприниматели Эстонии: либеральная общность или этническая разобщенность? // Социологические исследования, 2004. № 8.

² См.: Балабанова Е.С. Вынужденные мигранты: жизненные трудности и ресурсы их преодоления // Куда идет Россия? Власть, общество, личность / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М., 2000; Балабанова Е.С. Вынужденные мигранты: стратегии совладания с жизненными трудностями // Экономическая социология. Том 1. № 2. 2000. <http://www.ecsoc.msses.ru/pdf/ecsoc002.pdf>;

нет (или мало) альтернатив своему Провайдеру, в то время как Провайдер может получить те же ресурсы от большого числа субъектов.

Так, зависимость стран Третьего мира основана на том, что они являются производителями стандартизованных товаров – сырьевых ресурсов, продукции сельского хозяйства. Большому количеству сельхозпроизводителей противостоит монополизм немногочисленных закупочных и перерабатывающих организаций, которые благодаря этому способны предлагать заниженные цены на продукцию. Заменяемым является работник в условиях высокой безработицы.

Заменяемость Зависимых обусловлена такими характеристиками самих Зависимых, которые либо объективно ограничивают им доступ к основным экономическим ресурсам, либо способствуют субъективным проявлениям зависимости. К первым относятся нетрудоспособность Зависимого (инвалидность, детский или пенсионный возраст); его конкретная жизненная ситуация (потеря работы, выход на пенсию, ведение домашнего хозяйства, уход за маленьким ребенком); индивидуальные качества, ограничивающие шансы успешного трудоустройства (низкий уровень образования и квалификации, невостребованная профессия, личностные качества, например, неадекватное поведение, отталкивающая внешность). *Это группа причин, позволяющая характеризовать Зависимого как «низкоресурсного».*

К факторам, способствующим субъективным проявлениям экономической зависимости, или *зависимости как феномену сознания*, относятся, во-первых, установки и ценности, снимающие с индивида ответственность за свое жизнеобеспечение. В этом случае зависимость проявляется как *нормативная ценность*, связанная с делегированием ответственности Другому, причем носитель таких ценностей вовсе не обязательно будет низкоресурсным. Во-вторых, к социально-экономической зависимости как феномену сознания ведут *когнитивные, мотивационные, поведенческие и эмоциональные проявления «зависимой личности».* Это тот случай, когда человек считает се-

бя беспомощным, «некомпетентным» в решении проблемы своего жизнеобеспечения. Он сам – сознательно или неосознанно – конструирует свою зависимость, а согласно известной «теореме Томаса», если ситуация определяется как реальная, то она реальна по своим последствиям.

1.2.4. Властные преимущества Провайдера. Трансформация экономической зависимости во властные отношения

Поскольку Провайдер является безальтернативным поставщиком ценного ресурса, а Зависимый – заменимым поставщиком малоценного, их взаимодействие часто осуществляется в направлении от Провайдера к Зависимому, то есть по схеме «донор – реципиент» или «патрон – клиент». При этом возникает вопрос: зачем Провайдер вступает в асимметричные отношения? Ответом на него являются властные преимущества, который он извлекает из этих отношений, контролируя доступ Зависимого к ресурсам. Это согласуется с выдвинутым М. Грановеттером одним из классических социологических допущений: «преследование экономических целей обычно сопровождается преследованием таких неэкономических целей, как социабельность, одобрение, статус и власть»¹. Как указывает Дж. Погги, «экономической системе внутренне присуща тенденция генерировать внутри себя структуру власти, то есть конституировать форму *социальной* власти»². Эти властные преимущества распространяются не только на собственно экономические ресурсы, но и обеспечивают Провайдеру широкие возможности социального контроля, обеспечивают осуществление этой власти в социетальном контексте³.

Властные преимущества могут быть конечной целью устремлений Провайдера либо представлять для него инструментальную ценность, облегчая ему доступ к другим ресурсам – социальным, культурным, политическим.

¹ Грановеттер М. Экономические институты как социальные конструкты: рамки анализа // Журнал социологии и социальной антропологии, 2004. Том VII. № 1. С. 78.

² Poggi G., *Forms of Power*. Cambridge: Polity Press, 2001. P. 136.

³ Смелсер Н., Сведберг Р. Социологический подход к анализу хозяйства // Западная экономическая социология. С. 31.

Вторая альтернатива отражает способность экономической власти конвертироваться в другие формы социальной власти. В этом плане отмечается актуальность марксистского наследия – «право контролировать, управлять и эксплуатировать вещи влечет за собой власть влиять на людей, управлять людьми и эксплуатировать их»¹. Возможность конвертации экономических ресурсов в другие виды ресурсов рассмотрена П. Бурдьё² и позднее – В. Радаевым³, оперирующими понятием «капитала» в его широком понимании (экономического, культурного, человеческого, социального, административного, политического, символического, физического). Оба автора отмечают, что экономический капитал (денежный, производственный, товарный) образует основу всех других типов капитала, его наличие определяет количество и качество прочих ресурсов.

Итак, неравный доступ к экономическим ресурсам и асимметричные обмены по поводу получения этих ресурсов являются источником *социальной* власти Провайдера, то есть способности влиять на сознание и поведение других людей. В рамках данного исследования мы понимаем власть как способность одного актора принуждать других к действиям в свою пользу, которые бы последние не стали делать добровольно. Сущностными характеристиками социальной власти являются интенциональность и нацеленность на личность другого человека⁴. В отличие от физической власти, предполагающей прямое принуждение, проявления социальной власти связаны с таким воздействием на другого человека, чтобы у последнего сохранялась *иллюзия наличия выбора* – между негативными либо позитивными альтернативами.

Обладание ресурсами обеспечивает Провайдеру властные преимущества, то есть *способность, потенциальную возможность* заставить людей де-

¹ Roemer J.E. What is exploitation? // Philosophy and Public Affairs, 1989. Vol. 18. P. 90-97; Олейник А.Н. Конституция российского рынка: согласие на основе пессимизма? // Социологические исследования. 2003. № 9. С. 39.

² Бурдьё П. Формы капитала // Западная экономическая социология.

³ Радаев В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертации // Общественные науки и современность, 2003. № 2.

⁴ Rummel R.J. Social Power // Rummel R.J. Understanding Conflict and War. Vol. 2. Beverly Hills: Sage, 1976.

вать какие-то вещи. Эти преимущества не обязательно будут востребованы¹. Отношения зависимости трансформируются в отношения власти в момент востребования Провайдером обязательств по отношению к себе, то есть в момент *осуществления* своих властных полномочий.

Как мы только что отметили, проявления социальной власти означают возможность воздействовать на 1) поведение других людей; 2) сознание других людей. Это разделение означает, что объектом манипулирования Зависимым может быть в первом случае – осуществление действий в пользу Провайдера либо, напротив, отказ от выполнения тех или иных видов деятельности, не соответствующих интересам Провайдера; во втором – установки и ценности Зависимого, предполагающие выражения благодарности, проявления лояльности, изменение убеждений и представлений. Рассмотрим эти проявления социальной власти Провайдера над Зависимым.

Контроль над поведением зависимого. Подчинение одних экономических субъектов воле других, намеренное воздействие на поведение Зависимого, лишение его автономии в принятии решений обеспечиваются за счет невозможности (затрудненности) его выхода из отношений зависимости. Малое количество доступных Зависимому альтернативных взаимодействий обуславливает и малое количество альтернатив своему поведению в рамках отношений с Провайдером.

Провайдер может устанавливать в своих интересах базовые условия экономического взаимодействия с Зависимым – «исходные правила и способы распределения ресурсов, включающие, прежде всего, права собственности, структуры управления и правила обмена». За всеми этими правилами скрываются отношения власти². Провайдер обеспечивает себе возможность влиять на формирование вознаграждений, контролировать процессы входа и

¹ Barry B. Power: an Economic Analysis // Power and Political Theory: Some European Perspectives / Ed. B. Barry. L.: Wiley, 1976. P. 70-71.

² Радаев В.В. Рынок как идеальная модель и форма хозяйства. К новой социологии рынков // Социологические исследования, 2002. № 9. С. 25.

выхода из социальной группы, ограничивать мобильность Зависимого. Чем сильнее зависимость, тем более низкоресурсный актер будет склонен заключать соглашения и брать на себя обязательства. Провайдер способен делать Зависимым предложения, от которых те «не смогут отказаться». Зависимый идет на это, дабы обеспечить себе продолжение поступления важных благ.

Власть Провайдера проявляется в том, что он способен контролировать поведение Зависимого путем манипулирования вознаграждениями и санкциями¹. В отличие от симметричных отношений обмена, Зависимый заменим для Провайдера, поэтому применяемые к Зависимому санкции либо дополнительные вознаграждения не несут для Провайдера значительных издержек. В зависимости от того, используются ли по отношению к Зависимому санкции или вознаграждения, мы можем выделить две основные формы контроля поведения зависимого: власть-принуждение и власть-торг.

Власть-принуждение предполагает манипулирование поведением зависимого путем санкций, главной из которых является угроза лишений – прекращения доступа к ресурсам, лишения Зависимого привычных благ либо продолжения его депривации от важных ресурсов. По терминологии Дж. Коулмена, такого рода власть относится к «навязанному» типу², то есть устанавливается за счет шантажа Провайдера в отношении Зависимого.

В. Радаев определяет принуждение как «безальтернативное подчинение человека внешним по отношению к нему условиям, т.е. [ситуация принуждения] связана с ситуациями отсутствия выбора»³. На наш взгляд, осуществление власти-принуждения связано с выбором, который Зависимому приходится совершать из нежелательных альтернатив поведения, то есть выбором между «плохим и очень плохим». Так, потребитель в условиях «экономики дефицита» вынужден покупать товары и услуги низкого качества, поскольку

¹ Barry V. Op. cit. P. 90.

² *Цит. по:* Олейник А.Н. Конституция российского рынка. С. 38.

³ Радаев В.В. Экономико-социологическая альтернатива Карла Поляни // Экономическая социология, Том 5. №. 5. Ноябрь 2004. С. 26-27. http://www.ecsoc.msses.ru/pdf/ecsoc_t5_n5.pdf

единственная альтернатива его поведению – вообще остаться без товаров и услуг. Зависимость регионов от федеральных трансфертов обеспечивает трансформацию экономической власти Центра в политическую – политическую лояльность региональных лидеров и их отказ от проведения самостоятельной социально-экономической политики.

Власть-принуждение с наибольшей вероятностью будет применена к не-лояльным Зависимым. Акторы, обладающие возможностью «выхода», либо выходят из отношений принуждения, либо выдвигают в адрес Провайдера встречную угрозу – угрозу выхода. Это обеспечивает им возможность «голоса», благодаря чему они способны не допустить принуждения в отношении себя, вступая в «торг» за ресурсы и права с Провайдером. Однако с ростом степени зависимости «голос» Зависимого в отношениях с Провайдером ослабевает, то есть его возможности изменить ситуацию в своих интересах сокращаются¹. Так, если работники ключевых подразделений организации и ее ведущие специалисты могут влиять на управленческие решения, то рядовой зависимый работник вынужден «проглотить» свое недовольство политикой менеджмента, условиями и уровнем оплаты труда, поскольку в противном случае будет «отлучен» от ресурсов жизнеобеспечения путем урезания заработной платы, лишения возможности дополнительного заработка или увольнения.

Власть-торг представляет способ манипулирования поведением Зависимого путем обещания некоторых вознаграждений – расширения доступа к ресурсам, предоставления дополнительных благ. Это механизм стимулирования определенных действий Зависимого.

Воздействие на поведение путем принуждения и торга носит «инструментальный» характер, часто является очевидным для Зависимого и не предполагает его неперенной лояльности Провайдеру. Такого рода властные отношения наиболее ярко проявляются в условиях искусственно созданных барьеров доступа экономических акторов к ресурсам, то есть когда само мо-

¹ Hirschman A.O. Op. cit.

нопольное положение Провайдера является результатом внеэкономического принуждения. В этом случае нередко имеют место недовольство, оппортунистическое поведение со стороны Зависимого, его стремление выйти из отношений зависимости. Поэтому для наиболее эффективного подчинения Провайдеру необходимо воздействие еще и на устремления, желания, установки, интересы и ценности Зависимого, то есть контроля над его сознанием.

Контроль над сознанием Зависимого, назовем ее «власть-авторитет», предполагает формирование комплекса моральных обязательств Зависимого перед Провайдером в ответ на заботу последнего. Задачей Провайдера является в этом случае убеждение Зависимого в том, что: 1) все, что делается Провайдером, наилучшим образом соответствует интересам Зависимого; 2) сам Зависимый не в состоянии столь же хорошо о себе позаботиться (если вообще способен); 3) интересы Провайдера и Зависимого непротиворечивы, то есть зависимый, действуя в пользу Провайдера, несомненно обеспечивает и свое собственное благополучие; 4) те действия, выполнения которых ожидает Провайдер от Зависимого – это лишь малая толика благодарности, которой может отплатить Зависимый Провайдеру за заботу о себе.

Таким образом, властный ресурс Провайдера распространяется не только на установление «правил игры» с Зависимым, но и на культурно-символическое поле, обеспечивающее Провайдеру привилегию интерпретировать ситуации, определять «смыслы» в соответствии со своими интересами. Что же касается Зависимого, то власть-авторитет предполагает целенаправленное формирование у него черт «зависимой личности», искренне верящей в свою беспомощность и мотивированной всячески угождать Провайдеру – своему защитнику, кормильцу и благодетелю.

В политологических и социологических исследованиях такие отношения получили название «клиентелизма»¹ – отношений доминирования, господства и подчинения, в которых одна из сторон – патрон – является покрови-

¹ Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность. М.: МОНФ. 2000.

тельствующей, а вторая – клиент – покровительствуемой¹. Однако в исследованиях трудовых отношений и взаимодействия «социальных государств» и граждан чаще используется термин «патернализм»² – вмешательство в свободу действий индивидов или социальных групп, оправданное целями наилучшего содействия их интересам и благосостоянию.

Отношения патернализма предполагают, что Провайдер лучше самого Зависимого понимает нужды и интересы последнего, убеждает его в том, что он сам не способен столь же хорошо распорядиться имеющимися у него ресурсами и принимать рациональные решения. Это означает, что Зависимого следует уберечь от риска неверных решений, то есть, во-первых, он должен быть отстранен от экономических и управленческих ресурсов, распоряжение которыми влечет за собой ответственность. Во-вторых, надо контролировать все аспекты его жизни, дабы он своим неразумным поведением не причинил себе вреда. Это механизм делегирования ответственности Провайдеру, причем ограничение свободы облекается в «освобождение» Зависимого – от бремени ответственности за себя.

Получается, что Зависимый, теряя абстрактное «право выбора», не просто получает взамен от Провайдера осязаемые важные блага, но и обретает, по терминологии Фромма, «вторичные узы», обеспечивающие ему чувства стабильности, защищенности и предсказуемости своей жизни, пусть небольшой, но гарантированный кусок хлеба. Как мы уже отмечали, в традиции понимания свободы как материальной обеспеченности это состояние защищенности от рисков и ответственности и считается истинным проявлением свободы. Торг и принуждение, посредством которых на поведение опекаемых воздействует Провайдер, оказываются для них завуалированными.

¹ Ковалев Е. Взаимосвязи типа «патрон-клиент» в российской экономике // Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. С. 128.

² Различные определения патернализма см.: Dworkin G. Paternalism // Paternalism / Ed. R. Sartorius. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1983. P. 20; The Blackwell Dictionary of Social Policy / Ed. Alcock, P., Erskine, A., and May, M. Oxford: Blackwell Publishers, 2002. P. 175; Johnson A.G., The Blackwell Dictionary of Sociology. 2nd ed. Oxford: Blackwell Publishers, 2000. P. 221.

Как мы помним, к характеристикам «зависимой личности» относятся не только убежденность в собственной беспомощности и мотивация на получение помощи, но и безусловная лояльность к Провайдеру и страх потерять его поддержку. Чтобы поддерживать Зависимого в этом состоянии, в отношениях патернализма у него целенаправленно формируется комплекс моральных обязательств перед Провайдером. По этой причине, в отличие от эквивалентных отношений обмена, которые носят инструментальный характер, в отношениях зависимости обычно присутствует моральные и эмоциональные компоненты. Власть Провайдера оказывается настолько признанной, что Зависимые видят в подчинении ей свой долг, а Провайдер – реализацию своего неотъемлемого права. Попытки же Зависимого вступить в торг за свои права и ресурсы будут расцениваться как «неблагодарность». В терминологии М. Вебера это легитимное господство рационального или традиционного характера¹.

Итак, на основании контроля к доступу к экономическим ресурсам Провайдер приобретает властные преимущества в своих отношениях с Зависимым. Он способен манипулировать поведением Зависимого, используя инструменты санкций (угроз) и вознаграждений (обещаний). Наиболее эффективным и удобным для Провайдера способом подчинения Зависимого является контроль над личностью последнего, формирующий у него когнитивные, мотивационные, эмоциональные и поведенческие характеристики «зависимой личности».

1.2.5. Неэффективность и кумулятивный характер отношений зависимости

Отношения зависимости носят кумулятивный характер, то есть заключают в себе механизм их самовоспроизводства и усиления. Провайдер, воздействуя на поведение и личность Зависимого, обеспечивает 1) дальнейшее

¹ Вебер М. Типы господства // Социологические исследования». 1988, № 5.

исключение Зависимого от самостоятельного доступа к контролируемым им ресурсам; 2) готовность Зависимого подчиняться власти Провайдера.

Кумулятивный характер отношений власти-зависимости обусловлен уже упомянутой нами способности ресурсов, или «капиталов», к конвертации. «Капитал воспроизводится именно благодаря смене своих форм, их взаимному превращению»¹. Например, экономические ресурсы (деньги), конвертируясь в политические, создают, в свою очередь, возможность их обладателю преумножить свои экономические ресурсы, конвертировав ресурс политического влияния в собственность. Соответственно, экономическая зависимость также трансформируется в разные формы зависимости – политическую, моральную, правовую.

Поддержание Провайдером отношений зависимости закрепляет, а иногда и усиливает его монопольный доступ к ресурсам, поддерживая отсутствие или ограниченный характер прав Зависимого на использование ресурсов, а всякая монопольная власть способна к экспансии. Поскольку экономическая власть трансформируется в прочие виды социальной власти, это создает условия для внеэкономического принуждения Зависимого, то есть создания структурных ограничений доступа к рычагам влияния и распределения ресурсов, сужения альтернатив возможностей в преследовании Зависимым своих целей. Эти структурные ограничения усугубляются еще и «зависимыми» индивидуально-личностными качествами опекаемого, которые вырабатываются в результате делегирования ответственности и формирования моральных обязательств перед Провайдером. Так образовывается «порочный круг» зависимости, не позволяющий Зависимому обрести автономию.

Справедливости ради отметим, что возможности выхода из отношений зависимости все-таки существуют, причем разорвать эти отношения либо трансформировать их в «симметричный» обмен может только сам Зависимый

¹ Радаев В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертации // Экономическая социология. 2002. Том 3. № 4. http://www.ecsoc.msses.ru/pdf/ecsoc_t3_n4.pdf. С. 21.

(ведь Провайдер заинтересован в их сохранении и закреплении).

Хотя из отношений зависимости выгоду извлекает, прежде всего, Провайдер, он также несет на себе издержки неэффективности. Это бремя ответственности за Зависимого. Например, поддержание государством высокого уровня социальных обязательств означает бремя социальных расходов, перекладывающееся на плечи налогоплательщиков, что порождает их «оппортунистическое поведение», связанное с уходом от налогов. На уровне зависимости регионов от Центра действующие механизмы региональной помощи порождают иждивенческие настроения в дотационных регионах и лишают регионов-доноров стимулов к развитию¹. Негативные последствия для Провайдера могут иметь им же сформированные завышенные ожидания Зависимого. Так, социально-экономическая зависимость от государства как нормативная ценность приводит сегодня к социальной напряженности в российском обществе и высокой политической цене, которую государству приходится платить за попытки сокращения своих социальных обязательств.

Негативные последствия отношений зависимости для самого Зависимого выражены в его повышенной уязвимости – 1) социально-правовой, связанной с ограничением его прав и свобод, 2) экономической, связанной с риском одностороннего отказа Провайдера от своих обязательств.

Ограничение прав и свобод Зависимого связано с уже упомянутой проблемой слабости его «голоса» – он мало что может предложить в «торге» с Провайдером и имеет мало шансов выйти из этих отношений. Зависимый защищен от некоторых внешних «угроз», однако ничто не защищает его от власти Провайдера. Так, отношения государственного патернализма носят всеобщий, тотальный характер, подчиняя себе и тех, кто не желает быть опекаемым. Количество альтернатив, которые может выбрать индивид, ограничивается не столько его персональными ресурсами – интеллектуальными и

¹ Поздняков А., Лавровский Б., Масаков В. Политика регионального выравнивания в России (основные подходы и принципы) // Вопросы экономики, 2000. № 10.

предпринимательскими способностями, уровнем образования и профессиональной квалификации – сколько теми рамками, которые задает ему «защищающее государство». На уровне зависимости работника от работодателя правовая уязвимость Зависимого проявляется в неформальных договоренностях, определяющих условия и оплату труда, возможность получения дополнительного дохода и страхования рисков на условиях, выгодных Провайдеру, а не Зависимому. Или другой пример – незащищенность экономически зависимой женщины в семье выражается в подчинении ее личных интересов интересам семьи, ее более слабом голосе при принятии важных семейных решений, разделении домашнего труда, которое женщина не может изменить в свою пользу, ее уязвимости перед насилием. Во всех случаях возможности Зависимого защитить свои права весьма ограничены – он либо считает их нарушение «естественной» платой за поддержку Провайдера, либо в силу «выученной беспомощности» не верит, что их можно отстоять, и не предпринимает никаких попыток в этом направлении.

Экономическая уязвимость Зависимого связана с риском прекращения отношений зависимости либо изменения «правил игры» в невыгодную для Зависимого сторону. Полагаясь на внешнюю поддержку, Зависимый развивает поведенческие и ценностные компоненты «диффузии ответственности» – отказа отвечать за свои поступки либо предпринимать самостоятельные действия по достижению своих целей в расчете на то, что это за него сделают другие. Зависимый не склонен искать альтернативных поставщиков ресурсов, с которыми ему, возможно, было бы выгоднее взаимодействовать. Экономическая пассивность детренирует человека, препятствуя развитию им своих качеств, которые он мог бы предложить в процессе обмена с другими людьми и извлечь из этого больше выгод, чем из отношений с Провайдером. Поэтому в случае прекращения отношений поддержки Зависимый, действительно, оказывается беспомощным, будучи «социально некомпетентным» – не обладая профессиональными и социальными навыками, позволяющими

адаптироваться к самостоятельной жизни. Ценностная компонента «диффузии ответственности» проявляется в формировании «иждивенческой» позиции, или зависимости как нормативной ценности. Убежденность в том, что за его благополучие должны отвечать другие, ориентирует Зависимого в случае затруднений не на конструктивные действия по улучшению собственной ситуации, но либо обрекает на пассивное ожидание, либо направляет его активность в русло борьбы с Провайдером.

Как видим, правовая и экономическая уязвимость Зависимого обуславливают его низкий адаптивный потенциал. Мы связываем трудности индивидуальной социально-экономической адаптации граждан к новым условиям жизни в течение последних 15 лет в России прежде всего с поведенческими и ценностными особенностями, сформированными у населения советской системой государственного патернализма. Когда эти отношения были прекращены в результате реформ 1990-х годов, значительная часть граждан оказалась беспомощной в новых условиях. «Феминизация бедности», то есть значительная доля женщин в составе малообеспеченного населения, также проистекает из структурной и нормативной социально-экономической зависимости женщин, что будет предметом специального рассмотрения в § 4.4.

Таким образом, отношения зависимости являются механизмом накопления преимуществ для Провайдера и углубления депривации для Зависимого. В их процессе Провайдер благодаря контролю над необходимыми Зависимому ресурсами обретает властные преимущества, которые затем могут быть конвертированы в ресурсы политические, культурные, социальные. Благодаря властным преимуществам Провайдер обеспечивает себе возможность осуществлять в отношении Зависимого внеэкономическое принуждение и формировать у зависимого комплекс моральных обязательств в отношении себя, то есть закреплять и легитимировать свое монопольное обладание ресурсами. Зависимый же не получает доступа к ресурсам, а, напротив, остается исключенным от них – как по структурным, так и индивидуально-

личностным причинам. Это создает условия для ограничения его свобод и нарушения прав, а также обуславливает его низкий адаптивный потенциал.

Заключение к Главе I

На основе анализа ключевых составляющих отношений зависимости мы определяем *социально-экономическую зависимость как отношения между социальными акторами, возникающие по поводу обмена экономическими ресурсами и характеризующиеся подчинением низкоресурсного актора высокоресурсному*. Важнейшими особенностями такого взаимодействия являются высокая потребность Зависимого актора в ресурсах, находящихся под контролем другого актора – Провайдера. Ввиду того, что Зависимый не может получить эти ресурсы из альтернативного источника и не в состоянии предложить в обмен столь же ценные для Провайдера ресурсы, их отношения носят асимметричный характер, то есть осуществляются по схеме «донор-реципиент». Последнее создает условия для обретения Провайдером властных преимуществ. Контролируя доступ Зависимого к экономическим ресурсам, Провайдер получает возможность контролировать его поведение на основе угроз прекращения доступа к экономическим ресурсам либо обещаний расширить возможности этого доступа, а также манипулировать личностью Зависимого путем целенаправленного формирования у последнего комплекса ожиданий, моральных обязательств и лояльности. Таким образом, Провайдер конвертирует свои экономические преимущества в преимущества социальные. Эти отношения носят самовоспроизводящийся характер и обладают кумулятивным эффектом закрепления контроля Провайдера над жизненно важными для зависимого ресурсами и депривации Зависимого от этих ресурсов. Утверждение о неэффективности таких отношений основано на потерях, которые несет общество в целом, организации и семьи вследствие недоиспользованного потенциала Зависимого, а также на потерях самого Зави-

симого вследствие ущемления его прав и свобод и экономической уязвимости.

Определяя в целом социально-экономическую зависимость как *отношения*, выделим ряд ее частных аспектов, которые ставят перед нами конкретные исследовательские вопросы.

1. По причинам своего возникновения зависимость может быть следствием 1) искусственно созданных барьеров, ограничивающих доступ одних экономических акторов к ресурсам и позволяющих другим монополизировать этот доступ; 2) недостаточных ресурсов самого Зависимого. Следовательно, объектом нашего анализа в первом случае являются институциональные «правила игры» в данном конкретном обществе, обуславливающие полноту обладания экономическими свободами; во втором – индивидуально-личностные качества самих Зависимых.

2. Властные отношения, развивающиеся в результате отношений зависимости, могут иметь объектом своего воздействия 1) поведение Зависимого; 2) его сознание. В первом случае отношения власти очевидны для Зависимого, поскольку Провайдер манипулирует им посредством «торга» и «принуждения». Во втором случае у Зависимого формируется комплекс моральных обязательств в отношении Провайдера, что обуславливает его лояльность и готовность «добровольно» подчиняться и делает для него отношения власти «невидимыми». Следовательно, объектом изучения являются средства воздействия Провайдера на поведение и личность Зависимого.

3. Последствия отношений зависимости заключаются в 1) закреплении депривации Зависимого от необходимых ему экономических ресурсов посредством ограничения его индивидуальных прав и свобод; 2) развитию у него зависимости как феномена сознания – стремлении делегировать Провайдеру ответственность за себя и готовность отказаться от ряда своих прав и свобод в обмен на материальную обеспеченность. Объект изучения в этом

случае – «внешние» и «внутренние» ограничители свободы экономического поведения Зависимого.

4. Социально-экономическая зависимость как феномен сознания включает в себя 1) когнитивные, мотивационные, эмоциональные и поведенческие характеристики «зависимой личности», то есть уверенность в собственной беспомощности, страх перед совершением самостоятельных действий, низкие показатели самоэффективности (типичное утверждение – «я не могу заработать себе на жизнь»); 2) зависимость как нормативную ценность, то есть комплекс представлений, обосновывающих притязания Зависимого на получение поддержки со стороны Провайдера (типичное утверждение – «государство обязано обеспечивать своих граждан»). Объектом изучения являются, соответственно, «ресурсные» и «ценностно-нормативные» характеристики Зависимых.

5. Соответственно, мотивация отношений зависимости со стороны самого Зависимого может быть результатом 1) объективного или субъективного отсутствия у Зависимого альтернативных взаимодействий для получения необходимых ему ресурсов; 2) сознательной стратегии использования ресурсов Провайдера при наличии собственных ресурсов достижения значимых целей («иждивенчества», или «социального паразитизма»). Объекты изучения – отношения «зависимости» и «паразитизма».

6. Социально-экономическая зависимость как феномен сознания и депривация от необходимых ресурсов обуславливает низкий адаптивный потенциал ее носителей и оказывает воздействие на их поведение в двух основных направлениях: 1) экономическая пассивность; 2) враждебные действия в отношении Провайдера. В первом случае индивиды смиряются со своей экономической депривацией, нарушением прав и ограничением свободы. Во втором – стремятся сохранить или восстановить отношения зависимости, используя способы внеэкономического давления на Провайдера (коллективные акции протеста, шантаж, психологическое и физическое насилие). Поэтому

объектом изучения становится взаимосвязь недостаточных ресурсов, зависимых установок и экономического поведения индивидов.

7. Возможность прекращения отношений зависимости всецело зависит от воли самого Зависимого и предполагает 1) отказ от зависимости как нормативной ценности; 2) мобилизацию собственных профессиональных, деятельностных, социальных ресурсов для поиска альтернативных взаимодействий, обеспечивающих доступ к жизненно необходимым ресурсам.

ГЛАВА II СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЗАВИСИМОСТЬ В ЗАПАДНОМ ОБЩЕСТВЕ

Рассмотрение социально-экономической зависимости на макросоциальном уровне ставит в центр внимания проблему перераспределения доходов в пользу малоимущих. Российская и западная парадигмы ее решения существенным образом различаются. Истоки этих различий лежат, с одной стороны, в исторически сложившихся институциональных условиях взаимодействия государства и граждан, с другой, в глубинных основах экономической культуры. Эти различия сформировались в Средние века и углубились под влиянием религиозных трансформаций, индустриальной революции, а позднее – моделей государственной социальной политики. Целесообразность такого рассмотрения обусловлена тем, что Россия в настоящее время проходит очередной виток своей «догоняющей модернизации», активно заимствуя в выработке практических решений западные модели, основанные на принципах экономического либерализма и гражданского общества.

2.1. Историческое развитие понятий свободы и зависимости на Западе

Эпохе Средневековья, с которой мы в данной работе начинаем отсчет истории развития понятий свободы и зависимости, соответствовало общество традиционного типа, для которого были характерны коллективистские формы социальной организации, жесткие сословные перегородки, тотальный контроль Церкви над жизнью общества. Они являлись, по терминологии Э. Фромма, «первичными узами», своего рода пуповиной, обеспечивавшей функциональное единство человека с внешним миром¹. «Первичные узы» обеспечивали чувство защищенности в условиях высоких жизненных рисков,

¹ Фромм Э. Указ. соч. Гл. 2.

ограничивая при этом свободу людей, утверждая приоритетность коллективных интересов над индивидуальными. Классовое деление и соответствующие ему аскриптивные социальные статусы освящались христианской идеологией, воспринимались как единственно возможные и справедливые; личная активность человека (экономическая в том числе) была ограничена необходимостью следования традиции и воздержания от «греховных» поступков.

Индивидуальная экономическая свобода подавлялась также отсутствием эффективного института прав собственности: в эпоху Средневековья важнейший экономический актив – земля – находится в собственности верховного правителя; земельная же собственность прочих землевладельцев носит условный характер. Таким образом, верховный правитель является монопольным обладателем ключевого экономического ресурса, что обеспечивает ему широкие властные полномочия в отношении своих подданных. «Там, где государство считает себя собственником всех производственных ресурсов, у отдельных людей или семей нет средств сохранять свою свободу, потому что экономически они полностью зависят от верховной власти»¹. В доиндустриальном обществе зависимость носит «всеобщий», структурный характер; она обусловлена институциональными барьерами экономической свободы. В иерархически организованном феодальном обществе зависимость от сюзерена считалась неким заданным условием, подобно зависимости от Бога, и отношения личной зависимости – вассально-иерархические и крепостнические – пронизывали все социальные отношения².

Такой характер взаимоотношений государства и его подданных в начале Нового времени (1651 г.) получил свое обоснование в «Левиафане» Т. Гоббса³. Английский философ использует образ библейского чудовища как символ всеобъемлющего и самодостаточного государства, в отсутствие которого

¹ Пайпс Р. Указ. соч. С. 159.

² Fraser N., Gordon L. Op. cit. P. 124.

³ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. Часть II. О государстве // Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1991.

общество погрязнет в анархии («войне всех против всех»). Отсюда делается вывод о необходимости абсолютной власти суверена, в обязанности которого входит обеспечение не только безопасности, но и «блага народа». Со стороны же подданных предполагается подчинение своих интересов «воле и суждению носителя общего лица». Фактически признается необходимость неограниченной власти государства и ограничения свободы граждан во имя обеспечения «общего блага», причем право на определение критериев этого «блага» также остается за государством. Впоследствии образ Левиафана стал использоваться для обозначения деспотических форм правления и модели государственного патернализма.

Отсутствие экономической свободы означало и отсутствие идеи персональной ответственности индивида за свое благосостояние. Для традиционалистской культуры характерен экстернальный локус контроля – чувство неподвластности воле отдельных людей происходящих с ними событий. В то время зависимость еще не связывается с индивидуальной экономической деятельностью человека, его личными качествами. Это предопределило фаталистическое отношение к бедности и нищете, которые считались результатом стечения обстоятельств, не подвластных действиям индивида («волей Божьей»). Более того, бедность и аскетизм были условием нравственного очищения христианина. Бедняк был тем «ближним», кому христианское вероучение рекомендовало помогать путем филантропической деятельности в обмен на «спасение души». Не случайно в средневековой Европе существовали целые нищенствующие монашеские ордена, и их «иждивенчество» воспринималось как норма.

Однако в позднем Средневековье начинают складываться институты гражданского общества, индивидуальных прав и свобод, которые снимают многие структурные барьеры индивидуальной экономической свободы, утверждают примат индивидуальных интересов над групповыми и выводят на первый план индивидуально-личностные причины зависимости.

Субъектом таких преобразований стала земельная аристократия, заинтересованная в расширении своих экономических и политических полномочий. Это было обеспечено, прежде всего, закреплением за представителями дворянства прав собственности на землю и имущество, обеспечивающим им возможность безусловного владения и полноправного распоряжения ими. В результате верховные правители теряли свой монопольный статус собственника важнейшего экономического ресурса, что уменьшало их возможности манипулировать своими подданными. Не имея собственных достаточных средств, король не мог осуществлять власть без согласия своих подданных. Логика ограничения государственной власти была такова, что «оплачивающие существование правительства должны обладать исключительным правом держать его под своим контролем». Это обеспечило возможность развития представительной власти – парламента, контролирующего доходы и влияющего на решения короля¹.

Развитие индивидуальных прав и свобод сильно ограничило пределы вмешательства государства в экономическую деятельность и частную жизнь граждан. Верховной власти была задача гарантировать соблюдение права как системы общеобязательных норм, регулирующих взаимодействия людей. Теоретическое обоснование такого рода взаимоотношений гражданина и государства принадлежит Дж. Локку². Согласно ему, государство возникает с целью надежного обеспечения не «общего блага» (как у Гоббса), а «естественных прав» путем соблюдения законов. Закону отводится решающая роль в сохранении свободы личности, ее защиты от произвола и деспотической воли как самого государства, так и других лиц. Право на жизнь, владение имуществом, свободу являются неотчуждаемыми правами, в которые не может вмешиваться государственная власть.

Концепция Локка легла в основу «либеральной» модели государства.

¹ Пайпс Р. Указ. соч. С. 54, 154, 171, 178, 200-205, 211, 309, 313, 365.

² Локк Дж. Два трактата о государственном правлении // Локк Дж. Соч.: В 3 т. Т. 3. М., 1988.

Локковская идея гарантий соблюдения законности как главной функции государства была дополнена требованием невмешательства государства в экономическую сферу. Крылатым стало выражение французского экономиста Ж.К. Гурне (1758 г.) *“laissez faire, laissez passer”* (фр. «*позволяйте делать [что хотят], позволяйте идти [куда хотят]*»). Мишенью либеральной критики становились любые притязания государства на контроль и перераспределение доходов своих граждан. Единственная задача чисто либерального государства – защита жизни и собственности от внутренних и внешних врагов. Оно является «производителем» безопасности» (в XIX в. немецкий социал-демократ Ф. Лассаль назвал такое государство «ночным сторожем»).

Первоначально индивидуальные права и свободы носили характер «привилегий», распространяющихся лишь на узкий слой элиты, однако уже в Средневековье постепенно происходит «просачивание» этих прав и свобод «сверху вниз», когда их обладателями становятся все более широкие слои населения. Помимо закрепления за индивидами прав собственности, важнейшую роль в становлении западноевропейского понимания свободы как экономической самостоятельности сыграли процессы урбанизации. Разрушение средневековых крестьянских общин (в том числе насильно, например, в процессе «огораживаний» в Англии) способствовало разрыву «первичных уз», экономической поляризации крестьянства и его оттоку в города.

Последние, являясь центрами ремесла и торговли, способствовали не только ускорению экономического развития благодаря специализации труда и обменной деятельности, но и обеспечивали своим жителям личную свободу. Город обеспечивал его жителям большое количество «слабых» социальных связей¹, то есть расширял круг знакомых, являющихся потенциальными источниками информации, поддержки, содействия мобильности. Именно население европейских городов стало социальной базой протестантской «куль-

¹ Термин М. Грановеттера. См.: Granovetter, M. The Strength of Weak Ties // American Journal of Sociology. 1973. Vol. 78. P. 1360-1380.

туры индивидуализма», ключевой компонент которой – представление о персональной ответственности человека за свое благосостояние.

Протестантизм, ставший идеологической опорой развития среднего класса в Европе, буржуазных и индустриальных революций, сакрализовал деловой успех как доказательство богоизбранности индивида, залог его будущего спасения. Теперь «нормой» оказались активность, достижение цели и постоянное стремление вверх. Следовательно, аномативными, дисфункциональными становятся многие традиционные нормы христианства – созерцательность, пассивность, примирение с нуждой. Принципиально изменившееся отношение к бедности хорошо просматривается в высказываниях апологетов протестантской и либеральной морали: «Если хочешь быть бедным, не надо стремиться к богатству, но если хочешь быть богатым, берись за плуг и выбивайся сам из земли» (М. Лютер); «Бог помогает тем, кто сами себе помогают» (Б. Франклин). Трудоспособный нищий совершал грех бездеятельности¹. Сущность протестантского отношения к бедным выразил Ф.М. Достоевский в своих путевых заметках: «Англиканский священник не пойдет к бедному. Бедных и в церковь не пускают... Это религия богатых и уж без маски»².

Снятие структурных барьеров экономической свободы привлекло внимание к индивидуально-личностным причинам бедности. В позднем Средневековье формируется негативное отношение к нищим, в частности, и к бедным вообще. По мере развития западной («протестантской») трудовой этики исчезает безусловная готовность поддерживать всех, кто просит подаяние. Это нашло отражение в законах, ограничивающих нищим свободу передвижения и отводивших им специальные места для сбора милостыни. Кроме того, возникает сначала стихийное, а затем кодифицированное в законах (на-

¹ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // М. Вебер. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 191.

² Достоевский Ф.М. Зимние заметки о летних впечатлениях / Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30-ти т. Т. 5. Л.: Наука, 1973. С. 73.

пример, в XIV веке в Англии) деление нищих на «приличных» (*reputable*) и «неприличных» (*disreputable*). Первые определялись как достойные помощи, поскольку их нищета была следствием не зависящих от них обстоятельств – болезни, сиротства, пожаров. К «неприличным» бедным стали относить трудоспособных людей, чье положение считалось результатом их *личных* качеств – лени или неумения вести дела. Зависимость «неприличных» бедных становится постоянной мишенью критики и причиной негативного отношения общественности к благотворительности, а позднее – к социальным программам государства. Со времен Закона о бедных (*Poor Law Reform Act*) 1834 г. в британской социальной политике сохранялся принцип «меньшей правомочности» (*less eligibility*) «неприличных» бедных¹.

В XIX веке в западной социальной мысли одними из наиболее влиятельных течений становятся мальтузианство и социал-дарвинизм, в русле которых бедные рассматривались как «излишнее население», лентяи, отщепенцы, не соответствующие трудовой этике протестантизма, недостойные заботы. Ф. Гиддингс писал, что «неприличные» бедные «выставляют себя жертвами, симулируют, желают жить только паразитами»². В том же ключе были и высказывания других видных социальных мыслителей того времени – Г. Барнетт, Г. Мейхью, Ч. Бута. В западной социальной мысли конца прошлого века были четко разделенные понятия «респектабельный» рабочий класс и «приличные» бедные, с одной стороны, и «осадок» – с другой³.

Данные обстоятельства стали причиной того, что до 90-х годов XIX века на Западе широко практиковались репрессивные меры борьбы с нищими, а филантропические акции были уделом частных лиц и негосударственных организаций. Ответственность за бедных несли члены их семей, церковь, соседские общины. В отношении частных благотворительных фондов к бедня-

¹ Maltby T. Op. cit. P. 45.

² Цит. по: Ярошенко, С.С. Проблематика субкультуры бедности... С. 30.

³ Hartley, D. and Taylor-Gooby, P. *Dependency Culture: the Explosion of a Myth*. N.Y. and L.: Harvester Wheatsheaf, 1992. P. 30-32.

кам хорошо просматривался «патерналистский» подход: не ограничиваясь материальной поддержкой как таковой, благотворители осуществляли контроль за использованием предоставленных средств. Ввиду опасений того, что бедняки неспособны «рационально» распорядиться получаемой помощью и не допустить злоупотреблений ею, их стремились избавить от свободы выбора. На протяжении почти всего XIX и начала XX вв. практиковались методы прямого регулирования домашнего хозяйства: ограничение потребительской свободы зависимых категорий населения призвано было направить их расходы в «нужное» русло. В. Зелизер объясняет такое отношение тем, что присутствовало четкое разделение «зарплаты» и «пожертвований». Последние были качественно иным видом денег, обеспечивавшим их получателям лишь иллюзорную свободу¹.

К концу XIX столетия начали складываться первые модели государственной социальной защиты. Социальная политика оправдывала государственное вмешательство в перераспределение доходов и осуществление определенных услуг и программ, с которыми не справляются рыночные механизмы. При определенном влиянии «гуманистического» направления решающим фактором в разработке первых социальных программ все же были не столько «права» бедных, сколько достижение задач социальной и политической стабильности европейских государств и США, то есть предотвращение насильственного перераспределения экономических ресурсов в пользу «опасных классов». Существует мнение, что *Welfare State* (в разных контекстах переводится как «Государство социального обеспечения» или «Государство всеобщего благоденствия») изначально являлось инструментом укрощения («приручения», вспомним цитату из «Великого Инквизитора» Достоевского) этих опасных классов. Ведь не случайно исторически первая модель «социального государства» появляется в 1880-е годы и совпадает по времени с подъемом рабочего движения. Так, в Германии времен Бисмарка социаль-

¹ Зелизер В. Создание множественных денег // Западная экономическая социология. С. 425-426.

ное страхование от болезней, производственных травм и старости было механизмом ослабления рабочего движения и снижения популярности среди рабочих социал-демократической партии. Социальная защита обеспечивала лояльность рабочих как политической силы. Поскольку другие социальные группы не представляли на тот момент угрозы стабильности государства, об улучшении их положения речи не велось¹.

Итак, состояние зависимости как подчиненности воле верховного правителя и коллективу, в котором проживали индивиды, было состоянием абсолютного большинства членов традиционного общества. Зависимость базировалась на структурном ограничении доступа людей (социальных групп) к экономическим ресурсам, позволявшим им преследовать свои индивидуальные интересы и решать задачи жизнеобеспечения независимо от верховной власти или общины. Развитие прав частной собственности способствовало утверждению ценностей личной независимости и складыванию системы права. Соответственно сокращаются полномочия государственной власти по вмешательству в жизнь своих подданных. Ликвидация структурных барьеров экономической независимости выдвигает на первый план индивидуально-личностные причины зависимости и бедности людей.

2.2. Институционализованная зависимость на Западе: государственная социальная политика и Underclass

Если до I Мировой войны государственные социальные программы предусматривали в основном страхование наемных работников от болезней, производственного травматизма и старости, то их последующее развитие стало опираться на совершенно новые принципы оказания помощи. Помимо социального *страхования*, все большее социально-политическое значение стали приобретать программы социального *обеспечения*. США оказались

¹ Rose, H. Social Welfare Policy // Social Science Encyclopedia / Ed. Kuper, A., Kuper, J. L. and N.Y.: Routledge, 1989. P. 791; Bonoli, G., Classifying Welfare States: a Two-dimension Approach // Journal of Social Policy, 1997. Vol. 26. Part 3. P. 358.

«пионером» разработки и осуществления этих программ, инициированных начавшейся в 1929 г. печально известной «Великой депрессией». «Новый курс» Франклина Рузвельта в числе прочих поставил задачу не только защиты небедных от возможности стать бедными, но и гарантированного обеспечения, по выражению Рузвельта, «удобно устроенной жизни» для каждого гражданина. Это существенно расширяло представления об ответственности общества за удовлетворение материальных потребностей индивидов.

Практической реализацией принципов «государства социального обеспечения» в США стала «Война с бедностью» – правительственная программа, принятая администрацией президента Л. Джонсона в 1964 г., – которая существенно расширила круг получателей социальной помощи на основании проверки недостаточности средств (*means-test*). Основной программой этого типа стала созданная еще в 1935 г. и просуществовавшая до 1996 г. Программа помощи неполным семьям с детьми (*Aid to Families with Dependent Children – AFDC*). Суть ее заключалась в материальной поддержке неполных (обычно материнских) малообеспеченных семей.

Государственная социальная политика, призванная гарантировать всем своим гражданам минимальный уровень жизни, существенно превышающий потребности физиологического выживания индивида (семьи), обусловила появление ранее не существовавшего элемента социальной структуры развитых стран – «андекласса» (*underclass*) – социальных слоев, длительное время или постоянно живущих на иждивении у государства. Андекласс представляет собой наиболее многочисленную экономически зависимую группу трудоспособных людей в современном западном обществе и является предметом ожесточенных социально-политических дебатов. Критики современной системы социального обеспечения и «справа», и «слева» едины в том, что экономическая зависимость взрослых здоровых людей – это зло, а также в том, что главным виновником сложившейся ситуации является государство.

В количественных характеристиках андекласс оценивается от 1 до 10% населения США¹. Типичная «семья на Welfare» начала 90-х годов состояла из незамужней женщины 20-30 лет, с 1-2 детьми. В расовом отношении в 1990 году 40% составляли белые, 40% – черные, 17% – латинос².

Почему «андекласс»? Как известно, большинство стратификационных схем в современной социологии ставят в основание социального разделения не просто уровень доходов и потребления, но род профессиональных занятий индивида, наличие у него доступа к важнейшим материальным и духовным ресурсам общества. С этой точки зрения, к «низшим» слоям обычно относят «рабочих», то есть граждан, занимающихся физическим трудом. Получатели пособий выпадают из большинства таких схем, поскольку не участвуют в профессиональной деятельности вообще (или участвуют нерегулярно), не имеют самых важных в современном обществе ролей – профессиональных. Поэтому термин «андекласс» отображает реальную исключенность этих людей из жизни общества, положение вне принятых статусных иерархий, их экономически маргинальную позицию. Р. Дарендорф считает, что андекласс вообще выпадает из классовой схемы, поскольку не имеет постоянных отношений со «способом производства» – легальной занятостью за зарплату³.

2.3. Современные концепции андекласса: «культура зависимости» или несовершенство общества?

Институционализованная социально-экономическая зависимость, являющаяся предметом рассмотрения данной главы, представляет собой зависимость низкоресурсных социальных групп, нуждающихся в средствах жизнеобеспечения, обладателем которых является государство в лице представителей социальных служб и министерств, отвечающих за выделение и распреде-

¹ Hartley, D. and Taylor-Gooby, P. Op. cit. P. 33.

² Bane, M.J., Ellwood, D.T. Welfare Realities: From Rhetoric to Reform. L. and Cambridge: Harvard University Press, 1995. P. x-xi.

³ Dahrendorf, R. Footnotes to the Discussion // Understanding the Underclass / Ed. D.J. Smith. L.: Policy Studies Institute, 1992. P. 57.

ление средств на социальную защиту. Как мы указывали в модели социально-экономической зависимости, депривация Зависимого от необходимых ресурсов может быть следствием 1) структурных барьеров, искусственно ограничивающих доступ к ресурсам; 2) индивидуально-личностных характеристик самого Зависимого. Соответственно, в первом случае «вина» возлагается на несовершенство общества и его отдельных институтов (структуралистские объяснения), во втором речь идет об индивидуальной ответственности самого человека (индивидуалистические объяснения).

Со времен английского Закона о бедных 1834 г. в дискуссиях о первопричинах бедности и зависимости доминировал второй подход. Менялись лишь названия зависимых групп: «трудоспособные бедные», «упорные попрошайки», «культура бедности», «андекласс», «матери на Welfare»¹. Предложенная О. Льюисом в 1960-е годы концепция «культуры бедности»² была столь влиятельной, что надолго сместила общий тон обсуждения проблемы андекласса на акцентирование индивидуально-личностных качеств людей и воспроизводство бедности как субкультуры. Общий тон публикаций 60-х годов носил характер морального осуждения «иждивенческого» андекласса, доминировали его «культурные» объяснения, а критика социальной политики государства заключалась в том, что оно своими неоправданно щедрыми программами создает новый, ранее не существовавший иждивенческий класс получателей социальных пособий. Правые политические силы, апеллируя к протестантскому девизу «Бог помогает тем, кто сам себе помогает», ратуют за сокращение государственных социальных программ на том основании, что бедные – это пассивные неудачники либо рациональные эгоисты, эксплуатирующие систему пособий.

Альтернативный подход, усилившийся в 1980-90-е годы, ставит под сомнение уместность моральных коннотаций, делает упор на структурных ус-

¹ Schmitz, D., Goodin, R. *Social Welfare and Individual Responsibility. For and against.* Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

² Lewis O. *La Vida*; Ярошенко С. Синдром бедности // Социологический журнал, 1994. № 2.

ловиях, не позволяющих людям выйти из состояния бедности и зависимости. Левые политические силы делают свой политический капитал на расширении социальных программ на том основании, что «бедные – это жертвы несправедливой экономической системы»¹. Они критикуют государство за то, что оно не противодействует процессу социального исключения, «запирающего» депривированные группы населения в самом низу социальной лестницы. Таким образом, исторически существовавший водораздел между «хорошей» и «плохой» зависимостью сегодня трансформировался в представления о приоритетности структурных либо индивидуально-личностных факторов зависимости. Рассмотрим аргументы обеих сторон подробнее.

2.3.1. Правые: ведущая роль индивидуально-личностных причин зависимости

Свой наибольший политический вес «культурные» объяснения зависимости обрели в США и Великобритании в эпоху консервативных правительств конца 1970-х-начала 1980-х гг. Среди ученых самым известным проповедником «борьбы с зависимостью» стал Ч. Мюррей², резко критиковавший безразборчивую благотворительность «социальных государств». Либеральная традиция изучения бедности делает акцент на поведение людей, их ответственность за свое материальное благосостояние, их установки и ценности, условия социализации в семье. Подчеркивается, что зависимость – это состояние, нормальное для ребенка, но не для взрослого. Используются результаты эмпирических исследований, показывающих, что многие получатели пособий являются также и обладателями целого шлейфа вредных привычек – алкоголизма, наркомании, страсти к азартным играм³. Д. Элвудом⁴ бы-

¹ Jordan, B., James, S., Kay, H., Redley, M. Trapped in poverty? Labour-market decisions in low-income households. L. and N.Y.: Routledge, 1992. P. 38; George, V. and Wilding, P. Ideology and Social Welfare. L.: Routledge & Kegan Pall, 1985.

² Murray, C., Losing Ground: American Social Policy 1950-1980. New York, Basic Books, 1985.

³ Schmidt, L., Dohan, D., Wiley, J., Zabkiewicz, D. Addiction and Welfare Dependency: Interpreting the Connection // Social Problems, 2002. Vol. 49. No. 2.

⁴ Ellwood, D. The Origins of 'Dependency': Choices, Confidence or Culture? // Focus, 1989. Vol. 12. No. 1.

ла предложена типология поведенческих моделей зависимости.

1. Модель рационального выбора, предполагающая анализ индивидами своих выгод и издержек в сфере жизнеобеспечения. Зависимость оказывается результатом не безысходности, но экономического расчета, и поведение бедных содержит в себе скрытые выгоды. К примеру, мать-одиночка стоит перед выбором – низкооплачиваемая работа или пособие. Занятость для нее не имеет смысла, если: 1) зарплата на доступной ей с ее низкой квалификацией работе не будет покрывать затрат, связанных с уходом за детьми; 2) ей положены существенные социальные льготы. Таким образом, женщина, имея, в принципе, возможность работать и обеспечивать себя самостоятельно, остается на пособии, потому что это экономически выгоднее. Высказываются мнения, что из 100 получателей Welfare едва ли 5 пытаются использовать возможности системы, чтобы перестать его получать¹. Поэтому государственная благотворительность не сокращала, а увеличивала количество «нуждающихся»: программа AFDC фактически стала поощрять цветных незамужних женщин обзаводиться детьми, перекладывая расходы по их содержанию на государство, в результате чего в США число внебрачных рождений увеличилось за последние 40 лет в разы².

2. Модели «ожиданий» – зависимость как результат потери уверенности в себе. Еще Ф. Хайек указывал на то, что зависимость – это атрибут слабовольной личности: «независимый ум или сильный характер редко встречаются у людей, не уверенных, что они смогут сами себя прокормить»³. «Модель ожиданий» восходит к теориям «зависимой личности». Эмпирические исследования безработных показали, что отказ от поиска работы отражает не недостаток мотивации для трудоустройства, а отсутствие уверенности в успехе поиска. Отмечается, что люди с «зависимыми» установками,

¹ Jordan, B. *et al.* Op. cit. P. 38.

² Пайпс Р. Указ. соч. С. 364; Tanner, M. *The End of Welfare*. Washington, D.C., 1996. Pp. 63, 70; Schmitz, D., Goodin, R. Op. cit. P. 17.

³ Хайек Ф.А. Дорога к рабству. С. 94-95.

действительно, дольше сидят на пособиях, чем все остальные¹.

3. Культурные модели, предполагающие существование субкультуры с ценностями и нормами, отличными от господствующих в обществе. Это модель «зависимость как девиация», «иждивенческие» ценности и установки, жизнь сегодняшним днем. Она подчеркивает межпоколенную преемственность жизни на пособиях. Ответственность возлагается на «более чем щедрую» систему Welfare, создающую «иждивенческую культуру» – набор ценностей зависимости и мошенничества². То есть андекласс – это во всех отношениях «лишние» люди, чьи установки и поведение исключают их из рынка труда и могут быть усилены получением социальных пособий³.

Таким образом, индивидуально-личностные объяснения зависимости возлагают ответственность на самих бедных и на систему их социальной поддержки, «поощряющую иждивенчество». Соответственно, во всех случаях основным средством борьбы с зависимостью рассматривалось «внедрение чувства персональной ответственности», возлагаемое на одиноких матерей требование более тщательно пользоваться контрацепцией, внедрение системы отработки пособий.

2.3.2. Левые: андекласс как жертвы структурно созданной зависимости

Исследователи и политики, тяготеющие к социал-демократической традиции, указывают на первостепенное влияние внешних по отношению к людям факторов формирования андекласса. В морально-нравственной плоскости возражения против концепции «культуры бедности» основываются на утверждении, что то, что бедные будто бы «боятся работы» (*work-shy*) – это миф в общественном сознании, который представляет собой защиту от жалости к бедным⁴. Признавая, что поведение бедных действительно заметно от-

¹ Bornstein R.F. Op. cit. P. 178.

² Morris, L. Dangerous Classes: The Underclass and Social Citizenship. L. and N.Y.: Routledge, 1994. P. 102.

³ Cornford, J. Policy Issues and the Underclass Debate // Understanding the Underclass. P. 59.

⁴ Jones, K. Mythology and social policy // Dependency to Enterprise / Ed. J. Mitton. L. and N.Y.: Routledge, 1991. P. 36.

личается от среднего класса, «структуралисты» оправдывают его тем, что у бедных просто недостаточно ресурсов для других форм поведения. Среди объективных причин, препятствующих стабильной занятости и запирающих андекласс на социальном дне, выделяются следующие.

Структурная безработица. Тенденции развития рынка труда развитых стран сегодня таковы, что резко сужается спрос на неквалифицированный труд, практически отсутствуют возможности для продвижения низкоквалифицированных работников. Их рабочие места оказываются наиболее нестабильными. Это происходит вследствие технического прогресса и перемещения трудоемких производств в страны Третьего мира. Сужается сегмент рынка труда, на который претендуют именно представители андекласса.

Блокированные возможности социальной мобильности выражаются, прежде всего, в неравенстве доступа к образованию. Экономическое неравенство является отражением неравных инвестиций в образование и профессиональную подготовку¹. Исследования показывают, что зависимость от социальных пособий наиболее распространена среди клиентов с низкими инвестициями в человеческий капитал². Около 50% получателей пособий не закончили среднюю школу³. Выгоды от инвестиций в «ответственное» поведение, типичное для среднего класса (продолжение учебы), оказываются значительно меньшими для бедняков, чем для представителей среднего класса⁴.

Процессы социального исключения. Идея социального исключения исходит из того, что социальные механизмы развития современного общества продуцируют *сепарацию* бедных, их исключение из быстро повышающихся жизненных стандартов. Бедность – это не просто низкий уровень доходов и потребления или «неправильная» социализация, но и разрыв социальных свя-

¹ Becker, G.S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education. Chicago: University of Chicago Press, 1993.

² Blank, R.M., Ruggles, P. Short-term recidivism among public-assistance recipients // American Economic Review, 1994. Vol. 84. P. 49–53.

³ Handler J.E. Social Citizenship and Workfare in the US and Western Europe: From Status to Contract // Journal of European Social Policy. 2003. Vol. 13. No. 3.

⁴ Димаджо П. Культура и хозяйство // Западная экономическая социология. С. 495.

зей и кризис идентичности¹. Так, факт потери работы часто играет роковую роль в жизни индивида, поскольку она чревата выпадением из социальных сетей, резким уменьшением социального участия.

Кроме этого, в процесс социального исключения входит и территориально-пространственная сегрегация бедных. Рост пригородов мегаполисов за счет переезда туда обеспеченного населения означает и перемещение в пригороды инфраструктуры их обслуживания, то есть большого количества рабочих мест. Бедные оказываются «запертыми» в гетто больших городов с наихудшими жилищными условиями и условиями получения образования, высоким уровнем преступности, отсутствием рабочих мест. Жизнь в замкнутом социальном окружении, действительно, обуславливает специфические личностные характеристики и формы социального участия бедных².

Правила предоставления социальной помощи бедным. К структурным условиям воспроизводства зависимости относятся не только «внешние» по отношению к системе социальных пособий факторы, но и механизмы, заложенные в основы предоставления помощи. Несмотря на то, что программы общественного вспомоществования поглощают огромные ресурсы, они оказались бессильными искоренить бедность, вместо этого государство «институционализировало» ее³. В программах Welfare практически отсутствует ориентация на развитие и активизацию собственных ресурсов людей. В ряде случаев государственная помощь даже сокращает эти жизненные шансы, формируя у получателей пособий «собесовскую ментальность» (*Welfare mentality*) – психологического состояния человека, вынужденного зависеть от государства, чтобы выжить⁴.

Рассмотренные нами факторы – это компоненты так называемой «ловушки бедности» (*poverty trap*), в которую попадают представители анде-

¹ Погам С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования // Журнал социологии и социальной антропологии, 1999. Том II. Современная французская социология.

² Hartley, D. and Taylor-Gooby, P. Op. cit.

³ Murray, C. Op. cit.

⁴ Auletta, K. Op. cit. P. 121.

класса. Нарушить этот цикл воспроизводства неравенства может только государство – путем перераспределения доходов, политикой в сфере обеспечения более равного доступа к образованию, жилищными программами. Поэтому развитие социальных программ США и Великобритании в последнее десятилетие представляло собой уже не столько «борьбу с бедностью» (то есть перераспределение доходов), сколько «борьбу с зависимостью».

2.4. «Борьба с зависимостью»: современные тенденции развития социальной политики в США и Западной Европе

2.4.1. Новая идеология предоставления социальной помощи

«Борьба с зависимостью» стала одним из ключевых лозунгов американской и западноевропейской социальной политики последнего десятилетия, призванной преодолеть кризис Государства социального обеспечения. Оформи́вшись как идеология «новых правых» в период правления М. Тэтчер в Великобритании и Р. Рейгана в США, реформа социального обеспечения была практически реализована в конце 1990-х правительствами Т. Блэра и Б. Клинтона. Новая идеология социальной политики в развитых странах основывается на следующих принципах.

«Маркетизация» Государства социального обеспечения. Критика стремительной экспансии государства в послевоенные годы привела к необходимости преодоления противоречия между социальной защищенностью широких слоев населения и эффективностью национальной экономики. Ставится цель возрождения «конкурентного государства» путем ослабления государственного вмешательства в экономику, снижения перераспределительной активности государства (прежде всего, уменьшения налогового бремени), высвобождения механизмов конкуренции в целях достижения экономической эффективности. Это означает сокращение социальных программ, ослабление давления социальных расходов на рыночный сектор экономики. Провозгла-

шается трансформация Обеспечивающего Государства в Государство Регулирующее, Редистрибутивного Государства – в Государство Инвестирующее. Принципы рыночной эффективности затронули и собственно социальную сферу – ставка делается на выявление потенциально прибыльных направлений социальных услуг и их передаче в частный сектор. Заметной тенденцией социальной политики развитых стран становится стремление проводить ее в интересах большинства населения, то есть среднего класса, а не *worst-off* (то есть «худших»)¹.

Активная роль клиентов социальных служб. Практика оказания помощи, которая предполагает пассивную роль ее получателей (пособия, льготное медицинское обслуживание, питание, предоставление жилья), признается неэффективной. Акцент переносится с денежных компенсаций на улучшение социального функционирования людей. Провозглашается, что Государство социального обеспечения должно быть превращено из «спасательного круга» в «лодку для новых возможностей», при этом традиционные пособия по бедности на основе нуждаемости остаются только как последний шанс во время беды. Все более популярной становится концепция социальной политики “*Do-It-Yourself*” («сделай-это-сам»)², направленной на поощрение активности и личной ответственности людей за свое обеспечение.

Так, в США с 80-х годов практикуется отход от прямых государственных расходов в сторону обеспечения возможностей увеличения трудовых доходов бедных³. Отмечается необходимость социально-психологической реабилитации безработных. Принимая во внимание социальный состав получателей пособий, важной задачей становится укрепление традиционной модели семьи с двумя родителями. Другие предложения основываются на первоочередности поддержки *работающих бедных* («те, кто играют по прави-

¹ Klein, R. Millar, J. Do-It-Yourself Social Policy: Searching for a New Paradigm? // Social Policy & Administration, 1995. Vol. 29. December. P. 314.

² Ibid. P. 303.

³ Данцигер Ш. Бедность // Энциклопедия социальной работы. Пер. с англ. Т. 1. М., 1993. С. 49.

лам, не должны проигрывать») и недопустимости долговременной денежной поддержки тех, кто может работать¹.

Перенос акцента с «прав» на «обязанности» клиентов социальных служб. Поворот общественного мнения к ценностям индивидуализма обусловил внимание к ответственности тех, кто живет на общественном иждивении, и отразился в появлении «морального» компонента в программах социальной защиты. После нескольких десятилетий доминирования социал-демократических лозунгов безусловных «социальных прав», которые человек может предъявлять самим фактом своего существования, вновь стало распространенным восприятие бедности в этических категориях: произошел возврат к англо-саксонской традиции разделения (не)приличной бедности и (не)заслуженности помощи. В рамках философии «социального контракта», или «дискурса обязанностей»², ставится вопрос: а что сами люди сделали для того, чтобы не быть бедными, и что они могут предложить обществу в обмен на то, что оно их содержит? В программе партии лейбористов в Великобритании заявлено, что обязанности нравственно и логически предшествуют правам³, Э. Гидденс провозглашает принцип «никаких прав без обязанностей» как главный лозунг новой социальной политики⁴, а А. Этциони предлагает ввести мораторий на большинство, если не на все, новые «права»⁵. Тем самым бросается вызов «культуре зависимости» и утверждается новое понимание «социального гражданства» – ни один трудоспособный гражданин не должен брать из общего котла, ничего со своей стороны туда не вкладывая⁶.

¹ Bane, M.J., and Ellwood, D.T. Op. cit. P. 143-147.

² Mead, L.M. The Rise of Paternalism // The new paternalism: supervisory approaches to poverty / Ed. L.M. Mead. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 1997.

³ Lister, R. New Conceptions of Citizenship // Developments in British Social Policy / Ed. N. Ellison, C. Pierson. L.: Macmillan, 1998.

⁴ Giddens, A. The Third Way: The Renewal of Social Democracy. Cambridge: Polity Press, 1998. P. 65.

⁵ Etzioni, A. The Spirit of Community. N.Y.: Simon and Schuster, 1993. P. 4.

⁶ Green, D. Liberty, Poverty and the Underclass. A classical-liberal approach to public policy // Understanding the Underclass. P. 74.

2.4.2. Практическая реализация новых принципов предоставления социальной помощи

Принципы «маркетизации» социального государства, активизации клиентов системы социального обеспечения и повышения их персональной ответственности за свою жизнь практически воплощаются в тенденции накладывать обязательства на клиентов, а именно, в двух «новшествах» программ социальной защиты развитых стран: 1) реализации программ занятости (как добровольной, так и обязательной); 2) тенденции применения санкций за несоблюдение условий получения помощи и «неприемлемые» поведение и образ жизни клиентов.

К концу 1980-х гг. в США и Великобритании получила широкое распространение идея о том, что один из возможных выходов из тупиковой ситуации с «иждивенчеством» андекласса – это обязывать получателей пособий по бедности отрабатывать на общественных работах. Считалось, что это более справедливо в отношении основной массы налогоплательщиков, из чьего кармана финансируются социальные программы, и позволит преодолеть упомянутые выше недостатки системы социального обеспечения. В США, а впоследствии и в других странах, стали развиваться программы обязательной отработки пособий их получателями, получивших обобщенное название *workfare* («работа в обмен на пособие»). Принцип *workfare* лег в основу реформы американской системы социального обеспечения. В 1996 г. Б. Клинтон подписал Закон о личной ответственности и возможностях трудоустройства (*Personal Responsibility and Work Opportunity Act – PRWOA*), который предусматривал строгие временные ограничения на получение пособий и требование их отработки. Закон отменил практику выплаты наличных денег безработным одиноким родителям, заменив программу AFDC Программой временной помощи нуждающимся семьям (*Temporary Assistance for Needy*

Families – TANF)¹. Если в рамках AFDC можно было сидеть на пособии до тех пор, пока младшему ребенку не исполнится 18 лет, то отныне нельзя получать пособие больше 2 лет подряд и больше 5 лет в сумме². По новому законодательству получатели пособий не квалифицируются автоматически для участия в программе Medicaid или Программе продовольственных талонов. Эти ограничения более чем вдвое сократили количество получателей пособий – с 12,2 млн. чел. в 1996 г. до 5,3 млн. в 2002-м³.

Одновременно, следуя логике первоочередной поддержки работающих бедных, были существенно расширены налоговые льготы низкодоходным работающим семьям. В рамках Кредита по налогу на заработанный доход (*Earned Income Tax Credit*) таким семьям предоставляется отсрочка на уплату подоходного налога с его последующим возмещением⁴. Отметим принципиально иную природу такого рода помощи: государство не *доплачивает* семье за ее бедность, но *меньше отнимает* у нее.

Масштабность изменений и их первых результатов позволяют характеризовать эти реформы как самые значительные в американской социальной политике со времен «Войны с бедностью» Л. Джонсона, а принятые на уровне штатов Программы приобретения опыта работы (*Work Experience Programs*) – как самые масштабные программы общественных работ со времен Великой Депрессии. Программы *workfare* способствуют преодолению социальной изоляции получателей пособий, выводя их социальные контакты за пределы родственных сетей обмена, формируя у них коллективную идентичность работающих людей⁵. Сходные по своему характеру, но менее жесткие и радикальные, чем в США, реформы системы социального обеспечения бы-

¹ Web-сайт Отдела помощи семье Департамента здоровья и человеческих ресурсов Правительства США: <http://www.acf.hhs.gov/programs/ofa/>

² Zuckerman, D.M., Kalil, A. Introduction: Welfare Reform: Preliminary Research and Unanswered Questions // *Journal of Social Issues*, 2000. Vol. 56. Issue 4.

³ Handler, J.E. Op. cit.

⁴ Web-сайт Налогового управления Министерства финансов США: <http://www.irs.gov/individuals/article/0,,id=96406,00.html>

⁵ Goldberg, C.A. Welfare Recipients or Workers? Contesting the Workfare State in New York City // *Sociological Theory*, 2001. Vol. 19. No. 2.

ли осуществлены в Великобритании и в странах континентальной Европы¹.

Итак, с разной степенью последовательности и в США, и в европейских государствах социального обеспечения в последние 10 лет система поддержки малообеспеченных реформируется в направлении активизации их участия в трудовой деятельности. Согласно предложенной нами модели социально-экономической зависимости, такой поворот явился реакцией политиков и общественности на негативные последствия социально-экономической зависимости андекласса, а именно: 1) издержки неэффективности, которые несет Провайдер, поддерживая Зависимого; 2) уязвимость и низкий адаптивный потенциал Зависимого. Реформа социальной политики США и Великобритании отражает прежде всего обеспокоенность общей неэффективностью государства с повышенными социальными обязательствами и значительной прослойкой лиц, живущих на общественном иждивении. Отсюда и радикальный характер их реформ с весьма жесткими требованиями к получателям пособий. Государства же континентальной Европы акцентируют внимание на негативных последствиях зависимости для самих получателей пособий, поэтому их программы нацелены на «социальную активацию» безработных. Но в обоих случаях реформы ставят своей конечной целью достижение людьми экономической независимости, которая наиболее полно соответствует как их личным, так и интересам «большого общества».

Заключение к главе 2

Следуя предложенной нами модели отношений социально-экономической зависимости, в этой главе на примере исторического развития западных государств мы рассмотрели 1) структурные и индивидуальные факторы зависимости граждан от государства; 2) неэффективность отношений зависимости как для государства, так и для зависимого «андекласса».

¹ Lewis J. Responsibilities and Rights: Changing the Balance // Developments in British Social Policy 2 / Ed. N. Ellison, C. Pierson. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2003; Handler, J.E. Op. cit.

В доиндустриальный период экономическая зависимость граждан от верховной власти была обусловлена структурными причинами, моделью взаимодействия государства и гражданина, получившего отражение в «Левиафане» Т. Гоббса. Экономическая несвобода индивидов также обуславливалась идеологией подчинения индивидуальных интересов групповым, общинной организацией жизни.

Эпоха индустриализации способствовала ослаблению структурных причин зависимости индивидов. Зависимость граждан от государства была ослаблена благодаря надежной защите прав частной собственности и формированию либерального правового государства (модель которого получила обоснование в трудах Дж. Локка), ограничивающего пределы вмешательства верховной власти в жизнь граждан. Большей экономической свободе способствовала индивидуализация общественной жизни, связанная с процессами урбанизации, формирования среднего класса и идеологией протестантизма.

По мере того как ослабевали структурные, усиливалось внимание к индивидуально-личностным причинам бедности и экономической зависимости. Это нашло отражение в сложившемся разделении бедных на «приличных» и «неприличных». По этой причине в западной культуре сформировались представления о зависимости как девиации, негативное отношение к трудоспособным людям, пользующимся общественным вспомоществованием. Складывающиеся в середине-конце XIX в. первые государственные программы социальной защиты преследовали, прежде всего, задачу «укрощения опасных классов» с целью недопущения социальных взрывов на почве массовой бедности и экономического неравенства.

Новая идеология в отношении помощи нуждающимся формируется в период становления Государств всеобщего благоденствия (*Welfare States*). В 1930-40-е годы XX в. становится популярной концепция всеобщих «социально-экономических прав», предполагающая такой гарантированный государством минимум доходов, который позволял бы вести каждому гражданину

«удобно устроенную жизнь». Одним из результатов новой социальной политики этих государств стало формирование так называемого «андекласса» – социального слоя трудоспособных людей, постоянно или длительное время живущих на социальные пособия, то есть зависимых в своем жизнеобеспечении от государства-провайдера.

Зависимость андекласса начиная с 1960-х гг. стала предметом пристального внимания политиков и общественности. Правые политические силы объясняют эту зависимость индивидуально-личностными особенностями представителей андекласса, «культурой зависимости» и рациональным выбором этих людей в пользу паразитирования на обществе. Левые отдают приоритет структурным барьерам, исключая андекласс от ресурсов жизнеобеспечения, то есть считают его продуктом «социальной несправедливости», социально-экономического неравенства.

При этом и те, и другие признают тот факт, что существенный вклад в конструирование зависимости малоимущих вносит сама система социального обеспечения. К началу 1990-х гг. эта критика стала столь сильной, а неэффективность программ социального обеспечения столь очевидной, что правительства развитых стран начинают предпринимать усилия по их реформированию с целью содействия экономической независимости представителей андекласса. США и Великобритания, инициировавшие этот процесс, осуществили наиболее жесткий вариант реформ, которые предполагают ограничение сроков пребывания на пособиях, участие в общественных работах как условие получения пособий (*workfare*) и жесткий контроль за поведением и образом жизни получателей. Страны континентальной Европы отличаются более мягкими методами реформирования своих социальных программ, делающими акцент на «социальную активацию» безработных. В обоих случаях ставка делается на поощрение экономической независимости низкоресурсных людей, которая способствует самостоятельной реализации ими собственных интересов и содействует благосостоянию общества в целом.

Зная результаты западных программ «Войны с бедностью», Россия как страна догоняющей модернизации имеет шанс не повторить их ошибок. Сегодня популярным клише в дискуссиях о реформировании российских социальных программ является *«адресность социальной поддержки»*. Однако феномен андекласса – лучшее подтверждение тому, что без встроенных в фундамент социальных программ мер по стимулированию самообеспечения трудоспособного населения *«адресные»* программы неизбежно будут формировать специфический слой государственно-зависимого населения.

ГЛАВА III СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЗАВИСИМОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Настоящая глава представляет социетальный уровень анализа социально-экономической зависимости в России – исторически сложившихся социальных институтов, обуславливающих, в отличие от Запада, *массовое* распространение зависимых установок и стратегий экономического поведения.

3.1. Ограничители экономической свободы в дореволюционной России

Зависимость как характеристика российской национальной экономической культуры была сформирована, во-первых, искусственными ограничителями доступа людей к ключевым экономическим ресурсам, во-вторых, системой норм и правил экономической деятельности, препятствовавших реализации индивидуальных способностей людей, ограничивавших диапазон социально приемлемых моделей экономического поведения. Такими ограничителями экономической свободы были 1) крестьянская община; 2) экспансионистское государство.

3.1.1. «Первичные узлы»: общинная организация жизни

Структурной особенностью традиционной культуры являются замкнутые формы социальной организации. Таковой в русской деревне была сложившаяся к IX в. крестьянская община, важнейшими характеристиками которой были коллективный труд и потребление. Исторически ее возникновение было обусловлено «мобилизационно-коммунальной» производственной средой – естественно-географическими условиями ведения сельского хозяйства, которое было невозможно без сконцентрированных во времени коллек-

тивных усилий. Разумеется, общинная организация социальной жизни была характерна и для средневековой Западной Европы. Однако в Европе, как мы отмечали в Главе 2, крестьянская община была разрушена естественным развитием капиталистических отношений – специализацией и товарным характером аграрного производства, экономической дифференциацией и территориальной мобильностью крестьян.

Совсем иной путь был характерен для России. Слабая заселенность территории препятствовала добровольной специализации, разделению труда и развитию отношений частной собственности, а значит, и эффективному использованию имеющихся ресурсов, развитию механизмов обмена, большей доходности труда и формированию гражданского общества¹. Малая плотность населения и слабо развитые коммуникации на территории России означали преобладание натурального хозяйства: крестьяне были вынуждены кормиться тяжким трудом, использовать примитивные методы обработки земли и примитивные формы обмена, а значит, существовать в режиме выживания. На всем протяжении своей дореволюционной истории Россия оставалась аграрной страной (ко времени Октябрьской революции 1917 года крестьянство оставляло более 80% населения страны), в докапиталистический период ее развития отсутствовала стадия городского хозяйства. Слабое развитие городов и их роль не столько как индустриальных, сколько как административных и религиозных центров, также не способствовали развитию капиталистических отношений в российской деревне. В свою очередь, наличие достаточных площадей и богатство природных ресурсов давали возможность длительного ведения промыслового и экстенсивного сельского хозяйства, когда объемы производства можно было увеличить за счет освоения новых площадей и увеличения трудозатрат (а не новых аграрных технологий).

Помимо естественно-географических особенностей экономического развития страны, существенную роль в искусственном сохранении крестьянской

¹ См.: Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Гл. 8. Приложение F; Пайпс Р. Указ. соч. С. 112-113, 122-124.

общины сыграл поддерживаемый государством режим крепостничества и подушного налогообложения: общинный принцип коллективной ответственности (круговой поруки) обеспечивал удержание крестьян на земле, сбор податей в пользу государства и предоставление требуемых от них благ и услуг в пользу помещиков. Государственная поддержка общины продолжалась и после отмены крепостного права. Многие полномочия в отношении крестьянина, которыми ранее обладали помещики, были переданы общине. Права на землю также получали не сами крестьяне, но община в целом¹.

Общинная организация жизни обусловила специфику отношений собственности в российской деревне. Особенность общинного землевладения заключалась в том, что собственником земли выступал не отдельный хозяйствующий субъект, а их группа, коллектив. Право владения землей обезличивалось. Существовала практика передела общинных земель каждые 10 лет пропорционально рабочей и податной силе крестьян. Исключалась купля-продажа земли, ее залог, изъятие в погашение долга. Общинное землепользование представляло собой так называемую систему открытых полей (СОП), или чересполосицу, при которой крестьяне обрабатывают участки, принадлежащие им до сбора урожая и разбросанные в разных уголках земли, которой владеет община. После сбора урожая данная земля использовалась коллективно, обычно для выпаса скота.

Все эти факторы обуславливали замкнутость общины на собственное экономическое пространство, консервацию общинной организации жизни в деревнях, значимость коллективного труда и соответствующих ценностей.

3.1.2. Экспансионистское государство: монополия верховной власти на экономические ресурсы и традиции внеэкономического принуждения

Со времен образования централизованного Московского государства и на всем протяжении последующей истории России в стране господствовала

¹ Пайпс Р. Указ. соч. С. 241, 257, 264-265; Мизес Л. Социализм. С. 41.

авторитарная политическая система. Потребность в централизованном милитаризованном государстве исторически определялась двумя важнейшими факторами: 1) необходимостью мобилизации всех ресурсов для защиты от внешних нападений, наличием постоянных угроз независимости страны извне; 2) территориальной экспансией. Авторитарная форма правления обуславливала тотальное господство государства над обществом, приоритетность ценностей «национальной безопасности», «государственных интересов» по отношению к правам и свободам граждан и, что важно для предмета нашего исследования, – концентрацию экономических ресурсов страны в руках верховной власти.

Если в Западной Европе развитие ценностей экономической свободы и индивидуализма шло как «сверху» – со стороны земельной аристократии, добившейся у верховной власти гарантий неприкосновенности частной собственности, так и «снизу» – со стороны населения городов, то развитие России шло по принципиально иному пути.

Исторически для российского общества была характерна *незащищенность прав частной собственности* – важнейшего условия экономической независимости граждан. В отличие от стран Западной Европы, в России вплоть до 1785 г. – до жалованной «Грамоты на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» Екатерины II – право собственности носило *условный характер* и господствовала так называемая «*раздаточная экономика*»¹, для которой характерно слияние верховной власти и собственности. Ее суть – в искусственном ограничении доступа экономических субъектов к экономическим ресурсам страны, прежде всего, главному производственному ресурсу – пахотной земле, и монополизация этого ресурса в одних руках. Верховным собственником всех земель оставался монарх, аристократия же не имела своих земель в *собственности*, а *владела* ими, и

¹ О «раздаточной экономике» см.: Бессонова О.Э. Институциональная теория хозяйственного развития России // Социальная траектория реформируемой России / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск, 1999; Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск, 2001.

это владение носило временный и условный характер. Если на Западе собственность являлась условием независимости индивида, то наделение собственностью человека в раздаточной экономике означает его «привязывание» к государству, зависимость от него. С укреплением централизованного Московского государства все слои населения в той или иной форме были законодательно прикреплены к земле. Таким образом, монарх был верховным обладателем не только экономических, но и человеческих ресурсов государства¹.

Итак, незащищенность прав частной собственности, монополизм государственной власти на важнейшие экономические ресурсы страны обуславливали состояние социально-экономической зависимости от государства подавляющего большинства населения. Как мы указывали в нашей модели отношений зависимости, такое положение вещей обеспечивало закрепление власти государства над своим народом (то есть самовоспроизводящийся характер отношений зависимости); экономическую уязвимость и бесправие граждан; формирование в русском национальном характере черт «зависимой личности»; массовое распространение норм конформности, подавляющих проявления индивидуализма и выводящих представления об ответственности за благосостояние людей вовне. Взятые вместе, эти характеристики экономической культуры были неэффективными как в плане экономического развития страны, так и развития правового государства и гражданского общества.

3.2. Последствия ограничения экономической свободы в дореволюционной России

Структурные ограничения экономической свободы ставили людей в зависимое положение, то есть обеспечивали широкие возможности манипулирования ими. Как мы указывали в Главе 1, социальная власть нацелена на контроль 1) поведения зависимых (осуществление действий в пользу Провайдера); 2) сознания зависимых (формирование у Зависимого комплекса

¹ Пайпс Р. Указ. соч. С. 227-228.

«зависимой личности»), легитимизация власти Провайдера). Как мы постараемся показать, община и государство осуществляли над экономически зависимым населением обе формы социальной власти.

3.2.1. Контроль над поведением зависимого населения: правовая и экономическая уязвимость и внеэкономическое принуждение

Крестьянская община могла обеспечить выживание ее членов в экстремальных условиях, однако при этом перекрывала ее членам доступ к более широким ресурсам, способным обеспечить более сильным и активным лучшее качество жизни. Жизнь в общине накладывала на человека обязательство «жить как все», то есть не выходить за рамки освященных обычаем моделей экономического и социального поведения. Практика коллективной собственности на землю означала, что полевые работы должны были начинаться и заканчиваться одновременно, что способствовало сохранению примитивных принудительно-универсальных форм агротехнологии. Не допускались никакие проявления индивидуализма: например, Р. Пайпс приводит данные о резко негативном отношении к тем, кто в начале XX в. воспользовался столыпинскими законами и выделился на хутора: эти белые вороны «были в глазах большинства крестьян-общинников ... расхитителями общинной земли»¹. «Матрешечная», по выражению А. Вишневого², структура общественной системы (семья – община – церковь) характеризуется преобладанием в ней «сильных» связей, то есть повседневное общение человека ограничено контактами с узким кругом себе подобных, которые не могут обогатить его новыми знаниями, идеями, информацией.

Что касается экспансионистского государства, то монопольное обладание важнейшим экономическим ресурсом страны – землей – открывало широкие возможности для произвола монаршей власти. История страны изоби-

¹ Пайпс Р. Указ. соч. С. 268-269.

² Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. С. 19.

лует фактами массовых конфискаций земельных владений и физического уничтожения крупнейших землевладельцев. В отличие от Запада, в России монархи «не затрудняли себя обращениями к подданным за деньгами и никогда не созывали парламентов»¹. Наряду со слабым развитием институтов конкурентного рынка и частной собственности, практически не получили развития институты правового государства, способные защитить личность от государственного насилия. Для России безусловно была характерна «гобсовская» модель государства, подчиняющая интересы граждан во имя «общего» (то есть государственного) блага.

Таким образом, государство на протяжении столетий оставалось главным субъектом экономической деятельности, и это определяло нацеленность хозяйственного действия не на получение прибыли, а на соответствие государственным интересам. Экономический успех определялся не столько способностью индивидов побеждать в конкурентной борьбе, сколько местом в иерархии государственного управления, «административными ресурсами». Помимо ограничения свободы экономического действия, государственная власть вместе с Церковью осуществляли жесточайший идеологический контроль, власть над умами своих граждан.

3.2.2. Контроль над сознанием граждан: зависимые черты национального характера

Ограничение экономической свободы, правовая незащищенность личности и целенаправленное идеологическое воздействие способствовали генезису зависимой «модальной личности» россиянина. Как показывает наш анализ литературы, русскому национальному характеру свойственны когнитивные, мотивационные, эмоциональные и поведенческие характеристики «зависимой личности».

К «зависимым» *когнитивным чертам* национального характера мы от-

¹ Пайпс Р. Указ. соч. С. 201.

носим неагентивность и экстернализацию контроля над событиями жизни. Тенденция возлагать ответственность за происходящее с человеком на действия и решения внешних сил просматривается в фатализме национального характера («от сумы да от тюрьмы не зарекайся»). Фаталистические черты прослеживаются в языке, в котором видны характеристики неагентивности – ощущения того, что людям неподвластна их собственная жизнь. В русском языке люди выступают скорее не как «деятели», а как «претерпеватели»¹. Причем, внешняя локализация контроля характерна не только для негативных, но и позитивных событий в жизни индивида. Если для западной культуры типично понимание успеха как результата собственных усилий и их признания, то в русской культуре успех – это удача, следствие везения. Будущее связано с мечтами о магическом скоробогастве, верой в то, что богатство и деньги могут прийти сами собой – «по щучьему веленью», что так явно прослеживается в русских народных сказках² и несбыточность которых лишает индивида стимулов к действию, поскольку «мечта о будущем» не есть «забота о будущем». «Муравьиной хлопотливости» и многолетнему труду в этих мечтах нет места. В свое время А.И. Герцен писал: «Забота об будущем не в нашем духе; на словах готовы мы взвалить на свои плечи хоть все человечество ... на деле – боимся всякого труда, всякой мысли, живем настоящей минутой ... Даже материальной заботы об будущем нет; на того, кто об этом думает, в России показывают пальцем, он предмет насмешек и неприязни»³.

Чувство неподконтрольности собственной жизни обуславливает такие **мотивационные черты** зависимой личности, как стремление делегировать ответственность, обрести покровителя, раствориться в коллективе и подчиниться авторитету. По утверждению Н. Бердяева, природа русского народа «определяется как женственная, пассивная и покорная в делах государствен-

¹ Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М., 1999. С. 100.

² Иваницкий В.Г. Архетипы успеха в русских народных сказках // Этика успеха. Вып. 8. Тюмень–Москва, 1996.

³ *Цит. по:* Ментальность россиян. С. 100.

ных, она всегда ждет жениха, мужа, властелина...»¹. Утверждения российских философов «серебряного века» спустя несколько десятилетий, в 1950-е годы, нашли эмпирические подтверждения в проектах Центра исследований России Гарвардского университета по изучению советских беженцев. Х. Дикс отметил высокую потребность в зависимости, заботе и привязанности одной из основных черт русской модальной личности, которой была свойственна модель пассивной адаптации к жизненным ситуациям².

3.2.3. Зависимые черты национальной экономической культуры

Если рассмотренное выше мы отнесли к чертам русского национального характера, определяющим поведенческие реакции типичного представителя нации, то к культурным последствиям многовековой экономической несвободы россиян мы относим систему стереотипных представлений и ценностей в сфере производства, распределения и потребления материальных благ.

Абсолютизация моральных измерений экономической деятельности.

Если в условиях развитых отношений обмена хозяйственная деятельность нацелена на *экономический результат*, то жизнь в рамках крестьянской общины в сочетании с идеологией православного христианства обусловили нацеленность хозяйственной деятельности на *процесс*, то есть соблюдение общинных норм и ритуалов. В отличие от обществ современного типа, для которых характерны деперсонифицированные отношения, традиционные общества, каковым являлась крестьянская община, ориентированы, прежде всего, на *интенсивные личные отношения*. Социальный контроль в такого рода организациях апеллировал к понятию Справедливости, и не случайно общинную организацию экономической жизни западные исследователи называли «моральной экономикой»³.

¹ Бердяев Н. Психология русского народа. Душа России // Н.А. Бердяев. Судьба России. М.: ЭКСМО, 2004.

² Inkeles, A. National character. P. 51-61. P. 98-100, 139-146.

³ Скотт Дж. Моральная экономика крестьянства как этика выживания // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире / Под ред. Т. Шанина. М.: Прогресс-Академия, 1992.

В отличие от достигательской идеологии протестантизма, чья хозяйственная мораль ориентирует человека на активизацию своей деятельности в миру и экономический успех как мерило его «богоизбранности», восточно-христианская религиозная традиция не развила светской трудовой этики. Она делает акцент на бренности мирских забот, преходящем характере богатства. Хозяйственная деятельность, нацеленная на удовлетворение материальных потребностей, заняла в православной культуре подчиненное место по сравнению с «подвигом веры», духовным трудом, молитвой, страданием и терпением. Сфера, создаваемая и устраиваемая трудом, – это сфера земного, материального благополучия, она не котировалась высоко, так что труд нигде не ставился в один ряд со спасением и терпением. Самоутверждение направляется внутрь себя, на «устройство» собственной личности, что способствует «духовному эскапизму»¹. Не личные достижения, но «страдание» создавало в русской культуре ореол святости (вспомним слова Ф. Достоевского: *«Самая главная, самая коренная духовная потребность русского народа есть потребность страдания, всегдашнего и неутолимого, везде и во всем»*²).

Перенос акцента с деятельности в миру на внутреннюю духовную работу над собой предполагал, что человек должен работать до удовлетворения скромных потребностей семьи в питании, одежде и жилище, доход тратить на потребление, не стремиться к накоплению. «Традиционалистский» строй мышления выражается и в том, что человек не склонен заработать больше, он просто хочет жить так, как привык. Все попытки рационализации наталкиваются на силу привычки. При затруднениях традиционалисты не меняют строй жизни, а сокращают потребности³. Отношение православия к труду обусловило так называемый «культ нестяжательства» – отрицательное отно-

¹ См.: Касьянова К. О русском национальном характере. М.: Институт национальной модели экономики, 1994. Гл. 11; Игумен Вениамин (Новик). Анализ 1-5 глав «Основ социальной концепции русской православной церкви» // Социологические исследования, 2002. № 4. С. 69.

² Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1873 / Достоевский Ф.М. Дневник писателя. Избранное. М.: Современник, 1989. С. 61.

³ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. С. 81-88.

шение к любого рода накопительству и получению прибыли, преобладание духовно-нравственных мотивов жизненного поведения и труда над материальными интересами. «Нестяжательский» характер хозяйственной культуры русского православия обусловил низкие ранги ценностей богатства, индивидуального успеха, лидерства.

Длительное господство неэкономических форм принуждения и «этика выживания» сказались на отношении русских крестьян к труду, который рассматривался как «повинность» и носил «потребительский» характер. Целью его было получение пропитания, и не более. Труд как средство достижения материального благополучия котировался низко, зато в российской (а потом – в советской) культуре высокое место определялось ценности *«честного труда»* – физически тяжелой работы ради получения пропитания. При этом «честным» считался человек, «кормящийся собственным трудом», то есть не заставлявший других работать на себя, не выходявший за пределы общепринятых стандартов потребления. Типично православным является противопоставление *«бедный, зато честный»*, впоследствии перекочевавшее в советскую трудовую культуру.

Индульгентный подход к нищенству. Фатализм как черта национального характера в сочетании с отсутствием идеи персональной ответственности человека за свое благосостояние и «нестяжательской» этикой православия обусловили то, что бедность не воспринималась россиянами как признак отверженности, и типичное для Средневековья «индульгентное» восприятие нищих просуществовало на протяжении всей дореволюционной истории страны. Через подаяние выполнялась Христова заповедь о любви к ближнему, нищий был орудием душевного спасения. По словам В. Ключевского, «Нищенство считалось в древней Руси не экономическим бременем для народа, не язвой общественного порядка, а одним из главных средств нравственного воспитания народа, состоящим при церкви практическим институтом общественного благонравия. Как в клинике необходим больной, чтобы

научиться лечить болезни, так в древнерусском обществе необходим был сирый и убогий, чтобы воспитать умение и навык человека»¹.

Отличительной чертой русского «нищелюбия»² была «слепая», ритуальная раздача милостыни, при которой какие-либо расследования нищих не только не производились, но прямо воспрещались учениями святых отцов. В результате милостыней можно было прожить, и при умении – безбедно. Эксплуатация милосердия, жалости, доверчивости людей стала основой *профессионального нищенства как разновидности социального паразитизма* (см. п. 1.2) – сознательно выбираемого способа жизни за чужой счет. Профессиональное нищенство характеризовалось злоупотреблением получаемой помощью, воровством и калечением детей для увеличения сборов от милостыни; существованием особой – нищенской – субкультуры³. Искоренить этого не смог ни Петр I, впервые в русской истории введший наказания за бродяжничество и попрошайничество, ни последующие меры государственной политики в отношении нищих.

Неправовое сознание: свобода как «воля» и неуважение к частной собственности. Традиция использования власти как бесконтрольного самоуправства создавала ситуацию, когда почти все слои населения существовали в «железной клетке» бесправия. Адаптация к условиям тотального бесправия, экономической и личной несвободы формировали «рабскую» психологию народа, готовую преклониться перед облеченным властью и отрицающую правовые формы регулирования человеческих взаимоотношений. В российской культуре с ее правовым нигилизмом доминирующим пониманием смысла свободы стала анархическая, неправовая «вольность», возможность делать «все, что хочется», свобода от внешнего принуждения и контроля, не связанная с индивидуальными достижениями и личной ответственностью. Н.

¹ Ключевский В.О. Добрые люди Древней Руси. М., 1915.

² Об истории российского «нищелюбия» см.: Балабанова Е.С. Социально-экономическая зависимость: теория, история и современность. Н. Новгород: ННГУ, 2204. С. 104-115.

³ Голосенко И.А. Нищенство как социальная проблема (Из истории дореволюционной социологии бедности) // Социологические исследования, 1996, №№ 7, 8.

Бердяев назвал этот феномен «формальной свободой» – «Я хочу, чтобы было то, что я хочу»¹.

Стремление к Воле-безответственности было тесно связано с мечтой о Свободе-Благе как дарованной возможности потреблять и пользоваться не заработанными, а *полученными* благами. Как пишет Р. Пайпс, «вся экономическая среда, окружавшая русского крестьянина, делала его социальным радикалом и политическим консерватором. Социальным революционером он был потому, что мечтал о конфискации и передаче общинам всех частных земель ... Политическим же консерватором был потому, что этой конфискации и перераспределения земель он ждал от царя, которого считал верховным собственником России»². Член Государственного совета П.А. Дурново назвал этот феномен «бессознательным социализмом» и так высказывался об этом в 1914 году: «Русский простолюдин, крестьянин и рабочий одинаково не ищет политических прав, ему и ненужных и непонятных. Крестьянин мечтает о даровом наделении его чужой землей, рабочий – о передаче ему всего капитала и прибылей фабриканта. И дальше этого их вождедения не идут»³.

Неуважение к частной собственности было тесно связано с традицией либо коллективной, либо государственной собственности на важнейшие средства производства и восприятием православным христианством собственности и богатства как антиценностей. Общинная ценность Справедливости, понимаемая, в том числе, и как имущественное равенство, вкупе с православным культом «нестяжательства», не только не ориентировали человека на экономическую активность, но прямо указывали на моральную неприемлемость богатства и накопительства. Поскольку в понятие «честного труда» вкладывался тяжелый труд для обеспечения физического выживания, богатство воспринималось как зло, несправедливость – ведь оно достигалось за

¹ Бердяев Н. Философия свободы // Н.А. Бердяев. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989.

² Пайпс Р. Указ. соч. С. 266.

³ Логинов В.Т. Столыпин как реформатор // Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М., 2001. С. 31.

счет расчета, «эксплуатации» – качеств, нравственно неприемлемых для русского человека.

Стихийным бунтом против «неправедного» богатства было постоянное нарушение прав собственности землевладельцев-помещиков, а западные исследователи прямо указывали на «отсутствие всякого понятия о законности и честности» у русских крестьян. Наблюдая их жизнь, немецкий экономист А. Гакстгаузен отмечал, что нигде собственность не находится в таком шатком положении, как в России: «Русский человек легко дает, легко и берет... Тут богатеют и разоряются почти одновременно, надувают и попадаютя впро- сак, воруют одной рукой и дарят другой»¹. Моральное оправдание воровства вербализировано и в русском фольклоре: «кто украл – у того один грех, у ко- го украли – десять»². Крестьянский менталитет оказывал непосредственное воздействие и на трудовую этику русских промышленных рабочих. Он про- являлся в отношении к буржуазии как к паразитам, склонности к стихийным разрушительным бунтам³. В одной из своих заметок А.П. Чехов обращал внимание на то, что все слои русского общества пропитаны страстью к по- прошайничеству, приживальству, «халяве». «Те, кому все это несимпатично в русском человеке, оправдывают его... тем, что русский человек одинаково беспечно относится как к чужой, так и к своей собственности: он зря берет и в то же время зря дает. ... Хуже всего, что беспечность и художественный беспорядок, царящие в отношениях русского человека к чужой собствен- сти, попрошайничество и страсть получать незаслуженно и даром воспитали в обществе дурную привычку не уважать чужой труд»⁴.

¹ Цит. по: Клопыжникова Н.М. Влияние традиционной крестьянской культуры на становление рыночных отношений на селе // Проблемы перехода России к рыночной экономике. Вып. V. М.: МОНФ, 1996. С. 106.

² Верховин В.И. Модели экономического поведения и их вербализация в русском народном фольклоре // Мир России. Том X. 2001, № 1. С. 109-110.

³ Миронов Б.Н. Отношение к труду в дореволюционной России // Социологические исследования, 2001. № 10. С. 204.

⁴ Чехов А.П. Наше нищенство // А.П. Чехов. Собр. соч. в 12-ти томах. Т. 6. М.: Правда, 1985. С. 445.

3.2.4. Неэффективность структурных ограничений экономической свободы и «зависимой» экономической культуры дореволюционной России

Как мы утверждали в Главе 1, отношения зависимости и зависимые установки неэффективны в плане достижения конечной цели социально-экономического развития – улучшения качества человеческой жизни. В данном случае речь идет об издержках неэффективности национальной «культуры зависимости», которые несет на себе общество в целом. К таким издержкам мы относим: 1) экономическую отсталость; 2) «неорганичный» характер российских модернизаций; 3) общественную нестабильность.

Экономическая отсталость страны. Структурные ограничения экономической свободы в виде господства общинных форм землевладения и коллективного труда на раннем историческом этапе способствовали выживанию, однако уже в новое время стали тормозом развития российского сельского хозяйства. Раздробленность земельных участков препятствовала внедрению интенсивных форм хозяйствования, а их систематические переделы лишали крестьян стимулов для долгосрочных инвестиций в землю, поскольку результаты от этих инвестиций распределялись между всеми членами общины. В неинституциональной экономической теории этот феномен называют «проблемой безбилетника» (*free-rider problem*)¹: в условиях коллективного пользования землей выгоды от результатов деятельности (сбора урожая) получала каждая конкретная семья, в то время как издержки по поддержанию плодородия почвы и внедрения новых технологий нес коллектив (община). «Проблема безбилетника» являлась ключевым препятствием повышения продуктивности земли.

Другим барьером повышения эффективности сельского хозяйства было большое количество праздников, неразрывно связанных с социальным контролем со стороны общины и нацеленности экономической деятельности на

¹ Нуреев Р.М. Курс микроэкономики. М., 2000. С. 431; Шаститко А.Е. Указ. соч. С. 329.

«отношения». Б. Миронов приводит данные, что в 1913 г. православные крестьяне имели 140 празднично-воскресных дней в году, тогда как фермеры США – лишь 68. Частые праздники были неразделимо связаны с проблемой пьянства в русских деревнях, о которой уже в конце XIX в. говорили как об эндемической болезни¹.

Структурные ограничения экономической деятельности усугублялись культурными. «Нестяжательский» характер трудовой этики и абсолютизация моральных измерений экономической деятельности сформировали установку на жизнь сегодняшним днем, узкий горизонт планирования, ориентацию на краткосрочные цели в жизни, предпочтение сиюминутных вознаграждений. Это, как мы указывали в Главе 2, – один из ключевых элементов «культуры бедности».

Вмешательство экспансионистского государства в экономическую деятельность людей и отсутствие надежной защиты прав частной собственности сформировали в российском обществе особую этику неформальных отношений контроля и распределения ресурсов. Получение материальных благ и достижение экономического благополучия обеспечивалось не через свободную конкуренцию и эффективное управление собственностью и капиталом, а через лояльность и личную преданность государственной власти. Это обусловило историческую традицию *рентоориентированного поведения* российской экономической и политической элиты – стремление получить личную выгоду от неэффективного использования ресурсов.

«Неорганичные» модернизации страны. Со времен Петра I страна ориентируется в своем экономическом развитии на Запад, западные модели лежат в основе всех российских модернизаций. Однако если субъектом «органичных» модернизаций являются свободные экономические акторы, то в России это была политическая элита. Поэтому российские модернизации

¹ Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 100-102.

осуществлялись рывками и носили характер «революций сверху». Масса же народа служила, по выражению А. Герцена, «мясом освобождения»¹.

Модернизации экономик западных стран сопутствовала гражданская (расширение прав и свобод граждан, развитие представительной власти), культурная (развитие «капиталистической» трудовой этики, индивидуализация жизни) и демографическая (сокращение рождаемости и рост продолжительности жизни) модернизации. В России же развитие промышленности осуществлялось на основе крепостнических структур; в гражданской сфере господствовали абсолютистские формы власти; по своим демографическим показателям Россия была типичной «менее развитой» страной, с самым высоким уровнем рождаемости и детской смертности и самой низкой продолжительностью жизни в Европе. В культурном плане страна также была немодернизированной. Как писал В. Гиляровский, «западная культура у нас с давних времен прививалась только наружно, через парикмахеров и модных портных»². Общинно-коллективистские основы социума с неправовым сознанием, неуважением прав личности, оставались неприкосновенными.

«Верхушечная» модернизация страны, не имевшая социальной поддержки в массовых слоях населения, могла проводиться только путем насилия и внеэкономического принуждения. Эти меры требовали сохранения неизблемости структур, обеспечивающих возможность осуществления ничем не ограниченной верховной власти. Это иллюстрирует отмеченный нами в Главе 1 *самовоспроизводящийся характер отношений зависимости* – Провайдер, обладающий монополией на экономические ресурсы, не просто реализует свои властные преимущества над экономически зависимыми акторами, но и укрепляет свое дальнейшее доминирование, углубляя депривацию Зависимого от ресурсов и его правовую и экономическую уязвимость.

Общественная нестабильность. Как мы уже отмечали, жизнь в усло-

¹ Герцен А.И. Мясо освобождения // А.И. Герцен. Собр. соч. в 30-ти т. Т. 16. М.: АН СССР, 1959.

² Гиляровский В.А. Москва и москвичи. Булочники и парикмахеры // В.А. Гиляровский. Собр. соч. в 4-х т. Т. 4. М.: Правда, 1989.

виях тотальной несвободы обусловила доминирование в российском обществе неправового сознания, ключевые компоненты которого – представление о свободе как о «вседозволенности», неуважение прав личности и частной собственности. В неправовом сознании мы видим корни «русского бунта», склонности к насильственным действиям для «восстановления справедливости» и захвата чужой собственности. Как писал Л. Мизес, бесправные люди всегда представляют угрозу общественному порядку: «До тех пор, пока свободное развитие индивидуумов и целых социальных групп сдерживается, общественная жизнь обречена на беспокойство и жестокие восстания ... [бесправные люди] готовы обратиться к насилию, поскольку мирными средствами не могут получить желаемое»¹.

Итак, мы рассмотрели проявления и последствия структурных ограничений экономической свободы в дореволюционном российском обществе. Главными субъектами этих ограничений были государство и крестьянская община. Экономическая несвобода проистекала из авторитарной модели государства и способствовала ее укреплению, поддерживая правовую и экономическую уязвимость населения. Ее «культурными» последствиями стало формирование «зависимых» черт русского национального характера и «зависимой» экономической культуры, облегчавшие существование людей в условиях отсутствия выбора. Отношения зависимости и выработанные в их условиях соответствующие культурные нормы и черты национального характера тормозили социально-экономическое развитие страны.

Культурные характеристики, выработанные в условиях тотальной экономической несвободы, в свою очередь, облегчали приспособление к этим условиям и способствовали легитимизации внеэкономического принуждения и нарушения прав личности, делали эти нарушения «невидимыми». Таким образом, структурные и культурные факторы социально-экономической зависимости обусловили самовоспроизводящийся характер этих отношений,

¹ Мизес Л. Социализм. С. 56.

влиятельность леворадикальных политических партий в российском обществе начала XX века.

3.3. Ограничители экономической свободы в Советской России

Политический режим, установившийся в России после революции 1917 года, базировался на рассмотренных выше традициях внеэкономического принуждения со стороны авторитарного государства и «зависимых» чертах национальной культуры – готовности массовых слоев населения делегировать ответственность за себя, примате общественного над личным, подавлении индивидуальных прав и свобод. Происходящие в стране преобразования удачно определены А. Вишневым как «консервативная модернизация»: превращение аграрной страны в индустриальную и военную сверхдержаву, урбанизация, распространение грамотности, обеспечение широких социальных гарантий были осуществлены на основе архаических институтов – репрессивно-административных форм управления, тотального контроля государства над личностью, ликвидации институтов гражданского и правового государства, демонетизации, общинных практик коллективизма и уравнительного распределения, общинных ценностей, ограниченности свободы индивидуального выбора¹. По словам Н. Бердяева, *советское* в большей мере не противоречило *русскому*, поскольку отвечало глубинным чаяниям русского православного народа². Тот факт, что коммунистическая система утвердилась и просуществовала семь десятилетий, свидетельствует о приемлемости для значительного количества россиян условий, обеспечивающих социально-экономические гарантии в обмен на индивидуальную свободу.

Парадокс советской системы заключался в том, что коммунисты, придя к власти, поставили главным принципом в социальном обеспечении граждан отказ от благотворительности как милостыни, подачки с барского стола,

¹ См.: Вишневский А.Г. Указ. соч.

² Бердяев Н. Судьба России. М.: Советский писатель, 1990.

унижающей человеческое достоинство и поощряющей иждивенчество. В основе советской социальной политики лежала идея, что человек может и должен обеспечивать себя собственным трудом, а благотворительность его унижает. Этот принцип даже был воплощен в переименовании в апреле 1918 г. Наркомата Государственного призрения в Наркомат Социального обеспечения, поскольку «...существующее название <...> не соответствует социалистическому пониманию задач социального обеспечения и является пережитком старого времени, когда социальная помощь носила характер милостыни и благотворительности...»¹. Но при этом в Советском Союзе социально-экономическая зависимость граждан от государства носила тотальный характер, поскольку базировалась на *государственной монополии на все экономические ресурсы общества*.

Ф. Хайек писал, что наиболее важным элементом всякого свободного общества является независимый человек с собственными средствами, который играет незаменимую роль в поддержании свободного мнения и общей атмосферы независимости от государственного контроля². Для обеспечения тотального контроля над обществом советскому государству надо было уничтожить, прежде всего, такого независимого человека и обеспечить себе монополию на экономические ресурсы. Деятельность институциональных структур тоталитарного общества была направлена на контроль и подчинение себе ресурсов различных социальных групп, поскольку именно «монополия на ресурсы – ключевая стратегия всех форм властной игры»³. Патернализм государства по отношению к своим гражданам вытекает из концентрации в его руках ресурсов, необходимых для жизнеобеспечения и социальной защиты населения, которые, в свою очередь, обеспечивают государству возможность выступать субъектом принуждения.

¹ Антология социальной работы. В 5 т. Т. 3 / Сост. М.В. Фирсов. М.: НВФ «Социально-психологические технологии», 1995.

² Хайек Ф.А. «Свободное» предпринимательство и конкурентный порядок // Ф.А. Хайек. Индивидуализм и экономический порядок. М., 2000. С. 125.

³ Poggi, G. Op. cit. P. 70.

В советской экономике такая концентрация ресурсов была осуществлена путем национализации промышленности, лишения граждан частной собственности на средства производства и жилье, запрета всех видов частного предпринимательства, резкого сокращения сферы торговли и денежного обращения. В первое же десятилетие существования советской власти были истреблены «чуждые элементы», «эксплуататорский класс», то есть собственники, самостоятельные, предпринимательские слои населения. «Опыт тоталитаризма подтверждает, – пишет Р. Пайпс, – что если для свободы нужны гарантии прав собственности, то точно так же стремление к безграничной личной власти над гражданами требует подрыва власти граждан над вещами, потому что она позволяет им вырваться из тисков всеохватывающей власти государства»¹.

Государство обеспечивало себе возможность аккумулировать основную часть национального дохода, а жизненные блага, превышающие установленный минимум, предоставлялись гражданам в форме «наделения». Агентами осуществления политики государственного патернализма в СССР выступали местные власти, предприятия, профсоюзы, на которые был возложен груз социальных обязательств. В рамках патернализма работники получали реальные и существенные блага, не связанные с зарплатой. Работник приходил на предприятие не столько *зарабатывать*, сколько *получать* ресурсы за счет общественных фондов потребления – жилье, дефицитные товары, медицинские и санаторно-курортные услуги для себя и членов своей семьи, места в детских дошкольных учреждениях и т.п. Все эти блага гражданин не мог получить вне предприятия по причинам: 1) невозможности оплатить эти блага вследствие низких доходов; 2) отсутствия рынка этих товаров и услуг.

В результате советский человек оставался, во-первых, экономически зависимым от структур распределительного государства и своего предприятия, во-вторых, *абсолютно заменимым* с точки зрения выполнения общегосудар-

¹ Пайпс Р. Указ. соч. С. 291.

ственных задач. «Концентрация всех решений в руках власти сама по себе порождает такое положение вещей, когда та структура, которая еще остается у общества, оказывается навязанной ему государством, а индивиды становятся взаимозаменяемыми единицами, не имеющими иных определенных и устойчивых отношений друг с другом, кроме установленных организацией, объемлющей все и вся»¹.

3.4. Последствия ограничения экономической свободы в СССР

Советское государство лишило граждан независимых ресурсов жизнеобеспечения, а тотальная экономическая зависимость людей, в свою очередь, стала основанием для внеэкономического принуждения, подчинения человека государственным интересам. Обеспечивая граждан материально, государство обеспечивало себе полный контроль над их умами и действиями. Как пишет Ю. Левада, «патерналистская модель предполагает всевластие верхов и почтительное послушание низов»². Такой *благотворительный деспотизм* признает за покровительствующей стороной право применять санкции или поощрения с целью регулирования поведения зависимой стороны в различных сферах жизнедеятельности. В риторике советской пропаганды это выражалось лозунгом «железной рукой привести народ к счастью». Как мы указывали в Главе 1, основными объектами социальной власти является контроль над поведением и сознанием Зависимого. На комбинации принуждения («команд») и морально-этических стимулов и была основана командно-административная экономика.

3.4.1. Контроль над поведением зависимых граждан

Как уже указывалось, в патерналистских отношениях патрон санкцио-

¹ Хайек Ф.А. Индивидуализм: истинный и ложный. С. 46.

² Левада Ю.А. Комплексы общественного мнения // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения, 1997. № 1(27). С.7.

нирует экономическую и социальную деятельность своих клиентов, а те, в свою очередь, получают средства для существования¹. В СССР в обмен на заданную работнику трудовую активность ему предоставлялась возможность удовлетворения своих лимитированных жизненных потребностей². Патерналистская система управления сужала пространство обмена, все социальные связи в советском обществе носили «вертикальный», иерархический характер. Это означало, что одна сторона (государство), сконцентрировав ресурсы в своих руках, посредством «торга» и «принуждения» диктовала другой стороне (обществу) условия обмена. Люди обязаны были соответствовать тому образу жизни, которое им навязывало государство.

«Право на труд», то есть гарантированная занятость, было провозглашено величайшим достижением социализма, однако, при этом человек *не имел права не работать*. Условием получения социальных благ от государства была обязательная занятость в общественном производстве. Официально о ликвидации безработицы в СССР было объявлено в 1930 г., и советская экономика на всем протяжении своей истории была трудодефицитной: упор на развитие тяжелой индустрии, в основе которого лежал не экономический расчет, но соображения политической и военной целесообразности, требовали большего количества трудовых ресурсов, чем могло предложить общество. Поэтому важно было лишить людей свободы выбора образа жизни и рода занятий, подчинить их ресурсы потребностям государства. Коммунистическая идеология провозглашала недопустимость жизни за чужой счет, и таким образом занятость в домашнем хозяйстве, индивидуальная трудовая деятельность или использование наемного труда в семейном производстве не просто не считались «общественно полезной» деятельностью, но объявлялись «паразитизмом» и «тунеядством», с которыми велась решительная борьба. В частности, применялись административные санкции и даже уголовные наказания

¹ Ковалев Е. Указ. соч. С. 128.

² Актуальные проблемы социологии труда // Социология труда в новых условиях. Межвузовский сборник статей. Самара: Самарский университет, 1993.

за «занятие бродяжничеством или попрошайничеством либо ведение иного паразитического образа жизни» и «тунеядство» – неустройство на работу более трех месяцев. Ритуальная крестьянская ценность «честного труда» трансформировалась в трудовую деятельность как нормативное предписание – выполнение плана и присутствие на рабочем месте установленное количество часов в неделю. Подобно тому, как столетиями ранее все социальные слои законодательно прикреплялись к земле, отныне все трудоспособное население было прикреплено к государственным предприятиям и организациям и колхозам, вне которых оно просто не могло иметь законных средств к существованию.

Требование обязательного трудоустройства дополнялось мерами *ограничения самостоятельной трудовой мобильности*. В рамках советской производственной идеологии как морально, так и материально (в виде доплаты за непрерывный стаж) всегда поощрялась ориентация на стабильное рабочее место. В идеале работник должен был иметь одну-единственную запись в трудовой книжке, а еще лучше – обеспечить межпоколенную привязанность к предприятию (это выражалось в воспевании трудовых династий). Людей, часто менявших места работы, презрительно называли «летунами». Особенно откровенной эта политика была в предвоенные годы: так, в 1938 г. был издан указ об укреплении трудовой дисциплины, по которому в случае смены места работы служащий или рабочий лишался частично или полностью своих социальных преимуществ. 26 июня 1940 г. другой указ устанавливал 7-дневную рабочую неделю при 8-часовом рабочем дне и лишал рабочего права уволиться по собственному желанию¹.

Трудодефицитный характер советской экономики обусловил и *отсутствие у людей свободы передвижения* – выезда за рубеж, а также перемещений внутри своей страны. Это обеспечивалось институтом «прописки», тре-

¹ 300 лет. История российских социальных служб. Хронограф / Под общ. ред. Г.Н. Кареловой, В.И. Жукова. М.: МГСУ, 2001. С. 105.

бованием обязательной регистрации по месту пребывания, «распределением» по окончании учебных заведений, практикой «назначений». Еще в большей степени трудовая и территориальная мобильность граждан ограничивались отсутствием рынка жилья и системой распределения жилплощади.

Ограничение свободы зависимых от государства граждан проявлялось и в жестком *контроле их доходов*, точнее, их ограничении. Тоталитаризм может существовать только при поддержании крайне низкого уровня жизни¹. Ставки заработной платы и уровень пенсий устанавливались из идеологических соображений, их минимальные и максимальные значения различались не более чем в четыре раза. Запрещалось зарабатывать более 1,5 ставок, не допускалось существенного перевыполнения трудовых норм на сдельной оплате труда, труд специалистов уравнивался по оплате с низкоквалифицированным физическим трудом². Важнейшие социальные блага не *зарабатывались*, а *заслуживались*, их объем зависел не от востребованности и эффективности трудовой деятельности человека, но от множества других, неэкономических, факторов – непрерывного стажа работы, участия в общественной деятельности.

При этом у населения формировалась иллюзия «безбедного» существования. Причинами этого было жесткое ограничение уровня потребления, мобилизация всех ресурсов страны на военные нужды. Дефицит товаров и услуг и слабо дифференцированный уровень заработков обуславливали немонетарный характер советской экономики, ограниченное значение денег как фактора материального благополучия.

Контроль над поведением и образом жизни граждан носил тотальный характер, поскольку в жизни советского общества отсутствовало четкое разграничение сфер частного и публичного. Государство через свои институты

¹ Гудков Л.Д. Исследования постсоветской России в свете теории тоталитаризма // Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2002. С. 26.

² Тукумцев Б.Г. О новом типе работника, порожденном советской общественной системой // Социология труда в новых условиях : Межвузовский сборник статей. Самара, 1993. С. 95-96.

не только доминировало в публичной сфере, но и беззастенчиво вмешивалось в частную жизнь людей. Советская семейная политика, особенно в эпоху сталинизма, фактически диктовала гражданам «приемлемые» и «неприемлемые» стандарты сексуального поведения и форм семейной жизни¹. Советская модель семьи строилась на искусственно созданном гендерном контракте «работающей матери» – тотальном вовлечении женщин в индустриальное производство и общественную деятельность.

Итак, отношения государственного патернализма являются типичным примером манипулирования поведением зависимых граждан посредством «торга» и «принуждения». Как в свое время писал Л. Мизес, при социализме государство, объединившее все экономические блага в своих руках, «сможет принудить граждан к выполнению любых команд, сможет поставить человека перед выбором между послушанием и голодной смертью». По словам Л. Троцкого, «в стране, где единственным работодателем является государство, оппозиция означает голодную смерть. Старый принцип: кто не работает, тот не ест, – был заменен новым: кто не повинуется, тот не ест»².

3.4.2. Формирование «зависимой личности» в системе государственного патернализма

Как мы указывали в Главе 1, наиболее эффективным контроль за поведением оказывается в том случае, когда Провайдер подчиняет сознание Зависимого, формируя у него характеристики «зависимой личности». Результатом подчинения сознания становится легитимность принуждения и «невидимость» принуждения для Зависимого. Рассмотрим, как осуществлялся контроль над сознанием зависимых граждан в системе советского государственного патернализма.

Как мы уже отмечали, к *когнитивным* чертам зависимой личности от-

¹ См.: Рабжаева М.В. Семейная политика в России XX в.: историко-социальный аспект // Общественные науки и современность, 2004. № 2.

² Мизес Л. Социализм. С. 248, 373.

носятся чувства беспомощности, отсутствия контроля и фатализм. Оправданием патернализма служит тезис о неспособности индивидов принимать решения, максимизирующие их благосостояние. В основе идеологии тоталитарного «государства-кормильца» лежит представление о гражданине как нуждающемся в руководстве извне¹, презрение к человечеству вообще как к «беспомощной и слабой расе», с которой надо *мягко обращаться*, организуя жизнь людей для их же пользы². Как в свое время писал Ф. Достоевский, «высокий взгляд христианства на человечество понижается до взгляда как бы на звериное стадо, и под видом социальной любви к человечеству является уже не замаскированное презрение к нему»³.

Мотивационными особенностями зависимой личности является стремление делегировать ответственность за свое благосостояние. Происходило *привыкание* к гарантированным материальным благам, застрахованности от бедности независимо от экономической деятельности человека. Система льгот и привилегий формировала комплекс *ожиданий*, которые в конце 1980-х годов стали называть «иждивенческими». Социально-экономическая зависимость стала *нормативной ценностью*. Гарантированные блага развращали человека, который не сомневался в своем праве на государственную заботу. В СССР человек был бесправен перед государством, но, тем не менее, воспринимал любые социальные блага как смысл деятельности государства⁴. Советские граждане развили систему убеждений, согласно которой государство *должно* нести ответственность за обеспечение их важнейшими социальными благами и услугами, обеспечение и воспитание их детей. Так, патернализм государства по отношению к работающим матерям приучил женщин

¹ Гудков Л. «Тоталитаризм» как теоретическая рамка: попытки ревизии спорного понятия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001, № 6 (56). С. 18.

² Green, D. Op. cit. P. 70-71.

³ Достоевский Ф.М. Вступительное слово, сказанное на литературном утре в пользу студентов Санкт-Петербургского университета 30 декабря 1879 года перед чтением главы «Великий Инквизитор» // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30-ти т. Л., 1972. Т. 15. С. 198.

⁴ Тихонова Н.Е., Шкаратан О.И. Российская социальная политика: выбор без альтернатив? // Социологические исследования, 2001. № 3. С. 23.

требовать от государства на том простом основании, что «я – мать», способствовал восприятию своего материнства как выполнение обязанностей перед государством (как выразилась респондентка в биографическом интервью, «Я государству родила двоих детей...»¹).

Идеологическое воздействие на граждан формировало у них и **эмоциональные** характеристики зависимой личности – чувства благодарности и страх лишиться поддержки. В советской экономике человек был редуцирован для обеспечения государственных нужд, но при этом власть рассматривалась им как инстанция заботы, хранитель и гарант социального порядка, источник любого возможного блага². Художественный образ такого «маленького человека», для которого государство является инстанцией заботы, воплощением «автоматического порядка», когда перед населением стоит задача «тише существовать» при государстве, «ждать автоматически», присутствует, например, в произведениях Андрея Платонова³. Экономически зависимый от государства гражданин должен был постоянно помнить, кому он обязан своим «безбедным существованием». Таким образом предприятия и государство в их лице получали дешевую и лояльную рабочую силу – «стадо, благодарное и послушное, хотя и вечно трепещущее, что ты отымеешь руку свою и прекратятся им хлебы твои»⁴. Командно-административная система превратилась в благодетеля, с которым безнравственно торговаться и говорить на языке взаимных обязательств. Патерналистско-патриархальные отношения между народом и государством выражались газетными штампами «родное Советское правительство», «отеческая забота партии», «наш вождь и учитель»⁵.

При этом от граждан был скрыт механизм социального обеспечения –

¹ Здравомыслова Е.А. Женщины без работы // Все люди – сестры. Бюллетень № 3. СПб., 1994. С. 47.

² Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х / Отв. ред. Ю. Левада. М., 1993. С. 62.

³ Платонов А. Государственный житель. Минск: Мастацкая літаратура, 1990. С. 372-377, 567-569.

⁴ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. С. 230.

⁵ Соловьев Э.Ю. Правовой нигилизм и гуманистический смысл права // Квинтэссенция: Философский альманах. М.: ИПЛ, 1990. С.189-190.

аккумуляция всех экономических ресурсов в руках государства, лишение людей хозяйственной и потребительской свободы, недоплата их труда. В партийных документах декларировалось: «Социальное обеспечение в СССР осуществляется полностью за счет государственных и общественных средств. Трудящиеся СССР не производят никаких отчислений из своего заработка и доходов на нужды социального обеспечения»¹. Разумеется, не обсуждалось, что эти «бесплатные» блага в реальности оплачены заниженными ставками зарплаты, установлением «потолков» заработков и социальной уравниловкой. Низкие доходы граждан обуславливали высокую значимость социальных гарантий и бесплатных социальных благ/услуг, предоставляемых «заботливым» государством. Люди были лишены возможности *заработать* многие жизненно важные блага, но гарантированная занятость, бесплатное образование и здравоохранение, система административного регулирования цен укрепляла в них веру в то, что о них *заботятся*. Образно выражаясь, советское государство выступало в роли Великого Инквизитора: *«Получая от нас хлеба, конечно, они ясно будут видеть, что мы их же хлеба, их же руками добытые, берем у них, чтобы им же раздать, безо всякого чуда, увидят, что не обратили мы камней в хлеба, но воистину более, чем самому хлебу, рады они будут тому, что получают его из рук наших!»*².

Наконец, советская система воспроизводила зависимые *поведенческие* характеристики модальной личности россиянина – приоритет «Мы» над «Я», конформизм, растворенность личности в массе, восходящие к общинным нормам поведения. Утверждение приоритетности общественных интересов над индивидуальными во всех областях жизни было одним из ключевых пунктов «коммунистического воспитания». По выражению А. Вишневого, советская модернизация была «новым дыханием соборности», воплощением идеологии «человек для...», осуществленным в ходе «культурной револю-

¹ Левшин А. Социальное обеспечение в СССР – одно из важнейших завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции / Антология социальной работы : В 3-х т. Т. 1. С. 238.

² Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. С. 232.

ции», антиинтеллигентского террора, массового истребления носителей русской европеизированной культуры¹. Ценность «коллективизма» означала прямое или завуалированное подавление ценностей достижений, амбициозности, инициативы, творчества. Общественная атмосфера тех лет возвращала работника с ярко выраженными конформистскими чертами – лояльного к власти, согласного «быть как все», «не высовываться», не ориентированного на достижения, имеющего установки не на саморазвитие, а на приспособление. «Ограничительная» практика уравнительного распределения материальных благ и невозможности превысить общепринятый «потолок» уровня жизни выливалась, по выражению П. Сорокина, в «раздачу премий посредственности»². Уровень доходов определялся не экономической ценностью труда индивида, а объемом затраченных усилий, тяжестью и вредностью условий труда, выработанным стажем. Такая система соответствовала интересам непритязательного, конформного и маломобильного работника.

3.4.3. Зависимые черты советской экономической культуры

Помимо «зависимых» черт национального характера, советская экономическая культура выработала систему стереотипных представлений, ценностей и неформальных правил, регулирующих хозяйственную деятельность людей. В подтверждение выражения Н. Бердяева о том, что «советское» по большей части не противоречило «русскому» отметим, что советская экономическая культура, как и дореволюционная, базировалась на трех важнейших компонентах: моральных измерениях экономической деятельности; антилиберальном понимании «свободы»; неправовом сознании.

Моральные измерения экономической деятельности. Неэкономическое стимулирование труда в советской экономике апеллировало к общинно-

¹ Вишне夫斯基 А.Г. Указ. соч. С. 175-179.

² Сорокин П. Проблема социального равенства // Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред. А.Ю. Согомонова. М.: ИПЛ, 1992. С. 252.

коллективистским ценностям «быть как все» и коммунистической идеологии безнравственности материальных интересов. Социалистическая трудовая мораль требовала от работника высоких материальных затрат при низком материальном вознаграждении. «Культ нестяжательства» русского православия с его представлениями о несправедности богатства, моральной недопустимости экономической дифференциации и эксплуатации согласовывался с коммунистическим принципом «скромного достатка» (поддержание в массовом сознании этих ценностей было необходимо по причине неразвитого потребительского рынка, хронического дефицита товаров и услуг).

Подобно хозяйственной культуре русского православия, советская экономическая культура также игнорировала *стоимостные* оценки экономической деятельности человека и абсолютизировала *моральные*. Материальному интересу по-прежнему противопоставлялись нравственно нагруженные крестьянские ценности «честного труда», а также коммунистические – жертвенности и трудового героизма, патриотизма и социалистической сознательности трудящихся. Соответственно, в системе, основанной на неэкономическом стимулировании, лишаются изначального смысла такие ценности, как профессионализм, деловая компетентность, высокая трудовая активность, а сам труд носит *ритуальный характер* – он превращается в идеологему, заданную активность, условие наделения государственными благами. Абсолютизация моральных измерений трудовой деятельности обусловила догматизм трудового сознания работников, зависть к более успешным и предприимчивым, неготовность самостоятельно добиваться успеха, но заблокировать другим пути продвижения вверх.

Концепция Свободы как Блага. Если многовековое ограничение экономической свободы в дореволюционной России обусловило традицию анархического понимания свободы как «вольности» и вседозволенности, то в системе советского государственного патернализма на смену ему пришло «социалистическое» понимание свободы как «материальной обеспеченности».

Закрытость общества, система жестких ограничений экономической активности вкупе с гарантированными благами, стабильностью и предсказуемостью жизни выработали соответствующие адаптивные стратегии населения и способствовали формированию типа человека, ориентированного на Стабильность и Благо как высшие ценности, противопоставленные независимости, гражданским правам и свободам.

Социальная защита граждан со стороны заботливого государства преподносилась советской пропагандой как высшая степень их реальной экономической свободы. Реализация свободы как наличия внешних по отношению к индивиду возможностей пользования важными для него благами зависит от создаваемых извне возможностей, но не от самого человека. Материальные блага «всем и поровну» – это простые и осязаемые ценности, исходящие от простейших человеческих потребностей. Свобода же, самостоятельность, демократия – это ценности более высокого порядка, следовательно, более абстрактные, требующие определенного уровня социального, культурного, интеллектуального и нравственного развития их носителей. Советская власть была властью *простых* людей, защищавшей их интересы в ущерб и за счет наиболее активной, предприимчивой и образованной части населения. Подавление индивидуальных притязаний на успех обеспечивали чувство защищенности и комфортное существование массового «простого человека».

Разумеется, в обмен на государственную поддержку от людей требовался определенный объем трудовой активности, однако они были освобождены от *бремени ответственности* за себя. Отсутствие выбора означало и отсутствие необходимости принятия решений. Людям не нужно было думать, оценивать риски и прибыльность своей деятельности, они, не имея собственности и капитала, были освобождены от забот по поводу того, как распорядиться этими ресурсами. Государство, освободившее человека от необходимости *думать*, способствовало обретению им «вторичных уз», обеспечивающих чувство надежности и защищенности в обмен на потерю индивидуальности.

Неправовое сознание. Следствием экономической зависимости граждан от государства стала их правовая незащищенность. Освобожденные от необходимости нести ответственность за себя, граждане лишились и возможности себя защищать через институты гражданского общества. В области прав человека в СССР царил «социалистическое средневековье»¹. В свое время Н.С. Тимашев определил советское право как «право тоталитарной и деспотической диктатуры», вмешивающееся во всевозможные человеческие дела и отношения и не наделяющее граждан никакими правами против государства и не дающее им никаких гарантий против злоупотреблений власти². Патернализм государства лишил граждан способности самоорганизации и защиты своих интересов и прав. Единственным признанным властями выразителем общественных интересов были профсоюзы – квазиобщественные объединения, которые фактически срослись с институтами государственного управления. Неспособные выполнять свое изначальное предназначение – защищать интересы наемных работников перед работодателями – профсоюзы играли *распределительную* функцию, будучи включенными в систему государственного социального и пенсионного обеспечения.

3.4.4. Неэффективность структурных ограничений экономической свободы и «зависимой» экономической культуры

Издержки неэффективности для общества в целом. Социалистические принципы распределения «по труду» (по затраченным усилиям или времени) и «по заслугам» означают полный отрыв распределения от экономического расчета. Доход индивида оказывается несопоставимым с ценностью услуг, оказываемых им обществу³. В обществе, где «мерилом работы считают усталость», невозможно было обеспечить эффективное распределение ресурсов. «Проблема безбилетника» перекочевала из крестьянской об-

¹ Вишневский А.Г. Указ. соч. С. 209.

² Гнатюк О.Л. Н.С. Тимашев как социолог // Социологические исследования, 2001. № 6.

³ Мизес Л. Социализм. С. 104-105.

щины в советскую распределительную экономику. Гарантированность материальных благ, уравнильное распределение и неэкономическое стимулирование труда обуславливали *минималистскую трудовую стратегию* работников советских предприятий. Не имея возможностей превысить «потолок» заработной платы, рабочие получали неявное право на низкую производительность труда.

Неэффективность отношений зависимости проявлялась не только в производственной сфере, но и, например, в практике организованных миграций. Дотационное отношение к переселенцам сформировало в дальневосточных регионах страны психологию «временщика», то есть не могло обусловить мотивацию длительного проживания на новом месте¹. Иждивенческое отношение людей к своему здоровью привело к тому, что успехи в росте средней продолжительности жизни в стране, достигнутые в первые советские десятилетия за счет массовых профилактических мероприятий, с середины 1960-х годов были «растеряны», поскольку на первое место вышла смертность от заболеваний, тесно связанных с образом жизни человека².

Несмотря на неэффективное распределение ресурсов и проблемы с немотивированными работниками, социальное устройство советского общества, как и любое общество традиционалистского типа, обладало значительным потенциалом самосохранения, сопротивления инновациям. Неэффективное экономически, советское общество обеспечивало *эффективность власти* – надежно работающую иерархическую систему управления, позволявшую осуществлять тотальный экономический, политический и идеологический контроль над гражданами. Как пишет А. Никулин, «феодальная» организация производственных отношений позволяла сочетать низкую технико-экономическую эффективность советских предприятий с их с высокой соци-

¹ Романов И.А. Особенности государственного регулирования миграции на Дальнем Востоке // Социологические исследования, 2004. № 11. С. 53.

² Вишневский А.Г. Указ. соч. С. 118-120.

ально-экономической живучестью¹. «...Такого рода режим часто обладает характером, бесконечно продлевающим его собственное существование. Люди ..., в случае если от них в том или ином виде требуется более высокая степень саморегулирования, зачастую начинают чувствовать себя довольно неуверенно... Тогда их социальный габитус непроизвольно влечет их к тому, чтобы восстановить привычное внешнее принуждение, то есть более жесткое руководство своей жизнью»².

Экономическая уязвимость Зависимого. Как мы уже указывали, система государственного патернализма способствовала пролонгированному инфантилизму людей, формированию у них зависимых ценностно-нормативных установок – представлений о том, что их должны обеспечивать. Отношения зависимости во многом способствовали кризису труда: как указывают исследователи, в начале 1990-х гг. в экономике доминировал тип работника, физически «изношенного», с высокой степенью социальной и профессиональной усталости, деформированной нравственностью, низким уровнем притязаний в сфере потребления, с явно выраженным нежеланием принимать на себя ответственность и боязнью инициативы³. Система патернализма обуславливала адаптационные стратегии, которые в течение семи десятилетий помогали человеку вписаться в жестко контролируемый распорядок жизни. Безответственность, защищенность и стабильность обеспечивали относительно комфортную жизнь, однако при этом происходила атрофия деятельностных способностей человека. Формирование качеств «зависимой личности» у людей способствовали их *экономической детренированности*, то есть многие из них просто не были жизнеспособными в иных структурах, кроме патерналистских, были неспособны осуществлять независимые экономические стратегии. Распределительная и рыночная экономика предполагают

¹ Никулин А.М. Указ. соч. С. 218, 223.

² Элиас Н. Изменения баланса между Я и Мы // Н. Элиас. Общество индивидов. М.: Праксис, 2001. С. 252.

³ Козырева П.М. Некоторые тенденции адаптационных процессов в сфере труда // Социологические исследования, 2005. № 9. С. 37.

прямо противоположные функционально адаптивные действия. С уязвимостью зависимых от государства граждан, комплексами «зависимой личности» и зависимыми ценностно-нормативными установками мы связываем основные трудности социально-экономической адаптации населения к рыночным отношениям, о чем пойдет речь в следующей главе.

Заключение к Главе 3

Подводя итог рассмотрению исторических аспектов формирования социально-экономической зависимости в российско-советской экономической культуре, можно сделать следующие выводы.

На всем протяжении истории России общество испытывало гораздо более сильные ограничения экономической свободы, чем общества западных стран. Главными субъектами этих ограничений, монополизировавшими экономические ресурсы общества, были государство и крестьянская община.

Важнейшими последствиями структурных ограничений экономической свободы стали: 1) правовая и экономическая уязвимость граждан, широкие возможности контроля над ними путем внеэкономического принуждения; 2) формирование в национальном характере черт «зависимой личности», а в национальной экономической культуре – системы ценностей, легитимирующих отношения власти и зависимости.

Отношения социально-экономической зависимости и выработанные в их условиях соответствующие культурные нормы и черты национального характера тормозили социально-экономическое развитие страны, поскольку: 1) не способствовали мотивации экономически эффективной деятельности; 2) определяли «догоняющий» характер российских / советских модернизаций; 3) создавали условия хронической общественной нестабильности в стране.

ГЛАВА IV СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЗАВИСИМОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Пафос радикального общественного переустройства в стране, начатого полтора десятилетия назад, идеология «свободного рынка», «гражданского общества», предполагали опору на свободного и независимого индивида, снижение государственно-патерналистских ориентаций у населения. Правительственные подходы к социальной политике были обозначены в Федеральном Законе «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» 1995 года¹. Там, в числе прочих, была выдвинута идея перехода от государственного патернализма и индивидуального социального иждивенчества к активной социальной позиции. Подобно «шоковой терапии» в странах Восточной Европы конца 1980-х гг., новая социально-экономическая политика «стремилась девальвировать ... старый “социальный капитал”, массовые ожидания субсидий и патронажа от социального государства»².

Однако воздействие реформ на экономическое сознание и поведение населения России оказалось более сложным и неоднозначным. Социологические исследования показывают высокую степень противоречивости массового сознания, одновременно происходящие процессы либерализации и традиционализации как в различных сферах социальной жизни, так и среди разных социальных групп. Есть основания полагать, что, подобно тому как ранее зависимость от экспансионистского государства и крестьянской общины трансформировалась в зависимость в системе советского государственного патернализма, так и в сегодняшней России социально-экономическая зависимость как феномен не исчезает, а видоизменяется. Появляются новые обладатели ресурсов и те, кто в этих ресурсах нуждается. Трансформируются

¹ Федеральный Закон «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» // Работник социальной службы, 1997. № 1/1.

² Мюллер К., Пикель А. Смена парадигм посткоммунистической трансформации // Социологические исследования, 2002. № 9. С. 72.

условия предоставления поддержки, «плата» за эти ресурсы, властные отношения, возникающие в ходе таких «обменов».

Как мы отмечали в Главе 1, социально-экономическая зависимость может характеризовать как *отношения* высоко- и низкоресурсного акторов, так и быть *феноменом сознания*. Оба эти измерения зависимости тесно переплетены и взаимообусловлены. Исходя из этого настоящая глава будет посвящена рассмотрению следующих проблем:

1. Выяснение степени преемственности зависимости как черты национального характера и экономической культуры дореволюционной, советской и современной России;
2. Описание социальных групп, чьи установки можно характеризовать как (не)зависимые;
3. Выяснение взаимосвязи установок на социально-экономическую зависимость и уровня адаптированности людей;
4. Анализ отношений социально-экономической зависимости в трех сферах: от работодателя, от государства, в домохозяйстве.

4.1. Социально-экономическая зависимость как феномен массового сознания

Рассмотрение проявлений социально-экономической зависимости в современной России мы начнем с анализа зависимости как феномена массового сознания. Анализ трансформации общественного мнения, ценностей и установок в разрезе зависимость / независимость, произошедшей в последнее десятилетие, особенно важен ввиду того, что именно «надстроечные» факторы определяют поведение людей и характер их взаимодействий по поводу удовлетворения своих потребностей. Активистская парадигма в современной социологии подчеркивает особенно важную роль идей и идеологий в формировании экономических и социальных институтов, торможении или блокировании перемен. Так, на примере Восточной Европы П. Штомпка показывает,

что одним из главных барьеров, препятствующих переходу к демократическому рынку, является широко распространенный синдром личности, который именуется «социалистической ментальностью», «социалистическим духом», оставивший глубокий отпечаток на мотивациях и социальных установках населения¹. Штомпка и вслед за ним многие российские авторы считают, что изменения в структуре общества нельзя считать необратимыми до тех пор, пока они не затрагивают сферу ментальности, то есть глубинных базовых представлений, символов и ценностей, которыми люди руководствуются в своей повседневной практической деятельности. По этому поводу Т. Заславская отмечает: «Еще более глубинным и в то же время надежным критерием направленности трансформационного процесса, показателем того, ведет ли он к модернизации или, напротив, к деградации общества, служит генеральное направление социокультурных сдвигов <...> По мнению многих видных ученых, доминирующее направление социокультурных сдвигов характеризует наиболее глубинные и долгосрочные результаты социальной трансформации»².

Напомним, что зависимость как феномен сознания определяет степень субъективной значимости для индивида того или иного объекта, по поводу которого возникают отношения зависимости. Она может проявляться 1) как *нормативная ценность*, то есть как комплекс установок и ценностей, снимающих с индивида ответственность за свое жизнеобеспечение и вменяющих ее в обязанность другим; 2) как *комплекс характеристик «зависимой личности»*, считающей себя беспомощной в решении проблем своего жизнеобеспечения. Мы связываем преемственность зависимости как нормативной ценности и характеристики «зависимой личности» с тем фактом, что массовое сознание обладает большой инерционностью и не способно быстро пере-

¹ Штомпка П. Социология социальных изменений; Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социологические исследования, 2001. № 2.

² Заславская Т.И. Трансформационный процесс в России // Социальная траектория реформируемой России. С. 151.

строиться под влиянием структурных изменений в «экономическом базисе». Историческая память народа хранит те установки, ценности, экономическую мотивацию, нормы поведения, которыми люди руководствовались на протяжении предыдущих десятилетий, и распространенность «зависимых» установок сегодня – это своеобразный «налог прошлого». 15 лет назад Р. Дарендорф, анализируя опыт революций в Центральной и Восточной Европе, писал, что политическую сферу можно реструктурировать за 6 месяцев, экономику за 6 лет, а культурные изменения, формирование гражданского общества, потребуют 60 лет¹. Сегодня в массовом сознании населения России, по терминологии Дарендорфа, наблюдается «эффект постизма», «постсостояния» – резкое противоборство старого и нового, противоречие между радикальным отторжением старого («дурное отрицание») и стремлением к максимальному его удержанию (как чего-то стабильного, стойкой и привычной опоры). При этом прежние структуры и образы мышления стремятся обрести новую жизнь в новых структурах и новом мышлении («прошлое тащит назад»). Существует проблема рассогласованности сдвигов в организационно-политическом и культурно-психологическом пластах российского общества, когда с новыми организационными формами соседствуют прежние нравы, психология, привычки. Это, в свою очередь, ведет к снижению эффективности всех социальных институтов².

Итак, рассмотрим «нормативные» и «социально-психологические» проявления зависимости в массовом сознании населения, опираясь как на наши собственные эмпирические данные, так и на исследования других авторов.

¹ Dahrendorf R. Reflections on the Revolution in Europe. N.Y.: Times Books, 1990.

² Гордон Л.А. Субъективные ошибки или объективные обстоятельства? // Общественные науки и современность, 1998. № 5. С. 27.

4.1.1. Когнитивные проявления экономической зависимости: внешняя локализация контроля над индивидуальным благосостоянием

Расширение сферы прав и свобод в современной России обнаружило проблему способности населения воспользоваться ими, соответствия индивидуально-личностных качеств людей диапазону новых возможностей. Широко распространены проявления «социальной некомпетентности» людей – недостаточная вера в себя, боязнь критики и неудачи, недостаточные социальные навыки, боязнь социальных контактов¹. Как мы отмечали в предыдущих главах, к когнитивным проявлениям «зависимой личности» относятся состояние «выученной беспомощности», недостаток уверенности в себе, экстернальная (внешняя) локализация контроля над значимыми событиями, пессимизм как доминирующее умонастроение. Это тот случай, когда человек считает себя беспомощным в решении проблемы своего жизнеобеспечения.

Таблица 1

Степень согласия с утверждением «Я готов(а) к любым трудностям, поскольку полагаюсь только на собственные силы»

<i>Нет, скорее нет</i>			<i>Затруднились с ответом</i>	<i>Да, скорее да</i>		
<i>Всего</i>	<i>Мужчины</i>	<i>Женщины</i>	28	<i>Всего</i>	<i>Мужчины</i>	<i>Женщины</i>
14	8	19			58	66

Как видим из таблицы 1², большинство нижегородцев трудоспособного возраста считают, что в жизни они «полагаются на свои силы». Как и следовало ожидать, у мужчин показатель самоэффективности значительно выше, чем у женщин – переменная пола наиболее сильно влияет на чувство уверенности в себе (коэффициент корреляции Пирсона -,202). Слабая положительная корреляция самоэффективности зафиксирована с уровнем образования

¹ Мель Ю. Социальная компетентность как цель психотерапии: проблемы образа Я в ситуации социального перелома // Вопросы психологии, 1995. № 5. С.61-64.

² Здесь и далее используются результаты репрезентативного опроса нижегородцев трудоспособных возрастов в октябре-ноябре 2003 г. (878 чел.). Подробная информация об исследовании на стр. 14.

респондентов – с повышением уровня образования увеличивается и уверенность в своих силах. Ощущение уверенности в своих силах наиболее характерно для высокоресурсных, материально обеспеченных респондентов, которые являются экономически самостоятельными. Напротив, состояние неуверенности в собственных силах испытывают экономически уязвимые низкоресурсные респонденты – женщины, домохозяйки, малообеспеченные, лица предпенсионного возраста, то есть либо экономически несамостоятельные, либо испытывающие трудности со своим жизнеобеспечением.

Однако если на вышеприведенный вопрос самого общего характера более половины респондентов во всех группах ответили, что «полагаются только на собственные силы», то более конкретные вопросы относительно жизнеобеспечения показали, что, помимо себя, респонденты возлагают большие надежды и на других субъектов.

Таблица 2

В какой степени, по Вашему мнению, улучшение Вашего материального благополучия в ближайшем будущем зависит от...	<i>Нет, скорее нет</i>			<i>И да, и нет</i>	<i>Да, скорее да</i>		
	<i>Все го</i>	<i>Му жч ины</i>	<i>Же нщи ны</i>		<i>Все го</i>	<i>Му жч ины</i>	<i>Же нщи ны</i>
Общей экономической обстановки в стране	9	9	9	15	76	76	76
Вас самих	12	10	14	16	72	80	68
Работодателя	20	20	20	11	70	70	70
Членов Вашей семьи	24	27	21	16	60	54	66
Государства	26	29	23	15	59	53	65
Бога	40	45	34	27	34	29	38
Других людей (родственников, знакомых)	70	75	66	16	14	9	20

В списке упований на улучшение материального положения «общая экономическая обстановка в стране» по рангу находится выше расчетов на собственные силы. Более половины респондентов надеются на своих работодателей, членов своей семьи и на государство. Это часто отмечаемое проти-

воречие общественного сознания: респонденты, заявляя, что «полагаются только на себя», надеются при этом на гарантированный государством минимальный доход. Табл. 2 позволяет делать вывод об «экстернализации» надежд многих респондентов на улучшение своего материального положения.

Как видим из табл. 3, менее половины всех респондентов трудоспособных возрастов уверенно причислили себя к экономически самостоятельным. Статистически значимая корреляция (коэффициент Пирсона ,255) обнаружена с материальным положением респондентов: более уверены в себе обеспеченные. Самая высокая доля экономически самостоятельных наблюдается среди предпринимателей (83%), а самая высокая доля несамостоятельных – среди домохозяек (79%) и учащихся (67%).

Таблица 3

<i>Можете ли Вы сказать про себя, что Вы – экономически самостоятельный человек?</i>	Всего	Мужчины	Женщины
Нет	35	26	43
Затрудняюсь ответить	24	25	23
Да	42	49	35

На вопрос, от кого материально зависят респонденты, было получено следующее распределение ответов.

Таблица 4

<i>От кого Вы зависите материально?</i>	Всего	Мужчины	Женщины
Работодатель	17	17	17
Родители	14	11	17
Супруг(а)	13	1,2	25
Государство	11	10	13
Другие родственники, знакомые	3	3	3

Наиболее существенные гендерные различия наблюдаются в доле зависящих от супруга – это состояние четверти женщин трудоспособных возра-

тов – и от родителей, что связано с тем, что женщины позже уходят из-под родительского крыла. Сопоставляя эти данные с данными таблицы 2, мы видим определенное противоречие общественного сознания: считают себя зависимыми от государства всего 11% респондентов, но возлагают на государство надежды на улучшение своего материального положения почти 60% (и еще больше – с улучшением общей экономической обстановки в стране, что также связывается с деятельностью государства).

Результаты, свидетельствующие о низком уровне уверенности в способности обеспечить себе достойный уровень жизни, были получены и в других исследованиях. Так, в опросе в рамках 11-й волны RLMS (осень 2002 года) 40% респондентов согласились с утверждением *«Мне кажется, что у меня мало таких качеств, которые ценятся в сегодняшней экономической ситуации»*, а 72% выразили обеспокоенность, что не смогут *«обеспечивать себя самым необходимым в ближайшие 12 месяцев»*. В новосибирском исследовании 2001-2002 гг. более половины рабочих и специалистов отметили свою неуверенность в завтрашнем дне и менее 10% из них полагают, что могут реализовать свои жизненные планы¹.

Россиянам свойственно полагаться на внешние факторы не только в экономическом обеспечении себя лично. Весьма характерна для массового сознания внешняя атрибуция ответственности за такую социальную проблему, как бедность (таблица 5 приводит ответы респондентов на вопрос-дихотомию, где им было предложено выбрать между двумя альтернативами).

Таблица 5

<i>К какому из противоположных суждений ближе Ваши взгляды?</i>		
В бедности людей виновато общество и/или государство 50%	Затруднились с ответом 33%	Бедные сами виноваты в своей бедности 18%

¹ Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Профессионалы – портрет на фоне реформ // Социологические исследования, 2005. № 2.

Более всего склонны возлагать вину за бедность людей на общество сами бедные (65%), респонденты предпенсионного возраста (63%) и домохозяйки (64%). Напротив, считают виноватыми в бедности самих же бедных обеспеченные респонденты (33%), учащиеся (33%) и молодежь в возрасте 18-24 лет (30%). Как видим, склонны к индивидуально-личностным объяснениям феномена бедности те респонденты, которые, скорее всего, сами этого состояния не испытывали.

Результаты исследований других авторов также указывают на то, что большинство россиян не видят перспектив улучшения своего положения за счет собственных усилий и среди них преобладают мнения о «внешних» причинах бедности и богатства. Как указывает Т. Заславская, зависимость размера личных доходов от способностей, личных усилий и качества труда работников ощущают лишь 7% россиян¹. М. Горшков и Н. Тихонова отмечают, что, в отличие от европейских стран, в массовом сознании россиян при оценке причин бедности речь идет в первую очередь о внешних факторах, личностные же качества бедных оказываются на периферии. Если в Европе быть бедным или вращаться в среде бедных стыдно, то в России бедность воспринимается скорее как несчастье, которое должно вызывать у окружающих сочувствие и желание помочь², то есть как нечто, что позволяет индивиду *предъявлять права*. Аналогичным образом «внешними» причинами объясняется и благополучие богатых³. З. Голенкова и Е. Игитханян отмечают, что в ответах рабочих и специалистов на вопрос о причинах бедности лидирует блок причин, связанных с политикой властей, а о причинах появления богатых – «властно-коррупционная» и «криминальная» модели⁴. Об экстернализации причин, определяющих экономическое благосостояние индивида,

¹ Заславская Т.И. Социоструктурный аспект трансформации российского общества // Социологические исследования, 2001. № 8. С. 9.

² Тихонова Н.Е. Феномен городской бедности в современной России. М.: Летний сад, 2003. С. 72-75.

³ Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Богатство и бедность в представлениях россиян // Социологические исследования, 2004. № 3. С. 16-20.

⁴ Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Указ. соч. С. 35.

пишет и К. Муздыбаев¹. В его исследовании из предложенных респондентам 14 причин бедности в России первые 6 мест по частоте упоминаний заняли «структурные», перекладывающие ответственность за существование бедности на само общество. И только затем по частоте упоминаний идут «индивидуальные» факторы, связанные с дефицитом морали и отсутствием мотивации достижения.

При наличии некоторых тенденций к либерализации и индивидуализации ценностей в российском обществе², пока что лишь самая немногочисленная часть населения – преимущественно молодые и экономически успешные мужчины – демонстрируют последовательно либеральные установки в жизнеобеспечении. Доминантой же массового сознания остается экстернализация причин экономического успеха и неудачи.

4.1.2. Зависимость как нормативная ценность

В массовом сознании убеждения о приоритетной ответственности государства за обеспечение граждан не только не исчезли в результате коллапса советской системы, но даже укрепились ввиду 1) чувств беспомощности большей части населения; 2) деятельности политических акторов, подпитывающих патерналистские ожидания избирателей.

Как видим из табл. 6, тот факт, что государство уже полтора десятилетия не гарантирует своим гражданам ни работы, ни жилья, ни минимума доходов, то есть распад *системы* государственного патернализма, вовсе не отменяет *ожиданий* патернализма со стороны населения. Подтверждается высказанное 15 лет предположение о том, что феномен «человека советского» еще долго будет присутствовать в массовом сознании³. Действительно, девять из

¹ Муздыбаев К. Переживание бедности как социальной неудачи: атрибуция ответственности, стратегии совладания и индикаторы депривации // Социологический журнал, 2001. № 1.

² См.: Данилова Е.Н., Ядов В.А. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ // Социологические исследования, 2004. № 10. С. 29; Беляева Л.А. Социальный портрет возрастных когорт в постсоветской России // Социологические исследования, 2004. № 10. С. 39-41.

³ Советский простой человек. С. 265-267.

десяти респондентов трудоспособных возрастов по-прежнему считают, что подобного рода гарантии должны быть вменены в обязанность государства.

Таблица 6

<i>Утверждения</i>	<i>Не согласны, категорически не согласны</i>	<i>Трудно сказать</i>	<i>Согласны, полностью согласны</i>
Надо получить от государства все, что мне полагается по закону, даже если я могу без этого обойтись	14	26	60
Гарантированные материальные блага развращают людей, лишая их стимулов упорного труда	49	30	21
Государственная помощь унижает трудоспособного человека	69	22	9
Государство должно обеспечить всех своих граждан:			
... работой	4	7	89
... сносным жильем	2,5	8	89
... гарантированным доходом на уровне прожиточного минимума	2,5	5	92

Подобная ситуация отмечается исследователями и в других городах РФ, и в республиках СНГ. Например, О. Хасбулатова и Л. Егорова утверждают, что позиции патерналистско-конформистского типа ментальности, в частности, мнение, что за благополучие человека должно отвечать государство, в современной России достаточно распространены, и за годы реформ смена этих стереотипов осуществляется достаточно сложно¹. В современной Белоруссии, как отмечает Л. Титаренко, люди хотят парадоксальным образом совместить социализм и капитализм, но при этом основной активной силой любых преобразований в обществе видят не себя, а государство².

¹ Хасбулатова О.А., Егорова Л.С. Социальное самочувствие женщин и мужчин в средних городах России // Социологические исследования, 2002. № 11. С. 51.

² Титаренко Л.Г. «Парадоксальный белорус»: противоречия массового сознания // Социологические исследования, 2003. № 12. С. 100-101.

Данные таблицы 6 позволяют также утверждать об отсутствии в сознании половины граждан понимания взаимосвязи гарантированных (то есть не заработанных) материальных благ и низкой экономической эффективности, расслабленности и развращенности работников, на чем настаивает либеральная традиция. Кроме того, чувство собственного достоинства абсолютного большинства респондентов не унижается предоставлением им (реально или гипотетически) помощи от государства. В этом одно из базовых отличий русской культуры от западной, где, как мы отмечали в Главе 2, независимость является фундаментальной ценностью и получение помощи, состояние на общественном иждивении, воспринимается как клеймо социальной неполноценности человека. Об этом же свидетельствует и таблица 7:

Таблица 7

<i>Нуждается ли Вы в материальной помощи со стороны государства?</i>	<i>Все-го</i>	<i>М</i>	<i>Ж</i>
Да	33	27	39
Особой нужды нет, но от безвозмездной помощи не отказались бы	56	59	53
Нет	11	14	7

Как видим, всего десятая часть респондентов трудоспособного возраста уверенно ответили, что не нуждаются в помощи государства. Наиболее тесно с установками на независимость от государства оказался связан даже не фактор материального положения, а статус предпринимателя (среди них «независимых» 40%). Среди женщин доля ожидающих помощи существенно выше, чем среди мужчин. Выше всего доля ожидающих помощи среди бедных (65%), безработных (55%), домохозяек (50%) и лиц с неполным средним образованием (46%).

Самое большое количество ответивших набрала вторая альтернатива, отражающая позитивное отношение более чем половины респондентов к незаслуженным вознаграждениям или льготам, в простонародье именуемым «халявой». Больше всего «халявщиков» среди... считающих себя экономиче-

ски самостоятельными (62%), самых молодых респондентов с высшим образованием (62%), учащихся (73%) и... руководителей (67%). Как видим, подобные установки характерны для респондентов, которые, с одной стороны, не являются экономически депривированными, с другой – не дистанцируются от государства, подобно предпринимателям, не являются носителями предпринимательской этики ответственности и независимости.

Таблица 8

<i>К какому из противоположных суждений ближе Ваши взгляды?</i>		
Государство должно нести большую ответственность за гарантированное обеспечение граждан 39%	Затруднились с ответом 26%	Человек должен сам нести большую ответственность за то, как он себя обеспечивает 35%
Надо больше брать с богатых, чтобы было больше средств для помощи бедным 28%	Затруднились с ответом 33%	Бедные должны сами искать возможности зарабатывать, а не надеяться, что их прокормят богатые 39%

Утверждения-дихотомии, представленные в таблице 8, сильнее дифференцируют респондентов, чем мнения об обязанностях государства, разделяя респондентов на три практически равных части. Как и в предыдущих вопросах, наблюдается четкое разделение ответов «успешных» и «неуспешных» респондентов. Сторонников индивидуальной ответственности человека за свое благосостояние больше всего среди предпринимателей (63%), обеспеченных (49%) и людей моложе 35 лет (43%). Напротив, больше всего возлагают ответственность на государство бедные (53%), респонденты в возрасте 45-59 лет (50%), лица со средним общим образованием (45%).

4.1.3. Понимание свободы как материальной обеспеченности и готовность жертвовать ради нее свободой-независимостью

Свобода как «материальная обеспеченность». Данные массовых опросов последних лет неизменно показывают высокие ранги ценности свободы¹. Значит ли это, что население становится более независимым? По нашему мнению, нет. Немногие готовы признаться, что не хотят быть свободными, однако важно уяснить, *что* вкладывают люди в это понятие.

Социально-экономическая зависимость соответствует «антилиберальному» пониманию свободы в современной России – как *наличию внешних по отношению к индивиду возможностей пользования важными для него благами, всеобщее дарованное право потреблять*. Понимание свободы как «материальной обеспеченности» неизбежно предполагает бессубъектность свободы, существование кого-то, кто обеспечит индивиду тот уровень жизни, который он считает «достойным» для себя. Это согласуется с отмеченным нами стремлением большей части населения делегировать ответственность за свое жизнеобеспечение – другим людям или государству. Как отмечает Ж. Тощенко, «получается, что мы за свободу, но без долга, этого обременительного довеска свободы»².

По данным социологических исследований последних лет, значительная часть населения воспринимает сегодня свободу именно по критерию «комфортности существования», но никак не независимости. Респонденты либо отождествляют «свободу» и «материальную обеспеченность», либо считают материальный достаток обязательным условием свободы³. Другими признаками индивидуальной свободы «простого россиянина» являются наличие работы, уверенность в завтрашнем дне, стабильная и спокойная жизнь. С таким

¹ Лапин Н.И. Власть, вседозволенность и свобода в ценностном сознании россиян; Лапин Н.И. Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России // Социологические исследования, 2003. № 6. С. 82-83;

² Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М., 2001. С. 361.

³ Шабанова М. Социология свободы: трансформирующееся общество. М.: МОНФ, 2000; Тихонова Н.Е. Личность, общность, власть в российской социокультурной модели // Общественные науки и современность, 2001. № 3. С. 37, 39; Готлиб А. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара: «Универс-групп», 2004. С. 352.

пониманием свободы связаны утверждения некоторых авторов о том, что население стало менее свободным в результате реформ, что свобода была «навязана» массовым группам в ходе рыночных преобразований¹ или мнения самих респондентов о том, что они стали «менее свободными», поскольку их потребительские возможности сократились², они лишены права на труд или оплата труда не обеспечивает прожиточного минимума³. Как видим, большинство населения страны предполагают, что «свобода» означает приобретение новых прав без потери старых возможностей и гарантий. Те же причины разочарования населения в рыночных реформах отмечены и в странах Восточной Европы, где население отождествляло переход к демократии с наступлением материального изобилия⁴.

Что же касается «либерального» понимания свободы как самостоятельности и независимости, которая связана с ответственностью или с индивидуальными качествами, которые позволяют человеку стать свободным, то ее исповедует абсолютное меньшинство населения. По результатам исследований Шабановой, лишь 7% респондентов понимают свободу в терминах «самостоятельность», «инициатива», «выбор», «ответственность», для 3% свобода означает «возможность самореализации»⁵.

Раскол общества «гражданские права и свободы versus защищенность и порядок». Как мы отмечали в § 1.1.1, потребительское понимание свободы исходит из наличия социально-экономических «прав»-гарантий, которые объявляются приоритетными по отношению к гражданским правам-свободам и могут быть обеспечены одним индивидам только за счет других, то есть предполагает некий механизм принудительного перераспределения матери-

¹ Шабанова М.А. Социологическая концепция трансформации свободы // Социальные траектории реформируемой России. С. 177.

² Готлиб А. Указ. соч. С. 353.

³ Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Указ. соч. С. 34.

⁴ Коровицына Н.В. Сравнительный опыт общественных преобразований в постсоциалистических странах // Социологические исследования, 2002. № 5. С. 13; Шпедер Ж., Элекеш Ж., Гарча И., Роберт П. Очерк трансформации в Венгрии // Социологические исследования, 2002. № 5. С. 54.

⁵ Шабанова М.А. Образы свободы в реформируемой России // Социологические исследования, 2000. № 2. С. 32-35.

альных благ. Для эффективного осуществления перераспределения необходима соответствующая идеология, которая может строиться только на традиционалистских ценностях – приоритета «общего» над «частным», «справедливости» как критерия материальных вознаграждений. Ценности социальной защищенности и равенства, с одной стороны, и свободы – с другой, несовместимы: социальные гарантии одним (менее способным и активным) предполагают ограничение прав и свобод других (наиболее активной и мобильной части общества).

Таблица 9

<i>К какому из противоположных суждений ближе Ваши взгляды?</i>				
Для Вас лучше быть социально защищенным, даже если это ограничит Вашу личную свободу 35%		Затруднились с ответом 29%	Вам важнее быть свободным и нести полную ответственность за обеспечение себя и своих близких 37%	
Мужчины 30%	Женщины 39%		Мужчины 45%	Женщины 28%

Большое количество затруднившихся с ответом на вопрос-дихотомию в таблице 9 мы можем интерпретировать так, что почти треть респондентов просто не могла сделать свой выбор, не принимая противопоставления свободы и защищенности и не понимая взаимосвязи «свобода – самостоятельность – ответственность». На полюсах же оказались практически равные доли респондентов – как тех, что выбирают для себя свободу, так и тех, кто предпочитает быть «защищенным». Как видим, особенно велики гендерные различия в выборе свободы и индивидуальной ответственности – это выбор почти половины мужчин и немногим более четверти женщин. Свобода и ответственность – это выбор 78% предпринимателей и топ-менеджеров, 61% «обеспеченных», 50% улучшивших свое материальное положение за последние 5 лет, 47% респондентов в возрасте до 35 лет, 44% респондентов с высшим образованием. Напротив, выбор «защищенности» больше всего опреде-

ляется предпенсионным возрастом (50% в группе 45-59 лет), плохим материальным положением (50% в группе «бедных»), ухудшением материального положения за последние 5 лет (48%), принадлежностью к группам служащих без специального образования (47%) и рабочих (43%).

По совокупности ответов респондентов мы вычисляли индексы «либерализма» и «патернализма», полученные путем сложения ответов респондентов на следующие вопросы (альтернативы «затрудняюсь ответить» в расчет индексов не входили):

Таблица 10

<i>Альтернативы, включенные в «Индекс патернализма»</i>	<i>Альтернативы, включенные в «Индекс либерализма»</i>
Нуждаются в материальной помощи со стороны государства	Не нуждаются в материальной помощи со стороны государства
Надо получить от государства все, что мне полагается по закону, даже если я могу без этого обойтись – <i>согласие</i>	Надо получить от государства все, что мне полагается по закону, даже если я могу без этого обойтись – <i>несогласие</i>
Гарантированные материальные блага развращают людей, лишая их стимулов упорного труда – <i>несогласие</i>	Гарантированные материальные блага развращают людей, лишая их стимулов упорного труда – <i>согласие</i>
Государственная помощь унижает трудоспособного человека – <i>несогласие</i>	Государственная помощь унижает трудоспособного человека – <i>согласие</i>
Государство должно обеспечить всех своих граждан:	
... работой – <i>согласие</i>	... работой – <i>несогласие</i>
... сносным жильем – <i>согласие</i>	... сносным жильем – <i>несогласие</i>
... гарантированным доходом на уровне прожиточного минимума – <i>согласие</i>	... гарантированным доходом на уровне прожиточного минимума – <i>несогласие</i>
Государство должно нести большую ответственность за гарантированное обеспечение граждан	Человек должен сам нести большую ответственность за то, как он себя обеспечивает
Для Вас лучше быть социально защищенным, даже если это ограничит Вашу личную свободу	Вам важнее быть свободным и нести полную ответственность за обеспечение себя и своих близких
Надо больше брать с богатых, чтобы было больше средств для помощи бедным	Бедные должны сами искать возможности зарабатывать, а не надеяться, что их прокормят богатые

Расчет индексов дал следующие результаты:

Таблица 11

Доли респондентов со значениями «Индекса патернализма», %		Доли респондентов со значениями «Индекса либерализма», %	
Нулевой	0,7	Нулевой	27
Низкий (1-3)	11	Низкий (1-3)	57
Средний (4-7)	63	Средний (4-7)	16
Высокий (8-10)	25	Высокий (8-10)	0,2

Абсолютное большинство респондентов – 75% – оказались расположенными по «шкале патернализма» в диапазоне значений 4-8 (средневысокий уровень), в то время как по «шкале либерализма» 84% респондентов размещены в диапазоне значений 0-3 (нулевой и низкий уровень). Таблица 11 показывает, что население по своим установкам значительно больше тяготеет к модели патерналистского, нежели либерально-рыночного государства. Столь ничтожную долю респондентов, относящих себя по идейно-политической самоидентификации к «либералам», подтверждают и данные других исследователей: например, по всероссийских опросах ИКСИ РАН таковых было 8% в 2000 г. и менее 3% в 2003-м (правда, значительно выше их доля среди богатых – 12%)¹. В этой связи вызывает сомнения правомерность утверждений, что в последние годы произошла заметная либерализация ценностей массовых групп россиян и российское общество в целом можно характеризовать как «раннелиберальное»². Это ставит проблему импорта институтов, свойственных рыночной экономике, в Россию³. Пока что ситуация такова, что институты либерального общества, сформировавшиеся на Западе в результате долгого эволюционного процесса, плохо приживаются в России. Без них невозможно функционирование рыночной экономики, однако они оттор-

¹ Петухов В.В. Новые поля социальной напряженности // Социологические исследования, 2004. № 3. С. 38.

² Лапин Н.И. Инверсия доминантных процессов социокультурной трансформации и ее акторы // Кто и куда стремится вести Россию?...

³ Олейник А.Н. Институциональная экономика // Вопросы экономики, 1999. № 7. С. 143-144.

гаются большинством российского населения, считающих для себя «цену независимости» слишком высокой. Пока что можно говорить лишь о «либеральных анклавах» в российском обществе, представленных наиболее успешными, образованными и молодыми людьми, живущими в столице и крупных городах, влияние которых на общественно-политическую ситуацию сейчас минимально.

Логично предположить, что респонденты, набравшие самые высокие значения индексов по этим двум шкалам, будут представлять во многом противоположные группы с взаимоисключающими интересами. Ввиду того, что группы с высокими значениями двух индексов оказались несоизмеримыми, для расчетов были отобраны численно сопоставимые группы респондентов, показавших самые высокие значения индексов. Группа 13% самых последовательных сторонников патернализма набрала значения 9-10 по этой шкале, 7% самых последовательных «либералов» – значения 5-9.

Костяк последовательных сторонников патернализма составляют женщины (54%) и рабочие (53%). Половину этой группы составляют респонденты предпенсионных возрастов. Половина респондентов по своему материальному положению отнесены к группе со средним материальным положением, еще 44% составляют бедные. 59% их ухудшили свое материальное положение за последние 5 лет. 46% из них считают себя экономически несамостоятельными.

Что касается наиболее последовательных «либералов», то в этой группе 63% мужчин, треть рабочих, 10% предпринимателей. 43% составляют респонденты в возрасте 25-34 лет. Преобладают респонденты с высшим образованием (43%). 42% группы составили обеспеченные респонденты. 73% улучшили свое материальное положение за последние 5 лет. Таким образом, при наличии существенных различий между группами (возрастной состав, уровень доходов, образования, динамика материального положения) предположение о том, что эти группы будут «полярными», не подтвердилось.

Итак, свободу и ответственность предпочитают высокоресурсные «выигравшие», в то время как защищенность – низкоресурсные «проигравшие». Первые стремятся реализовать открывшиеся перед ними возможности, вторые же стремятся обрести «вторичные узы», которые освободят их от бремени ответственности за себя и обеспечат стабильность их жизни. Доля второй группы по нижегородскому массиву составляет 35%.

4.1.4. Высокий уровень доверия к архаическим социальным институтам и трудности в формировании гражданского общества

Как мы отмечали в § 1.1.1, концепция свободы как материальной обеспеченности и социальной защищенности предполагает право надындивидуальных структур – государства, общины, церкви – вмешиваться во все сферы жизни индивидов. Свойственный российскому общественному мнению выбор приоритетности материальных благ над гражданскими правами и свободами тесно связан с ностальгией по «сильному государству». Таким образом, как в массовом сознании, так и в реально происходящих политических процессах продолжает воспроизводиться характерная для всей предшествующей истории России модель экспансионистского государства, ставящего «национальные интересы» выше прав и свобод отдельных граждан.

Так, по мнению Т. Ворожейкиной, за прошедшие 20 лет не произошло существенных изменений в массовом типе российского (советского) человека: он по-прежнему не способен жить в условиях свободы, не приучен отвечать за себя и собственное благополучие. Этот тип является главной опорой российской власти¹. Это, по сути, воспроизводство архаического типа отношений государства и подданных. Н. Тихонова указывает, что в национальном самосознании по-прежнему доминирует модель взаимоотношений общества, человека и государства, свойственная мировосприятию традиционных об-

¹ Ворожейкина Т.Е. Глядя назад: возможные альтернативы в развитии перестройки // Общественные науки и современность. – 2005. – № 5.

ществ, предполагающая, что интересы макрообщности – общества, народа, страны – выше интересов отдельных людей. Считается, что государство представляет интересы этой макрообщности, а также заботится о текущих нуждах граждан, поэтому они должны проявлять к нему максимальную лояльность и признавать его право вмешиваться в их жизнь, если это нужно для общества в целом, даже если это означает нарушение их гражданских прав. Тихонова интерпретирует это как господство в массовом сознании традиционалистской модели с характерным для ее азиатского типа легитимным всевластием государства¹.

Традиционная модель отношения населения к власти предполагает существование авторитарного «вождя», который является воплощением железной воли, мудрости и справедливости и с которым связываются мессианские надежды на улучшение жизни. В опросе в рамках «Проекта глобального исследования установок Пью» (*The Pew Global Attitudes Project*) 2002 г. лишь 21% российских респондентов согласились с утверждением «*Страна должна надеяться на демократическую власть*» и 70% считали, что «*Страна должна надеяться на сильного лидера*»². Наблюдается беспрецедентно высокий уровень поддержки Президента: по разным данным, рейтинг доверия к нему оценивается от 57 до 60-70%³.

Наряду с «вождем»-президентом, высокие рейтинги доверия по результатам опросов фиксируются у таких архаических институтов, как армия (от 36 до 70%) и церковь (от 36 до 61%). Напротив, меньше всего доверяет население институтам гражданского общества, правозащитным институтам, представительным органам власти – милиции, суду, прокуратуре, партиям,

¹ Тихонова Н.Е. Особенности национального самосознания и возможности модернизации России // Пути России: двадцать лет перемен / Под ред. Т.Е. Ворожейкиной. М.: МВШСЭН, 2005.

² Рукавишников В.О. Конкурентоспособность и демократия // Социологические исследования, 2005. № 2. С. 13.

³ Левашов В.К. Морально-политическая консолидация российского общества в условиях неолиберальных трансформаций // Социологические исследования, 2004. № 7. С. 36; Горшков М.К., Петухов В.В. Перспективы демократии в России: угрозы реальные и мнимые // Социологические исследования, 2004. № 8. С. 28.

политическим движениям, профсоюзам, Парламенту¹. В. Ядов и Е. Данилова характеризуют современную политическую систему как «этатистскую», поскольку государственные институты в ней довлеют над гражданскими².

Есть все основания полагать, что приверженцы патерналистских установок оказывают непропорционально большое влияние на результаты выборов: известно, что представители старших возрастных групп и «недовольные» характеризуются более высокой избирательной активностью, чем молодежь и представители «успешных» социальных групп, дистанцирующиеся от политики. Избиратели не могут и не хотят разбираться в том, каким образом будут выполняться данные им в ходе выборов обещания и выполнимы ли они вообще. Предсказывая успех популистских идеологий в обществе будущего, Л. Мизес еще в 1930-е годы отмечал, что «великое множество людей не интересуется тем, что произойдет послезавтра или еще позже. Они думают только о сегодняшнем, в лучшем случае – о завтрашнем дне»³.

Архаизации общественной жизни, усилению чувства зависимости людей от внешних по отношению к ним структур и обстоятельств способствует и укрепление позиций Русской православной Церкви (РПЦ) в российском обществе. Наряду с подражанием внешним образцам современной западной культуры, наблюдается стремление «вернуться в прошлое», к «духовности» и «национальным традициям». Резкий рост числа граждан, считающих себя верующими, в прежде едва ли не тотально атеистическом обществе обусловлен как чувствами беспомощности людей в результате неспособности адаптироваться к произошедшим в стране переменам, так и кризисом идентичности, идеологическим вакуумом. Можно сказать, что после краха коммунистической идеи в стране произошел «эффект замещения» ее православием, а религиозность стала одним из механизмов компенсаторной адаптации населения.

¹ Левашов В.К. Морально-политическая консолидация российского общества в условиях нелиберальных трансформаций // Социологические исследования, 2004. № 7. С. 36; Гудков Л.Д. Реформы и процессы общественной примитивизации // Кто и куда стремится вести Россию?..

² Данилова Е.Н., Ядов В.А. Указ. соч. С. 29.

³ Мизес Л. Либерализм. С. 168.

Данные нашего исследования показали следующее распределение относящих себя к верующим и неверующим среди нижегородцев трудоспособных возрастов:

Таблица 12

<i>Каково Ваше отношение к религии?</i>	<i>Всего</i>	<i>М</i>	<i>Ж</i>
Верующий человек	26	22	29
Скорее верующий, чем неверующий	47	42	51
Скорее неверующий, чем верующий	16	21	12
Неверующий	11	16	7

Доля респондентов, в совокупности считающих себя «верующими» (73%), составляет подавляющее большинство, прежде всего за счет женщин (среди них верующих 81%). В разрезе материальной обеспеченности выше всего доля верующих в группе бедных (78%). Напротив, неверующих больше всего среди предпринимателей и топ-менеджеров (45%), мужчин (37%), лиц с высшим образованием (33%), а также в возрастной группе 45-59 лет (33%). Это, с одной стороны, подтверждает выводы исследователей, что к религии и церкви обращаются, прежде всего, «проигравшие» в ходе реформ¹.

Отметим при этом, что обнаруженные нами различия по группам верующих и неверующих носят чисто демографический характер, практически отсутствуют корреляции религиозности с ценностями: группа верующих несколько больше привержена ценностям патернализма и социальной защищенности, однако различия не столь велики, чтобы всерьез рассматривать фактор религиозности как дифференцирующий население. Однако сам факт высокого уровня доверия к РПЦ и дальнейшее усиление ее влияния способствуют воспроизводству «православно-коммунистической» экономической культуры с ее недостижимыми ценностями, ожиданием покровителя, конформизмом и «нестяжательством».

¹ Элбакян Е.С., Медведко С.В. Влияние религиозных ценностей на экономические предпочтения верующих россиян // Социологические исследования, 2001. № 8.

Подобные установки населения активно используются нынешней властью, и анализ материалов СМИ легко обнаруживает основной вектор формирования «национальной идеи» – сильное государство, державность, патриотизм, православный национализм. Это противостоит либеральным ценностям индивидуализма, независимости и успеха, что нашло свое подтверждение, в частности, в исследовании ценностей Фонда Общественное мнение (ФОМ) 2001 г. В результате факторного анализа было обнаружено, что ценности «державы» и «патриотизма» оказались противопоставлены «успеху» и «свободе». Ценностей с патриотической окраской не оказалось в группе «благополучных» респондентов, зато их приверженцы преобладают в более низких социальных слоях¹. Тот факт, что нынешняя российская власть апеллирует не к успешным и высокостатусным группам, а представителям низших слоев, уже отмечался исследователями. Так, по словам Л. Гудкова, одним из элементов структуры мобилизации государственной поддержки является апелляция к периферийным в социальном плане группам и слоям населения².

Итак, чувства беспомощности у населения в экономической сфере, социально-экономическая зависимость как нормативная ценность, трактовка свободы как материальной обеспеченности и приоритетность социально-экономических гарантий над гражданскими правами-свободами имеют весьма глубокие последствия для политического развития страны. Изменение ценностей и установок массового сознания в политической сфере можно в целом охарактеризовать как «традиционализацию». Патерналистские ожидания населения сопровождаются поддержкой «сильной власти», персонифицированной в фигуре Президента, а также высоким уровнем доверия к социальным институтам, в которых нет места ценностям индивидуализма, независимости и гражданского общества – армии и Церкви. Это создает предпо-

¹ Галицкий Е.Б., Климова С.Г. Возможности процедур многомерного статистического анализа при изучении ценностной дифференциации общества // Социологический журнал, 2002. № 3.

² Гудков Л.Д. Реформы и процессы общественной примитивизации // Кто и куда стремится вести Россию?..

сылки реставрации в стране авторитарного политического режима и подавления экономических свобод.

4.1.5. Ценности и установки в экономической сфере: выраженность мотива достижения, готовности к риску и активным моделям экономического поведения

Как мы только что показали, в политических ценностях и установках наблюдается дрейф массового сознания в сторону традиционализации, ожидания государственного патернализма. А что происходит в сфере индивидуального экономического поведения людей?

Один из самых надежных показателей либерализации / традиционализации – это распространенность и место в иерархии ценностей достижительских установок. К этой группе относятся ценности, связанные с активной деятельностью, индивидуализмом, независимостью, соревновательностью, стремлением к повышению социально-экономического статуса. Достижительность, наряду с такими качествами, как открытость новому опыту или интерес к участию в гражданском обществе, относится к характеристикам «современного» («модерного») человека¹. Достижительским обычно противопоставляется группа ценностей традиционного общества – стабильной и спокойной жизни, коллективизма, конформизма, ориентации на «середину», исполнения предписаний, религии, а также группа потребительски-гедонистических ценностей, направленных на максимизацию потребления при минимизации собственных усилий.

Помимо того, что значимость достижительских ценностей, как мы покажем ниже, тесно связана с реальным экономическим поведением людей, определяя их адаптационный потенциал, распространенность этих ценностей у населения определяет и благополучие общества в целом. Ориентации на индивидуалистические ценности независимости и достижений в экономиче-

¹ Segall, M.H., Dasen, P.R., Berry, J.W., Poortinga, Y.H. Human Behavior in Global Perspective. An Introduction to Cross-cultural Psychology. N.Y.: Pergamon Press, 1990. P. 98-99.

ской сфере способны в перспективе оказать влияние и на общую либерализацию ценностей. Как в свое время утверждал Л. Мизес, «когда люди обретают свободу в чисто экономических сферах жизни, они начинают стремиться к ней повсюду»¹.

Как мы указывали выше, сегодня среди многих групп населения присутствует растерянность и чувство несправедливости по поводу того, что одного лишь «упорного труда», «стажа» или высшего образования уже недостаточно для того, чтобы обеспечить себе достойный уровень жизни. Доминирует представление о неестественном, неорганичном расслоении, нелегитимности, «неправедности» нынешней материальной дифференциации. Большинство готовы признать справедливой дифференциацию доходов в зависимости от уровня профессиональной квалификации, более 75% россиян считают, что *«человек должен иметь те доходы, которые заработал честным трудом»*². Интересная деталь: в нашем опросе абсолютное большинство респондентов не стесняются в оценке своей профессиональной квалификации: по 5-балльной шкале ее медианное значение по массиву составляет «4». Признавая справедливой дифференциацию доходов в зависимости от квалификации, респонденты уверены, что уж они-то обязательно должны получать больше. Таким образом, для массового сознания остается характерной абсолютизация ценности «честного труда», не связанной с понятиями рыночной «цены» человека, «конвертируемости» его профессиональной квалификации. Однако в новых условиях для достижения экономического успеха уже требуется не просто способность «вкалывать», но гораздо более широкий спектр ресурсов, связанный с индивидуальной мобильностью человека, восприимчивостью к новому, навыками общения, предприимчивостью, соревновательностью. Именно индивидуально-личностные факторы сегодня обуславливают адаптивный потенциал человека.

¹ Мизес Л. Социализм. С. 130.

² Петухов В.В. Указ. соч. С. 33.

Для выяснения места достижительских ценностей в иерархии ценностей трудоспособного населения в нашем исследовании респондентам было предложено оценить степень важности для них 13 общих жизненных и 14 трудовых ценностей¹. Эти 27 ценностей были подвергнуты анализу методом главных компонент, в результате которого мы получили 3 группы ценностей – «достижительские», «традиционные» и ценности «социальной защищенности». Объясненная дисперсия равна 37%.

Таблица 13

Результаты факторного анализа ценностей, факторные нагрузки переменных					
1. «Достижительские» ценности		2. «Традиционные» ценности		3. «Ценности социальной защищенности»	
Возможность профессионального и служебного роста	,775	Уверенность в себе, в своих силах	,652	Удобный режим работы	,675
Возможность проявить самостоятельность, инициативу	,747	Уважение окружающих	,622	Хорошие условия труда	,658
Возможность приобретать новые знания и навыки	,715	Честность, порядочность	,611	Возможность пользоваться льготами, детскими и медицинскими учреждениями по месту работы	,635
Карьерный рост	,700	Материальная обеспеченность	,602	Близость от дома	,624
Возможность влиять на людей	,611	Самостоятельность, независимость	,553	Возможность иметь достаточно свободного времени	,553
Интересная работа	,602	Собственность	,550	Общение с интересными людьми	,397
Активная деятельная жизнь	,532	Социальная защищенность	,522	Социальная защищенность	,382
Общение с интересными людьми	,474	Здоровье	,492	Стабильная оплата	,341
Высокая оплата	,344	Стабильная, спокойная жизнь	,327	Стабильная, спокойная жизнь	,328
Самостоятельность, независимость	,337	Семья	,323	Соответствие специальности	,233
Соответствие специальности	,293	Вера, религия	,263		

¹ Вопросы были сформулированы следующим образом. 1) Общие жизненные ценности: «Люди по-разному оценивают, что для них в жизни наиболее важно. Насколько важно для Вас лично перечисленное ниже?». 2) Трудовые ценности: «Насколько важными Вам кажутся перечисленные ниже характеристики работы?».

Фактор достижительских ценностей сформирован переменными, отражающими возможности продвижения по службе, саморазвития, власти над людьми, высокого заработка. Этот фактор отражает жизненные и профессиональные установки на саморазвитие и значимость содержания труда. Наиболее высоко его значение у предпринимателей и учащихся; обеспеченных; лиц моложе 25 лет; респондентов с высшим образованием, то есть у той части населения (оказывающейся пока в меньшинстве), для которой происходящие изменения открыли реальные возможности использовать свой деятельностный потенциал. Именно на их примере можно говорить о формировании «новой» экономической культуры в современной России.

Фактор традиционных ценностей оказался более размытым, но все вошедшие в него переменные объединяет их «недостижимость», ориентация скорее на нравственные ценности традиционного общества, чем на индивидуальные достижения и соревновательность. Как показал анализ по группам, этот фактор вообрал в себя универсальные, общечеловеческие ценности, которые важны для подавляющего большинства респондентов, и его значения мало дифференцированы по группам. Несколько выше они лишь у респондентов самой старшей возрастной группы, лиц с неполным средним образованием и верующих.

Фактор ценностей социальной защищенности вообрал в себя переменные, характеризующие «удобство» работы, возможность работать «не напрягаясь» и при этом пользоваться всей полнотой социально-экономических прав. Мы склонны утверждать вслед за исследователями из ФОМ, что этот ценностный синдром «социальной защищенности» характерен для «депривированных» социальных групп¹. Менее значимы ценности «социальной защищенности» для предпринимателей и обеспеченных респондентов.

Таблица 14 содержит список общих жизненных и трудовых ценностей по иерархии их значимости (сумма выбравших варианты ответа «Довольно

¹ Галицкий Е.Б., Климова С.Г. Указ. соч.

важно» и «Очень важно»).

Таблица 14

Ранг	Общие жизненные и трудовые ценности, %%	Довольно важно; очень важно	
		Всего	М / Ж
1	Здоровье	99	=
2	Материальная обеспеченность	99	=
3	Стабильная оплата	98	=
4	Уверенность в себе, своих силах	98	=
5	Честность, порядочность	94	=
6	Высокая оплата	93	=
7	Уважение окружающих	93	=
8	Семья	92	=
9	Хорошие условия труда	92	89 / 96
10	Самостоятельность, независимость	85	91 / 80
11	Социальная защищенность	84	78 / 89
12	Собственность	84	=
13	Стабильная, спокойная жизнь	83	=
14	Удобный режим работы	81	73 / 81
15	Интересная работа	79	=
16	Общение с интересными людьми	77	=
17	Возможность пользоваться льготами, детскими и медицинскими учреждениями по месту работы	69	57 / 79
18	Активная деятельная жизнь	68	73 / 64
19	Возможность приобретать новые знания и навыки	68	66 / 71
20	Возможность проявить самостоятельность, инициативу	62	66 / 59
21	Возможность профессионального и служебного роста	59	=
22	Близость от дома	59	52 / 66
23	Соответствие специальности	58	61 / 54
24	Возможность иметь достаточно свободного времени	55	50 / 59
25	Карьерный рост	52	=
26	Вера, религия	36	30 / 43
27	Возможность влиять на людей	32	35 / 28

Из предложенных респондентам 27 общих жизненных и трудовых ценностей наиболее значимыми оказались ценности «традиционалистской» группы. В пятерку наиболее важных попала также ценность стабильной оплаты труда, вошедшая в фактор ценностей «социальной защищенности» (правда, с небольшой факторной нагрузкой). Из фактора «достижительских» ценностей относительно высокий – 6-й – ранг занимает ценность высокой оплаты труда, также имеющая небольшую факторную нагрузку. Отметим, что ценности, составляющие костяк фактора «социальной защищенности», по иерархии значимости заметно преобладают над ценностями из «достижительского» фактора. Все пять ключевых достижительских ценностей оказались в нижней части списка. Таким образом, ценности стабильности и защищенности заметно преобладают над ценностями активной жизни и карьеры.

На низкие ранги и дефицит активно-достижительских ценностей в России 1990-х – 2000-х годов неоднократно указывали и другие исследователи. Так, В. Магун, оперируя данными сравнительных международных исследований, отмечает, что ранги достижительских ценностей у российского населения ниже, а ценностей, связанных с возможностью не работать, стремление к высокому заработку и минимизации трудовых усилий – значительно выше, чем в западных странах¹ (в последнем случае речь идет о ценностях третьей выделенной нами группы – «социальной защищенности»). Рейтинг «возможности чего-то достичь» в России в полтора, а «возможности проявлять инициативу» – в два раза ниже, чем в странах «большой семерки». Так, сравнительные исследования рабочих России и Германии показали, что у российских рабочих гораздо сильнее выражен инструментальный тип трудовой мотивации (работа только как способ заработать), в то время как у рабочих Германии – терминальный (работа как самоценность)².

¹ Магун В.С. Российские трудовые ценности: идеология и массовое сознание // Мир России. 1998. № 4.

² Темницкий А.Л. Отношение к труду рабочих России и Германии: терминальное и инструментальное // Социологические исследования, 2005. № . С. 59.

Помимо выраженности мотива достижения, надежным показателем либерализации ценностей в экономической сфере является готовность рисковать. Как мы указывали в Главе 1, свобода, ответственность и риск – неразрывные понятия: перекладывая экономические риски на чужие плечи, индивид обретает чувство стабильности, ограничивая при этом свою свободу. И, наоборот, расширение сферы экономической свободы предполагает, что индивиду достаются как все выгоды, так и все издержки его выбора.

Таблица 15

<i>Какую из предложенных альтернатив Вы бы предпочли?</i>				
Работать не надрываясь, пусть и жить скромно 11%		Затруднились с ответом 22%	Много работать и много зарабатывать 67%	
Мужчины 9%	Женщины 13%		Мужчины 76%	Женщины 59%
Иметь небольшой, но гарантированный заработок 35%		Затруднились с ответом 31%	Рисковать и «крутиться» в жизни, чтобы жить богаче 34%	
Мужчины 30%	Женщины 40%		Мужчины 42%	Женщины 25%

Как видим, абсолютное большинство опрошенных относят себя к «трудолюбивым», но при этом вдвое меньше респондентов готовы рисковать, «крутиться», то есть жить в условиях, определяемых самой природой рыночной экономики. Примечательно, что в ответе на вторую альтернативу респонденты разделились на три равные группы, то есть наблюдается «раскол» по вопросу «гарантии – достаток». Наиболее явно гендерные различия выражены в альтернативах относительно готовности к высоким трудовым нагрузкам и готовности рисковать. У мужчин ярче выражена ориентация на «доходную» работу, и их установки в сфере оплачиваемой занятости более «рыночные», в то время как женщин в несколько большей степени привлекают альтернативы «удобной» работы и гарантий заработка.

Наконец, третий из наиболее надежных показателей экономических ус-

тановок – это ориентация на активные либо пассивные способы экономического поведения. В нашем исследовании вынужденных мигрантов, безработных и работающих бедных в четырех российских городах мы пришли к выводу, что одним из определяющих факторов успешного преодоления проблем людьми, находящимися в изначально одинаково неблагоприятной ситуации, была ориентация на активное, самостоятельное поведение, а углубление депривации было тесно связано с расчетом на помощь извне, пассивно-выжидательной позицией¹. В настоящем исследовании мы провели такой анализ среди трудоспособных жителей Н. Новгорода. На вопрос «*Что наиболее важно сейчас делать таким людям, как Вы, чтобы улучшить свое благосостояние?*» было получено следующее распределение ответов (способы, отнесенные нами к «активным», выделены заливкой).

Таблица 16

	Всего	М	Ж
Больше работать	57	66	49
Обучаться новым специальностям, приобретать новые профессиональные навыки	44	39	49
Активнее налаживать связи с нужными людьми	32	38	27
Экономить, более рационально вести бюджет	32	26	38
Поменять (найти) место работы	30	27	33
Открыть собственное дело	18	21	15
Настойчивее требовать от государства то, что Вам положено по закону	15	15	15
Молиться, просить у Бога удачи	12	8	16
Терпеть, ждать лучших времен	10	8	12
Удачно выйти замуж (жениться)	10	6	16
Ничего нельзя сделать	4	5	3

¹ См: Балабанова Е.С. Вынужденные мигранты: жизненные трудности и ресурсы их преодоления // Куда идет Россия? Власть, общество, личность / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М., 2000; Балабанова Е.С. Типы стратегий совладания с жизненными трудностями // Кто и куда стремится вести Россию?...; Балабанова Е.С. Гендерные различия стратегий совладания с жизненными трудностями // Социологические исследования, 2002. № 11; Балабанова Е.С. Социально-экономическая зависимость: история, теория, современность : Монография. Н. Новгород: Издательство Нижегородского государственного университета, 2004.

Корреляционный анализ дал весьма малые значения коэффициентов корреляции разных стратегий. Статистически значимые положительные корреляции были обнаружены между стратегиями налаживания связей и открытием своего дела (,209), стратегиями налаживания связей и «больше работать» (,203), «молитвами» и «терпением» (,128). Отрицательные корреляции существуют между ничегонеделанием и большим объемом работы (-,205), «терпением» и готовностью обучаться новым специальностям (-,151).

Как видим, практически все «активные» способы улучшения материального положения оказались в верхней части списка, то есть трудоспособное население, сохраняя приверженность патерналистским ценностям и оставаясь в своем большинстве «недостижительским», понимает при этом, что «подлежащий камень вода не течет» (напомним, 72% респондентов считают, что улучшение их материального благополучия зависит от них самих – табл. 2). Таким образом, респонденты, не принимая сложившиеся «правила игры» в экономической сфере по своим идеологическим и ценностным предпочтениям, на практике вырабатывают продуктивные, активные способы экономического поведения. Логично, что улучшение материального положения связывается, прежде всего, с оплачиваемой занятостью; пятая часть респондентов рассматривает перспективы открытия собственного дела. У мужчин эта стратегия безусловно доминирует, в то время как женские стратегии отражают их меньшую ориентацию на независимое действие, что выражено в большей предпочтительности «пассивных» стратегий (экономия, ожидание, замужество). С другой стороны, у женщин также ярче ориентации на смену сферы деятельности (поменять / найти работу, получить новую специальность).

Что касается распределений по возрасту, то у более молодых респондентов ярче выражены стратегии замужества/женитьбы, открытия своего дела и обучения новым специальностям. У респондентов старших возрастных групп – пассивные установки «ничего нельзя сделать», «требовать от государства», «экономить». Наиболее образованные респонденты ориентированы на от-

крытие своего дела, обучение и налаживание связей, с самым низким уровнем образования – на терпение и помощь государства. Наиболее высокодоходные респонденты чаще упоминают налаживание связей и открытие своего дела, с самыми низкими личными доходами надеются на женитьбу/замужество, смену (нахождение) места работы, терпение.

Итак, более активные и независимые стратегии экономического поведения сегодня демонстрируют, прежде всего, мужчины, респонденты более молодых возрастов, самые образованные и высокодоходные. Напротив, зависимые, пассивно-выжидательные стратегии в наибольшей степени характерны для респондентов старше 45 лет, женщин и низкодоходных респондентов с низким уровнем образования.

4.1.6. Взаимосвязь (не)зависимых установок и успешности социально-экономической адаптации населения

Одной из гипотез исследования было предположение о тесной взаимосвязи между установками индивидов на социально-экономическую зависимость и низким адаптационным потенциалом. Данные, которые мы приводили выше, позволяют предположить наличие такой связи: высокие показатели самоэффективности, либеральные установки, достижительские ценности, готовность к риску и активным формам экономического поведения ярче всего выражены у «продвинутых» социальных групп, в то время как ожидание государственного патернализма, ориентации на социальную защищенность на рабочем месте и экономическая пассивность – удел «проигравших». В этом разделе мы приводим результаты комплексного анализа взаимосвязи (не)успешной адаптации респондентов и их установками на социально-экономическую (не)зависимость.

Под «социальной адаптацией» мы понимаем процесс и результат активного приспособления индивида к условиям новой социальной среды, процесс согласования взаимных требований и ожиданий человека и социальной сре-

ды, ведущее место в котором принадлежит согласованию притязаний субъекта с его возможностями¹. Когда идет речь о полноценной социальной адаптации, подразумевается, что это процесс конструктивного использования своих интеллектуальных, физических, материальных ресурсов в целях сохранения или повышения своего социального статуса и удовлетворения материальных и духовных потребностей, гармоничного развития собственной личности. Поскольку наше исследование было посвящено экономическим аспектам адаптации, мы взяли в качестве ее показателей уровень и динамику личных и среднедушевых денежных доходов, самооценку материального положения, а также самооценку по шкале социального статуса. Список показателей адаптации и переменных, характеризующих установки и ценности (не)зависимости, включенных в анализ, приведен в таблице 17.

Таблица 17

<i>Показатели успешности адаптации</i>	<i>Ценности и установки</i>
Самооценка по шкале социального статуса	Готовность к трудностям, полагание на собственные силы
Динамика материального положения за последние 5 лет	Зависимость улучшения материального положения от различных субъектов (7 переменных)
Самооценка материального положения	Экономическая самостоятельность
Уровень личных доходов	Индекс либерализма
Уровень среднедушевых семейных доходов	Индекс патернализма
	Индекс достижительских ценностей
	Индекс ценностей социальной защищенности
	Ориентация на минимизацию/максимизацию трудовых усилий
	Ориентация на стабильность/риск
	Индекс активных способов экономического поведения
	Индекс пассивных способов экономического поведения

¹ См.: Краткий словарь по социологии / Под общ. ред. Д.М. Гвишиани, Н.И. Лапина. М.: Политиздат, 1988. С.6; Философский энциклопедический словарь. 2-е изд. М., 1989. С. 13; Энциклопедический социологический словарь / Под общ. ред. Г.В. Осипова. М.: ИСПИ РАН, 1995. С. 7.

Таблица 18

Показатели успешности адаптации (объясненная дисперсия 75%)				Ценности и установки (объясненная дисперсия 40%)					
1. «Качественные»		2. «Количественные»		1. Ориентация на индивидуальную самостоятельность		2. Ориентация на зависимость в публичной сфере		3. Ориентация на зависимость в частной сфере	
Оценка материального положения семьи	,800	Личные доходы	,941	Индекс достижительских ценностей	,686	УМП ¹ зависит от государства	,716	УМП зависит от членов Вашей семьи	,639
Динамика материального положения	,788	Среднедушевые семейные доходы	,922	Ориентация на стабильность/риск	,673	УМП зависит от общей экономической обстановки в стране	,681	УМП зависит от родственников, знакомых	,613
Самооценка социального статуса	,754			Ориентация на минимизацию / максимизацию трудовых усилий	,644	УМП зависит от работодателя	,607	Экономическая самостоятельность	-,495
				Индекс либерализма	,571	УМП зависит от Бога	,382	Готовность к трудностям, полагание на собственные силы	-,402
				УМП зависит от Вас самих	,569	Индекс патернализма	,352	Индекс ценностей социальной защищенности	,393
				Индекс патернализма	-,564	Индекс либерализма	-,319		
				Готовность к трудностям, полагание на собственные силы	,534	Индекс ценностей социальной защищенности	,302		
				Индекс активных способов поведения	,522				
				Экономическая самостоятельность	,344				

¹ Улучшение материального положения респондента

Для выяснения взаимосвязи ценностей и адаптированности на первом этапе была применена процедура анализа методом главных компонент отдельно по каждой группе переменных. Из пространства 22 переменных мы перешли в пространство пяти. Показатели адаптированности были сведены к двум факторам, характеристики ценностей и установок – к трем (табл. 18).

Новое факторное пространство можно интерпретировать следующим образом. Тесно связаны между собой количественные показатели личных доходов и душевого дохода семьи. Респонденты, высоко оценивающие свое материальное положение, склонны отмечать его положительную динамику и ставить себя выше на лестнице социальной иерархии, и наоборот. Что касается трех факторов установок и ценностей, то они достаточно четко разделились на фактор индивидуальной самостоятельности, установки на зависимость в публичной и приватной сферах.

Первый из этих факторов показывает, что респонденты с ярко выраженными достижительскими ценностями более склонны рисковать и «крутиться» в жизни; много работать ради материального достатка; имеют либеральные установки и, соответственно, меньше привержены патерналистским ценностям; имеют интернальный локус контроля; более ориентированы на активные стратегии экономического поведения и чаще считают себя экономически самостоятельными. И наоборот – респонденты со слабой мотивацией достижения предпочитают скромный достаток нестабильности и упорному труду; имеют ярко выраженные патерналистские установки; чаще чувствуют, что им неподвластны происходящие с ними события; реже упоминают активные способы поведения; экономически несамостоятельны.

Второй фактор вобрал в себя ориентации на зависимость в публичной сфере. Респонденты с высоким значением данного фактора считают, что улучшение их положения полностью зависит от внешних по отношению к ним обезличенных субъектов – государства, экономической обстановки в стране, работодателя, Бога. Те, кто придает большое значение вешним об-

стоятельствам, склонны показывать высокие значения индекса патернализма и приверженность ценностям социальной защищенности.

Третий фактор отражает комплекс ориентаций на зависимость в приватной сфере – от членов семьи, родственников и знакомых. Полагающиеся на помощь близких считают себя экономически несамостоятельными, не уверены в себе и привержены ценностям социальной защищенности. Это фактор с ярко выраженной гендерной спецификой: 74% среди имеющих высокое значение этого показателя – женщины.

Обратимся теперь к ответу на вопрос, как связаны установки на самостоятельность и зависимость в публичной и приватной сферах с экономической успешностью / неуспешностью респондентов. Корреляционный анализ пяти факторов дал следующие результаты.

Таблица 19

<i>Факторы успешности адаптации</i>	<i>Факторы установок и ценностей</i>	<i>Коэффициент корреляции Пирсона</i>
Качественные	Ориентация на самостоятельность	,399
Количественные	Ориентация на самостоятельность	,230
Количественные	Зависимость в приватной сфере	-,200
Качественные	Зависимость в публичной сфере	-,198
<i>Отсутствие статистически значимых корреляций:</i>		
Количественные	Зависимость в публичной сфере	-,075
Качественные	Зависимость в приватной сфере	,038

Как видим из таблицы 19, статистически значимые корреляции установок и успешности адаптации обнаружены в четырех случаях из шести. Наиболее тесно связаны установки респондентов на самостоятельность и качественные показатели их адаптированности. И наоборот – хуже экономическое самочувствие у тех, кто не ориентирован на достижения, демонстрирует высокую степень патерналистских ожиданий, меньше ориентирован на активные способы преодоления трудностей.

Отрицательная корреляция ориентаций на зависимость в публичной сфере и качественных показателей адаптированности показывает общее состояние дискомфорта и «невписанности» в нынешний экономический контекст тех респондентов, которые полагаются на внешние обстоятельства и ожидают от государства выполнения большого объема социальных обязательств. Отметим, что при плохом экономическом самочувствии, отрицательной динамике своего материального положения люди с установками на зависимость в публичной сфере вовсе не обязательно будут «бедными»: статистически значимой корреляции этого фактора с количественными показателями адаптированности нет. Это подтверждает, что установки на зависимость в публичной сфере сформированы, прежде всего, зависимостью как нормативной ценностью, и в меньшей степени являются отражением социально-экономической депривированности.

Следует признать, однако, что коэффициенты корреляции оказались не столь высоки, как это можно было ожидать из анализа ранее представленных двумерных распределений. Мы можем это объяснить тем, что установки подавляющего большинства респондентов так или иначе тяготеют к патернализму и недостижительским ценностям, что мы отмечали ранее. Существует весьма небольшой костяк экономически успешных респондентов, последовательно выражающих либеральные ценности и установки на независимость (они представлены, в основном, предпринимателями). Установки же остальных респондентов, тяготеющих к «либеральному» крылу, весьма непоследовательны и размыты, и это не позволяет получить высокие коэффициенты корреляции при статистическом анализе. Этот факт также объясняется и тем, что успешность социально-экономической адаптации тесно связана с установками на зависимость / независимость, однако определяется не только ими. Можно предположить, что высокие корреляции качественных и количественных факторов адаптированности будут наблюдаться с переменными ин-

дивидуальных ресурсов, образования, социального статуса. Однако эмпирическая проверка этой гипотезы выходит за рамки настоящего исследования.

Выделенные нами 5 факторов успешности адаптации и установок были положены в основу классификации респондентов методом кластерного анализа. Мы выделили 4 группы респондентов, существенно различающихся по сочетанию установок и показателей адаптированности.

Кластер 1. «Адаптированная молодежь». Самая большая группа респондентов – 370 чел., 42% выборки. Выраженные установки на экономическую самостоятельность при небольшом положительном значении фактора зависимости в публичной сфере и небольшом отрицательном – в приватной. Группа имеет самое высокое значение фактора качественных показателей адаптированности. 58% в группе составляют мужчины. Преобладает среднее профессиональное и высшее образование. Средний возраст 30 лет. По показателям личных доходов группа занимает срединное положение. 64% отметили улучшение своего материального положения за 5 лет. Таким образом, в этой группе мы имеем дело с вариантом «массовой успешной адаптации» – молодыми людьми с выраженными достижительскими установками. Сохраняя декларативную приверженность ценностям «социального государства», в реальной жизни эти люди тем не менее полагаются только на себя. Они осваивают модели экономического поведения и индивидуалистические установки, функционально адаптивные в современных условиях.

Кластер 2. «Неудачники». 296 чел, 34% выборки. Самые низкие из всех значения факторов самостоятельности и ориентаций на зависимость в приватной сфере и самое высокое – на зависимость в публичной. Группа дезадаптированная и по качественным, и по количественным показателям. В ней самые низкие значения среднедушевых семейных доходов, 84% членов группы расположены на трех нижних позициях шкалы оценки материального положения. 62% отметили ухудшение ситуации за 5 лет. В группе преобладают женщины (59%), половина находятся в возрасте 45 лет и старше. В ней са-

мый высокий из всех четырех групп удельный вес рабочих (53%). Таким образом, эта группа вобрала в себя «проигравших» в ходе рыночных реформ, характеризующихся недостижительскими ценностями, низкими персональными ресурсами и социально-экономической зависимостью от государства как нормативной ценностью. Являясь отчасти результатом экономической депривации, зависимые установки облегчают существование в условиях бедности и препятствуют мобилизации индивидуальных ресурсов человека для ее преодоления. Тот факт, что эта группа составляет более трети трудоспособного населения, определяет высокий уровень социальной напряженности в обществе и запрос на популистские решения в социальной политике.

Кластер 3. «Домохозяйки». 180 чел., 20% выборки. Группа имеет самые высокие показатели ориентаций на зависимость в частной сфере и самые низкие – на зависимость в публичной, а также низкое значение фактора ориентаций на индивидуальную самостоятельность. Группа, адаптированная по качественным показателям, и имеющая самое низкое значение фактора количественных показателей адаптированности. Это самый феминизированный кластер (63% – женщины), средний возраст 31 год. В группе самый большой из всех удельный вес домохозяек (13%) и матерей в декретных отпусках (9%). Группа представляет тип «зависимой женской адаптации» - при низких показателях самоэффективности, недостижительности и самых низких по выборке личных доходах они имеют опору в лице членов своих семей (66% в этом кластере состоят в браке), что существенно компенсирует их неспособность или нежелание зарабатывать: 44% из них отметили улучшение материального положения за 5 лет.

Кластер 4. «Преуспевающие». 31 чел., всего 4% выборки. Столь малое количество респондентов характеризует «последовательно независимую» группу – с самым высоким значением фактора ориентаций на индивидуальную самостоятельность и отсутствием ориентаций на зависимость в публичной и частной сферах. Группа, успешная и в качественном, и в количест-

венном измерении адаптации: среднее значение личных доходов в ней составило 24419 руб., что в 4,5 раза выше, чем в группе «Адаптированных»; среднедушевых семейных – 10881 руб. (втрое выше, чем у «Адаптированных»). Соответственно, 68% в ней поставили себя на две верхние позиции по шкале оценки материального положения и столько же отметили его улучшение за последние годы. Это «мужской» кластер (90% составляют мужчины); более чем наполовину он состоит из предпринимателей и руководителей. Средний возраст в этой группе 37 лет. В ней самая высокая доля по группам респондентов с высшим образованием (64%), состоящих в браке (68%) и неверующих (39%).

Таким образом, кластерный анализ на основе значений факторов адаптированности и установок на (не)зависимость показал наличие наиболее глубоких «водоразделов» среди трудоспособного населения по этим показателям. Выделены две полярные группы как по установкам, так и по адаптированности. Первая (№4) – весьма малая по численности группа высокодоходных адаптированных респондентов с последовательно либеральными установками. Ей противостоит группа №2 – дезадаптированных «неудачников» с патерналистскими установками, составляющая треть выборки. Обе группы состоят преимущественно из респондентов средних и старших возрастов. Молодые же респонденты разделились на две другие группы – успешно адаптирующихся за счет собственной экономической активности (№1) и также адаптированных по самооценкам, но зависимых от членов семьи (№3). В обеих молодых группах относительно слабо выражены патерналистские установки, что позволяет предположить, что их распространенность в перспективе будет снижаться за счет вступления в активные возраста поколений, не прошедших социализации в советской экономической культуре. В гендерном разрезе кластерный анализ выявил феминизированный кластер «Домохозяйек» (зависимая женская адаптация) и маскулинизированный «Преуспевающих» (независимая и весьма успешная адаптация). Из четырех групп две

оказались с ярко выраженными установками на социально-экономическую зависимость: №3 – в приватной сфере (адаптированные) и №2 – в публичной (деадаптированные). Судя по всему, именно ожидания государственного патернализма в сочетании с возрастом старше 45 лет, низким уровнем образования и принадлежностью к рабочему классу – основные «факторы риска», определяющие уязвимость Зависимого в условиях современной России.

Заключение к параграфу 4.1

Наш анализ социально-экономической зависимости в массовом сознании трудоспособного населения как нормативной ценности и феномена «зависимой личности» позволяет сделать следующие выводы.

Широкая распространенность зависимости как нормативной ценности в массовом сознании россиян сегодня основана на преемственности «православно-коммунистической» экономической культуры и ожиданий государственного патернализма в массовом сознании. Ожидание от государства выполнения большого объема социальных обязательств слабо дифференцировано по разным социальным группам. В массовом сознании преобладает «потребительское» понимание свободы, приоритетность социальной защищенности перед гражданскими правами и свободами и высокий уровень доверия к социальным институтам, утверждающим верховенство над индивидуальными интересами и ценностями. Все это позволяет утверждать, что социально-политические установки массового сознания значительно больше тяготеют к консервативно-патерналистской модели, нежели к либерально-рыночной. На этом зиждется потенциал реставрации в стране авторитарного режима под лозунгами «укрепления государственности», «защиты национальных интересов» или «социальной защиты граждан».

На общем фоне существует весьма малочисленный «либеральный» сегмент общества. Более высокая степень приверженности либеральным идеям

и ценностям отмечена среди экономически успешных граждан, респондентов моложе 35 лет, лиц с высшим образованием. Главным фактором, обуславливающим высокие ранги ценности свободы-независимости и индивидуальной ответственности, оказался социальный статус предпринимателя. Эта группа представляет людей «новой формации», резко отличающихся от остальной выборки по исследуемым нами показателям. Доля «умеренных либералов» оценена нами в 15% трудоспособного населения Н. Новгорода, в том числе доля «радикальных рыночников» – не более 5%.

Наблюдается рассогласованность между социально-политическими установками и ценностями в сфере экономического поведения. Сохраняя в большинстве своем декларативную приверженность ценностям государственного патернализма, население весьма сильно дифференцировано по установкам на достижения, готовность к большим трудозатратам и риску ради обеспечения материального благополучия, готовности к «активным» стратегиям улучшения материального положения. Можно утверждать, что в своем экономическом поведении половина трудоспособного населения реализует принцип индивидуальной ответственности и ориентации на собственные силы. В особенности эти установки характерны для более образованных респондентов в возрасте до 35 лет. Таким образом, люди в большинстве своем готовы поддержать популистские лозунги относительно социальных функций государства и «укрепления национальной государственности», однако в реальном экономическом поведении со сменой поколений становятся все более распространенными независимые достижительские индивидуалистические стратегии.

Если социально-политические установки на либерализм / патернализм слабо дифференцируют трудоспособное население, то установки на зависимость / самостоятельность в экономическом поведении во многом определяют успешность социально-экономической адаптации. Установлено, что ориентация на экономическую независимость характерна для успешно адапти-

ровавшихся. Напротив, установки на социально-экономическую зависимость как нормативная ценность и феномен «зависимой личности» – атрибут «проигравших» групп, следствие и фактор дальнейшего углубления их экономической депривации. Доля таких «зависимых дезадаптантов» составляет около трети выборки, больше всего их среди лиц предпенсионного возраста, с низким уровнем образования, рабочих.

4.2. Социально-экономическая зависимость от государства

В этом параграфе мы рассмотрим тенденции сохранения традиции экономической зависимости граждан от государства путем 1) структурных ограничений экономической свободы; 2) сохранения «патерналистского» характера социальной политики. Предметом нашего внимания будет также социальный портрет «государственно-зависимых» групп населения.

4.2.1. Преемственность традиции авторитарного государства: структурные ограничения экономической свободы

Структурные ограничения экономической свободы основаны, прежде всего, на монополии верховной власти на важнейшие экономические ресурсы в стране. Контроль этих ресурсов позволяет осуществлять масштабную перераспределительную деятельность, ставить условием получения ресурсов лояльность экономических и политических субъектов. Разумеется, слом советской системы существенно расширил число «степеней свободы» экономических субъектов, и наиболее активные слои населения реально воспользовались этим. Вместе с тем, российская экономическая система по-прежнему далека от понятия «либеральной», а политическая в последние годы даже демонстрирует тенденцию возврата к авторитарной модели.

Экономическая свобода в стране сегодня ограничивается слабой правовой защищенностью бизнеса и граждан. Возможность успешной деятельности в сфере крупного бизнеса по-прежнему зависит не столько от экономической деятельности на свободном конкурентном рынке, сколько от близости к власти, присвоения ренты, участия в коррупционной деятельности и в «*распределительных коалициях*», по выражению М. Олсона¹, цель которых – присвоение уже имеющихся ресурсов или изменение правил их распределения в

¹ Олсон М. Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция и социальный склероз. Новосибирск: ЭКОР, 1998. С. 78.

будущем. По мнению Олсона, деятельность таких коалиций препятствует инновационной активности и замедляет экономический рост. Р. Нуреев объясняет господство в России «плохих» законов и отсутствия равенства граждан перед законом именно тем, что лучшие умы и энергия в стране направляются на ведение перераспределительных войн, а не на создание нового богатства¹.

Незащищенность бизнеса и частных лиц от произвола государственной бюрократии сегодня определяется гипертрофированными полномочиями и функциями бюрократии, которая использует рычаги государства для достижения партикулярных целей в сфере бизнеса², господством приватизированных государственных структур. Деятельность субъектов рынка ограничена множеством формальных и неформальных правил, реально подчиняющих частную собственность контролю государственного чиновника, делающих непрозрачными отношения власти и собственности. Противоречащие друг другу и заведомо невыполнимые предписания, регулирующие деятельность частных предпринимателей, делают последних потенциальными правонарушителями, ставя их в зависимость от контролирующих организаций и перемещая их в «серый» сектор экономики. Так, по данным исследований В. Радаева, абсолютное большинство участников рынка (порядка 70%) используют в своей деятельности «серые» схемы, то есть находятся в полуполюгальной зоне, в поле официальных норм, но при этом частично их нарушая. Это связывается с тем, что «серыми» являются сами государственные контролирующие организации (например, таможня) и правоохранительные органы, что обуславливает высокие транзакционные издержки легальной предпринимательской деятельности³.

Рентоориентированное поведение чиновников приводит к избиратель-

¹ Нуреев Р.М. Институциональные условия становления современной российской фирмы // Кто и куда стремится вести Россию?.. С. 190.

² Партии после выборов («круглый стол») // Социологические исследования, 2004. № 11. С. 39-40.

³ Радаев В.В. Легализация российского бизнеса как институциональная проблема // Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики. С. 97.

ному применению закона. На примере изучения женского предпринимательства в регионах А. Чирикова отмечает, что поведение местных властей в отношении малого бизнеса отличается непредсказуемой «селективностью», не имеющей под собой рациональных обоснований, и возможности развития бизнеса, особенно в малых городах, в значительной степени зависят от личностных установок первого лица власти¹. Говоря об отношениях зависимости как институциональной ловушке, А. Алексеев показывает, что критическая масса неэффективных предприятий вынуждает государство заботиться именно о них. И делается это за счет эффективно работающих предприятий, вынужденных содержать неэффективный сектор через систему сбора налогов и распределения дотаций. «Суть современной промышленной политики: неэффективные производства находятся под защитой государства, эффективные – защищаются от него»².

Перераспределение как доминанта экономических отношений в стране ограничивает экономическую свободу не только бизнеса, но и регионов РФ. Установленный объем налоговых изъятий в федеральный бюджет (регионы-доноры отдают более половины собранных на своей территории налогов) сегодня таков, что даже регионы, обладающие значительным экономическим потенциалом, остаются без большей части своих доходов и оказываются в положении просителей перед Москвой для осуществления социальных и инфраструктурных проектов. Политика «бюджетного выравнивания», с одной стороны, поощряет иждивенческие настроения руководства регионов-реципиентов, с другой, повышает политическую зависимость всех регионов от центральной власти.

Кроме того, власти разных уровней сами активно нарушают права гражд-

¹ Чирикова А. Женское предпринимательство в России: концептуальные подходы и направления // Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики / Отв. ред. и сост. Е.Б. Мезенцева. М.: ИСЭПН РАН – МЦГИ – «Русская панорама», 2002. С. 237.

² Алексеев А.В. Экономическая политика правительства России – пленница и генератор «институциональной ловушки» // Трансформация экономических институтов в постсоветской России (микроэкономический анализ) / Под ред. Р.М. Нуреева. М.: МОНФ, 2000. С. 105.

дан. Базовые в административно-командной системе отношения господства-подчинения сохраняют господствующее положение до сих пор и при этом все больше погружаются в неправовое пространство¹. Так, в стране по-прежнему нарушается право граждан на свободу передвижения внутри своей страны. Институт прописки («регистрации») ограничивает возможности легального трудоустройства граждан. Это, во-первых, обуславливает низкую территориальную мобильность населения, затрудняя отток рабочей силы из экономически неблагополучных трудоизбыточных регионов; во-вторых, загоняет большое количество активных и мобильных работников в нелегальный сектор занятости, способствуя их зависимости от работодателя.

Таким образом, сегодня структурные ограничения свободы экономических субъектов определены интересами «укрепления вертикали власти», рен-тоориентированным поведением государственной бюрократии, слабой правовой защищенностью и ограничением территориальной мобильности населения. Поэтому представляется обоснованным отнесение современной экономической системы России к типу «государственного капитализма», цель которого – обеспечение государству экономических рычагов для контроля над обществом². Этот экономический базис позволяет реализовывать «гоббсовскую», «властечентричную» модель государства, вертикальный тип общественного договора, рассмотренные нами в Главе 2, обеспечивая государству широкие возможности манипулирования обществом.

Как мы указывали в Главе 1, эффективное подчинение экономически зависимых субъектов возможно при условии идеологического обеспечения такого принуждения, делающего это принуждение легитимным. Не случайно такое большое внимание уделяется контролю СМИ и пропаганде ценностей «патриотизма», «национальных интересов». Опять же, наиболее эффектив-

¹ Шабанова М.А. Институциональные изменения и неправовые практики // Кто и куда стремится вести Россию?.. С. 324.

² Шанин Т. Какого капитализма мы хотим для России // Пути России: Существующие ограничения и возможные варианты. Международный симпозиум 15-17 января 2004 / Под общ. ред. Т.Е. Ворожейкиной. М.: МВШСЭН, 2004; Ясин Е. Г. Угрозы стабилизации // Там же.

ной обработка массового сознания является в условиях монополизма на «рынке ценностей» – безусловного господства какой-либо одной партийной или религиозной идеологии.

Наиболее очевиден дрейф российской политической системы в сторону рецентрализации государственной власти и преобладания вертикальной организации общества над горизонтальной в реформировании избирательного законодательства. Опираясь на экономическую зависимость регионов от Центра и пропрезидентскую партию «Единая Россия», исполнительная власть получила фактически полный контроль над парламентом. Пропрезидентское большинство обеспечило принятие президентских поправок к закону «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», лишивших граждан права избирать руководителей регионов и исключаящих возможность прихода к власти в регионах неудобных Президенту фигур. В том же направлении идут дальнейшие президентские инициативы о поправках к закону о выборах – увеличение количества членов, необходимого для регистрации партии, повышение «проходного барьера» при выборах в Госдуму и отмена выборов по одномандатным округам.

Что же касается собственно контроля над сознанием, то место «рупора нравственности», прежде занимаемое КПСС, в последние годы все прочнее занимает Русская православная церковь – институт, который, вопреки конституционному принципу светского государства (Ст. 14 Конституции РФ) и праву свободно выбирать религиозные убеждения (Ст. 28), все больше срашивается с государством. Православие приобретает статус государственной религии: православный национализм превращается в своего рода государственную идеологию; иерархи православия активно участвуют во внутренней и внешней политике страны; главным православным праздникам придан статус государственных; высокопоставленные правительственные чиновники присутствуют на православных праздничных богослужениях; религиозные цере-

монии проникают в государственные организации; церкви возвращено многомиллионное имущество; коммерческая деятельность церкви пользуется значительными налоговыми и таможенными льготами; православная печать пользуется поддержкой Методического совета по религиозной тематике в СМИ, существующего при Министерстве по делам печати.

По словам министра культуры и массовых коммуникаций РФ А. Соколова, на федеральном уровне обсуждается проект государственного православного телеканала, а эфирное время под него будет выделяться в рамках одного из общенациональных каналов¹. В государственных общеобразовательных школах некоторых областей Центральной России уже введен в качестве обязательного предмет «основы православной культуры», причем, по данным опросов, даже среди неверующих граждан нет абсолютного неприятия преподавания религиозных предметов в государственных учебных заведениях². Исследователи указывают, что в таком виде преподавание не столько нацелено на расширение кругозора обучаемых, но предполагает их приобщение к религии³.

4.2.2. Сохранение патерналистского характера социальной политики

Российская социальная сфера сегодня является наиболее затратной и претерпевшей наименьшие изменения со времен СССР. С одной стороны, продекларированное в Конституции РФ социальное государство – это структурное наследие советской эпохи, когда система социальной защиты, наряду с патерналистской функцией советских предприятий, обеспечивала концентрацию ресурсов в руках государства, поддержание иллюзии «государственной заботы» о лишенных собственности и возможности получать достойные

¹ Попова А. Россиянам нужен «нормальный» телеканал // RBC Daily, 21 июля 2005.

<http://www.rbcdaily.ru/news/society/index.shtml?2005/07/21/205673>

² Мчедлов М.П., Гаврилов Ю.А., Кофанова Е.Н., Шевченко А.Г. Конфессиональные особенности религиозной веры и представлений о ее социальных функциях // Социологические исследования, 2005. № 6. С. 53-54.

³ Зборовский Г.Е., Костина Н.Б. К взаимодействию религиозного и светского образования в современных условиях // Социологические исследования, 2002. № 12.

доходы граждан. С другой стороны, высокая степень иждивенческих настроений среди населения, интересы которого представляют левые политические партии, вынуждали принимать популярные, но неисполнимые решения, не позволяли государству снять с себя бремя раздутых социальных обязательств: любое сокращение социальных программ объявлялось «антинародной политикой». В этом проявлялась особенность социальных программ – легкость, с политической точки зрения, их расширения и трудность свертывания¹.

Социальная политика государства в отношении социально незащищенных групп нередко прямо поощряет иждивенчество. Наблюдается еще одна «институциональная ловушка» крайне неэффективного использования ресурсов на социальную защиту, когда внимание, прежде всего, уделяется внешнему эффекту от социальных программ (демонстрации заботы о населении) при невозможности реально решить проблемы тех, кто объективно не способен себя обеспечить. На протяжении последних 15 лет любые нововведения в социальной сфере, предполагающие наличие ресурсной базы в домохозяйствах, сопровождались длинным списком категорий «льготников», на которых эти нововведения частично или вообще не распространяются. За эти годы произошло резкое увеличение количества льготников и видов льгот, пособий и субсидий для разных групп населения². Даже попытки перехода на «адресную» систему социальной защиты не позволяют существенно сократить количество получателей льгот и пособий: например, пособия на ребенка (назначаемое по критерию недостаточных доходов семьи) получают в разных городах от 60 до 80% семей с детьми, при этом около $\frac{3}{4}$ получателей реально малоимущими не являются. Причина этого заключается в том, что даже при формально «адресном» фактически реализуется все тот же категориальный

¹ Гутник В.П. Социальное государство: тупик или возможность обновления? // Куда идет Россия? Трансформация социальной сферы и социальная политика / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: Дело, 1998.

² Александрова А.Л., Овчарова Л.Н., Шишкин С.В. Бедность и льготы: мифы и реальность. М.: Народная Ассамблея, Независимый институт социальной политики, Фонд "Институт экономики города", 2003.

принцип предоставления пособий, отсутствует практика проверки реальных доходов и иных сведений, предоставляемых заявителями. В итоге примерно половина заявителей предоставляют о себе ложную информацию, а раз назначенное пособие выплачивается автоматически до достижения ребенком 16 лет. Таким же образом отсутствует система проверки сведений при назначении субсидий на оплату жилья и ЖКУ¹.

Наблюдается противоречие между законодательной базой государственной социальной помощи и ее финансовым обеспечением. Так, по различным оценкам обязательства государства в 5-10 раз превышают его реальные финансовые возможности². В 2004 г. на финансирование льгот в полном объеме требовалась сумма, в полтора раза превышающая годовой размер консолидированного бюджета страны³. Характерно, что большинство законов о социальных выплатах и льготах принимаются на федеральном уровне, в то время как финансирование и исполнение этих законов перекладывается на местные власти и бюджеты. Таким образом федеральная законодательная и исполнительная власти сохраняют свой статус «защитников» малоимущих, а на местные власти ложится ответственность за «нарушение социальных прав граждан». В свою очередь, межбюджетные трансферты на финансирование социальных программ укрепляют уже упомянутую нами финансовую зависимость регионов от Центра.

Громоздкая система советской категориальной социальной защиты, с одной стороны, неэффективна, поскольку не позволяет «добраться» до наиболее обездоленных граждан. Одновременно эта система вредна тем, что патернализм государства как декларативная цель социальной политики служит оправданием «идживенчества», или «социального паразитизма», трудоспособных граждан. Даже при символическом размере социальных пособий в

¹ Токсанбаева М. По каким «адресам» идет адресная помощь малоимущим // Вопросы экономики, 2003. № 10.

² Александрова А.Л., Овчарова Л.Н., Шишкин С.В. Указ. соч.

³ Федорцов В. Деньги на льготы соберут с бизнеса // RBC Daily, 2 июня 2004.

<http://www.rbcdaily.ru/comments/index.shtml?2004/06/02/55562>

России намечаются тенденции формирования андекласса западного образца, и несовершенство законодательства и неотработанность механизма социальной защиты в новых условиях тому способствуют. Н. Тихонова отмечает тенденцию формирования «культуры зависимости» среди российских безработных и особой прослойки лиц, сознательно живущих на пособия¹.

4.2.3. Государственная социальная политика в отношении женщин

Это отдельный вопрос для рассмотрения, ставший в последние десятилетия предметом обсуждения на Западе в контексте социально-экономической зависимости женщин от Государства социального обеспечения. В социальной теории феминизма можно выделить две магистральные точки зрения на этот вопрос – «патерналистскую» и «либеральную».

«*Патерналистский*» подход к женщине как к «социально подопечной» основан на признании социально значимой только (или преимущественно) репродуктивной функции женщин². Считается, что оплачиваемая занятость и «качественное» выполнение родительских и домашних обязанностей – несовместимые вещи, поэтому следует предоставить женщинам возможность работать в режиме неполной занятости либо вовсе покинуть рынок труда.

«*Либеральный*» подход подвергает критике саму основу патернализма в социальной политике – традиционное гендерное разделение труда. Государственный патернализм расценивается как попытка компенсировать женский неоплачиваемый труд по обслуживанию членов своих семей, не подвергая сомнению основу основ гендерного неравенства в экономической сфере – ассоциацию домашнего труда исключительно (или преимущественно) с женщиной. Цель таких программ – облегчение положения женщины в условиях гендерного неравенства, а вовсе не устранение неравенства как такового.

¹ Тихонова Н.Е. Российские безработные: штрихи к портрету // Мир России. 1998, № 1-2. С. 131, 139-143.

² Мезенцева Е. Гендер в программах социально-экономического развития: анализ международного опыта // Гендер и экономика. С. 38-70.

Отмечается, что протекционистское трудовое законодательство в отношении женщин в реальности может не улучшать, а ухудшать их шансы на рынке труда. Оно часто не учитывает издержек работодателя, связанные с предоставлением таких льгот, в результате чего те склонны отказывать женщинам в приеме на работу либо помещать их на легко замещаемые низкооплачиваемые должности. Результат – горизонтальная и вертикальная гендерная сегрегация рынка труда, концентрация женщин в низкооплачиваемых секторах экономики и на низших ступенях профессионально-должностной иерархии.

По нашему мнению, в современной России социальную политику в отношении женщин можно характеризовать как «патерналистскую». И в массовом сознании, и в политической риторике, и даже в учебниках по социальной работе женщины, как правило, рассматриваются недифференцированно – как «социально незащищенная группа»¹. Российское социальное законодательство, в том числе новый Трудовой кодекс, не только не сократило объем государственной «заботы» о женщине, осуществлявшийся в СССР, но, напротив, даже расширило его. На популистской волне первых лет реформ появился, например, такой вид социальной помощи, как пособие на ребенка, на который могли претендовать все семьи с несовершеннолетними детьми (только с 2001 г. его выплата была ограничена малоимущими семьями²). К началу 1990-х гг. был увеличен до 70 дней до- и послеродовой отпуск, продлен до 1,5 лет частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком и до 3 лет – отпуск без сохранения содержания, но с засчитыванием трудового стажа и без утраты рабочего места (заметим, что даже в Швеции такой отпуск ограничен 10 месяцами, а в большинстве развитых стран от колеблется от не-

¹ Например, в программе Н. Сванидзе «Зеркало» 14 февраля 2004 г. В. Лукин на вопрос, какими проблемами он будет заниматься в качестве Уполномоченного Президентом РФ по правам человека, ответил, что есть наиболее острые, требующие безотлагательного решения проблемы: дети (сироты, из неблагополучных семей, беспризорные); женщины; инвалиды; заключенные.

² Токсанбаева М. Указ. соч. С. 131.

скольких недель до нескольких месяцев¹). Были сохранены такие нормы советского трудового законодательства, как запрещение увольнения по инициативе работодателя беременных женщин, матерей с детьми до 3 лет и одиноких матерей, воспитывающих ребенка в возрасте до 14 лет; требования перевода на легкую работу беременных женщин; более низкий пенсионный возраст.

По данным нашего исследования в Нижнем Новгороде, практически все респонденты являются сторонниками государственного патернализма по отношению к женщине (табл. 20). Большинство симпатизируют советской модели «работающей матери», облегчающей женщине сочетание работы и семьи (особенно много таких среди самих женщин). Еще треть выражают «патриархальную» точку зрения, что надо обеспечить женщине возможность не работать путем обеспечения ее достаточным для жизни пособием. Это мнение значительно сильнее распространено среди мужчин.

Таблица 20

<i>На Ваш взгляд, какой должна быть сегодня государственная политика в отношении работающих матерей?</i>	Всего	М	Ж
Обеспечить возможность совмещать работу и семейные обязанности, расширить льготы работающим матерям	59	51	67
Платить достаточное для жизни пособие, чтобы мать могла не работать	31	36	26
Вообще отказаться от льгот	-	-	-
Затрудняюсь ответить	10	13	9

Больше всего сторонников модели «работающая мать» среди самых молодых, не имеющих детей мужчин и женщин в возрасте 25-34 лет с высшим образованием, имеющих 1 ребенка. К «патриархальному» типу государственного патернализма (выплата пособия неработающим матерям) больше всего тяготеют обеспеченные, с высшим образованием мужчины-

¹ Гендерные проблемы и развитие. Стимулирование развития через гендерное равенство в правах, в доступности ресурсов и возможности выражать свои интересы : Научный доклад о политике Всемирного банка. М.: «Весь Мир», 2002. С. 153.

руководители и женщины-домохозяйки, малообеспеченные и с низким уровнем образования женщины. Получается, что высшее образование, сравнительно высокие личные и среднедушевые семейные доходы и наличие собственных детей обуславливают противоположные предпочтения мужчин и женщин – «патриархальность» первых и ориентацию на помощь в совмещении работы и семьи – у вторых.

Знаменательно, что из 878 респондентов ни один не выбрал вариант ответа «*вообще отказаться от льгот*»: население не допускает и мысли о том, что работающая мать может быть независимой, а не «социально подопечной», и что проблема оптимизации сочетания профессиональных и семейных ролей может быть решена путем равномерного распределения домашних и родительских обязанностей между супругами в семье.

4.2.4. Социальный портрет зависимых от государства социальных групп

Для значительного количества семей государство является существенным источником экономической поддержки благодаря бесплатным «общественным» услугам, прежде всего образования и здравоохранения, прямым выплатам в рамках систем социального обеспечения и социального страхования, а также льготам, позволяющим минимизировать собственные расходы граждан. Значимость государственной помощи определяется гражданами как субъективно – нормативными представлениями об обязанностях государства и своих «правах», так и зависит от того, насколько важной является прибавка к доходам домохозяйств в виде прямых выплат либо насколько существенной является экономия от льгот и субсидий. Логично предположить, что «объективная» значимость государственной помощи будет наиболее высокой в бедных домохозяйствах. Представление о ресурсной базе домохозяйств респондентов трудоспособных возрастов Н. Новгорода дают распределения ответов на приведенные ниже вопросы (табл. 21).

Таблица 21

<i>Как Вы оцениваете нынешнее материальное положение Вашей семьи?</i>	<i>Всего</i>	<i>М</i>	<i>Ж</i>
Едва сводим концы с концами, часто не хватает денег на необходимые продукты питания	7	4	11
На еду денег хватает, но во всем остальном приходится себя ограничивать	18	16	20
На ежедневные расходы хватает, но покупка одежды уже представляет трудности	26	23	28
На еду и одежду хватает, но при покупке телевизора, холодильника и т. п. приходится влезать в долги	33	36	30
Достаточно обеспечены материально, но покупка автомобиля и дорогостоящий отпуск нам не по карману	13	17	10
Материально обеспечены, практически ни в чем себе не отказываем	3	5	2

Разумеется, предлагаемые респондентам альтернативы оценки своего материального положения, принятые в российских массовых опросах, уже отражают проблему массовой бедности населения и недоступности потребительских и ипотечных кредитов, когда все покупки, включая недвижимость, семье приходится оплачивать собственными сбережениями, «живыми деньгами». Строго говоря, все альтернативы с 1 по 5-ю свидетельствуют о малообеспеченности. К нижегородскому «среднему классу» по такой градации относятся всего 3% трудоспособного населения. Учитывая реалии современного российского общества, мы характеризуем респондентов, относящих себя к 1-2-й позициям этой шкалы, к «бедным» (25% населения), к 3-4-й – к «среднеобеспеченным» (59%), к 5-6-й – к «обеспеченным» (16%). Как видим, даже при такой «пониженной» шкале оценки материального положения число бедных семей составляет четверть населения. Данные таблицы 21 показывают, что женщины в целом хуже оценивают свое материальное положение – они преобладают среди респондентов, отнесших себя к трем нижним позициям шкалы. Это отражает процесс «феминизации бедности» – преобладание женщин среди бедных слоев населения. Больше всего бедных среди одино-

ких (незамужних, разведенных или вдовых) матерей несовершеннолетних детей – 43%.

Таблица 22

Средние значения оценки материального положения и доходы мужчин и женщин в зависимости от семейного положения и наличия детей до 18 лет

<i>Группа</i>	<i>Средняя оценка мат. положения</i>	<i>Средне-душевой доход в семье</i>	<i>Медианный возраст</i>
Женатые мужчины с детьми	3,8	4041	38
Женатые мужчины без детей	3,5	3492	46
Холостые / разведенные / вдовы мужчины без детей	3,4	3754	25
Замужние женщины без детей	3,216	3180	46
Незамужние / разведенные / вдовы женщины без детей	3,215	2820	24
Замужние женщины с детьми	3,201	2654	32
Одинокие отцы	3,17	3160	40
Одинокие матери	2,7	2154	35

Как видно из таблицы 22, наиболее благополучной по самооценкам материального положения и среднедушевым доходам выглядит группа женатых мужчин с детьми, находящихся в наиболее активных возрастах – их самооценка материального положения по 6-балльной шкале в среднем на 1 балл выше оценки одиноких матерей, а среднедушевые доходы в их семьях почти вдвое выше, чем у самой бедной группы. Отметим, что по всей выборке состоящих в браке респондентов наиболее бедными были как семьи с неработающими женщинами, так и семьи, где женщины являются основными кормильцами (с экономически несостоятельными мужьями).

Типичной для общероссийской выглядит картина социальной структуры трудоспособного населения Н. Новгорода, построенная нами по результатам самоотнесения респондентов к тому или иному слою по 9-балльной шкале. Социальная структура города характеризуется преобладанием смещенных

книзу позиций: в самую середину (позиция 5) себя поставила треть респондентов; слои ниже среднего представлены 59% опрошенных; выше среднего слоя ставят себя менее 10% респондентов.

Факт самоотнесения более половины нижегородцев трудоспособных возрастов к слоям ниже среднего может быть интерпретирован как показатель неблагоприятного социального самочувствия значительной части населения, чувств беспомощности, которые, как мы отмечали, – наиболее плодотворная почва для воспроизводства феномена «зависимой личности» в массовом сознании и база поддержки популистских политических инициатив.

Таблицы 23-25 дают представление об обеспеченности респондентов конкретными видами экономических ресурсов, наличие / отсутствие которых определяет степень их экономической самостоятельности.

Таблица 23

<i>Может ли Ваша семья оплачивать следующие виды расходов?</i>	Не может	Да, но с трудом	Да, без проблем
Образовательные услуги (обучение в учебных заведениях с полным возмещением затрат)	45	41	14
Услуги платной медицины	39	48	14
Коммунальные платежи (без льгот)	9	51	39

Таблица 24 представляет ответы респондентов на вопрос, владеют ли они лично следующими видами имущества.

Таблица 24

<i>Виды имущества</i>	<i>% владеющих</i>
Квартирой	40
Садовым домом, дачным участком	19
Автомобилем	19
Сбережениями (наличные, банковские вклады, ценные бумаги на сумму, эквивалентную не менее 1000 долларов США)	11
Жилым домом	9
Ничем не владеют	41

Наиболее сильно влияет на зависимость от государства отсутствие почти у 90% респондентов трудоспособных возрастов сбережений. Наличие же всех остальных видов имущества слабо коррелирует с материальным положением респондентов, поскольку значительная часть из них была «унаследована» от советского периода, получена на льготных условиях или безвозмездно. Но даже при этом почти половина респондентов вообще ничем не владеют, и это подтверждает выводы о том, что большая часть населения России, как и прежде, лишена собственности. Тот факт, что подавляющая часть населения по-прежнему не способна обеспечить себя важнейшим видом личной собственности – жильем – подтверждается данными табл. 25.

Таблица 25

<i>Как Ваша семья получила жилье, в котором живет сейчас?</i>	<i>%%</i>
Получили бесплатно от предприятия	24
Получили бесплатно от государства	23
Получили в наследство, дар от родственников, знакомых	22
Купили (по рыночной стоимости)	10
Построили	7
Сняли	6
Другим способом (обменяли, живут у родственников)	5
Приобрели на льготных условиях	2

Как видим, 70% трудоспособного населения по-прежнему живет «багажом», оставшимся со времен распределительной экономики. Лишь 16% респондентов включены в рыночные отношения на рынке жилье, покупая или снимая квартиры. Тот факт, что даже трудоспособное население не в состоянии за счет собственных ресурсов решить свои жилищные проблемы, объясняет массовые требования к государству продолжать обеспечивать своих граждан жильем и негативное отношение к новому Жилищному Кодексу РФ.

Итак, приведенные данные свидетельствуют о низкой ресурсной обеспеченности подавляющего большинства населения трудоспособных возра-

тов. Обратимся теперь к рассмотрению вопроса о том, какие группы населения сегодня в наибольшей степени зависимы от государства, являясь непосредственными получателями социальных пособий, льгот и услуг. В нашем опросе были получены следующие ответы на вопрос о получении различных видов помощи от государства в течение года и их значимости.

Таблица 26

Получали ли Вы лично следующие виды пособий, помощи и льгот за последние 12 месяцев?	Получали - всего, %	Среди получавших - помощь была для бюджета семьи...		
		Со-всем неважной	Не очень важной	Очень важной
Бесплатные услуги здравоохранения (кроме обязательных медосмотров)	34	17	24	59
Оплачиваемые отпуска по временной нетрудоспособности	25	8	32	60
Государственные пособия на детей.	20	35	20	45
Льготы по оплате жилья и коммунальных услуг	19	16	16	68
Льготный проезд в общественном транспорте	11	22	22	56
Пособие по беременности и родам, декретный отпуск, единовременные пособия в связи с рождением ребенка, отпуск и выплаты по уходу за ребенком до 3 лет	8	12	25	63
Пособие по безработице, материальная помощь в связи с безработицей	3	10	23	67
Пособия и натуральная помощь как малоимущим	2	40	10	50

61% респондентов отметили хотя бы один из видов получения помощи от государства, причем более половины из тех, кто получал такую помощь, склонны были оценивать ее как «очень важную». Наиболее важными получатели считают льготы по оплате жилья и коммунальных услуг. Гендерный срез показывает, что женщины значительно чаще мужчин являются реципиентами государственной помощи.

Более высокая зависимость женщин от государства проявляется и в большем удельном весе женщин, занятых в государственном секторе экономики (табл. 27). Это согласуется как с отмеченными нами в предыдущем параграфе особенностями женской трудовой мотивации, так и с последствиями протекционистского законодательства: женщины концентрируются в низкооплачиваемом, но «защищенном» секторе занятости, где трудовые отношения более формализованы и где пользование законодательно положенными льготами не вызывает негативного отношения руководства.

Таблица 27

<i>Тип предприятий (организаций), где работают респонденты (среди работающих по найму, N=649)</i>	М	Ж
Государственное или муниципальное предприятие, учреждение	33	44
Приватизированное предприятие	27	24
Новое частное предприятие (фирма)	38	30

Какие группы сегодня наиболее зависимы от государства? Для возможности проведения сравнительного анализа нами был подсчитан индекс зависимости от государства (ИЗГ), состоящий из 15 показателей:

Таблица 28

<i>Переменные, вошедшие в Индекс зависимости от государства</i>	
1-8	Получение различных видов помощи от государства (перечислены в таблице 26) и оценка этой помощи как «очень важной»
9	Нахождение в очереди на получение бесплатного государственного (муниципального) жилья
10-12	Неспособность оплачивать виды расходов, перечисленные в таблице 23
13	Нуждаются в материальной помощи со стороны государства
14	Экономически несамостоятельны и материально зависят от государства
15	Улучшение материального положения полностью или в некоторой степени зависит от государства

Каждому из респондентов было присвоено значение ИЗГ от 0 до 15. У 25% респондентов значение этого индекса было нулевым, у 10% - высоким

(от 6 до 14). Группа с высоким ИЗГ состоит на 70% из женщин; в ней наиболее высока доля неполных семей с детьми (23%); 54% - бедные. 60% в этой группе составляют госслужащие и бюджетники. 53% респондентов отмечают ухудшение своего материального положения за 5 лет. 40% в этой группе старше 45 лет. Это преимущественно люди со средним профессиональным образованием (40%). Здесь самая большая по сравнению с двумя остальными доля рабочих (46%). Медианный возраст в группе 41 год, личные доходы – 2500 руб., семейные среднедушевые – 1600 руб.

Напротив, респонденты с нулевым ИЗГ представлены преимущественно мужчинами (62%). В этой группе практически нет бедных, но самая высокая доля обеспеченных (38%), а также респондентов с высшим образованием (40%). 53% респондентов работают на новых частных предприятиях (фирмах). 65% из них материально стали жить лучше. В этой группе самая малая доля рабочих и самая большая – предпринимателей и руководителей. Медианный возраст в этой группе 31 год, личные доходы – 6000 руб., семейные среднедушевые – 3333 руб.

Итак, сравнительный анализ позволяет выявить основные факторы, определяющие высокую степень зависимости от государства – одинокое родительство (зависима каждая четвертая неполная семья), нахождение в отпуске по уходу за ребенком и бедность (зависима каждая пятая семья). Это соответствует данным других исследователей: так, И. Калабихина, характеризуя «зависимые от пособия» семьи (т.е. семьи, в которых социальные пособия составляют более 25% семейного дохода), пишет, что среди зависимых от пособий лидировали семьи с одним родителем, имеющие низкий потенциал к самообеспечению и низкие адаптационные возможности¹.

Независимость же от государства определяется, прежде всего, наличием собственного бизнеса (68% предпринимателей имеют нулевое значение

¹ Калабихина И. Теоретические направления гендерного анализа домохозяйства и некоторые вопросы социальной политики // Гендер и экономика. С. 97.

ИЗГ); хорошей материальной обеспеченностью (57%) и занятостью на частном предприятии (40%).

Помимо социально-демографических характеристик, социальный «портрет» зависимых от государства групп был дополнен данными углубленных интервью с респондентами, показавшими наивысшие значения ИЗГ (по условиям исследования интервью проводились только с женщинами). Помимо низкой ресурсной обеспеченности – одинокого материнства; пребывания в отпуске по уходу за ребенком; высокой иждивенческой нагрузки в семьях; бедности – большинство этих женщин объединяло отсутствие попыток улучшить свое материальное положение. Частично они были ограничены объективными обстоятельствами – отсутствием помощи по уходу за детьми. Однако на уровне установок многие из них также являлись типичными примерами «зависимой личности». Зависимость в их сознании была:

1) *Результатом «выученной беспомощности»*, представлений о себе как о «некомпетентных» и низкоресурсных. Они полагают, что не обладают деловой хваткой, не умеют завязывать полезные связи; признают себя недостаточно целеустремленными, боятся перемен. Даже 30-летние респондентки считают, что им уже «поздно меняться» и возлагают свои честолюбивые надежды на детей, которые, по их мнению, должны добиться в жизни большего, чем они сами.

2) *Нормативной ценностью в отношении государства*, которое обязано их содержать или помогать им. «Соглашаясь» отказаться от помощи государства, они фактически предлагают заменить один вид государственной поддержки на другой, воспринимая свою зарплату как разновидность социального пособия: *Пусть зарплату прибавляют. Мы требуем разве? Чего нам зарплату не добавляют? Мы же не виноваты, что нам такие копейки платят. Пусть зарплату индексируют, как пенсию...* (мать-одиночка, 45 лет, медсестра). Они отмечают, что нуждаются «чисто в материальной помощи, больше мне от государства ничего не надо. Остальное я все приобрету сама» и счи-

тают, что государство им «обязано»: *«Я думаю, за 30 лет работы за такую нищенскую зарплату и воспитав детей двоих, я все-таки имею какое-то право на помощь от государства. Должна быть какая-то благодарность»* (вдова, 47 лет, медсестра).

3) *Нормативной ценностью как результатом интернализации культурной нормы женской зависимости, «вторичности» женского заработка для семьи (которая присутствует в сознании даже независимо от того, что женщина является единственным кормильцем семьи).* Эта ценность обуславливает, как мы уже отмечали, женские недостижительские ценности в сфере оплачиваемой занятости и выбор стратегии «удобной» работы, обеспечивающей им умеренную трудовую нагрузку (в интервью некоторые женщины даже отмечали, что рассматривают свою работу как возможность *«отдохнуть от домашних дел»*). У них также безусловно превалирует группа ценностей социальной защищенности в сфере занятости (рассмотрены в § 4.1).

Поскольку одновременно с зависимыми женщинами проводились интервью с представителями контрольной группы – женщинами, показавшими нулевое значение ИЗГ, есть возможность сравнить установки тех и других. «Независимых» отличают четкие установки на самостоятельность; «активные» способы решения возникающих материальных проблем, готовность к изменениям; сознательное дистанцирование от государственной помощи. Среди этих женщин также безусловно преобладает выбор в пользу сегодняшнего, отсутствует ностальгия по советским временам.

Экономическая зависимость от государства не ведет к прямому подавлению граждан вследствие уже упоминавшихся их деперсонифицированных отношений. По этой причине данные массового опроса и интервью не позволяют зафиксировать индивидуальный опыт ограничения прав и свобод людей вследствие их зависимости от государства. Такие ограничения носят не индивидуальный, социетальный характер и связаны с процессами стереотипизации и дискриминации женщин как группы.

Издержками бедности и зависимости является вынужденное пользование услугами бюджетных учреждений, с низким качеством обслуживания, большими временными потерями на стояние в очередях. Респонденты отмечают долгий, необъяснимо затянутый и усложненный процесс оформления льгот по ЖКУ, детских пособий или бесплатных путевок в санатории. Как и раньше, эти блага и льготы надо «доставать», «выстаивать»; значительная часть жизни зависимых от государства граждан проходит в добывании справок, «талончиков» и направлений.

Как свидетельствуют результаты углубленных интервью, многие женщины сталкивались с дискриминацией на рынке труда, основаниями для которой являются ожидания работодателями высоких издержек, связанных с наличием у женщин социальных льгот. *«Как с конвейера сократили, я не могла места найти. Я тыкалась не в одно место – нигде не брали, им невыгодно было. Говорят: “месяца два поработаешь, а потом в декрет – вы нам не нужны”»; «опять же, узнают, что у меня маленькие дети до 5 лет, естественно, в такую фирму [с хорошей зарплатой] не берут».* Эта дискриминация – причина того, что даже женщины, готовые работать много и согласные на «неудобную» в плане графика или удаленности от дома работу, не могут рассчитывать на хорошо оплачиваемые места в частном секторе экономики.

Основанием для дискриминации является и установленный трудовым законодательством низкий пенсионный возраст, в связи с чем уже 40-летние женщины считаются «работниками предпенсионного возраста» и сталкиваются с так называемым «эйджизмом» (*ageism*). *«Я в 42 года пришла [работать в эту больницу], так мне сказали, что да, мы вас берем, но вы имейте в виду, что вы уже старуха... Я вообще удивляюсь этому, ведь женщина в 40 лет только начинает жить. У нее взрослые дети, она не уйдет в декретный отпуск, она постарается реже быть на больничном. ... А берут молодежь без опыта работы, без умения работать с людьми, которая замуж выхо-*

дит, в декрет уходит, учится» (медсестра, 47 лет).

Таким образом, благодаря защитным нормам трудового законодательства женщинам остается «защищенный», но низкооплачиваемый сектор занятости, где уровень заработных плат слабо дифференцирован и зависит не от рыночной эффективности работника, а от стажа работы и формальных квалификационных характеристик. Наши данные подтверждают высказывания исследователей российского рынка труда о том, что защитные нормы законодательства сегодня негативно сказываются на возможностях как раз наиболее незащищенных женщин на рынке труда¹, закрепляя их депривацию от важнейшего ресурса экономической независимости – возможности иметь достаточный доход от оплачиваемой занятости.

Заключение к параграфу 4.2

Наблюдается высокая степень преемственности традиции взаимодействия государства и населения по модели «зависимость-подчинение». Это проявляется в 1) структурных ограничениях свободы экономических субъектов – индивидов, фирм, регионов; 2) сохранении патерналистского характера социальной политики.

Структурные ограничения экономической свободы в стране сегодня обусловлены гипертрофированной экономической ролью государственной бюрократии, доминированием перераспределительной деятельности в экономической сфере, правовой незащищенностью бизнеса. Легитимация этих ограничений тесно связана с «властечентричностью» российского общества, «гоббсовской» моделью государства.

Сохранение патерналистского характера российской социальной политики обусловлено высокой степенью социальной напряженности в обществе, широким распространением зависимости как нормативной ценности в массо-

¹ Кириченко О., Кудюкин П. Правовое регулирование на российском рынке труда // Вопросы экономики, 2003. № 9. С. 115.

вом сознании. Не позволяя снизить уровень бедности в стране, категориальная система социальной защиты, тем не менее, подпитывает иждивенческие ожидания населения.

Гендерный анализ социальной политики в отношении женщин показывает, что в России она носит протекционистский характер и нацелена не на преодоление гендерного неравенства в экономической сфере, но на компенсацию его отдельных проявлений. Придание женщине льготного статуса нередко даже углубляет гендерное неравенство, способствуя дискриминации женщин на рынке труда и меньшему размеру их пенсионных накоплений. Это, в свою очередь, углубляет депривацию женщин от ресурсов экономической независимости.

Предоставляемые государством услуги и материальная помощь по-прежнему значимы для большей части трудоспособного населения. 60% респондентов отметили факт получения хотя бы одного вида государственной помощи. Высокая степень социально-экономической зависимости трудоспособного населения от государства обусловлена, во-первых, рассмотренной в предыдущем параграфе зависимостью как феноменом массового сознания, во-вторых – массовой бедностью, отсутствием собственности и сбережений.

Факторами, обуславливающими высокую степень зависимости от государства, являются одинокое родительство, нахождение в отпуске по уходу за ребенком и бедность. Напротив, независимость от предоставляемых государством благ и услуг наиболее тесно связана с наличием собственного бизнеса, хорошим материальным положением и занятостью в частном секторе экономики. В группе зависимых от государства абсолютно преобладают женщины, в группе независимых – мужчины.

Качественный анализ показал, что среди женщин с наиболее высоким Индексом зависимости от государства широко распространены экономическая пассивность и зависимость как нормативная ценность. Последняя выступает в трех видах: как феномен «зависимой личности» (результат низкой

самоэффективности, «выученной беспомощности»); как нормативная ценность в отношении государственного патернализма; как нормативная ценность, связанная с интернализацией культурной нормы женской зависимости. Издержками зависимости от государства являются постоянная бедность, вынужденное пользование услугами низкого качества; дискриминация на рынке труда, связанная с наличием детей и низким пенсионным возрастом.

4.3. Социально-экономическая зависимость от работодателя

Одним из важнейших изменений в сфере трудовых отношений в России последних 15 лет стало наличие множества работодателей разных форм собственности, возможности заниматься индивидуальной трудовой и предпринимательской деятельностью. Это расширило свободу выбора людей, обусловило разнообразие трудовых стратегий. Однако, наряду с теми, кто воспользовался такими возможностями, значительная часть работающего населения почувствовала себя еще более зависимой, беспомощной и бесправной, оказавшись «один на один» с работодателем. Напомним, что в нашем опросе среди респондентов, считающих себя экономически несамостоятельными, зависимость от работодателя упоминалась наиболее часто – 17% респондентов по всей выборке и 21% среди работающих по найму. Рассмотрим, как проявляются компоненты отношений зависимости в сфере наемного труда.

4.3.1. Факторы зависимости от работодателя

Объектом, по поводу которого возникают отношения социально-экономической зависимости от работодателя, является заработная плата. Это основной источник жизнеобеспечения подавляющего большинства трудоспособного населения России. Появление рынка труда сделало видимым неравенство ресурсов наемного работника и работодателя: капитал – более редкий ресурс, и потребность людей в работе, как правило, гораздо выше, чем потребность предпринимателя в рабочей силе. В этом случае неэластичное предложение сталкивается с эластичным спросом, а значит, работодатель всегда имеет преимущество¹. Как показатель зависимости работника от работодателя можно интерпретировать факт того, что работник остается на рабочем месте, которое его по тем или иным причинам не устраивает.

¹ Poggi G. Forms of Power. Cambridge: Polity Press, 2001. P. 127-128.

Таблица 29

<i>Устраивает ли Вас Ваша нынешняя работа? (среди работающих по найму, N=649)</i>	Всего	М	Ж
Да	51	54	47
Трудно сказать	23	22	25
Нет	26	24	28

Как видим, примерно каждый четвертый из работающих по найму респондентов не удовлетворен своей нынешней работой; среди женщин этот показатель несколько выше, чем среди мужчин. Удерживают людей на «плохих» рабочих местах следующие причины:

Таблица 30

<i>Причины, по которым люди остаются на не устраивающей их работе (среди тех, кого не устраивает, N=199)</i>	Всего	М	Ж
Некуда идти, трудно найти лучшую работу	44	42	46
Находятся в процессе поиска другой работы	30	33	28
Надеетесь на улучшение ситуации на нынешней работе	19	20	18
Дорabатываете до пенсии	11	11	10
Просто привыкли к этой работе	9	8	9
Нужен непрерывный трудовой стаж	7	2	11
Жалко бросать коллектив	7	11	4
Работа обеспечивает социальные льготы	6	3	8
На основном рабочем месте можно подрабатывать	5	9	2

Иерархия основных причин, по которым люди не уходят с «плохих» работ, одинакова у мужчин и женщин. Больше всего голосов набрал вариант «некуда идти, трудно найти лучшую работу», который упоминают 44% среди тех, кого работа не устраивает. Такой ответ можно рассматривать как несомненный показатель зависимости работника от работодателя. Рассмотрим факторы, ограничивающие возможности выбора наемного работника и обеспечивающие относительную монополию работодателя.

Территориальные ограничения: количество работодателей в регионе

проживания работника. В условиях России этот фактор наиболее сильно ограничивает работников, проживающих в сельской местности и малых монопромышленных городах. Сохранение и воспроизводство отношений зависимости особенно ярко просматривается на примерах современных российских аграрных предприятий. Зависимость в этом случае основана на том, что работники а) не имеют возможности выбирать работодателя, поскольку привязаны к единственному предприятию местом своего проживания; б) имеют весьма условную альтернативу заработной плате – личное подсобное хозяйство, которое может быть экономически выгодным только при условии *симбиотических отношений*¹ с аграрным предприятием – получении от него необходимых для ведения ЛПХ ресурсов – бесплатно, по льготным ценам или путем воровства. Бюджетные исследования свидетельствуют, что от 20 до 80% доходов сельских домохозяйств формируются благодаря правилам полуправильного симбиоза. В случае же зависимости от градо- или поселкообразующего промышленного предприятия, у работников нет даже таких «подпорок бесплатности».

Говоря об уже упоминавшемся относительном характере любой зависимости, отметим, что даже в этих неблагоприятных обстоятельствах у населения есть выбор – миграция в регионы / города с более оживленным рынком труда. И здесь мы сталкиваемся уже с барьерами неэкономического характера. Во-первых, ограничительное миграционное законодательство ряда регионов (Москва – наиболее яркий пример), которое определяет низший правовой статус многих категорий мигрантов и также способствует возникновению их зависимости от работодателя, согласившегося взять «нелегалов» на работу на условиях неформального найма. Во-вторых, культурный фактор – сложившаяся за советский период низкая индивидуальная мобильность населения,

¹ Никулин А.М. Предприятия и семьи в России: социокультурный симбиоз // Куда идет Россия? Трансформация социальной сферы и социальная политика / под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: Дело, 1998; Фадеева О.П. Хозяйственные стратегии сельских семей // Социальная траектория реформируемой России; Родионова Г.А. Современное сельскохозяйственное предприятие и стратегии выживания сельских сообществ: симбиоз величин и функций // Неформальная экономика. Россия и мир. М., 1999.

напрямую связанная с низкой степенью экономической свободы. Хотя трудовая миграция в СССР и принимала огромные масштабы, практически все эти миграции были *организованными* – люди ехали на гарантированное место работы, где все вопросы обустройства и жизнеобеспечения за них были решены. Для российского менталитета все еще не свойственно понимание «нормальности» интенсивных территориальных перемещений в течение своей трудовой карьеры. Типичный житель России гораздо реже меняет место жительства, чем типичный американец или европеец.

Отметим, что территориальный фактор никак не может быть определяющим в объяснении отношений зависимости работника от работодателя в условиях рынка труда миллионного промышленного города, каковым является Нижний Новгород. Здесь на первый план выходят 1) институциональные факторы – особенности организации трудовых отношений, сложившихся в постсоветский период; 2) индивидуальные качества самих работников, характеризующие их как высоко- или низкоресурсных.

Включенность работника в патерналистские отношения. В Главе 1 мы дали общее определение патернализма как вмешательства в свободу действий индивидов или социальных групп, оправданное целями наилучшего содействия их интересам и благосостоянию. Применительно к трудовым отношениям сущность патернализма заключается в том, что работник получает большее количество благ, чем то, на которое он может заработать. Это разновидность симбиотических отношений работника и предприятия, когда работник получает по месту работы важные незарплатные блага, которые он не может получить где-то еще. Этот институт стал одним из атрибутов отношений занятости в индустриальных обществах¹.

Считается, что своим возникновением патернализм обязан стремлению буржуазии сбить накал классовой борьбы, затушевать противоречия интересов капиталиста и рабочего. Уже на раннем этапе индустриализации на Запа-

¹ Burawoy M. The Politics of Production. L.: New Left Books. 1985.

де на промышленных предприятиях происходит институционализация таких практик, как периодическое дарение подарков, благотворительная или образовательная деятельность, обеспечение жилья и страхования за счет компании, поддержка связанных с компанией добровольных объединений. Целью этих акций была не столько забота о благосостоянии рабочих, сколько сохранение эффективного социального контроля. Посредством них владельцы фабрик и заводов трансформировали свою практически неограниченную власть над рабочими в «традиционный авторитет», по терминологии М. Вебера, конвертировали властные отношения в моральные¹. В качестве классического примера патернализма часто рассматривается управленческая стратегия Г. Форда, ставившая своей целью снижение уровня текучести рабочей силы на предприятиях своей компании путем «привязки» рабочих к предприятию². Исследователями было признано, что условия труда в значительной степени обеспечивают «бесконфликтность» трудового процесса³. «Патернализм» стал практически универсальной управленческой стратегией менеджмента японских корпораций еще с начала XX в. Долгосрочная или пожизненная занятость, обучение за счет корпорации, уподобление корпорации «семье», активное ее участие во внепроизводственной жизни своих сотрудников – отличительные черты японского менеджмента. Как в Японии, так и в промышленно развитых странах Запада гарантии занятости не просто «привязывают» людей к их рабочим местам, но стимулируют их инвестировать время, силы и интеллектуальные способности в развитие специализированных знаний и навыков, имеющих большое значение для данной компании и не востребованных в других. Это, в свою очередь, обеспечивает гарантии работодателю, инвестирующего в подготовку специалистов⁴.

¹ A Dictionary of Sociology. 2nd ed. / Ed. G. Marshall. Oxford & N.Y.: Oxford University Press. 1998. P. 483-484.

² Гловер Я. Форд, Генри // Классики менеджмента / Пер. с англ. под общ. ред. Ю.Н. Каптуревского. С.-Пб.: Питер, 2001.

³ Mayo G.E. The Human Problems of an Industrial Civilization. N.Y.: Macmillan, 1933.

⁴ Ghoshal S. and Bartlett C.A. The Individualized Corporation: A Fundamentally new approach to management. L.: Random House Business Books, 2000. P. 282-283.

Как мы указывали в Главе 3, в условиях советской немонетарной экономики патернализм был основным способом организации производственных отношений. Результаты нашего исследования показали, что нижегородские работодатели по-прежнему обеспечивают своим работникам широкий спектр социальных благ и услуг.

Таблица 31

<i>Получали ли Вы лично следующие виды помощи и льгот от своего работодателя за последние 12 месяцев?</i>	<i>Получали - всего, %</i>	<i>Среди получавших - помощь была для бюджета семьи...</i>		
		<i>Со-всем неважной</i>	<i>Не очень важной</i>	<i>Очень важной</i>
Материальная помощь	23	18	30	52
Бесплатные или по льготным ценам...				
... питание, проезд на транспорте, приобретение товаров	22	14	27	59
... лечение Вас, членов Вашей семьи	16	12	25	63
... отдых Ваш, Ваших детей (<i>не считая выплаты отпусковых</i>)	13	5	24	71
... содержание Ваших детей в детских дошкольных учреждениях	5	8	21	71

При том, что каждый конкретный вид помощи получают не более четверти респондентов, получение хотя бы одного вида помощи от работодателя отметили 314 человек, или 48% работающих по найму. Факт включенности в эти отношения почти половины наемных работников, а также то, что от 50 до 70% получавших разные виды поддержки признают их очень важными для своих семей, позволяет делать вывод о широкой распространенности патерналистских отношений в сфере занятости.

Углубленные интервью дополняют наше представление об объеме и характере получаемых по месту работы социальных благ. Работники живут в предоставляемых предприятием общежитиях; завод обеспечивает своим ра-

ботникам бесплатное питание, содержит детский сад, оплачивает летний отдых детей и лечение в санаториях, а наиболее нуждающимся через профсоюз оказывает материальную помощь. Характер материальной помощи носят и денежные премии, выплачиваемые, например, ко Дню машиностроителя или 8 Марта. Формально считаясь поощрениями за хорошую работу, фактически они предоставляются недифференцированно.

Обеспечивает ли патернализм на постсоветских предприятиях и организациях те же преимущества в управлении трудовыми отношениями, что и на западных? По нашему мнению, нет. Основные различия «западного» и «постсоветского» патернализма в трудовых отношениях суммированы в таблице 32.

Таблица 32

<i>Характеристики</i>	<i>«Западный» / «японский» патернализм</i>	<i>Постсоветский патернализм</i>
Провайдеры социальных услуг и гарантий	Крупные частные корпорации	<ul style="list-style-type: none"> • Приватизированные предприятия • Бюджетные организации
Степень рациональности мотивации руководителей	Целенаправленное формирование корпоративной культуры	<ul style="list-style-type: none"> • Инерция «советского наследия» • Традиционная мотивация «заботы» о работниках
Внешние факторы	Действие системы защиты коллективных интересов наемных работников	Давление местных властей и законодательных установлений
Социокультурные факторы	«Протестанская» трудовая этика, высокий уровень ответственности работников	«Православная» трудовая этика, низкий уровень ответственности работников
Цели	<ul style="list-style-type: none"> • Обеспечение рыночной эффективности • Конкуренция работодателей за лучших работников 	<ul style="list-style-type: none"> • Компенсация низкого уровня заработных плат • Сдерживание социальной напряженности
Результаты	<ul style="list-style-type: none"> • Интегрированность работников в организацию • Приверженность организации • Высокое качество труда • Развитие специализированных знаний и навыков 	<ul style="list-style-type: none"> • «Негативный отбор» работников • Низкая трудовая мотивация • Распространенность неформальных практик

Как нам представляется, глубинные различия «западного» и «постсоветского» патернализма в сфере трудовых отношений заключаются в том, что в России эти отношения являются наследием практики советского патернализма, весьма далекого от целей, которые ставят перед собой западные компании. «Западный» патернализм – это инструмент обеспечения экономической эффективности предприятия, «постсоветский» – компенсаторный механизм, позволяющий удержать работников на экономически неблагополучном предприятии либо сдерживающий социальную напряженность.

«Инерционный», зависимый от истории предшествующего развития трудовых отношений (*path-dependent*) характер постсоветского патернализма проявляется в том, что многие российские предприятия и организации демонстрируют феномены весьма своеобразной адаптации к условиям рынка, внешне принимая капиталистическую форму, внутренне сохраняя архаичное содержание. Патерналистский стиль взаимодействия продолжает существовать сегодня на приватизированных предприятиях и в бюджетных организациях. В нашем опросе занятые на них респонденты вдвое чаще отмечали факты получения помощи по месту работы, чем работники новых частных предприятий. Для последних более характерны «капиталистические», конкурентные модели организации труда – индивидуальные краткосрочные контракты, жесткие принципы контроля за работой, отсутствие социальной инфраструктуры. Постсоветские же предприятия носят на себе отпечаток традиционалистской организационной культуры – жесткая иерархия, групповая ответственность, «затраченные усилия» (непрерывный трудовой стаж) индивидов как мерило заслуг и вознаграждений работников.

Мотивация руководителей постсоветских предприятий относительно целесообразности сохранения социальной инфраструктуры или помощи своим работникам – это либо сознательная стратегия сохранения социального контроля за местным сообществом («возможность распределять блага в любой немонетарной форме и тем самым воспроизводить отношения личной за-

висимости работника от директора – вот за что держится директор, сохраняя социальную инфраструктуру за предприятием»¹), либо компенсация низкого уровня заработных плат (*«резко повысить заработную плату мы не можем, поэтому стараемся всяческими путями сгладить отрицательные явления»*), либо стремление сохранить созданный за предыдущие десятилетия имидж предприятия (*«У нас островок социалистического уровня»*), либо традиционная мотивация «заботы» о людях (*«Если пришел человек, который проработал у нас 20-30 лет и у него случилась какая-то беда, я вынужден все отложить, в ущерб даже производству, все равно я буду стараться помочь человеку. Просто из таких человеческих побуждений... Все равно без нас никто не обходится, без коллектива. Все-таки русские люди привыкли жить общиной, мы же общинные люди»*)². «Этика заботы» предприятия о своих работниках по-прежнему проявляется в значительном объеме предоставляемых льгот, не связанных с эффективностью труда работников. Такая практика восходит к традициям российской экономической культуры – убеждению, что честным путем богатство нажить нельзя, и единственный способ его оправдания – это «забота» о тех, кто находится ниже по лестнице социальной иерархии.

Что касается внешних факторов, обуславливающих живучесть патерналистских практик на приватизированных предприятиях, то к ним относятся как политика местных властей, так и в целом существующие нормы трудового законодательства. Исследователи отмечают чрезмерную жесткость трудового права в России по сравнению со странами ОЭСР, его перегрузку льготами и гарантиями, финансируемыми в основном за счет средств работодателя. Фактически государство перекладывает обязательства по социальной поддержке уязвимых групп населения на плечи работодателей. Эти особен-

¹ Кабалина В.И., Сидорина Т.Ю. Предприятие-город: трансформация социальной инфраструктуры в период реформ // Мир России. Том VII. 1999, № ½. С. 193-194.

² Из интервью с директором одного из аграрных предприятий Нижегородской области, проведенного в рамках исследовательского проекта «Специализация и диверсификация аграрных предприятий в переходный период: сравнительное исследование развития сельских территорий в Эстонии и России» (2004 г.).

ности старого КЗоТа сохранились и в новом Трудовом Кодексе¹. Как показывают результаты исследований, многие постсоветские предприятия, столкнувшись с необходимостью выживания в условиях рынка, стремятся, но не могут снять с себя бремя социальных обязательств. Так, основной причиной сохранения на своем балансе объектов социальной инфраструктуры руководители 31% сельхозпредприятий Нижегородской области отметили, что просто «не сумели отказаться от них, передать на баланс районной администрации»². В период «социального популизма» в законодательстве начала 1990-х гг. четко просматривалась тенденция к законодательному расширению связанных с трудом социальных гарантий, не подкрепленных реальными экономическими возможностями. К ним относились, например, усложненные процедуры массовых увольнений, что позволяло искусственно сдерживать уровень безработицы за счет трудоизбыточности многих российских предприятий. Сохранение «лишних» работников обеспечивалось за счет резкого снижения реальной оплаты труда, невыплат заработной платы, вынужденных административных отпусков, вторичной занятости и теневой оплаты труда³. Таким образом, патерналистский характер трудовых отношений на постсоветских предприятиях сегодня в целом носит «компенсаторный» характер, подчинен задачам выживания, а не развития предприятий.

Включенность работников в неформальные трудовые отношения.

Эти отношения подразделяются на а) собственно неформальный сектор рынка труда, наиболее типичное явление на котором – работа на условиях устного найма, б) теневые «патрон-клиентелистские» практики, возникающие в рамках официальных отношений занятости.

Собственно неформальный сектор рынка труда представлен преимущественно предприятиями и индивидуальными предпринимателями, рабо-

¹ Кириченко О., Кудюкин П. Указ. соч. С. 116-119.

² По данным опроса в рамках проекта «Эффективный собственник в сельском хозяйстве».

³ Капелюшников Р.И. Российская модель рынка труда // Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики. С. 128-130.

тающими в сфере торговли и услуг. Здесь зависимость работника от работодателя наиболее очевидна. Неформальные практики этого типа являются реакцией на уже упомянутую нами жесткость трудового законодательства и избыточное социальное бремя, возлагаемое на работодателей, в сочетании с низкой эффективностью механизмов принуждения к исполнению этих законов (*enforcement*).

К неформальным практикам второго типа относятся, во-первых, «толерантное» отношение начальства к фактам нарушения работниками формальных норм и предписаний. Это могут быть паразитические стратегии наемного персонала (воровство, использование оборудования и материалов предприятия для «левых» работ) либо различные нарушения трудовой дисциплины. К последним относятся как «типично мужские» нарушения – пьянство на рабочем месте или прогулы по причине запоев, так и «типично женские», предполагаемые неформальным советским гендерным контрактом «работающей матери» (занятие в рабочее время посторонними видами деятельности, меньшая фактическая продолжительность рабочего дня, отсутствие на рабочем месте по причине семейных обязанностей). Как свидетельствуют материалы интервью, «понимающее» отношение к проблемам работников с семейными обязанностями прочно вошло в нормы трудовых отношений. Такие компромиссы уже предполагаются тем фактом, что женщины «не суются» в сектор высокооплачиваемых, связанных с большой ответственностью работ, а заполняют ниши низкооплачиваемых и относительно непрестижных. Упоминались случаи, когда уже при трудоустройстве обговаривались послабления к требованиям трудовой дисциплины со стороны работодателя. *Когда я выходила на работу, то сразу говорила, что у меня двое детей и что мне нужно убежать домой или в школу забежать за ребенком. То в поликлинику надо сходить...* (посудомойка в кафе, мать-одиночка, 36 лет).

Во всех перечисленных случаях зависимость возникает на основе того, что руководство осведомлено о многочисленных нарушениях работников и

определяет допустимые масштабы этих нарушений, фактически покровительствуя им. Это покровительство и становится инструментом обеспечения власти руководителя над работниками, о которой речь пойдет ниже.

Во-вторых, это обеспечиваемые руководителями доступ работникам к ресурсам предприятия (помощь в трудных жизненных ситуациях, сохранение человека на рабочем месте, несмотря на дисциплинарные нарушения, «накручивание» официальной зарплаты перед выходом на пенсию). Как отмечают исследователи, в случае нарушения трудовых прав администрацией предприятий большинство рабочих обращаются к непосредственному начальнику: такой способ намного более эффективен и надежен, чем открытый конфликт или судебные разбирательства¹. Как отмечает Е. Ковалев, подобные «патрон-клиентские» схемы возникают в иерархических обществах, где классовые различия и эксплуатация «настолько сильны и так глубоко укоренились, что существует реальная почва для межклассового сотрудничества». Среди выделяемых им причин клиентелизации формальной экономики – «община» как единый структурный генотип всех российских формальных институтов, неприемлемость анонимных отношений и минимизация риска как традиции российской экономической культуры².

Отсутствие институтов эффективной защиты трудовых прав работников. Институты защиты коллективных интересов наемных работников (прежде всего, профсоюзы) возникли как способ противодействия неравноправному положению работника и работодателя – как мы уже отмечали, в условиях свободного рынка труда неэластичное предложение труда сталкивается с эластичным спросом со стороны капитала. Сегодня же в России, за редкими исключениями, профсоюзы практически не способны защищать наемных работников от произвола работодателей. Работники новых частных

¹ Клеман К. Формальные и неформальные правила: каков оптимум? // Становление трудовых отношений в постсоветской России / Под ред. Дж. Де Барделебен, С. Климовой, В. Ядова. М.: Академический проект, 2004. С. 146.

² Ковалев Е. Указ. соч. С. 129, 133-135.

предприятий в большинстве своем не участвуют в профессиональных объединениях, профкомы же на приватизированных предприятиях и в государственных организациях продолжают выполнять, как и в советское время, функцию не защиты прав, но распределения и социально-бытового обслуживания, выступая исполнителями патерналистской стратегии руководства.

Там же, где профсоюзы пытаются играть изначально предназначенную им роль посредника в выяснении отношений работников и администрации, последняя обладает эффективными рычагами «приручения» профсоюзных активистов, обеспечения их лояльности. Например, это включение председателя профкома в состав совета директоров предприятия, попытки администрации влиять на выборность «подходящих» людей¹. Разобщенность рабочих способствует тому, что социальные конфликты на предприятии существуют в латентной форме либо в виде индивидуальных стычек между заведомо неравными противниками, выступающими в разных «весовых категориях»².

Патернализм, неформальные трудовые отношения и отсутствие эффективных институтов защиты коллективных интересов наемных работников отнесены нами к «институциональным» факторам социально-экономической зависимости от работодателей. Все они, как мы отмечали, уходят корнями в советские трудовые отношения, являясь либо следствием социокультурной «инерции», либо сознательной стратегией работодателей, направленной на эффективное подчинение работников. Однако выявленные в нашем эмпирическом исследовании существенные различия в степени зависимости среди респондентов трудоспособных возрастов показывают значимость индивидуально-личностных факторов – качеств самих работников, характеризующие их как высоко- или низкоресурсных.

Наличие у работника дополнительной занятости и степень его профессиональной мобильности. Это по определению означает наличие у

¹ Петрова Л.Е. Как «умирают» советские профсоюзы // Мир России. 2001. № 3.

² Лейбович О.Л., Шушкова Н.В. Промышленные рабочие на уральском заводе // Социологические исследования, 2005. № 6. С. 76.

работника альтернативы зарплате по своему основному месту работы. И. Попова оценивает масштабы вторичной занятости по России от 10 до 25% работающего населения¹, в то время как данные RLMS за 1994-2001 гг. показывают значительно меньшие цифры – 5-8%². Ряд исследователей указывают, что вторичную занятость чаще всего имеют не те работники, которые находятся в бедственном материальном положении, а, напротив, более конкурентоспособные, высокоресурсные и лучше адаптированные работники, ориентированные на «партнерские» отношения с руководством, (и они же чаще демонстрируют готовность уйти с предприятия)³. Отмечается, что имеющие дополнительную занятость с большим оптимизмом смотрят в будущее и лучше оценивают свои жизненные перспективы. Кроме того, дополнительная работа повышает мобильность работников на рынке труда, предоставляя новые ресурсы для успешной трудовой адаптации⁴.

По данным нашего опроса, нерегулярные приработки имеются у 14% работающих по найму респондентов, относительно регулярная дополнительная работа – у 8%. Ограничениями на возможности поиска дополнительной работы являются отсутствие помощи по уходу за детьми у матерей несовершеннолетних детей; высокие трудовые нагрузки на нынешнем месте работы; заниженный уровень притязаний работников и фатализм («*у меня натура такая инфантильная, что есть, то есть*»).

Наши данные показывают, что в материальном плане имеющие дополнительную занятость и их семьи более благополучны: медианная зарплата работников, имеющих дополнительную работу, составляет 6000 руб., не имеющих – 4500 руб., среднедушевой доход в семье имеющих – 3333 руб., не

¹ Попова И.П. Вторичная занятость: случаи «вытеснения» // Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики. С. 167.

² Козырева П.М. Указ. соч. С. 45.

³ Хибовская Е.А., Куприянова З.В. Вторичная занятость как способ адаптации населения к экономическим реформам // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития / Под общ. Ред. Т.И. Заславской. М.: Аспект Пресс, 1995. С. 192; Темницкий А.Л. Ориентации рабочих на патерналистские и партнерские отношения с руководством // Социологические исследования, 2004. № 6. С. 35.

⁴ Козырева П.М. Указ. соч. С. 47.

имеющих – 2500 руб. Среди имеющих дополнительные заработки меньше бедных и больше высокообеспеченных. Удовлетворены своей работой 50% не имеющих дополнительной работы и 60% – имеющих ее. Однако в самооценках социального статуса, совокупных изменений в жизни за последние 5 лет и уверенности в надежности своего рабочего места различий между имеющими и не имеющими дополнительную занятость не обнаружено: более высокие доходы имеющих вторичную занятость обеспечиваются за счет увеличения их общей трудовой нагрузки, сокращения объема свободного времени. Таким образом, дополнительная занятость обеспечивает лучшее материальное положение индивидам и семьям, но не является фактором улучшения их социального самочувствия. По этой причине исследователи расходятся в оценках влияния дополнительной занятости на качество адаптации¹.

Степень заменимости работника. В Главе 1 мы отмечали, что Зависимый заменим для Провайдера в том случае, если Провайдер обладает редким и ценным ресурсом, а Зависимый – относительно распространенным и малоценным. Работодатель, обладая редким ресурсом – капиталом, – обеспечивает работникам такие ценные блага, как средства жизнеобеспечения в виде заработной платы, «социального пакета» и неформальных компромиссов, позволяющих повышать денежные и неденежные выгоды от своей занятости.

Известное сталинское выражение «незаменимых людей нет» являлось не только воплощением отношения тоталитарного государства к своим гражданам, но и в целом логикой отношений работодателей к работникам в условиях индустриального общества. «Конвейер» массового индустриального производства, составлявшего фундамент экономического благополучия наций до последней четверти XX века, требовал стандартизованных навыков, высокой степени специализации труда, жесткой дисциплины. Трудовые отношения были основаны на лояльности, контроле и узкой специализации. Поручая ра-

¹ См.: Попова И.П., Седова Н.Н. Дополнительная занятость в успешных адаптационных стратегиях населения // Социологические исследования, 2004. № 2.

ботнику выполнение ограниченного количества рутинных операций либо – в сфере умственного труда – решение типовых задач, работодатель ограничивает ценность данного работника для других работодателей, снижает его мобильность и конкурентоспособность за пределами данной организации.

Однако по мере становления постиндустриального общества основным источником национального экономического роста стало производство продуктов интеллектуального труда, что способствовало становлению организаций «предпринимательского» типа. В них гораздо большее значение имеют инновации и оперативное реагирование на изменения внешней среды, а значит, появилась потребность в работниках, способных справляться с ситуацией риска и неопределенности, проявлять индивидуальную инициативу и предприимчивость, а также брать на себя ответственность, превышающую их формальные повседневные обязанности. Трудовая жизнь, по выражению З. Баумана, стала «насыщаться неопределенностью», рынок труда стал более «гибким», стала все более распространенной практика трудоустройства по краткосрочным контрактам¹. С некоторым отставанием, но по этому же пути идет и Россия. В отличие от распределительной экономики, сегодня в стране для достижения даже среднего материального уровня уже недостаточно простого «исполнения трудовых функций» – формально заданной работнику трудовой активности.

Рабочие руки – более распространенный ресурс, чем капитал, но степень заменимости работника может варьировать очень широко. Сокращают диапазон выбора *низкая квалификация; устаревшая специальность*, не востребованная в условиях современного рынка труда; *узкая специализация*, представляющая интерес для малого количества работодателей. Также относительно малоценными для работодателя являются *представители массовых профессий* и разного рода «неудобный» персонал, пребывание которого на рабочем месте связано с реальными или ожидаемыми издержками для рабо-

¹ Бауман З. Возвышение и упадок труда // Социологические исследования, 2004. № 5. С. 81-82.

тодателя («льготники»). И, напротив, чем более *уникальными знаниями, умениями и способностями* обладает работник, тем более он «труднозаменим» для работодателя – величина транзакционных издержек, связанных с его увольнением, наймом и подготовкой замены ему высока. Таким образом, высококачественные работники, скорее всего, будут включены не во властные, а партнерские отношения с работодателем.

Это подтверждает нарисованный нами портрет зависимых от работодателя респондентов. Для этого в подвыборке работающих по найму респондентов (649 человек, или 74% всей выборки) была выделена группа с высоким индексом зависимости от работодателя. Этот индекс подсчитывался путем суммирования положительных значений следующих переменных.

Таблица 33

<i>Показатели отсутствия альтернатив нынешнему источнику жизнеобеспечения</i>	<i>Показатели включенности в патерналистские отношения с работодателем – работа как условие получения незарплатных благ</i>
Отсутствие относительно постоянной дополнительной работы	Стоят в очереди на жилье, предоставляемое предприятием
Отсутствие нерегулярных приработков	Работа не устраивает, но нужно доработать до пенсии
Работа не устраивает, но респонденты ждут, что им выплатят задержанную зарплату	Работа не устраивает, но нужен непрерывный трудовой стаж
Работа не устраивает, но некуда идти, трудно найти лучшую работу	Работа не устраивает, но она обеспечивает социальные льготы
Наличие опасений потерять свою нынешнюю основную работу	<i>Получение от работодателя видов помощи, которые оцениваются респондентом как «очень важные»:</i>
Отсутствие уверенности, что в случае потери нынешней работы они найдут работу не хуже той, на которой работают сейчас	- материальная помощь
Считают, что экономически не самостоятельны и зависят от работодателя	- бесплатные или по льготным ценам питание, проезд на транспорте, приобретение товаров
Считают, что улучшение их материального положения полностью зависит от работодателя	- содержание детей респондентов в детских дошкольных учреждениях
	- оплата отдыха респондентов и членов их семей
	- лечение работников и членов их семей

При максимально возможном значении индекса 17 его максимум по выборке работающих по найму респондентов составил 11, медианное значение – 4. Для сравнительного анализа мы разбили респондентов на три группы – с низким значением индекса (0-2) – 8,5%, средним (3-5) – 73%, высоким (6-11) – 18,5%.

В нашем опросе работники с высоким индексом зависимости от работодателя были представлены, преимущественно, бюджетниками (37% заняты на государственных предприятиях и в организациях) и работниками приватизированных предприятий (34%). Напротив, работники с самыми низкими значениями индекса зависимости работают преимущественно в частном секторе экономики (51%). С высокой степенью зависимости от работодателя коррелирует и зависимость от государства (коэффициент корреляции Пирсона $r = 0,385$): зависимые низкоресурсные работники гораздо чаще остальных пользуются больничными, бесплатными услугами здравоохранения, субсидиями по оплате услуг ЖКХ, детскими пособиями (и считают эту помощь важной). При этом значимых различий в либеральных / патерналистских ориентациях зависимых и независимых нет, то есть зависимость от работодателя – это не столько вопрос установок и ценностей, сколько объективный фактор «социальной слабости» работника.

В группе зависимых сосредоточены работники с низким уровнем образования (12% с неполным средним, 14 – со средним общим). Больше половины из них представлены рабочими – 58%, в то время как среди независимых их всего 27%. Напротив, группа «независимых» состоит из работников с высшим – 44% (среди зависимых – только 18%) и средним профессиональным (38%) образованием, среди них самые высокие доли категорий специалистов – 44% (среди зависимых их только 25%) и руководителей (13%).

Преобладание в группе зависимых рабочих отражает тот факт, что большинство из них являются представителями «массовых» профессий. Как в России, так и на рынках труда западных стран наиболее конкурентным яв-

ляется рынок неквалифицированной рабочей силы, где отсутствует фактор исключительности работников и наблюдается «эффект переполнения». Конвейерные и низкоквалифицированные рабочие являются абсолютно заменимыми с точки зрения выполнения производственных задач, и именно они в наибольшей степени зависимы от работодателя, не имея оснований добиваться улучшения своего положения¹. Как пишет З. Бауман, возможность таких работников «торговаться (если она вообще имеется) носит остаточный, притом ничтожный характер»².

Что касается уровня профессиональной квалификации, то подавляющее большинство респондентов в нашем опросе не стеснялись в ее оценке – 77% дали ей баллы 4–5 по 5-балльной шкале. Однако о более низких квалификационных характеристиках группы зависимых позволяет судить их самооценка конкретных функционально необходимых на современном рынке труда умений – владении персональным компьютером, предприимчивости, деловой хватке, владении иностранным языком, способности руководить людьми.

Зависимые являются низкоресурсными не только в плане квалификационных характеристик. В этой группе хуже самооценки здоровья, они имеют меньше «полезных связей». В целом медианный индекс персональных ресурсов у зависимых составляет 16, независимых – 20 (при максимально возможном значении 30). В интервью респонденты из «зависимой» группы признают у себя отсутствие как индивидуально-личностных качеств, так и конкретных умений и знаний, которые бы расширили их возможности на современном рынке труда. Группа зависимых попадает в своего рода замкнутый круг – ввиду их малоценности для работодателя они уязвимы перед ним, и при этом не имеют экономического, культурного, интеллектуального и социального капитала для выхода из отношений зависимости.

¹ Иноземцев В. Эксплуатация: феномен сознания и социальный конфликт // Свободная мысль, 1998. № 2. С. 95; Монусова Г.А. Промышленные рабочие в России: адаптация, дифференциация, мобильность // Социологический журнал. 1998, № ½. С. 212-215.

² Бауман З. Возвышение и упадок труда. С. 84.

Противоположная ситуация наблюдается у высокоресурсных работников. Их знания и умения, будучи востребованными и дефицитными на рынке труда, обеспечивают им возможности «выхода» (дополнительная занятость, предложения более высокооплачиваемой работы). Показатель, который отличает группы «зависимых» и «независимых» – это предложения о смене работы, которых за последние несколько лет не было у «зависимых» и которые регулярно поступают «независимым», то есть у последних всегда присутствует ситуация выбора приоритетов. Возможности «выхода», в свою очередь, обуславливают силу «голоса» таких работников в торге с работодателем. Исследователями трудовых отношений отмечены даже случаи возникновения обратной зависимости – работодателя от таких работников, – которые, зная себе цену, нередко пользуются своим статусом «незаменимого». Наиболее часто это проявляется в нарушениях трудовой дисциплины, на которые начальство вынуждено закрывать глаза¹. Как отмечает К. Клеман, таких высокоресурсных работников («рабочей аристократии», в марксистской терминологии) на предприятиях меньшинство, поэтому, обеспечивая относительно привилегированные условия лично себе, они мало влияют на общую картину зависимости рабочих от администрации.

Менее однозначно влияет на степень зависимости узкая специальность, которой обладает работник. Он, безусловно, уязвим в этом случае за пределами организации и мобилен, поэтому держится за свое рабочее место. Однако такой работник, как правило, развивает умения, высоко ценимые на данном месте, что позволяет компенсировать его низкие шансы на свободном рынке труда. В этом случае возникает ситуация высокой степени *взаимозависимости* работника и работодателя: даже при низких возможностях «выхода» «голос» такого работника в торге с работодателем достаточно силен.

Другая группа причин, обуславливающих малоценность работника для работодателя, не связана напрямую с его квалификационными характери-

¹ См.: Клеман К. Указ. соч. С. 159.

ками, а предполагает, скорее, недостаток у работника *символического капитала*. Речь идет о реальных или ожидаемых издержках для работодателя, с которыми связано трудоустройство такого работника. На величину таких издержек оказывает влияние уже упоминаемые нами социальные льготы, полагающиеся отдельным категориям работников, и возникающие по этому поводу дискриминационные стереотипы работодателей. Наиболее часто такими «неудобными» работниками оказываются молодые женщины, матери несовершеннолетних детей и работники предпенсионных возрастов. Сравнительный анализ выделенных нами трех групп работников показал, что группа «зависимых» преимущественно женская (66%), «независимых» – мужская (62%). В наиболее же уязвимом положении оказываются женщины предпенсионных возрастов, в отношении которых гендерная дискриминация дополняется еще и возрастной. Медианный возраст группы зависимых составляет 43 года, независимых – 28 лет. Подобно тому как в общественном мнении существует стереотип о «вторичности» женского заработка в семье, многие считают, что работник старше 40-45 лет «меньше нуждается» в зарплате.

Итак, легко заменимый низкоресурсный работник представляет сравнительно небольшую ценность для работодателя, а значит, наиболее уязвим как на рынке труда вне предприятия (и поэтому он всеми силами держится за свое рабочее место), так и на самом предприятии, что создает потенциал статусно неравных отношений с работодателем.

Субъективное восприятие себя «зависимым». Мы уже указывали выше, что зависимость как реальное состояние и как феномен сознания тесно переплетены: индивид расширяет либо сужает себе пространство выбора своей *интерпретацией* объективной для него ситуации наличия источников заработка и *оценкой* своих возможности в ней. Если работник определяет для себя, что ему «некуда идти», он всеми силами будет держаться даже за не устраивающую его работу. Не случайно среди зависимых значительно больше не удовлетворенных своей работой (41%), чем среди независимых (18%).

Отказ от поисков альтернативных вариантов трудоустройства, нежелание сменить не востребованную рынком специальность, придание большого значения незарплатным благам, получаемым от работодателя – неотъемлемые характеристики «зависимого» работника. В определенной степени эта позиция удобна и выполняет функцию психологической самозащиты в условиях жизненных неудач – аргумент «ничего нельзя сделать» освобождает человека от ответственности и необходимости предпринимать конструктивные шаги по изменению неблагоприятной для него ситуации.

Такая пассивность, оправдываемая «объективными» обстоятельствами, является, во-первых, характеристикой личностного склада зависимых работников – иммобильности, экстернальности локуса контроля. Среди зависимых меньше доля согласных с тем, что улучшение их материального положения зависит от них лично. Во-вторых, такая пассивность являлась культурной нормой распределительной экономики, продолжающей по инерции действовать и сегодня. Речь идет об ориентации на стабильное рабочее место, «непрерывный стаж», норме из советского трудового законодательства, влияющей на размер пенсионных выплат, морально и материально поддерживавшейся в рамках советской производственной идеологии. По нашим данным, забота о непрерывном стаже «держит» на рабочих местах 10% работников, которых не устраивает их нынешняя работа.

Для работников «зависимой» группы характерна низкая, уничижительная самооценка (*«Грузчик, он и есть грузчик. Это же дефективная работа»*). Как отмечает К. Клеман, рабочие отрицают наличие у себя каких-либо прав, описывают себя как «ненужных», полностью зависимых существ. Нередко такая самооценка не основана на реальном положении вещей на рынке труда, но навязывается неуважительным отношением менеджеров к работникам как к «пьяницам», «быдлу», «разгильдиям». Вследствие этого даже многие квалифицированные работники не осознают, насколько они нужны пред-

приятно, и ценности ресурсов, которыми они обладают, либо не знают, как использовать эти ресурсы во благо себе¹.

Совершенно иные самооценки наблюдаются у представителей «независимой» группы: для этих людей характерна уверенность в себе, своих способностях, в том, что окружающие воспринимают их позитивно, и демонстрируют стремление к профессиональному самосовершенствованию. *Я верю в себя, в свои профессиональные качества. Сотрудники меня все, в принципе, уважают. Я хотя и не являюсь самым зрелым сотрудником, тем не менее опыт у меня достаточный, я развиваюсь, совершенствуюсь, новшества ввожу, стараюсь по крайней мере влиять на ситуацию. Когда так человек себя ведет, он востребован, он нужен* (специалист по налогообложению, 22 года).

Зависимость от работодателя тесно связана с территориальной и профессиональной иммобильностью работника. Самую низкую готовность к смене профессии или места работы демонстрировали низкоресурсные работники, не имеющие дополнительной занятости и ориентированные на группу ценностей «социальной защищенности» (см. § 4.1.5). Особенно высока была доля таких работников среди одиноких матерей несовершеннолетних детей, не пытающихся сменить нынешнюю низкооплачиваемую работу по причине ее «удобства» (близость от дома, либеральное отношение начальства к их отсутствием в рабочее время). Объединяло многих из них то, что они даже не пытались что-то предпринимать для улучшения своего материального положения, боясь потерять хотя бы то, что они имеют сейчас. В случае потери работы они *«даже не представляют»*, куда будут устраиваться.

Противоположные установки относительно возможности сменить работу демонстрируют представители «независимой» группы. Молодые и образованные, представляющие новое, «рыночное», поколение работающих, они

¹ Клеман К. Неформальные практики российских рабочих // Социологические исследования, 2003. № 5. С. 64.

демонстрируют понимание нестабильности, свойственное рынку труда, и при этом воспринимают возможные перемены в своей жизни позитивно, веря, что они способны держать ситуацию под контролем. *Надежность моего рабочего места на 90% зависит от меня. Если работа коммерческого направления будет приносить доход, то его не закроют. Поэтому все зависит от меня, как грамотно будет построена работа сотрудников. Я в этом уверена, что не потеряю ее завтра безосновательно.* ИНТЕРВЬЮЕР: *Вы ищете сейчас работу?* РЕСПОНДЕНТ: *Я в постоянном поиске, это нужно и для работы – знать, как сейчас проводят собеседования... Я считаю, что, находясь в стрессовой ситуации, человек больше реализует свои навыки. Экзамен – это стресс, стресс помогает работе. Когда ритм жизненный ускоряется, человек мобилизует абсолютно все свои силы, поэтому во время сессии [респондент получает второе высшее образование] я зарабатываю раза в 2-3 больше, чем обычно (зам. директора некоммерческой организации, 27 лет).*

Итак, мы рассмотрели факторы, способствующие возникновению ситуации социально-экономической зависимости работника от работодателя. К институциональным факторам нами отнесены территориальные ограничения, особенности организации трудовых отношений, отсутствие эффективных механизмов защиты коллективных интересов работников. Индивидуально-личностными факторами, определяющими высокую степень зависимости от работодателя, являются отсутствие у работника дополнительной занятости, его заменимость (малоценность) для работодателя, а также субъективное восприятие себя зависимым. Эмпирически установлено, что в Нижнем Новгороде высокая степень зависимости от работодателя характерна примерно для 15% работающего населения трудоспособных возрастов. Основными признаками, характеризующими эту «низкоресурсную» группу, являются низкий уровень образования, социально-профессиональный статус рабочего, иммобильность, недостаток экономического, культурного и социального «капиталов», неготовность к переменам, низкий уровень самоэффективности,

занятость на государственных и приватизированных предприятиях. Большая часть таких работников представлена женщинами и респондентами старше 40 лет. По этим показателям им противостоит группа работников с низким или нулевым значением индекса зависимости от работодателя – это руководители и специалисты с высшим и средним профессиональным образованием, высокой самооценкой, занятые в частном секторе экономики, обладающие знаниями и умениями, востребованными на современном рынке труда и готовые эти умения и качества развивать в дальнейшем. Больше всего «независимых» работников среди мужчин и респондентов в возрасте до 30 лет.

4.3.2. Властные преимущества Провайдера-работодателя

Итак, работодатель является (реально или субъективно – в представлении работника) безальтернативным поставщиком жизненно необходимых ресурсов – заработной платы и незарплатных благ. При этом он в гораздо меньшей степени заинтересован в низкоресурсном работнике, чем работник в нем. Это обеспечивает Провайдеру-работодателю широкие возможности социального контроля. Как на аграрных, так и на промышленных предприятиях и в организациях социальные блага и неформальные практики трудовых отношений являются важным рычагом управления: администрация «санкционирует» экономическую и социальную деятельность подчиненных, «опекает» их за счет находящихся в ее распоряжении ресурсов. В обмен на это работодатель получает властные преимущества, которые, как мы указывали в Главе 1, заключаются в возможностях контроля поведения и сознания Зависимого.

Контроль над поведением зависимого работника. Контроль над поведением Зависимого возможен благодаря тому, что Провайдер устанавливает в своих интересах базовые условия их экономического взаимодействия. Контроль над поведением осуществляется в форме «*принуждения*» (угрозы лишений) и «*торга*» (обещания дополнительных вознаграждений).

«Обещаниями», позитивными стимулами, исходящими от работодателя, является перспектива расширения «заботы» о работниках в виде повышения заработной платы, улучшения условий труда, дополнительных незарплатных благ, возможности пользования ресурсами предприятия для личных и семейных нужд и разного рода неформальных компромиссов.

Главными же «угрозами», стимулирующими поведение зависимого работника, являются лишение доступа к ресурсам Провайдера-работодателя; отказ от выдачи «санкций» на разного рода неформальные взаимодействия, в которые включен работник. Как указывал Я. Эйдельман, подобного рода «принудительная мотивация» не столько ориентирует работника на приобретение новых благ, сколько вызывает страх потери уже имеющихся¹. Работники, не имея альтернативного источника средств к существованию, не могут противодействовать нарушению трудовых прав без неблагоприятных последствий для себя.

Помимо того, что мы поставили целью нашего анализа выяснение, насколько сильно различается масштаб нарушения трудовых прав у зависимых и независимых работников, мы также провели сравнительный анализ внутри самой группы зависимых. Для этого мы отдельно рассчитали «Полный индекс зависимости от работодателя (Полный ИЗР)», включающий все 17 параметров, перечисленных в таблице 33, и «Сокращенный ИЗР», включающий только 8 параметров из левого столбца этой таблицы, характеризующих отсутствие альтернативы нынешней работе. Гипотезой, положенной в основу этого разделения, было предположение, что патернализм работодателя в какой-то мере отражает его стремление удержать работников на своих местах, хотя бы и путем ограничения их свободы. Работники же, зависимые от своего работодателя, но при этом не включенные в патерналистские отношения, будут наиболее уязвимыми. Посмотрим, так ли это.

¹ Эйдельман Я. Методологические проблемы изучения трудовой мотивации // Вопросы экономики, 1991. № 1.

Таблица 34

<i>Приходилось ли Вам в течение последних 12 месяцев сталкиваться со следующими проблемами, связанными с Вашей работой? Среди работающих по найму, N=649</i>	<i>Зависимые – Сокращенный ИЗР</i>	<i>Зависимые – Полный ИЗР</i>	<i>Независимые</i>
Низкий размер заработной платы	63	63	40
Несоответствие режима, условий труда и техники безопасности принятым нормам	36	33	12
Нарушение устных договоренностей работодателем	28	24	22
Задержки выплат заработной платы (на 1 месяц и более)	24	18	14
Угрозы увольнения, перевода на более низкую должность за попытку отстоять свои законные права	16	17	2
Отказ в предоставлении очередного оплачиваемого отпуска	15	10	5
Неоплачиваемые административные отпуска по инициативе работодателя (на 1 месяц и более)	14	14	12
Препятствия Вашему карьерному росту со стороны руководства	8	10	14

Как видим, группа зависимых работников, выделенная только по критерию отсутствия альтернативы своей нынешней работе, действительно выглядит наиболее уязвимой в плане нарушения своих трудовых прав, однако в целом ее отличия от группы, выделенной также и по критерию включенности в патерналистские отношения, не столь велики, как мы ожидали. Наиболее же разительны различия между этой группой и «независимыми» работниками. Независимые в полтора раза реже жалуются на низкий размер заработной платы, вдвое реже – на плохие условия труда (что объяснимо, учитывая социально-профессиональный состав двух групп – в «независимой» преобладают специалисты, в «зависимой» – рабочие); они также реже сталкиваются с задержками заработной платы, отказами в предоставлении отпусков, и ими практически не отмечены случаи угроз со стороны работодателя за попытки отстоять свои права. Единственный пункт, по которому эта группа набрала больше «голосов» – это препятствия их карьерному росту, то есть независи-

мые работники наиболее чувствительны к нарушениям своих прав, связанных с самоутверждением и карьерными амбициями. Нарушения же прав зависимых работников связаны с их иммобильностью и низкими ресурсами, и это, главным образом, нарушение социальных прав.

Мы можем классифицировать способы контроля поведения зависимых работников работодателем на следующие: 1) контроль мобильности работников; 2) условия и размеры вознаграждения за труд; 3) условия труда; 4) дополнительные услуги и действия в пользу работодателя.

Контроль мобильности работников выражается в том, что работодатель по своему усмотрению контролирует условия «входа» и «выхода» из организации. Во-первых, он привязывает работников к «плохим» (низкостатусным, низкооплачиваемым) рабочим местам. *Ребенок у меня ходит в заводской садику. Если я уйду с завода, ребенок теряет место в садике* (техник по планированию, 22 года). Во-вторых – держит работников в постоянном страхе увольнения. Как свидетельствуют результаты углубленных интервью, зависимые работники, решившие остаться на таких постсоветских предприятиях ради обеспечения себе возможности раннего выхода на пенсию и более высокого размера пенсий, оказываются «повязанными» условиями отработки непрерывного «вредного» стажа. Долгая работа на одном месте формирует психологию иммобильного человека, и в результате подобные «блага», которые обеспечивает работа на таком предприятии, оборачиваются против работников – понимая, что, сменив место работы и специальность (как сделали многие их знакомые), можно реально улучшить свое благосостояние, они не решаются сделать это, боясь потерять то небольшое, что имеют.

По данным нашего исследования «Стратегии адаптации сельхозпредприятий», симбиотические отношения сельхозпредприятий и сельских жителей также возможны при условии, чтобы по крайней мере один член домохозяйства работал на предприятии – иначе семье придется приобретать ресурсы для ведения своих личных подсобных хозяйств по их полной стоимости, что

лишает экономического смысла работу в ЛПХ. Руководство сельхозпредприятий также вводит систему «стажевых» выплат – премиальных начислений к зарплате за непрерывный стаж работы: уволившись и вновь вернувшись на предприятие, работник должен будет «нарабатывать» их с нуля.

Привязку работника к предприятию (по данным исследования «Совладающее поведение в постсоветской России») обеспечивает и «работа за жилье» – стратегия, к которой часто прибегают вынужденные мигранты. В этом случае нередки ситуации, когда специалисты соглашаются практически на любую работу, работают за гроши, годами ютятся в не приспособленных для проживания помещениях. Как отмечает Г. Витковская¹, в целом эта зависимая стратегия не оправдывает себя, значительно проигрывая стратегии «доходной работы», которая обеспечивает им возможность снимать приличное жилье и делать накопления.

Наиболее же очевидные ограничения мобильности зависимых работников наблюдаются в «теневом» секторе рынка труда, когда работодатель отбирает у работников паспорта на срок найма, лишая их свободы передвижения, возможности вступления в социальные контакты и обращения в официальные учреждения (типичный пример – нелегальные трудовые мигранты²).

«Привязав» зависимого работника, работодатель при этом вовсе не гарантирует его занятость. Результаты многих исследований свидетельствуют о том, что нередко в сфере найма и увольнений царит личный произвол работодателя. Заменяемые работники – первые кандидаты на увольнение, причем часто его критериями оказываются личные антипатии начальства или не соответствующее интересам руководства поведение работников (например, продажа «на сторону» акций предприятия³). Распространенной практикой в

¹ Витковская Г. Адаптация вынужденных мигрантов в разных типах поселений в России // Миграция и урбанизация в СНГ и Балтии в 90-е годы / Под ред. Ж. Зайончковской. М., 1999.

² Козина И.М., Карелина М.В., Металина Т.А. Трудовые практики иностранных рабочих в России // Социологические исследования, 2005. № 3; Нуралиев Н.Н. Проблемы трудовой миграции из Таджикистана в Россию // Социологические исследования, 2005. № 8.

³ Лейбович О.Л., Шушкова Н.В. Указ. соч.

частном секторе является найм по испытательному сроку, по истечении которого претендента увольняют, не заплатив за отработанный период. В случае нелояльности зависимого включаются рычаги принуждения. Они таятся в уже отмеченных нами теневых практиках в сфере трудовых отношений: начальство при необходимости может не только «перекрыть канал» поступления важных благ, но и «припомнить» все случаи нарушения формальных правил¹. В этом случае работник только ухудшает себе возможности нового трудоустройства, получая в трудовой книжке запись об увольнении за нарушение трудовой дисциплины или за несоответствие занимаемой должности.

Страх увольнения – эффективный инструмент обеспечения лояльности работников, которые отдают себе отчет в ненадежности своих рабочих мест. Отсюда их стремление не привлекать к себе внимания, высказывая претензии к руководству, соблюдать неформальные правила поведения на рабочем месте. Этот страх держится как на субъективно ощущаемой зависимости, так и на их объективной неконкурентоспособности. Действительно, самыми уязвимыми на рынке труда оказались именно зависимые от предприятия работники, ориентированные на стабильное рабочее место. Так, в одном из наших интервью² бухгалтер, уволенная по сокращению штатов и лишь спустя год сумевшая устроиться уборщицей, рассказывала о себе: *«А на стаж никто не смотрит, что я 23 года проработала...Проработала не только на одном месте, а даже на одном стуле»*. Эти работники не останутся без средств к существованию благодаря помощи по социальным сетям и спросу на малооплачиваемую неквалифицированную рабочую силу в неформальном секторе, однако в этом случае уделом многих из них становится нисходящая профессиональная мобильность и нестабильная занятость. *Сократили нас [со швейной фабрики] 5 лет назад, попросив написать «по собственному желанию»*. *Начались скитания, где только я не работала, это ужасно. В течение*

¹ Алашеев С. О любви особого рода и специфике советского производства // Социологический журнал, 1997 № 1/2; Клеман К. Формальные и неформальные правила: каков оптимум?

² По данным исследования «Совладающее поведение в посткоммунистической России».

года по 2 раза менять место работы... Печеньем торговала на площади Свободы, это где-то год. Потом пиво, сигареты 2 года продавала. Потом 2 месяца сидела дома, не могла найти работу, потом год работала в сауне на Головнина, там такая жара... Потом она закрывается, полтора месяца дома сижу, потом устроилась в фирму «Борис», где получала 1500 злосчастные. Проработала там 3 месяца, опять полтора сидела дома, что делать? Еще работала в игровых автоматах 2 месяца. Там на базаре эти игроки курят, кричат, ругаются. Я ушла, нервы не выдержали – помещение маленькое, постоянно этот чад, мат, дым, от волос пахнет... Нашла работу в хлебном киоске. Сейчас просто чисто случайно повезло – старые знакомые пригласили в другое место, где зарплата повыше. Помоталась я за эти годики, конечно... (продавец, 49 лет).

Условия и размеры вознаграждения за труд как инструмент манипулирования поведением зависимого работника также широко используются работодателями, и самые распространенные способы контроля – это недооплата труда, произвольно устанавливаемый порядок премирования и вычетов из зарплаты, а также нерегулярные выплаты зарплаты.

В данном случае речь не идет о более низкой заработной плате как таковой – тот факт, что в условиях рынка работник с уникальными умениями и широкой специализацией будет зарабатывать больше, чем представитель массовой профессии, является более или менее очевидным. Однако факт зависимости работника и получение им важных незарплатных благ от работодателя создают условия (и являются оправданием) для *недооплаты* труда работника, установления заниженного размера оплаты его труда по сравнению с произведенной им стоимостью. Это подтверждают и данные нашего опроса. Личные денежные доходы зависимых работников в среднем в полтора раза ниже доходов независимых (медианный доход первых – 4000 руб. в месяц, вторых – 6000), еще большие различия в среднем душевом доходе на члена семьи (2333 руб. у зависимых и 3666 руб. у независимых). Среди зави-

симых самая высокая по всем группам доля бедных (35%), среди независимых – обеспеченных (22%). Зависимые характеризуются и заниженным уровнем притязаний (четвертая часть из них готова довольствоваться «выживанием» и «удовлетворением хотя бы самых насущных потребностей»), и меньшей «резервной зарплатой», на которую они согласились бы при устройстве (переходе) на другую работу (5250 руб., у независимых она составляет в среднем 7000 руб.).

Низкий уровень оплаты труда представляется нам не просто следствием временных экономических трудностей предприятий или фирм. Он носит системный характер и является следствием зависимости, иммобильности и заменимости работников (по выражению одного из работодателей, *«зачем платить больше, и так много желающих работать»*¹). Патернализм и неформальные компромиссы, допускаемые работодателем в рамках трудовых отношений, снимают с него ответственность за низкие ставки оплаты труда работников – ведь те получают дополнительный доступ к ресурсам предприятия/организации, значит, могут «крутиться» и обеспечивать себе достаточный уровень жизни.

Заработная плата на российских предприятиях сегодня играет роль не столько стимулирования труда, сколько инструмента контроля над работниками. Частично это продиктовано необходимостью выработки компенсаторных механизмов, позволяющих оптимизировать использование трудовых ресурсов неэффективных работников. Например, наше исследование на сельскохозяйственных предприятиях показало, что в целях борьбы с нарушениями трудовой дисциплины руководители разделили заработную плату всех работников на две равные части – базовую и премиальную. Последняя не выплачивается, если работник будет пойман на пьянстве, воровстве или прогулах; в этом случае он также лишается «стажевых» без возможности их восстановления. В результате на руки выдается сумма, не обеспечивающая даже

¹ Хоткина З. Гендерный подход к исследованию неформальной экономики // Гендер и экономика. С. 111.

прожиточного минимума. Такая практика вызывает недовольство многих рабочих, но не они устанавливают правила игры. Справедливости ради отметим, что подобные вычеты являются формально установленной нормой, о которой поставлены в известность все работники предприятия. Другими же исследователями отмечены случаи произвольного порядка начисления зарплаты, премирования, штрафов и вычетов, обмана при расчетах, зависимости размера зарплаты от взаимоотношений с руководством¹.

Распространенной практикой стали в последнее десятилетие нерегулярные выплаты зарплаты и натуральная форма оплаты труда. Нередко они даже перестают восприниматься как нечто незаконное²; рабочие мирятся с прокручиванием зарплат в банках или использованием этих сумм на производственные цели³. И если задержки и низкий уровень зарплаты обуславливали уход с предприятий «независимых», конкурентоспособных работников (так растеряли свой кадровый состав предприятия ВПК), то зависимые имобильные работники проявляют готовность работать даже при долговременных неплатежах, прибегая к разного рода компенсаторным стратегиям. Они «затягивают пояса», залезают в долги, подрабатывают, например, торгуя на рынке, но не уходят с работы и не конфликтуют с начальством.

Широкий диапазон нарушения трудовых прав зависимых работников наблюдается в сфере *условий труда*, устанавливаемых работодателем. Во-первых, это работа на условиях устного найма. По нашим данным, занятость на основной работе документально не оформлена лишь у 9% зависимых (полный ИЗР), 12% зависимых (сокращенный ИЗР), а вот среди независимых эта доля составляет 19%. Это объяснимо, с одной стороны, тем, что половина независимых заняты в новом частном секторе, где «серая» составляющая значительно выше, чем в государственном и приватизированном. Однако данные таблицы 35 демонстрируют разную природу соглашений, лежащих в

¹ Клеман К. Формальные и неформальные правила... С. 156-157; Темницкий А. Ориентации рабочих... С. 35.

² Козина И.М., Карелина М.В., Металина Т.А. Указ. соч.

³ Ковалев Е. Указ. соч. С. 130.

основе неформальной занятости зависимых и независимых работников.

Таблица 35

<i>Если Ваша трудовая деятельность не оформлена, то кто в этом заинтересован? Среди не оформленных, N=71</i>	<i>Зависимые – сокращенный ИЗР</i>	<i>Зависимые – полный ИЗР</i>	<i>Независимые</i>
Работодатель заинтересован	54	56	37
Вы сами заинтересованы	46	44	50
И работодатель, и Вы сами заинтересованы	0	0	13

Среди зависимых, работающих по устному соглашению, в этом в большинстве случаев заинтересован только работодатель, в то время как среди независимых половина сами заинтересованы в таких условиях, а еще 13% отметили взаимную с работодателем заинтересованность. То есть, среди двух разных групп работников мы имеем дело с разными значениями неформального найма – как социальная незащищенность «слабых» («вплоть до собственности хозяина фирмы на своих наемных работников»¹) и способ ухода от налогов «сильных». Этот феномен был уже отмечен, например, Т. Заславской и М. Шабановой: чем менее благоприятные позиции занимают работники на шкале социальных неравенств, тем чаще нарушаются их трудовые права и тем меньше шансов у них эти права отстаивать. Если «слабые» социальные группы чаще включаются в *антагонистические* неправомерные взаимодействия с более сильными, то «сильные» группы, напротив, – во *взаимовыгодные* друг с другом². То, что для высокоресурсных групп является благом, для низкоресурсных оборачивается угрозой сверхэксплуатации. Возможности защиты своих прав у заменимых работников невелики: *«Если она начнет требовать, чтобы я ее официально оформила, я ее уволю и найду другую та-*

¹ Хоткина З.А. Женщина на рынке труда и просто на рынке (Права женщин в сфере неформальной занятости) / Права женщин в России: исследование реальной практики их соблюдения и массового сознания, Т. 1. М.: МЦГИ, 1998.

² Заславская Т.И., Шабанова М.А. Неправомерные трудовые практики и социальные трансформации в России // Социологические исследования, 2002. № 6. С. 11.

кую же дурочку» (из интервью с работодателями¹). Как и в случае задержек заработной платы, подобные нарушения прав стимулируют зависимых работников не порывать отношения с такими нанимателями, но искать компенсаторные пути приспособления к такой ситуации.

Во-вторых, это плохие условия труда, в которых приходится работать зависимым работникам, игнорирование норм техники безопасности. В легальном секторе это проявляется в принуждении работников выполнять операции, не входящие в их формальные профессиональные обязанности. *Девчонки электрокариц заставляют батареи чистить серной кислотой. Это обязанность зарядников, им за это идет вредность, а девчонкам не идет, и тем не менее электрокариц заставляют чистить* (грузчица на базе автозапчастей, 42 года). Наиболее же грубые нарушения наблюдаются в неформальном секторе, где работники абсолютно не защищены, часто не обеспечивается даже их личная безопасность. *В минимаркетах работников не ценят ... Делают все так, что хорошие уходят, а тех можно выгнать в любой момент, зарплату не заплатит... Ночью работать, а никаких охранников, работают на весь магазин две женщины, что они могут сделать? На меня налетел однажды наркоман ... Хотела хлопнуть дверью, уйти, но опять же из-за этих денег...* (барменша в кафе при рынке, 49 лет).

В-третьих, сверхурочная работа, которую выполняет зависимый работник. Как отмечает К. Клеман, практика переработок на промышленных предприятиях распространена повсеместно². Помимо «производственной необходимости», сверхурочная работа может потребоваться для оказания различных услуг лично работодателю (или начальству) – строительных, транспортных, ремонтных, курьерских, информационных, интимных³. При этом работники воспринимают свои переработки как нечто естественное, способ поддержания добрых отношений с начальством: *Я ведь рядышком живу, когда*

¹ Хоткина З. Гендерный подход к исследованию неформальной экономики // Гендер и экономика. С. 111.

² Клеман К. Формальные и неформальные правила: каков оптимум? С. 141.

³ Ковалев Е. Указ. соч.

приходят за мной в выходные, вдруг нужно вагон какой-то выгрузить, я иду (крановщица в литейном цехе, 47 лет).

Отметим, что ненормированный рабочий день и высокие трудовые нагрузки – обычные явления и для группы независимых. Однако мотивация переработок принципиально разная: у зависимых это, скорее, принуждение под страхом увольнения, снижения заработка или «отлучения» от неформальных каналов распределения. У независимых – сознательная стратегия, чтобы выделиться перед начальством, показать свои способности в расчете на повышение зарплаты и должностной рост. *Я привыкла делать очень много работы и сразу. То есть я очень трудоспособная. У меня очень много разных обязанностей. Я стараюсь взять на себя еще что-то, чтобы меня выделили (специалист по налогообложению, 22 года). Часов 70 в неделю получается [работать]. Потому что иногда приходится работать в выходные. Делаю я это добровольно, потому что каждый человек выбор своей работы делает сам... Насколько меня устраивают такие условия? В принципе, процентов на 80 устраивают (замдиректора некоммерческой организации, 27 лет).*

В-четвертых, отказ в предоставлении отпусков и «больничных». Прямые нарушения трудового законодательства наиболее распространены в частном секторе, где часто оплата временной нетрудоспособности или очередных отпусков не предусмотрена вообще. *Я лет 8 не была в отпусках. У меня материальная зависимость была, поэтому я не уходила. Мне было жалко терять деньги. В договорах написано, что он неоплачиваемый, какой смысл мне гулять? (барменша в кафе при рынке, 49 лет).* Работникам приходится работать, будучи больными («уколами себя подняла»); нет речи о том, чтобы работнику оплатили пропущенные дни: удачным исходом такой ситуации считается то, что за болезнь не последует увольнения. Болезнь фактически приравнивается к опозданиям и прогулам: *Это считай увольнение. Поэтому стараемся в выходные работать, чтобы заработать отгулы, мало ли что... (грузчица на базе автозапчастей, 42 года).*

Отметим, что все эти проявления власти работодателя над зависимым работником, хотя и базируются на «праве сильного», редко носят характер прямого принуждения. Как мы указывали в Главе 1, в отличие от физического принуждения как форма *социальной* власти сохраняет у зависимого иллюзию наличия выбора; внешне эти действия носят добровольный характер, и в основе их, казалось бы, лежит рациональная мотивация экономического стимулирования. Однако если в случае независимых работников это действительно так, то выбор, имеющийся у зависимых – это выбор между «плохим и очень плохим». Теоретически они могут «уйти, хлопнув дверью», но при этом проигравшей стороной будут они сами: реальные альтернативы, которыми они располагают – это нисходящая профессиональная мобильность. Именно поэтому их попытки вступить в «торг» со своими работодателями если и имеют место, то обычно не способны повлиять ни на размер оплаты, ни на условия труда. Работодатели это понимают и рассматривают проявления недовольства работников просто как способ «выпускания пара». Гораздо чаще, однако, зависимые *смирятся* со своим положением, боясь его ухудшить проявлением нелояльности.

Последнее подтверждается результатами ряда исследований, согласно которым работники, признавая нарушение своих трудовых прав, в большинстве случаев даже не пытались их отстоять, тем более путем обращения в суд¹. Действительно, низкие возможности «выхода» обуславливают слабость «голоса» таких работников. Они не могут противодействовать нарушению своих прав либо вообще, либо без неблагоприятных последствий для себя. Во-первых, они осознают свою заменимость: на смену нелояльным работникам всегда найдется большое количество других, лояльных, ведь принцип «не нравится – уходи» стал преобладающим во взаимоотношениях между ра-

¹ Малышева М.М. Современный патриархат. Социально-экономическое эссе. М.: Academia, 2001. С. 313-314; Заславская Т.И., Шабанова М.А. Проблема институционализации неправовых практик в сфере труда // Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики. С. 140.

бочими и начальством. Любой работник, недовольный ситуацией на предприятии и проявляющий нелояльность, может быть мгновенно заменен.

Во-вторых, чем более рабочие вовлечены в неформальные взаимоотношения, тем меньше они могут действовать в рамках правового поля. Они становятся заложниками «всеобщей неформальной системы», и это лишает их возможности выступить против нее¹. Распространенность неформальных практик и тот факт, что далеко не все работники к ним «допущены»², приводят к тому, что попытки работников отстаивать свои формальные, законные, права воспринимаются работодателями или непосредственным начальством как выпады лично против себя, а сами такие работники получают репутацию «скандалистов», «качающих права». Это лишает работника благосклонности руководства, которое «заслуживается» в течение долгого времени, а значит, работник теряет многие индивидуальные льготы и привилегии, которые он получает по неформальным каналам.

В-третьих, из-за низкого уровня правосознания и правовой неграмотности многие работники не верят, что имеют какие-то права, либо не знают способов их защиты.

Итак, мы рассмотрели способы манипулирования поведением зависимого работника, доступные работодателю. И все же там, где это подчинение носит явный характер, работники остаются нелояльными работодателю, что обуславливает высокий конфликтный потенциал. Поэтому для эффективного подчинения, как мы указывали в Главе 1, необходимо еще и воздействие на *сознание* зависимого, его мнения, ценности и установки.

Контроль над сознанием зависимого работника. Контроль над сознанием, или «власть-авторитет», преследует цель формирования у экономически зависимых феномена «зависимой личности». Это происходит путем убеждения их в собственной беспомощности; в том, что лучше всех о нем поза-

¹ Клеман К. Неформальные практики российских рабочих. С. 71.

² Барсукова С. Формальное и неформальное трудоустройство: парадоксальное сходство на фоне очевидного различия // Социологические исследования, 2003. № 7. С. 8-9; Темницкий А. Ориентации рабочих... С. 30.

ботится провайдер-работодатель; формирования у работников комплекса моральных обязательств перед работодателем. Власть-авторитет создает видимость непротиворечивости интересов провайдера и зависимого, позволяет маскировать *властные* отношения под *реципрокные*. Получается, что нарушения прав и разного рода дополнительные услуги, выполнение которых ожидается от работников, носят не принудительный характер, а являются, подобно взаимодействию в персональных социальных сетях поддержки, способом вернуть «услугу за услугу», поддержания добрых отношений. Например, практикуя «гибкий» подход к нарушителям трудовой дисциплины и «с пониманием» относясь к семейным и индивидуальным проблемам подчиненных, начальство обеспечивает себе моральное право просить подчиненных «вникать» и в проблемы руководства. Характерно, что риторика «доброто начальства», отношение к нему как к благодетелю, распространяется не только на диапазон особых льгот и привилегий, которые благодаря ему получает работник. Чтобы оказаться «добрым начальником», достаточно просто выполнять свои прямые профессиональные обязанности и не нарушать права работников (например, отремонтировать душ в общежитии предприятия или не сократить после выхода из декретного отпуска). *Да, были такие [хорошие] начальники. Они очень часто менялись, но некоторым я очень благодарна. Голубев очень нам сочувствовал, помогал. Каштанов у нас был замечательный. Мне тогда здорово помог. У меня шапку украли в раздевалке, он мне материально помог... [И сейчас у нас] замечательный директор, старается, зарплату не задерживает* (крановщица в литейном цехе, 47 лет).

«Стратегия моральных обязательств» в трудовых отношениях в плане повышения лояльности и управляемости работников весьма эффективна. Она обеспечивает ослабленный потенциал возможной оппозиции произволу руководства, толерантное отношение работников к его неэффективной и незаконной деятельности; работники, о которых заботится доброе начальство», не имеют моральных оснований добиваться улучшения своего положения.

Это также позволяет снизить количество дисциплинарных нарушений и воровства: так, на материале исследований ижевских предприятий приводятся интересные данные, что объемы воровства на них зависят вовсе не от уровня заработных плат, а от объема льгот и привилегий, предоставляемых работникам¹. По данным А. Темницкого, у рабочих, ориентированных на неформальные взаимоотношения с руководством, также снижаются притязания к размеру заработной платы².

Как мы указывали в Главе 1, «зависимая личность» не просто боится потерять поддержку провайдера, она стремится расширить ее за счет отказа от собственной свободы. Изучение конформистского поведения рабочих на Магнитогорском металлургическом комбинате показало их согласие с системой эксплуатации и готовность отказаться от своих прав на самозащиту и управление производством в обмен на «заботу» о себе, социальный патронаж. Автор исследования отмечает, что в борьбе предпринимателей с рабочими активистами «приватизация администрацией морального права решать за рабочих все» гораздо эффективнее прямых репрессий³. Сходным образом о своей готовности променять ненужную им свободу в обмен на реальную заботу о себе говорят и работники одного из кубанских аграрных предприятий: *«Может сделать из нашего председателя помещика, как это было в старые времена? Он хоть и владел бы тут всем, но зато о нас заботился и за нас отвечал»*⁴ (на аграрных предприятиях Юга России, где интенсивно идут процессы концентрации собственности, отношения личной зависимости работников от руководителей хозяйств принимают наиболее гипертрофированные формы). В целом же, по мнению А. Темницкого, неформальные («патерналистские») нормы в трудовых отношениях по-прежнему остаются более

¹ Захаров Н.Л. Воровство и льготы в структуре трудового поведения // Социологические исследования, 2001. № 6.

² Темницкий А.Л. Социокультурные факторы формализации трудовых взаимоотношений // Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики. С. 154.

³ Булавка Л.А. Портрет протестного движения в постсоветской России. Самозащита прав трудовых коллективов в современной России. Выпуск 5. М., 2001.

⁴ Никулин А.М. Кубанский колхоз – в холдинг или асьенду? // Социологические исследования, 2002. № 1. С. 49.

приемлемыми как для рабочих, так и для менеджеров, чем партнерские, ориентированные на формализацию трудовых отношений и равноправное сотрудничество менеджера и работника, и большинство рабочих (в особенности старших возрастов и с большим стажем работы на предприятии) смиряется со своим зависимым положением и даже старается его закрепить через усиление ориентаций на патерналистские отношения с руководством¹. Эффективное манипулирование сознанием зависимых обеспечивает их готовность подчиняться власти провайдера-работодателя, что обеспечивает самовоспроизводящийся характер отношений зависимости.

4.3.3. Неэффективность и кумулятивный характер отношений зависимости

Как мы только что показали, отношения зависимости в трудовых отношениях способствуют повышению управляемости зависимого работника, возможности эффективно манипулировать его поведением, а также – в большом количестве случаев – сознанием, установками и ценностями через формирование комплекса моральных обязательств перед работодателем. Однако сам факт управляемости и лояльности работника вовсе не означает, что такой работник и в целом отношения, построенные на зависимости работника от работодателя, будут эффективными.

Для работника эти отношения неэффективны потому, что они способствуют его повышенной *правовой и экономической уязвимости*. О *правовой уязвимости* зависимого работника, открывающей широкий простор правовому произволу работодателя и закрепляющей таких работников в неправовом пространстве, мы уже говорили. *Экономическая уязвимость* зависимого связана с риском одностороннего отказа провайдера-работодателя от своих обязательств и поддержанием его состояния депривированности от важнейших

¹ Темницкий А.Л. Факторы усиления патернализма и предпосылки развития партнерства в трудовых отношениях // Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ) / Под ред. Р.М. Нуреева. М.: МОНФ, 2001. С. 381.

ресурсов жизнеобеспечения. Эти отношения носят самовоспроизводящийся, а иногда и кумулятивный характер. Результатом отношений зависимости становится «запирание» зависимых в самых неблагоприятных сегментах рынка труда. Это так называемые «плохие» рабочие места либо в высококонкурентных секторах рынка труда, где фактор заменимости работника оказывается определяющим, либо непрестижные низкооплачиваемые работы, не привлекательные для «высокоресурсных» работников. Такие рабочие места обеспечивают стабильное пребывание зависимых работников в «нишах выживания» или низкодоходных группах. Действительно, у группы зависимых наблюдаются не просто более низкие показатели личных доходов, о чем мы уже упоминали, но и их отрицательная динамика за последние 5 лет.

Таблица 36

<i>Если говорить в целом, по сравнению с тем, как Вы и Ваша семья жили 5 лет назад, можете ли Вы сказать, что сейчас Вы стали жить...</i>	Зависимые	Независимые
Значительно хуже, немного хуже	42	20
Так же, как 5 лет назад	22	33
Значительно лучше, немного лучше	36	47

Как видим из таблицы 36, результирующая динамика за 5 лет у зависимых – ухудшение, у независимых – улучшение жизни. С независимостью от работодателя коррелируют такие показатели, как увеличение объема оплачиваемой занятости в течение последних 5 лет, рост квалификации, личного имущества, уверенности в собственных силах, в целом позитивной динамики своего благосостояния. С ростом зависимости, напротив, уменьшается уверенность в себе, личные денежные доходы, имущество и сбережения. Таким образом, отношения зависимости в трудовых отношениях можно рассматривать сегодня как важный канал усиления социальных неравенств.

Помимо правовой и экономической уязвимости работника, трудовые отношения, основанные на зависимости, обуславливают значительные *из-*

держки неэффективности для провайдера-работодателя. Разумеется, поддержание отношений зависимости предпочтительно для работодателя, для которого власть над людьми либо является самоцелью, либо обеспечивает ему возможность достижения его частных, партикуляристских, интересов. Это может быть, например, рентоориентированное поведение – достижение личных выгод от экономически неэффективной деятельности, обеспечение личного благополучия за счет ресурсов предприятия. Молчаливое согласие зависимых работников в этом случае – наиболее удобный вариант. Симбиотические отношения работников и предприятий являются яркими примерами «институциональных ловушек», сочетающими в себе их классические характеристики¹. Отношения зависимости «устраивают каждого», потому что к ним причастны «все остальные», распространенность нормы является препятствием к ее изменению.

Однако если перед работодателем стоит цель обеспечения экономически эффективной деятельности предприятия, то отношения зависимости представляют серьезное препятствие для ее достижения.

Патернализм современных российских предприятий и неформальные отношения опеки являются механизмом *негативного отбора* работников. Как мы уже упоминали, предоставляемые работодателем социальные гарантии в современной России носят не стимулирующий, но компенсаторный характер. Как и в советские времена, объем предоставляемых работодателем льгот по-прежнему не связан с эффективностью труда работника и стоимостной оценкой произведенной им продукции. Они основываются на критериях: а) нуждаемости, б) очередности (то есть, стажа работы на предприятии). Эти жизненные блага не столько «зарабатываются», сколько «заслуживаются» работником. Поэтому «социально ориентированные» предприятия неинтересны высокоресурсным молодым кадрам, предпочитающим *заработать*

¹ Полтерович В.М. На пути к новой теории реформ. Глава 4. Институциональные ловушки. М., 1999. <http://www.cemi.rssi.ru/rus/publicat/e-pubs/ep99004.htm#D>

необходимые им блага в новом частном – монетарном – секторе экономики. Остается, прежде всего, «зависимый» персонал – неконкурентоспособные заменимые работники, «которые придерживаются традиционных норм взаимодействия, которых устраивают привычные методы управления, основанные, во-первых, на давлении и на приказах, во-вторых, на подачках доброго начальника, в-третьих, на идеологических концепциях коллективизма»¹.

Зависимым можно меньше платить и тем снижать текущие издержки работодателя, однако недоплата труда создает порочный круг неэффективности труда работников. Неспособность получить за свой труд достойную оплату заставляет более мобильных работников покидать предприятие, а остающихся зависимых – минимизировать свои трудовые усилия. По нашим данным, медианная длительность рабочей недели зависимых составляет стандартные 40 часов, в то время как у независимых – 50. По своим трудовым мотивациям зависимые работники – демотивированные, большинство из них (43%) ориентированы на небольшой гарантированный заработок, в то время как большинство независимых (53%) выбирают альтернативу *«рисковать и крутиться в жизни, чтобы жить богаче»*. Для зависимых менее значимы достижительские ценности, зато более значимы ценности социальной защищенности – возможность пользования льготами по месту работы, удобный режим, близость от дома. Стратегия минимизации трудовых усилий позволяет зависимому работнику направлять свою активность в сферы, альтернативные оплачиваемой занятости – прежде всего, в домашнее и личное подсобное хозяйство, каналы родственной взаимопомощи. Представители этой группы чаще остальных прибегают к пассивным способам улучшения ситуации («терпеть, ждать лучших времен», «экономить»), в то время как независимые – к активным («больше работать», «обучаться новым специальностям», «открыть собственное дело», «поменять место работы»).

¹ Предприятие и рынок: динамика управления и трудовых отношений в переходный период (опыт монографических исследований 1989-1995 гг.) / Под ред. В.И. Кабашиной. М.: РОССПЭН, 1997. С. 144.

Соответственно, приверженность предприятий либо «социальным», либо «экономическим» аспектам своей деятельности сказывается на их эффективности. Так, наше исследование 1999 г.¹ выявило сильные корреляции между «успешностью» предприятия, молодым возрастом и высоким уровнем образования руководителей и их ориентацией на экономическую эффективность предприятий. Кластерный анализ данных опроса 216 руководителей выявил 7 групп предприятий, и в интересующем нас аспекте полярно противоположными оказались «Советские» и «Лидеры-тяжеловесы», с одной стороны, и «Молодые лидеры» – с другой. Первые характеризуются расположенностью в районах (крупные постсоветские градо- или поселкообразующие предприятия), патерналистским стилем руководства, наличием социальных объектов на балансе. «Молодые лидеры», напротив, были представлены небольшими созданными в последние 10 лет предприятиями, расположенными в областном центре и городах области, зарплата рядовых работников была одной из самых высоких, и практически полностью отсутствовала «социальная» мотивация деятельности². Стратегия модернизации «Советских» предприятий и «Лидеров-тяжеловесов» нами была обозначена как «социально лимитированная стратегия сдерживания»: даже имея большой потенциал дальнейшего наращивания объемов производства и автоматизации производственного процесса, крупные предприятия постоянно недоиспользуют его ввиду социальных ограничений (недопустимости массовых увольнений). Для «Молодых лидеров», напротив, была характерна «агрессивная модернизация», в полной мере реализующая потенциал управленческих инноваций и ставящая во главу угла соображения прибыльности бизнеса³.

¹ Исследование в рамках международного проекта «Модернизация перерабатывающей промышленности», 1999-2000.

² Балабанова Е.С., Грудзинский А.О. Институциональные условия трансфера технологий // Социологические исследования, 2001, № 4.

³ Балабанова Е.С., Грудзинский А.О., Кудряшов Ю.Г. Модернизация предприятий: факторы и направления // Социологические исследования. 2002. № 6.

Итак, отношения зависимости в трудовых отношениях обеспечивают работодателю лояльность, управляемость, «дешевизну» работников и широкие возможности осуществления правового произвола в отношении них. Однако с точки зрения эффективности социально-экономическая зависимость работника от работодателя является барьером развития, способствуя «негативному отбору», немотивированности работников и ограничивая возможности «рыночно ориентированных» стратегий развития предприятий.

Заключение к параграфу 4.3

К институциональным факторам социально-экономической зависимости от работодателя относятся территориальные ограничения; включенность работников в патерналистские отношения и неформальные отношения опеки на рабочем месте; отсутствие эффективных институтов защиты коллективных интересов работников.

Существующий в настоящее время в России «постсоветский патернализм», в отличие от развитых стран Запада, является компенсаторной стратегией менеджмента, имеет в своей основе традиционную мотивацию, а также давление местных властей и законодательства. Патернализм предприятий и организаций сегодня служит, прежде всего, механизмом негативного отбора работников, привлекая «слабых» и отталкивая «сильных».

К индивидуально-личностным факторам социально-экономической зависимости от работодателя относятся наличие дополнительной занятости, степень заменимости работника (определяемая объемом его экономического, профессионального и символического «капиталов»), а также субъективное восприятие себя зависимым. В отличие от советской командно-административной экономики, где зависимость носила тотальный характер и была обусловлена общими институциональными производственными отно-

шениями, сегодня индивидуально-личностные качества работников играют определяющую роль в их зависимости.

Количество «зависимых от работодателя» нижегородцев оценивается в 15-20% работающего населения трудоспособных возрастов. Зависимые работники характеризуются преобладанием среди них женщин в возрасте 40 лет и старше, лиц с низким уровнем образования, рабочих и служащих без специального образования. Они заняты, преимущественно, в бюджетной сфере и на приватизированных предприятиях. Группа независимых работников является их «антиподом» – она моложе, более маскулинизирована, лучше образована и занята в частном секторе экономики.

Полярные группы зависимых и независимых работников представляют две противоположные стратегии занятости – «защищенную» и «доходную». Первая характеризуется ориентацией на стабильное рабочее место, получение незарплатных благ по месту работы и активное пользование законодательно положенными работнику льготами. Вторая связана со способностью индивида работать в условиях риска и неопределенности и диверсификацией источников заработка. Стратегия «доходной» занятости в условиях современной России оказывается в экономическом плане гораздо более эффективной, чем «защищенной». Свободу маневра и уверенность работнику и повышение уровня его доходов сегодня обеспечивают личный профессиональный рост и наличие дополнительной занятости, а не защитные механизмы трудового законодательства и получение социальных льгот.

Социально-экономическая зависимость деструктивна для работника, определяя высокий уровень его правовой и экономической уязвимости. Наиболее уязвимыми являются низкоресурсные работники, не имеющие альтернативы своей нынешней оплачиваемой занятости и при этом не включенные в патерналистские отношения с работодателем.

Работодатель, имея в своем распоряжении низкоресурсного зависимого работника, обеспечивает себе возможности манипулирования его поведением и сознанием.

Манипулирование поведением зависимого работника включает в себя контроль мобильности; условия и размер вознаграждения за труд; условия труда. Действия, которые зависимые работники совершают в пользу работодателя либо от которых воздерживаются как от несоответствующих его интересам, внешне носят «добровольный» характер. В реальности, однако, это обычно пассивное смирение осознающих свое бесправие работников, которые остерегаются проявлять нелояльность работодателю по причинам низкого уровня правосознания; риска потери работы; риска быть исключенными из неформальных сетей поддержки. Низкие возможности «выхода» работников обуславливают слабость их «голоса» в торге за свои права.

Контроль над сознанием зависимых работников делает их принуждение наиболее эффективным. Он заключается в целенаправленном формировании у экономически зависимого работника комплекса «зависимой личности» и моральных обязательств перед своим «благодетелем». В этом случае работодатель обеспечивает себе лояльность работников, их управляемость, снижение их притязаний, готовность укреплять отношения зависимости.

Экономическая уязвимость зависимых работников проявляется в риске одностороннего отказа работодателя от своих обязательств; дальнейшем их исключении от ресурсов жизнеобеспечения путем их рекрутирования в неблагоприятные сегменты рынка труда.

Издержки неэффективности отношений социально-экономической зависимости для самого работодателя заключаются в «негативном отборе» работников на таких предприятиях; немотивированности работников; ограничении возможностей осуществления «рыночно ориентированных» стратегий развития.

Противостоять монополизму работодателей частично может развитие институтов защиты коллективных интересов наемных работников. Однако реально изменить ситуацию может только развитие большей индивидуальной трудовой мобильности работников, а на уровне социальной политики – отказ от «стажа» как главного критерия пенсионных и прочих социальных выплат.

4.4. Социально-экономическая зависимость в домохозяйстве

В двух предыдущих параграфах нами рассмотрены причины, проявления и последствия социально-экономической зависимости в публичной сфере. Настоящий раздел диссертационной работы посвящен рассмотрению отношений зависимости в частной сфере, а именно, в домохозяйстве. Сразу отметим, что в отечественной социологии частная сфера до сих пор остается «недооцененной»: количество исследований в этой области заметно уступает количеству исследований разных аспектов «публичных» социальных взаимодействий. Разумеется, многие исследователи сферой своих научных интересов считают «социологию семьи», однако, судя по публикациям, по большей части это изучение *установок и ценностей*, касающихся семейных отношений. Такие же вопросы, как распределение власти и домашних обязанностей в семье, факторы конфликтных или партнерских отношений членов семьи в значительной степени остаются «черным ящиком» для исследователей. Этому, на наш взгляд, способствуют следующие причины: 1) проблемы семейных отношений считаются «не социологичными», отдаются на откуп психологам; 2) традиционное для отечественной социологии пренебрежение исследованиями частной сферы как «малозначимой» и не поддающейся прямому регулятивному воздействию со стороны акторов социальной политики; 3) свойственное функционалистской традиции понимание семьи как внутренне однородной единицы, в которой не существует неравенства или конфликта интересов.

Совсем иная ситуация наблюдается в зарубежной социологии семьи. Рассмотрению межличностных взаимодействий, домашнего труда, насилия через призму властных отношений между членами семьи посвящено большое количество публикаций и специализированных академических журналов. «Социальный запрос» на такого рода исследования формируется образова-

тельными институтами, правозащитными организациями и прочими институтами гражданского общества. Он связан с отходом от «социоцентрического» видения семьи в сторону индивидуально-личностного. Семья состоит из *индивидов* со своими правами и интересами, которые часто могут вступать в противоречие друг с другом, а семейные отношения слабо поддаются регулированию законодательными мерами. Возможности их гармонизации связываются, скорее, с просветительской и пропагандистской деятельностью, развитием правового сознания и чувства самоуважения членов семьи, оказывающихся в уязвимом положении.

Мощный толчок изучению социально-экономической зависимости в семье дала социальная теория феминизма. Экономическая зависимость замужних женщин рассматривается как один из важнейших механизмов, которыми поддерживается гендерное неравенство в обществе¹. Считается, что впервые вопрос об экономической независимости женщин, их способности самостоятельно зарабатывать на жизнь, не завися от мужчины, как «просвещенным гражданам», был поставлен еще в 1792 г. англичанкой М. Уолстонкрафт². Сегодня она представляется *sine qua non* женской эмансипации, связывается с возможностями достижения физической и эмоциональной независимости женщин³. Подчеркивается, что под «независимостью» понимается не самостоятельность и атомистический индивидуализм как отсутствие потребности в помощи или поддержке в удовлетворении своих нужд и осуществлении жизненных планов, а «автономия» как способность действовать в соответствии со своим выбором⁴. Взаимозависимость характеризуется тем, что в ней нет места отношениям власти. Она рассматривается как сущность социальных отношений на всех уровнях: ведь не только женщина зависит от экономической поддержки мужчины, но и мужчина в приватной сфере зависит от

¹ Hartmann H. Capitalism, Patriarchy and Job Segregation by Sex // Signs, 1976. Vol. 1. P. 137-168; Delphy C. Close to Home: A Materialist Analysis of Women's Oppression. Amherst: University of Massachusetts Press, 1984.

² Lister R. Citizenship : Feminist Perspectives. P. 107.

³ Dahl T.C. Women's Law: An Introduction to Feminist Jurisprudence. Oslo: Norwegian University Press, 1987.

⁴ Young I. Op. cit.. P. 548.

женщины, ее услуг и эмоциональной поддержки, что усиливает его собственную независимость в публичной сфере – как работника и гражданина¹.

Наш анализ западных и отечественных публикаций, а также собственные эмпирические исследования позволили нам сделать вывод, что социально-экономическая зависимость и вытекающие из нее властные отношения между Провайдером и Зависимым в приватной сфере проявляются даже более ярко, «выпукло», чем в публичной. Поэтому представленный ниже материал является попыткой заполнить исследовательскую нишу проявлений социальной власти в семейных отношениях и сетевых взаимодействиях в отечественной социологии.

4.4.1. Социально-демографические характеристики зависимых и масштабы зависимости в домохозяйствах

Экономическая зависимость определяется размером относительного вклада индивида в семейный бюджет. По словам Дж. Брайнс, зависимость представляет собой ситуацию, когда один из партнеров полагается на другого в плане поддержания уровня текущих доходов². Провайдер-кормилец либо содержит не имеющего собственных доходов Зависимого, либо существенно «добавляет» к доходам последнего, расширяя его возможности потребления за счет общего семейного котла. В нашем исследовании мы считали «экономически зависимыми» тех респондентов, чей вклад в общий бюджет домохозяйства составлял менее 10%. Таких среди нижегородских респондентов трудоспособных возрастов, проживающих в семьях из 2 и более человек, оказалось 13%. Наблюдается слабая положительная связь между уровнем образования респондентов и долей их дохода в семейном бюджете (коэффициент корреляции ,147). Ожидаемой была гендерная дифференциация этого показателя: среди женщин зависимыми были 16% респондентов, среди мужчин –

¹ Fraser N., Gordon L. Dependency demystified: inscriptions of power in a keyword of the welfare state // *Social Politics*. 1994. No. 1. P. 24; Lister R. *Citizenship : Feminist Perspectives*. P. 107-110.

² Брайнс Дж. Экономическая зависимость, гендер и разделение домашнего труда // *Гендер и экономика*. С. 333.

9%. Всего в группе зависимых женщины составили 64%, мужчины – 36%.

На момент опроса 35% экономически зависимых женщин находились в отпуске по уходу за ребенком, 22% были домохозяйками, по 16% - учащимися и безработными, 10% работали. Как видим, для двух третей женщин экономическая зависимость – временное состояние. 43% зависимых женщин младше 25 лет, еще 38% находятся в возрасте от 25 до 34 лет. По своему семейному положению 68% зависимых женщин состояли в браке (зарегистрированном и незарегистрированном). 56% из них отметили, что зависят от мужей, 34% - от родителей. Что касается зависимых мужчин, то из них треть были безработными, 29% работали по найму, четверть были учащимися. 42% из них младше 25 лет, 49% никогда не состояли в браке, 46% из них женаты. 53% из них отметили, что зависят от родителей и всего по 5% – от супругов и других родственников (знакомых). Таким образом, возрастной состав зависимых в семье женщин и мужчин примерно одинаков. Женская зависимость в семье – это, преимущественно, зависимость от мужей, то есть связана с состоянием в браке и уходом за детьми. Мужская же зависимость основана на внутрисемейных трансфертах «родители → дети».

Наши данные также позволяют сделать вывод, что основная доля женского вклада в семейный бюджет – это не показатель успешности и эмансипированности женщин, а, главным образом, признак материального неблагополучия семьи: это либо неполные семьи, либо семьи с экономически несостоятельными мужчинами. Женщины с относительно высокими доходами в большинстве случаев как раз *не* являются основными кормильцами семей, имея партнеров с равными или большими доходами.

Мы имеем возможность сравнить наши данные с показателями зависимости замужних женщин по результатам зарубежных исследований. Если среди замужних нижегородок таковых 17%, то, например, в 1980 г. в США экономически зависимыми от мужей были 31% белых замужних женщин и еще 30% получали от мужей от 50 до 99% своего дохода. В Нидерландах, где

по такой же методике было проведено исследование в 1991 г., большинство женщин полностью или значительно экономически зависели от мужей. Среди замужних нижегородок 33% вносили в семейный бюджет от 40 до 60% доходов, в то время как в США равный с супругами вклад в 1980 г. вносили всего 8% жен. Таким образом, уровень женской экономической зависимости в российских семьях значительно ниже, чем в американских или западноевропейских. В России экономическая самостоятельность женщин обусловлена, во-первых, преобладанием искусственно созданной советской модели двухзарплатной семьи и, во-вторых, низкого уровня заработных плат, когда дохода одного кормильца для поддержания семьи недостаточно. Что касается США и Западной Европы, то отмечаемая исследователями тенденция роста экономической самостоятельности женщин связана с эволюционным процессом массового выхода женщин на рынок труда. Характерно, что уровень зависимости от мужей снизился даже у неработающих жен – за счет государственных социальных пособий¹.

4.4.2. Факторы экономической зависимости в домохозяйстве

Непосредственной причиной экономической зависимости в семье является либо отсутствие у индивида собственных доходов, либо их низкий уровень, не сопоставимый с доходами других ее членов. И российская, и зарубежная статистика неизменно показывает существенную дифференциацию заработков мужчин и женщин. В России средняя зарплата женщин составляет 45% от средней мужской. В США эта дифференциация значительно меньше – в среднем женщины зарабатывают 74% от мужских заработков². Таким образом, для того, чтобы определить факторы зависимости тех или иных групп трудоспособных респондентов в семье, мы должны рассмотреть при-

¹ Sorensen A., McLanahan S. Op. cit.; Berkel M., Graaf N.D. Op. cit.

² Малышева М. Глобализация, гендерное неравенство и репродуктивный труд женщин // Гендер и экономика. С. 129; Гендерные проблемы и развитие. С. 6.

чины 1) меньшего предложения труда со стороны данных категорий; 2) более низкого уровня их доходов. Исходя из преобладания женщин в «зависимой» группе, ниже мы будем говорить преимущественно о них, рассмотрев причины мужской зависимости в семье отдельно. Эти факторы можно разделить на институциональные и индивидуально-личностные.

Законодательные ограничения на возможность иметь независимые источники дохода. К институциональным факторам, исключающим женщин от ресурсов жизнеобеспечения, относятся, прежде всего, законодательные ограничения на возможность женщин заниматься определенными видами профессиональной деятельности, а также ограничивающие их гражданские права – на свободу передвижения, возможность распоряжаться капиталом и имуществом. Такие ограничения присутствовали в правовых нормах всех обществ, и в развитых странах они были сняты в ходе движения женщин в защиту своих прав в течение XIX – середины XX вв.

Сегодня правовые нормы, ограничивающие экономическую свободу женщин, основываются не столько на обычном праве или на традиционных представлениях о гендерном разделении труда, сколько на соображениях «социальной защиты» женщин. Это ограничения на использование женского труда на вредных, тяжелых и опасных производствах; в большинстве стран существуют правовые ограничения на найм женщин в силовые структуры. Подобные ограничения, на наш взгляд, исходят из представления о том, что взрослая женщина не способна сама сделать для себя выбор между хорошим заработком и собственным здоровьем. Однако это вовсе не означает, что женщины не работают на такого рода производствах: они просто занимают ниши низкооплачиваемых вредных и тяжелых работ, которые не являются привлекательными для мужчин. В целом такие «защитные» меры препятствуют свободному распоряжению женщинами своей способностью к труду, способствуют сохранению горизонтальной и вертикальной сегрегации рынка труда по признаку пола, дискриминирующих практик в сфере оплаты труда и

карьеры, а в конечном итоге – ограничению доступа женщин к экономическим ресурсам.

Традиционное разделение труда по признаку пола. Несение женщиной основной ответственности по уходу за детьми и ведение домашнего хозяйства мы также относим к «институциональным» факторам женской экономической зависимости в семье. Идеология полового разделения труда легитимирует гендерное неравенство внутри и вне дома. Практически во всех обществах репродуктивный труд ассоциируется с низким социальным статусом, а часто даже не считается «работой», поскольку не нацелен на стоимостной результат и не получает денежной оценки¹. Разделение труда по признаку пола, основанное на патриархальной культуре, предоставляет мужчине широкий выбор профессиональных занятий, в то время как роль женщины сводится к одной – репродукции², что предполагает ограничение возможности выбора жизненных сценариев. Социальный опыт материнства существенно ограничивает возможности автономного выхода женщины в публичное пространство, обуславливая ее меньшую индивидуальную свободу выбора по сравнению с мужчиной³.

Положительная связь между экономической зависимостью и количеством детей подтверждается нашими данными (в анализ включены только состоящие в браке респонденты).

Таблица 37

Показатели экономической зависимости замужних женщин, N=267

<i>Количество несовершеннолетних детей</i>	<i>Медианы объема оплачиваемой занятости, час./нед.</i>	<i>Медиана личных среднемесячных доходов, руб.</i>	<i>Медиана доли в доходах семьи, %</i>	<i>Доля экономически зависящих, %</i>	<i>Доля кормильцев, %</i>
Нет	40	3000	38	11	3
1	40	3000	40	19	10
2 ⁴	40	2000	33	22	4

¹ Lister R. Citizenship : Feminist Perspectives. P. 108-110.

² Rose H. Rereading Titmuss : The Sexual Division of Welfare // Journal of Social Policy. 1981. Part 4. P. 497.

³ Малышева М.М. Современный патриархат. Социально-экономическое эссе. М.: Academia, 2001. С. 289.

⁴ Респонденты с 3 и более детьми представляли единичные случаи.

Таблица 38

Показатели экономической зависимости женатых мужчин, N=303

<i>Количество несовершеннолетних детей</i>	<i>Медианы объема оплачиваемой занятости, час./нед.</i>	<i>Медиана личных среднемесячных доходов, руб.</i>	<i>Медиана доли в доходах семьи, %</i>	<i>Доля экономически зависимых, %</i>	<i>Доля кормильцев, %</i>
Нет	40	5000	60	8	24
1	47	6000	60	6	26
2	48	6750	77	-	54

Таблицы 37 и 38 показывают, что если наличие одного ребенка не оказывает существенного влияния на заработки и долю вклада матерей и отцов в семейный бюджет, то второй ребенок на треть сокращает личные доходы матерей и заметно увеличивает долю вклада отца. Таким образом, важным фактором зависимости является наличие у женщины двух и более несовершеннолетних детей, в то время как у мужчин наблюдается положительная связь между количеством детей, объемом оплачиваемой занятости, заработками и статусом основного кормильца семьи.

Как мы отметили выше, на момент опроса самая большая часть экономически зависимых женщин – 35% – находились в отпуске по уходу за ребенком. Если анализировать всю совокупность находящихся в декретных отпусках женщин, то из них экономически зависимыми являются 69%. Перерыв в трудовой карьере, связанный с уходом за маленьким ребенком, не только негативно отражается на дальнейшем профессиональном пути и уровне квалификации женщин, но и становится периодом их полной зависимости от внешних по отношению к ним источников жизнеобеспечения. Не случайно в традиции радикального феминизма¹ деторождение рассматривается как главная причина неравноправного положения женщины в обществе. Женщина несвободна, поскольку все ее ресурсы (физические, временные)

¹ Firestone S. The Dialectic of Sex: The Case for Feminist Revolution. N.Y.: Morrow, 1970.

направлены на ребенка, в этот период она наименее мобильна. *«Может, он себя так свободно чувствует, потому что у меня ребенок на руках, я его ни с кем не оставляю, никуда не денусь. Когда я работала, когда не было ребенка, он у меня на работе день и ночь проводил. Как я забеременела, как только он понял, что я не свободна, не одна, он стал ко мне более прохладно относиться»* (спонсируемая, 29 лет).

Данная проблема существует ввиду отсутствия адекватной помощи по уходу за детьми со стороны других членов семьи и государства, недостатка детских дошкольных учреждений или их ценовой недоступности. Имеются данные по разным странам, что снижение стоимости услуг по уходу за детьми вне дома повышает участие женщин в оплачиваемой занятости, а увеличение стоимости содержания детей в детских садах – напротив, сокращает¹. Что касается стран бывшего СССР, то предложение услуг детских садов в них после 1990 г. оценивается в 80% от уровня 1980 г.². Результаты нашего опроса, представленные в таблице 37, не позволяют утверждать, что наличие детей уменьшает предложение женской рабочей силы (медианный объем занятости по всем трем группам составляет стандартные 40 часов в неделю). Скорее, увеличение общего бремени обязанностей женщин заставляет их выбирать «удобные», но низкооплачиваемые работы.

Состояние в браке также обуславливает экономическую зависимость: замужние матери чаще уходят с рынка труда или переходят на частичную занятость, чем одинокие³. Это объясняется тем, что, с одной стороны, замужняя мать имеет источник финансовой поддержки в лице мужа, с другой – испытывает большее давление на исполнение ролей «хорошей» матери и хозяйки. Издержки перерыва карьеры и потери финансовой самостоятельности особенно высоки для женщин в возрасте 25-35 лет с высшим образованием: в

¹ Калабихина И. Указ. соч. С. 98.

² Гендерные проблемы и развитие. С. 232.

³ Drobnic S. The Effects of Children on Married and Lone Mothers' Employment in the United States and (West) Germany // European Sociological Review, 2000. No. 2. P. 137.

их случае наблюдается сильный контраст между их экономической самостоятельностью до и зависимостью после рождения детей¹.

Отметим, что сохранение традиционного гендерного разделения труда в значительной степени обусловлено тем, что сами женщины принимают его как культурную норму, о чем мы более подробно поговорим ниже. Это не всегда означает, что данная норма принимается добровольно и с радостью; нередко просматривается некая фаталистическая обреченность женщин, принимающих свое «женское предназначение» как неизбежность. *Ну а как, никуда не денешься. Кто виноват, что я женщиной родилась. Всю жизнь хозяйство лежит на женщине, хозяйство и все остальное. Куда денешься? Хотелось бы, конечно, что-то изменить, но никуда не денешься* (замужняя мать, лаборант, 30 лет).

Как среди акторов социальной политики, так и среди активистов женского движения существуют разные точки зрения относительно того, каким образом общество и государство должны способствовать выравниванию возможностей женщин-матерей и мужчин на рынке труда. Одна точка зрения, тяготеющая к протекционистским мерам поддержки, исходит из преимущественной ответственности женщин за выполнение обязанностей по уходу за детьми. Подвергается критике «внешне гендерно нейтральная» практика рынка труда, которая фактически исключает из трудовой деятельности матерей, нуждающихся в гибком рабочем графике. Поэтому государство должно обеспечить женщине возможность *сочетания* домашних и профессиональных обязанностей (на этом, как известно, была построена система поддержки работающих матерей в СССР). Основными требованиями лидеров женского движения в этом плане являются обеспечение большей гибкости рынка труда, расширение предложения рабочих мест на неполный рабочий день, увеличение отпусков по рождению и уходу за детьми. Государство, в свою оче-

¹ Berkel M., Graaf N.D. Op. cit.

редь, должно компенсировать более низкие заработки женщин системой социальных льгот и пособий.

Другая точка зрения подвергает сомнению сам факт традиционного разделения труда в семье – ассоциацию домашнего труда и ухода с женщиной. Отмечается, что если подобное разделение в своем первоначальном виде отражало целесообразную стратегию выживания, то по мере технического и социально-экономического развития обществ эта гендерная асимметрия становилась неэффективной. Этот подход трактует выполнение женщинами неоплачиваемой работы по уходу за членами семьи как «принудительный альтруизм»¹. Домашняя работа лишает женщину персональной автономии, поглощает ее время и приводит к потерям в заработке. Корень проблем заключается в том, что общество предлагает слишком мало альтернатив домашнему уходу, а протекционистские меры не способны обеспечить равенство заработков женщин и мужчин². Поэтому, во-первых, домашние обязанности должны быть равномерно распределены между супругами; во-вторых, государство должно взять на себя ответственность за обеспечение ухода за детьми путем развития широкой сети доступных детских учреждений.

Женская зависимость как культурная норма. К «индивидуально-личностным» факторам женской экономической зависимости в семье нами отнесена интернализация самими женщинами культурной нормы зависимости, их конформизм перед патриархальными установлениями, предписывающими женщине реализовываться только или главным образом в семейной сфере. Общество, определяя нормы «приемлемого» женского поведения, активно навязывает идеал слабости и незащитности как неперемного атрибута женственности. Общественное мнение по-прежнему склонно противопоставлять профессиональную и семейную занятость женщин; преобладает мнe-

¹ Land, H., Rose, H. Compulsory altruism for some or an altruistic society for all? // In Defence of Welfare / Ed. P. Bean, L. Ferris, D. Whyne. L.: Tavilstock, 1985.

² Pascall G. Social Policy and Social Movements: Gender and Social Policy // Developments in British Social Policy / Ed. N. Elison, C. Pierson. L.: Macmillan, 1998. P. 195.

ние, что женщина, в отличие от мужчины, не способна быть одинаково успешной в обеих сферах. Экономическая зависимость представляется «естественным» условием семейной жизни, поэтому уже с детства отсутствует формирование ориентации девочек на экономическую самостоятельность. Таким образом, женская зависимость от мужчины продолжает многими считаться не просто *эмерджентной нормой*, но, более того, *должным* состоянием, на котором базируется институт семьи.

Экономическая зависимость женщины неразрывно связана с зависимостью эмоциональной. Долгое время среди социальных психологов бытовало мнение, что у женщин существует врожденная потребность в опеке, защите и эмоциональной близости, однако исследования гендерной социализации детей начиная с 1970-х гг. показали, что женская зависимость *конструируется* обществом, что с самого раннего возраста формируется «зависимая» женская личность¹.

Такая социализация приводит к тому, что многие женщины так и не становятся «взрослыми», не способны нести ответственность за себя и воспользоваться теми возможностями, которые открылись для них в течение последнего столетия: ведь для этого, прежде всего, нужно перестать надеяться на чей-то патронаж. Это приводит к тому, что женщина, по свидетельству психиатров, затрачивает огромное количество энергии и душевных сил на поиск любви, помощи, защиты. Одним из главных мотивов женского поведения становится стремление избегать стрессов, связанных с независимостью и достижениями. Американскими психиатрами зафиксирован такой феномен, как «беременность как способ уйти от стресса» (*“pregnancy-to-avoid-stress”*) – социально одобряемый женский способ ухода от проблем и конфликтов на работе². А. Чирикова, ссылаясь на исследования зарубежных психологов, также отмечает, что самым серьезным барьером на пути достижения женщи-

¹ Kimmel, M. *The Gendered Society*. N.Y. & Oxford: Oxford University press, 2000. P. 123-124.

² Dowling C. *The Cinderella Complex. Women's Hidden Fear of Independence*. N.Y.: Summit Books, 1981.

нами высших позиций в иерархии фирмы служат ограничения, исходящие от самих женщин-лидеров, их «внутренних барьеров»¹.

От зависимости неотъемлем и страх одиночества, который стимулирует раннее начало сексуальной жизни и ранние замужества, подчинение своих интересов партнеру и боязнь разрыва неблагополучных отношений. Большинство женщин по-прежнему смотрят на брак как на крепость, которая оградит их от неприятностей внешнего мира. Помимо культурных предписаний, что только замужняя женщина может считаться «успешной», на большую значимость брака для женщин оказывают влияние и структурные причины – ограничение доступа к высокооплачиваемым рабочим местам. В результате для многих замужество – это средство решения своих материальных проблем.

Кроме того, после замужества женщины в большей степени, чем мужчины, меняют свою повседневную жизнь, в целом совершают больше «личностных приспособлений» (*personal adjustments*), «переопределяют» себя, чтобы соответствовать требованиям своих мужей; женский «страх успеха» объясняется боязнью ухудшить отношения со своими партнерами-мужчинами². Только культурными причинами можно объяснить данные зарубежных исследований, что в случае высоких доходов жен или ситуации, когда их профессиональные достижения превосходят достижения мужей, в супружеских отношениях возникают проблемы: растет количество конфликтов, у мужей снижается удовлетворенность работой и семьей. В этом случае высока вероятность того, что жена сменит работу на более «женскую», станет работать меньше или брак распадется³. Женщины предпринимают гораздо больше усилий, чтобы сохранить брак. Тот же факт, что инициаторами

¹ Чирикова А.Е. Женщина-менеджер в современном бизнесе // Гендерный калейдоскоп. Курс лекций / Под общ. ред. М.М. Малышевой. М.: Academia, 2002. С. 383-384.

² Dowling C. Op. cit. Pp. 158-159, 170-177.

³ Hiller D.V., Philliber W.W. The Division of Labour in Contemporary Marriage: Expectations, Perceptions and Performance // Social Problems. 1986. Vol. 33. P. 191-201; Harrel, W.A. Husband's Masculinity, Wife's Power and Marital Conflict // Social Behaviour and Personality, 1990. Vol. 18. P. 207-16.

разводов, тем не менее, они же чаще являются женщины, свидетельствует не о меньшей ценности брака для них, а о крайне неблагоприятных отношениях в браке. Так, в нашем опросе разведенные женщины в числе основных причин развода отметили пьянство (40%), неспособность обеспечить семью (33%), супружескую неверность (29%), бытовые неурядицы (27%), плохое обращение, противоправное поведение (24%).

Зависимое женское поведение и установки описываются как приобретенный в процессе социализации «комплекс Золушки». Психологическая потребность в заботе и поддержке и приверженность патриархальным нормам, что семья – это неизбежное (и желательное) ограничение свободы женщины, облегчают адаптацию к зависимости, обуславливают ее восприятие как «нормального» и комфортного для женщины состояния. *«В любой женщине живет раба, и, может быть, это нормально, что женщина зависит от мужчины. Но важно, чтобы эта зависимость была добровольной, осознанной, не по принуждению»* (служащая, 38 лет). По данным зарубежных исследований, женщины, выражавшие свою большую приверженность традиционным отношениям супругов в семье, набирали более высокий уровень по шкале зависимости¹. Конвенциональная феминность проявляется в данном случае в том, что зависимость представляется «естественным» состоянием женщины, и дискомфорт от зависимого статуса направлен либо в сторону субъекта поддержки (хотелось бы иметь нормальную семью, а не кормиться у приходящего мужчины), либо в сторону уровня потребления (*«муж мало зарабатывает, а вот был бы богатый любовник...»*).

Интересно отметить, что даже феминистские движения далеко не всегда стремятся к тому, чтобы культивировать идеал свободной и самодостаточной женщины. В особенности это относится к теориям и движениям радикально-

¹ Birtchell J., Kennard J. What does the MMPI dependency scale really measure? // Journal of Clinical Psychology, 1983. Vol. 39. P. 532-543.

го феминизма, представляющим так называемый «дискурс различия»¹, делающим упор на уникальности «женского опыта», «сестринства», а практически... обосновывающим получение женщинами *привилегий* в связи с их «особым статусом», то есть являющимся по сути своей антилиберальными! Как в свое время метко отметила К. Доулинг, женское движение не делало упор на идее, что женщина должна нести большую ответственность за себя. Напротив, феминистки постоянно претендуют на *получение* определенных вещей – профессий, равной оплаты, социальных льгот. «В то время как мы стали желать большего, мы продолжаем полагаться на других (преимущественно, мужчин), чтобы получить это... Мы хотим свободы, но не хотим связанной с ней ответственности». Доулинг делает вывод, что свобода и независимость женщины не могут быть исторгнуты у других – общества или мужчин, – они могут быть только тщательно развиты внутри нее самой².

Как показали данные наших исследований, нижегородские респонденты в большинстве своем характеризуются приверженностью патриархальным ценностям. Разумеется, эта патриархальность «разбавлена» эгалитарной идеологией советской гендерной системы и реалиями современной жизни, растущей долей возглавляемых женщинами домохозяйств.

Таблица 39

Утверждения	Нет			Трудно ска- зать	Да		
	Все- го	М	Ж		Все- го	М	Ж
Главное предназначение женщины – это семья и материнство	11	6	15	16	73	81	66
Экономическая независимость женщины разрушает семью	48	42	55	37	15	17	13
В семье женщина должна занимать подчиненное положение	66	55	77	19	15	20	10

¹ О дискурсах «равенства» и «различия» в феминистской теории см.: Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Исследования женщин и гендерные исследования на Западе и в России // *Общественные науки и современность*, 1999. № 6.

² Dowling С. Op. cit. Pp. 136-137, 230.

Таблица 40

По Вашему мнению, домашние обязанности в семье должны лежать в основном на ...						
Женщине	Все-го	М	Ж	63	3	Мужчине
	34	41	28			
За воспитание детей должны отвечать, прежде всего ...						
Мать		18		79		Отец
Семью должны обеспечивать, прежде всего ...						
Мужчина		82		17		Женщина

Как видим из таблиц 39 и 40, нижегородцы демонстрируют традиционные установки относительно мужской ответственности за материальное обеспечение семьи и материнства как главного предназначения женщины. По всем вопросам мужчины занимают значительно более «патриархальную» позицию, чем женщины.

Таблица 41

Распределение ответов на вопрос «Женщинам часто приходится выбирать между семьей и работой. Что более важно сейчас для Вас лично?» (среди женщин, N=444), %

Семья	48	33	19	Работа
-------	----	----	----	--------

Данные таблицы 41 показывают, что каждая пятая нижегородка считает для себя более важной работу и почти половина женщин считают приоритетной сферой своей самореализации семью. Этим данным, на первый взгляд, противоречит таблица 42, согласно которой большинство женщин считают себя «независимыми».

Таблица 42

Распределение ответов на вопрос «К какому из двух типов женщин Вы бы себя отнесли?», %

Уютно чувствующая себя только «за мужем», нуждающаяся в его поддержке и опеке	32	27	42	Практичная, независимая, способная самостоятельно обеспечить себя
---	----	----	----	---

Мы можем объяснить это расхождение тем, что большинство женщин, утверждая, что в случае необходимости не пропадут и без мужчины, все же принимают за норму полную семью, в которой все социальные контакты с внешним миром, включая добывание средств к существованию, возложены на мужчину. Самый высокий процент «независимых» зафиксирован среди разведенных, вдовых или незамужних матерей (67%). Получается, что такая «независимость» носит, скорее, вынужденный характер, а не является результатом собственного выбора женщин.

Степень приемлемости для женщин своей экономической зависимости фиксируется ответом на вопрос, будут ли они работать при условии материальной обеспеченности, то есть наличия провайдера (таблица 43).

Таблица 43

Распределение ответов на вопрос «Если бы муж (или кто-то другой) мог обеспечить Вас (Ваших детей), Вы стали бы работать?» (среди женщин, N=444), %

Нет, скорее всего, нет	31
Да, скорее всего, да	69

Как видим, примерно для трети нижегородок наличие провайдера является достаточным условием, чтобы они ушли с рынка труда, то есть состояние экономической зависимости для них вполне приемлемо. Больше всего желающих уйти с работы среди женщин с неполным средним образованием (53%), предпенсионных возрастов (48%), замужних женщин без несовершеннолетних детей (44%), домохозяек (41%) и рабочих (39%). Напротив, женщины, которые стали бы работать и при отсутствии экономической необходимости, представлены в основном студентками (88%), из обеспеченных семей (86%), женщинами моложе 25 лет (84%), незамужних (81%), с высшим образованием (75%).

Таблица 44

*Причины предпочтения работать
(среди тех женщин, кто предпочел бы работать, N=309), %*

Общаться с людьми, не замыкаться в четырех стенах	61
Иметь независимый от мужа (или того, кто Вас обеспечивает) доход	43
Иметь возможность заниматься любимым делом	27
Застраховаться на случай потери дохода мужем (тем, кто Вас обеспечивает)	26
Сделать карьеру, самореализоваться, добиться профессионального успеха	25

Среди причин, по которым женщины стали бы работать даже в условиях наличия провайдера, абсолютно доминирует «социальная» мотивация, являющаяся отражением того, что современной женщине тесно в четырех стенах своей квартиры и что успешность реализации женщины в семье не отменяет ее потребности социального участия. Чуть меньше половины отметили желание иметь независимый доход, что подтверждает значимость проблемы социально-экономической зависимости женщины в семье и серьезность последствий экономической зависимости, которые мы рассмотрим ниже.

Анализ степени приемлемости своей экономической зависимости по возрастным группам показывает «волнообразную» динамику установок женщин. В наибольшей степени ориентированы на экономическую самостоятельность студентки и вчерашние выпускницы учебных заведений, не имеющие собственных семей. В возрастной группе 25-34 года, то есть когда большинство женщин вступает в активный репродуктивный возраст, наблюдается резкий крен в сторону патриархальности установок, которые являются «оправданием» их объективно зависимого состояния от мужей. В группе 35-44-летних, чьи дети находятся в школьном возрасте, вновь наблюдается рост установок на независимость и карьеру, которые, однако, не доходят до уровня самой молодой группы женщин. Вступление в предпенсионные возраста (45 лет и старше) ознаменовано ростом ориентаций на семью и экономическую зависимость. Последнее объясняется неконкурентоспособностью жен-

щин этой возрастной группы на рынке труда, их выбрасыванием «на обочину», а также тем, что многие российские семьи так и не вступают в период «пустого гнезда» (взрослые дети поздно становятся экономически самостоятельными, часто проживают вместе с пожилыми родителями и перекладывают на них заботы по уходу за собственными детьми). В целом же уровень принятия женской зависимости как культурной нормы выше всего, как мы показали, в группах женщин с отсутствием социальных притязаний и «нечувствительных» к гендерной дискриминации в профессиональной сфере.

Что же касается мужской социализации, то независимость является одним из «столпов» мужской идентичности. Эмоциональная и экономическая зависимость мужчины является в современном обществе «Большим Табу»: мужчине не полагается открыто выражать свои «зависимые» чувства, мысли и поведение; с раннего возраста на мальчика налагаются ограничения на проявления эмоциональности; считается, что он должен как можно раньше прекратить ассоциировать себя с миром матери и идентифицировать себя с отцом¹. Культурные нормы предписывают, что отправной точкой в экономическом поведении мужчины должна быть ориентация на высокий заработок и достижения, готовность рисковать и конкурировать. Способность не только обеспечивать себя, но и содержать иждивенцев рассматривается как мужской культурный идеал «автономии». «Свое предназначение мужчины формулируют как чувство ответственности за близких/семью, что одновременно порождает иерархическую системы, в которой ответственность сопряжена с правом»². Статус единственного кормильца семьи воспринимается как атрибут мужественности. *«Мой муж говорит: если жена с ребенком работает, то это не мужик»* (домохозяйка, 27 лет). Это высказывание иллюстрирует

¹ Eichenbaum L., Orbach S. What do women want: exploding the myth of dependency. New York, N.Y.: Berkley Pub. Group, 1984. P. 51-52.

² Мещеркина Е.Ю. Социологическая концептуализация маскулинности // Социологические исследования, 2001. № 11. С. 20.

тот факт, что зависимый или не способный содержать иждивенцев мужчина получает клеймо «неудачника».

Сами мужчины нередко настаивают на традиционном разделении труда, так как их неучастие в неоплачиваемом домашнем труде, моральное право требовать от иждивенцев создания для них комфортной бытовой обстановки представляются достойной «компенсацией» за выполнение роли единственного или основного кормильца семьи. *«Ему нравится, что я дома сижу. К его приходу я накрашусь, отдохнувшая, счастливая, ужин готов, только спать ложись»* (домохозяйка, 28 лет). *Муж был против, [когда я устраивалась на эту работу]. Он привык, что приезжает на обед, а я дома. Все тепленькое, горячее. Ему подай все в готовом виде. Отказываться от хорошего он не хотел* (работающая, 30 лет).

Важными представляются нам мнения респондентов о приемлемости экономической (не)зависимости своих партнеров, поскольку она является одним из «символов гендера», нормативных предписаний, на которых основывается взаимодействие супругов / партнеров. Жена-кормилица жена может получить ярлык «плохой матери / хозяйки», а зависимый муж – «неудачника». По мнению Дж. Брайнс¹, само участие мужчины в домашнем труде может представлять угрозу мужской идентичности. Таким образом, женщины попадают в своего рода замкнутый круг: нормативные предписания женской экономической зависимости закрепляют за нею основное бремя неоплачиваемого домашнего труда, которое, в свою очередь, становится «объективным» фактором ее зависимости. Правда, в России за годы существования советской гендерной системы модель семьи с одним кормильцем подверглась значительной эрозии. В нашем опросе выразили предпочтение традиционной «патриархальной» схеме экономического обеспечения семьи менее пятой части мужчин (см. табл. 45 и 46).

¹ Брайнс Дж. Указ. соч. С. 337.

Таблица 45

Предпочтения мужчин, N=432, %

Чтобы Ваша жена (подруга) была полностью экономически зависима от Вас	17	42	40	Чтобы Ваша жена (подруга) была экономически независимой
---	----	----	----	---

Таблица 46

Распределение ответов на вопрос «Если бы Вы могли один обеспечить семью, то предпочли, чтобы Ваша жена (подруга)...», %

Сидела дома	19
Все равно, пусть решает сама	59
Работала	22

Как видим, большинство мужчин имеют не артикулированные предпочтения относительно экономической самостоятельности своих партнерш. В целом же по данным таблиц 45 и 46 можно сделать вывод, что мужчины в большинстве своем не возражают, чтобы женщина работала и была экономически независимой, с главным условием – что она справляется с домашними обязанностями, не перекладывая их на своих партнеров.

Причины мужской экономической зависимости в семье. Экономическая зависимость мужчин в семье – относительно неразработанная тема в социологии. По признанию самих исследователей, в научной литературе понятие «зависимость» обычно используется исключительно как характеристика женщин¹. Между тем, экономически зависимые в семье мужчины – не такая уж редкость. Они составили в группе зависимых более трети; по всей выборке мужчин зависим каждый десятый. При этом лишь четверть из них зависимы, являясь студентами учебных заведений. В отличие от женщин, экономически зависимые мужчины получают поддержку в основном от родителей. Таким образом, мужская зависимость является в нашем обществе «ненормативной» и связана, прежде всего, с экономической неуспешностью – неста-

¹ Walby S. Gender, Class, and Stratification: Toward a New Approach // Gender and Stratification / Ed. R. Crompton, M. Mann. Cambridge: Polity Press, 1986. P. 23-29.

бильной занятостью и низкими доходами. Как отмечает Е. Жидкова, зависимыми в домохозяйстве чаще всего становятся незанятые мужчины, возвращающиеся в родительскую семью после развода или отбывания срока заключения, а также алкоголики, наркоманы и разного рода «деморализованные» работники. Все эти категории мужчин рассчитывают на пенсию родителей¹. По данным нашего исследования «Специализация и диверсификация аграрных предприятий», жизнь преимущественно за счет родительской пенсии весьма распространена в сельской местности. Причем такое поведение обусловлено не столько нехваткой рабочих мест на селе, сколько деградацией спивающегося мужского населения. *Там одна пьянь осталась, перекаати-поле... Трутни 30-40-летние, на шее сидят, на пенсию родителей живут. Стоят у магазина заросшие, опухшие, опустившиеся, ничего не хотят делать... [Предприниматели] везут из Нижнего рабочих разгружать машину с досками ...* (глава районной администрации).

Если женская экономическая зависимость в семье легитимна с точки зрения традиционного разделения труда по признаку пола, то мужская зависимость, как правило, не находит себе «оправдания» в глазах окружающих. Поэтому зависимым мужчинам свойственны «защитное» поведение, перекадывание вины за свое положение на несправедливых работодателей, государство и т.п., а также склонность к бесплодным мечтаниям, мышлению категориями «что было бы, если бы...», нереалистичному завышению планки своих притязаний, в результате чего последние выглядят «воздушными замками». Характерен в этом плане ответ отчаявшегося 29-летнего безработного вынужденного переселенца на вопрос о предпринимаемых им действиях: *А что я могу сделать, когда у меня нет постоянной работы? Нет никакой возможности что-то сделать. Даже придумать ничего не можем, потому что денег нет (...). Нет, это смешно, наверное... Ну, если я вам скажу, что*

¹ Жидкова Е.М. Ориентация на незанятость среди проблемных групп на рынке труда // Социологические исследования, 2005. № 3. С. 56.

я хотел бы уехать в Америку? И забрать туда семью? Я хотел бы работать. Я бы работал, как Папа Карло. Я могу работать. Лишь бы я зарабатывал там эти деньги. Я бы получал удовольствие от этого, обеспечивая свою семью¹...

При том, что в большинстве случаев мужская незанятость ведет к люмпенизации и социальному исключению, исследователями отмечены и относительно успешные мужские «зависимые» стратегии экономического поведения. Оставление занятости может быть санкционированным семьей решением, когда низкооплачиваемый или уволенный по сокращению работник целиком переключается на ведение домашнего хозяйства, занимаясь дачей, рыбалкой, ремонтом квартиры. Такая стратегия может быть более выгодна семье, чем низкооплачиваемая занятость, при условии, что в семье есть другие кормильцы².

Итак, мы выделили следующие группы факторов экономической зависимости женщин и мужчин в семье: структурные (законодательные ограничения на возможность иметь независимые источники дохода и традиционное разделение труда по признаку пола), культурные (женская экономическая, физическая и эмоциональная зависимость как культурная норма) и индивидуально-личностные (интернализация женщинами культурной нормы зависимости и недоиспользование ими своего человеческого потенциала). Если в отношении женщин все три группы причин являются взаимосвязанными и образуют своего рода «замкнутый круг» гендерного экономического неравенства, то эта схема неприменима к мужчинам: их экономическая зависимость всецело обусловлена причинами индивидуально-личностными.

¹ Подробнее см.: Балабанова Е.С. Гендерные различия стратегий совладания с жизненными трудностями // Социологические исследования, 2002. № 11.

² Жидкова Е.М. Указ. соч. С. 59.

4.4.3. Властные преимущества провайдеров и уязвимость зависимых в семье

Экономическая зависимость замужних женщин рассматривается в социальной теории феминизма как один из главных механизмов, которыми поддерживается подчиненная позиция женщин в обществе¹. Обращение к проблематике властных отношений в семье было связано к кризисом функционалистского направления в социологии, когда представители конфликтологической парадигмы выдвинули идею о том, что то, что хорошо для семьи, может быть не всегда хорошо для женщины как личности со своими запросами, интересами, потребностями. В этой связи утверждается, что властные различия между мужчиной и женщиной прямо связаны с их различным вкладом в семейный бюджет²; как распределение труда, так и процессы принятия семейных решений находятся под влиянием внутрисемейного распределения власти. Доход, получаемый от партнера, по природе своей менее стабилен по сравнению с заработной платой или государственным пособием. Получающий доходы в виде внутрисемейных трансфертов не имеет на них четкого юридического права, что ставит их размеры, стабильность и регулярность поступлений в зависимость от отношений с провайдером, оставляют простор для произвола последнего³. Поскольку женщины в силу меньших доходов и меньшей мобильности имеют меньше власти, они подчиняются мужчинам и чаще соглашаются на неравноценные условия обмена в супружеских отношениях⁴. И, напротив, чем больше относительная экономическая власть жены, ее заработки, тем больше ее самостоятельность в решениях относительно семейного бюджета, сексуальных отношениях и домашних конфликтах⁵.

Как и в случае зависимости от работодателя, к анализу властных отношений в семье применима концепция «голоса» и «выхода» А. Хиршмана.

¹ Hartmann H. Op. cit; Delphy C. Op. cit.

² Sorensen A., McLanahan S. Op. cit.. P. 662.

³ Ward C. *et al.* Income Dependency within Couples. P. 101.

⁴ Калабихина И. Указ. соч. С. 89.

⁵ Pahl J. Money and Marriage. N.Y.: St. Martin's Press, 1989.

Доступ женщин к независимому доходу и наличие у нее собственности усиливает как их возможности «выхода» из неудовлетворительной ситуации в семье, так и их «голос», то есть способность изменить эту ситуацию. Отсутствие независимого дохода и собственности, соответственно, уменьшает и то, и другое. *Мне [мои родители] ничего не дали в том плане, что ни квартиры, ни денег никогда не было. Вы посмотрите, когда женщина может сказать мужчине свою претензию: когда она чем-либо владеет в этой жизни, когда она чувствует за собой тыл. У меня этих тылов нет* (работающая мать, 38 лет). Таким образом, динамика власти и зависимости в семье оказывается «двусторонним зеркалом»: позиция женщины в рыночной экономике воздействует на ее позицию в торге внутри домохозяйства, а женская позиция в домохозяйстве влияет на ее нынешние и потенциальные заработки на рынке труда¹. Р. Листер отмечает, что именно приватные формы экономической зависимости наиболее сильно подрывают эмоциональную и физическую автономию зависимых. Экономическая зависимость даже от «недружественного женщинам» государства, будучи обезличенной, все равно оставляет большой потенциал для женской автономии, чем зависимость от мужчины, когда зависимый оказывается со своим провайдером «один на один»².

Функционирование семьи, безусловно, не определяется всецело экономическими составляющими, однако последние обладают значительным потенциалом для возникновения конфликтов. Экономические ресурсы обеспечивают их обладателям потенциальную власть, которая оказывается востребованной в случае возникновения напряженности в семейных отношениях. Значительно чаще отношения власти в семье маскируются под «справедливый экономический обмен», когда кормилец получает возможность «мягко» манипулировать зависимым от него членам семьи.

¹ Hobson B. No exit, no voice: women's economic dependency and the welfare state // Acta Sociologica, 1990. Vol. 33. No. 3. P. 237-238.

² Lister R. Citizenship : Feminist Perspectives. P. 111.

Рассматривая проявления отношений власти, возникающих в ситуации экономической зависимости в семье, мы классифицируем их на три группы: 1) *ограничение возможностей контроля экономических ресурсов домохозяйства*; 2) *закрепление неравного распределения домашнего труда*; 3) *ограничение физической и эмоциональной автономии зависимого члена семьи, психологическое и физическое насилие в отношении него*. При этом мы не утверждаем, что финансовая зависимость в семье автоматически ведет к подчинению индивида.

Ограничение возможностей контроля экономических ресурсов домохозяйства. Тот факт, что провайдер-кормилец не просто «приносит деньги» в семью, но и сохраняет за собой контроль в распоряжении ими, а также семейной собственностью, долгое время игнорировался в исследованиях семейных отношений. Между тем, изучение расходования семейных бюджетов показало, что такие допущения в лучшем случае являются упрощенными, в худшем – ошибочными. Перераспределение как потребительских, так и инвестиционных ресурсов внутри семьи – функция отношений власти, которая, в свою очередь, отражает индивидуальные экономические ресурсы, которыми обладает каждый из партнеров. Эти ресурсы распределяются на фоне конкурирующих предпочтений и неравных позиций, занимаемых членами семьи. Исследования в США показали, что взаимосвязь экономического вклада женщины в семейный бюджет и ее относительной власти в домохозяйстве представляет собой «тройное наложение» между семьей, гендером и экономикой¹. Взаимозависимость и выгода обоих супругов, разумеется, существует, но чаще всего эти отношения осуществляются на неравных условиях, и негативные последствия экономической зависимости женщин значительны²; имеются работы, свидетельствующие, что семейные доходы не

¹ Gender, Family and Economy: The Triple Overlap / Ed. R.L. Blumberg. L.: Sage, 1991.

² Ward C. et al. Income Dependency within Couples.

складываются в «общий котел»¹. Контроль мужчин или женщин над семейным бюджетом – это не только вопрос увеличения размера расходов на личное потребление, поскольку жены и мужья не всегда имеют идентичные предпочтения в своих расходах. Зафиксирована связь между усилением материнского контроля за ресурсами и увеличением инвестиций в детей. Так, исследования в Великобритании, Канаде и ряде развивающихся стран показали, что семейный бюджет в руках мужчины означает относительно высокие расходы на транспорт, алкоголь и сигареты, а в руках женщины – увеличение расходов на питание и на детей². По результатам общероссийских исследований Н. Тихонова делает вывод, что за годы реформ произошло изменение распределения лишений и различных форм депривации между членами семьи в бедных домохозяйствах: женщины гораздо чаще мужчин были склонны идти на дополнительную добровольную депривацию, ограничивая собственные потребности, когда речь шла о нуждах других членов семьи. Таким образом, подтверждалась высказываемая западными исследователями идея о «гендерной неравномерности груза бедности»³.

Как мы указывали в нашей модели экономической зависимости, провайдер поддерживает эти отношения, поскольку они закрепляют или даже усиливают его монопольный доступ к ресурсам, в то время как сохраняется депривация зависимого от этих ресурсов. Сохраняя контроль над ресурсами, провайдер обеспечивает себе *1) большие возможности для потребления (как внутри семьи, так и вне ее); 2) рычаги внеэкономического принуждения зависимых; 3) манипулирование сознанием зависимых, формирование у них чувства вины и благодарности по отношению к «кормильцу».*

В зарубежной литературе неоднократно отмечалось, что нередко доходы партнеров не поступают в «общий котел», и в случае неравномерного распределения семейных доходов большая их часть обычно достается мужьям.

¹ Taylor-Gooby P. Personal Consumption and Gender // Sociology, 1985. Vol. 19. P. 273-284.

² Гендерные проблемы и развитие. С. 84, 167, 171, 332.

³ Тихонова Н.Е. Феномен городской бедности в современной России. М.: Летний сад, 2003. С. 266-267.

Факт меньшего личного потребления получил название «скрытой бедности» женщин, которая наблюдается в разных типах домохозяйств, независимо от абсолютной величины их совокупных доходов¹. Косвенно об этом свидетельствуют и данные нашего опроса: зависимые женщины тратят лично на себя в среднем в месяц вдвое меньше (500 руб.), чем остальные группы женщин и мужчины (по 1000 руб.). *Я, например, не считаю возможным на себя тратить, поскольку не получаю денег. Меня раздражает то, что он [муж] может на себя много потратить, а я не могу себе этого позволить* (домохозяйка, 22 года). С наличием же у жен оплачиваемой занятости на полный рабочий день, ростом количества часов их работы и их вклада в семейный бюджет, как показывают исследования, повышается и доля их участия в расходах домохозяйства и принятии финансовых решений в семье². Возможности контроля значительно влияют и на социальное самочувствие членов семьи: так, по данным исследований Р. Листер, хотя материальное положение женщин после развода обычно становилось хуже, их социальное самочувствие улучшалось, так как отныне они контролировали семейные ресурсы³.

Как свидетельствуют данные таблицы 47, в российских семьях западная модель связи финансового вклада женщины с ее контролем экономических ресурсов домохозяйства работает слабо: преимущественно отмечается совместное принятие решений, при этом женщины чаще мужчин склонны отмечать свою ведущую роль.

¹ Lister R. Women in Poverty // Old and New Poverty: The Challenge for Reform / Ed. K. Funken, P. Cooper. L.: Rivers Oram Press, 1995; Ward C., Dale A., Joshi H. Income Dependency within Couples // Gender Relations in Public and Private: New Research Perspectives / Ed. L. Morris and E.S. Lyon. L.: Macmillan Press Ltd, 1996. P. 98.

² Pahl J. Money and Marriage. N.Y.: St. Martin's Press, 1989; Гендерные проблемы и развитие. Стимулирование развития через гендерное равенство в правах, в доступности ресурсов и возможности выражать свои интересы : Научный доклад о политике Всемирного банка. М.: «Весь Мир», 2002. С. 334.

³ Lister R. Women, Economic Dependency and Citizenship // Journal of Social Policy, 1990. Part 4. P. 451.

Таблица 47

Показатели контроля экономических ресурсов домохозяйства
среди разных групп респондентов

<i>Состоящие в браке мужчины и женщины, N = 556</i>									
<i>Принимаете ли Вы решения относительно...</i>	Вообще не принимаю, почти не принимаю		Принимаю наравне с другими		В основном решаю я, решаю только я				
	<i>Мужчины</i>	<i>Женщины</i>	<i>Мужчины</i>	<i>Женщины</i>	<i>Мужчины</i>	<i>Женщины</i>			
Текущих повседневных расходов семейного бюджета?	34	4	59	33	8	63			
Крупных расходов семейного бюджета?	7	5	77	69	16	26			
Распоряжения семейным имуществом?	9	5	81	71	11	24			
<i>Состоящие в браке зависимые и независимые женщины¹, N = 258</i>									
<i>Принимаете ли Вы решения относительно...</i>	Вообще не принимаю, почти не принимаю			Принимаю наравне с другими			В основном решаю я, решаю только я		
	<i>Зависимые</i>	<i>«Вносящие равный вклад»</i>	<i>Кормильцы</i>	<i>Зависимые</i>	<i>«Вносящие равный вклад»</i>	<i>Кормильцы</i>	<i>Зависимые</i>	<i>«Вносящие равный вклад»</i>	<i>Кормильцы</i>
Текущих повседневных расходов семейного бюджета?	2	5	-	47	30	40	51	66	60
Крупных расходов семейного бюджета?	7	6	-	80	67	53	13	27	47
Распоряжения семейным имуществом?	7	5	-	87	69	53	7	26	47

Доминирующее положение женщины в принятии важных экономических решений значительно чаще связано с ее статусом основного кормильца семьи. Как мы указывали выше, большая доля женского вклада в бюджет обычно означает материальное неблагополучие семьи, отсутствие или эко-

¹ «Зависимыми» считались женщины, вносящие в семейный бюджет менее 10% дохода, «кормильцами» - вносящие 75% и более, «вносящими равный вклад» - от 10 до 73% семейного бюджета.

номическую несостоятельность взрослых мужчин в ней. Поэтому наибольшая власть женщин наблюдается в бедных, экономически и социально неблагополучных семьях. В таких семьях роль женщины повышается, во-первых, в связи с тем, что выполняемый ею домашний труд компенсирует недостаточность семейных ресурсов, обеспечивают семью благами, которые она не может приобрести на рынке товаров и услуг. Во-вторых, в бедных семьях именно на женщину чаще всего ложится бремя управления недостаточным доходом: зарплата мужей целиком идет в семейный бюджет и отдается женам, в то время как в среднеобеспеченных супруги имеют примерно равный доступ к деньгам. *«Купили мы эту несчастную куртку, теперь у нас денег нет. Я говорю: Леш, как мы будем дальше жить? Это, – говорит, – твои проблемы. Я получил зарплату, я ее тебе отдал»* (домохозяйка, 22 года).

Мы можем сделать вывод, что как таковая финансовая зависимость не позволяет женщине доминировать, но и не лишает ее права голоса в семье: они, как правило, имеют одинаковое слово в принятии важных семейных решений. Исключение составляют домохозяйки из обеспеченных семей, которые, судя по данным интервью, чаще других сталкиваются с ситуацией, когда мужа, сохраняя за собой контроль финансовых и материальных ресурсов в семье, выдают женам определенные суммы на ведение хозяйства, на детей и личные расходы. *Муж располагает очень большой суммой на карманные расходы, но это все мимо меня. Я могу что-то для себя попросить, и, если у него будет хорошее настроение – даст. Часто возникает вопрос: а зачем тебе это? Если речь заходит о каком-то платье для меня на выход – вопросов не возникает: я – часть его престижа* (домохозяйка, 32 года). Контроль экономических ресурсов обеспечивает мужьям возможность *внеэкономического принуждения* зависимых от них жен, то есть манипулирования их поведением путем «торга» (обещаний дополнительных вознаграждений) и «принуждения» (угрозы лишений).

Контроль мужчины-кормильца над экономическими ресурсами семьи позволяет также манипулировать сознанием зависимых от них домочадцев, поддерживая *их моральные обязательства* по отношению к себе. Женщина, не имеющая собственных доходов, считается «растратчицей» заработанных мужем денег, причем это наблюдается в семьях разного материального достатка. Если муж занят добыванием ресурсов, то женщина может лишь более или менее рационально *израсходовать* их, но не *приумножить*. Как указывают зарубежные исследователи, для женщин без заработка характерно чувство вины, когда они тратят деньги на себя, поэтому они считают своим моральным обязательством отчитываться за свои расходы¹. На вопрос, зачем ездить на другой конец города на самый дешевый продовольственный рынок, одна домохозяйка ответила: *«Но ведь мое время нисколько не стоит»*. Даже женщины, удовлетворенные своей семейной жизнью, отмечали, что все-таки ощущают себя на ступеньку ниже своих мужей, потому что не зарабатывают. *Я могу потратить на себя большую сумму, и муж не будет против, но внутри я постоянно чувствую, что сама я на это не заработала бы* (домохозяйка, 26 лет). Сама необходимость просить деньги символизирует статусное неравенство: *Мне кажется, он почувствует тогда, что я полностью от него завишу, что без него не смогу и шага сделать. Он так рассуждает: куда она денется, она от меня зависит, а я свободный* (спонсируемая, 29 лет).

Закрепление неравного распределения домашнего труда. Логика «рационального экономического обмена» и «ресурсной взаимозависимости» предполагает, что экономически зависимые члены семьи будут компенсировать неучастие в пополнении семейного бюджета своим трудом в домохозяйстве. Соответственно, «кормильцы» полностью или частично освобождаются от участия в домашнем труде. Такой подход просматривается в работах авторов упомянутого нами функционалистского направления². Поскольку боль-

¹ Gender, Family and Economy; Lister, R. Women, Economic Dependency and Citizenship. P. 451.

² Becker G. A Treatise on the Family. Cambridge, MA.: Harvard University Press, 1981.

шинство замужних женщин зарабатывают меньше своих мужей, жены выполняют основную часть домашних обязанностей, и подобного рода обмен выглядит «естественным»¹.

Однако феминистский анализ домашней работы как вида социальной и экономической деятельности подверг сомнению «естественность» и «функциональность» традиционного гендерного разделения труда. В работах этого направления² отмечается, во-первых, что занятие домашним хозяйством, будучи неоплачиваемой деятельностью, не обеспечивает женщину независимым доходом; не предусматривает критериев «эквивалентности» обмена или «адекватного вознаграждения».

Во-вторых, низкий престиж и отказ в общественной значимости домашнего труда, связанный с девальвацией приватной сферы, рассмотрением ее как «вторичной» по отношению к публичной. Долгое время занятость в домашнем хозяйстве вообще не воспринималась как «настоящая работа»; отмечается, что дети в большей степени гордятся своими работающими матерями, чем мамами-домохозяйками. Экономически зависимая женщина встает в тупик при определении своего социального статуса. Показательно, что домохозяйка, уверенно отнесшая свою семью к «среднему классу», не смогла сделать того же в отношении себя самой: *У меня вообще нет никакого статуса. Может быть, я бомж, нищая? Но поскольку у меня есть крыша над головой, я, в общем-то, не бомж. Но к иерархии какой-то я тоже себя относить не могу, поскольку там не вращаюсь. Поэтому у меня вообще статуса нет.*

В-третьих, содержательно домашняя работа выглядит «ущербной» по сравнению с квалифицированным оплачиваемым трудом: она рутинна по своему характеру; в ней не происходит аккумуляции результатов; она имеет тенденцию занимать все время женщины («жена работает 24 часа в сутки, а муж – какое-то время»); домохозяйка часто обречена на ограниченность

¹ Walby S. Op. cit.

² Их обзор см.: Тартаковская И. Социология пола и семьи. Самара, 1997.

социальных контактов, сужение круга интересов, монотонность жизни («жизнь, лишённая событий»). «Синдром домохозяйки» выражается в сужении круга общения и интересов, монотонности жизни, интеллектуальной деградации. *В течение дня общаюсь только с телевизором. Я сейчас замкнута в пространстве своих четырех комнат (домохозяйка, 26 лет). Я отупела: ведь если полный холодильник – это еще не все в жизни. Как можно обрадоваться куску мяса? Он перестал видеть во мне женщину. Но я же не просто приставка к этой квартире (спонсируемая, 35 лет). То это, то это, дела, заботы. Упала в моральном облике... Да, а чего, одни дети. Со свекровью поговоришь, а муж только вечером приходит. И то ему не до нас (в отпуске по уходу за ребенком, 29 лет).* Осознание низкой ценности своего труда в глазах окружающих, психологический дискомфорт от зависимого статуса и монотонности жизни обуславливают худшее морально-психологическое состояние домохозяек по сравнению с работающими женщинами. Так, по данным исследований, работающие женщины физически и психически более здоровы, менее подвержены депрессиям, чем незанятые¹; зависимые женщины чаще жалуются на недостаток внимания, выражений привязанности и любви со стороны своих мужей, чем независимые².

Кроме того, «специализация» в домашнем труде обуславливает «заменяемость» женщины для мужчины-провайдера, а заменяемость, как мы указывали в Главе 1, является одним из ключевых компонент возникновения отношений власти-зависимости. В экономическом плане традиционное разделение труда предполагает, что мужчина может предложить более редкий, престижный и ликвидный ресурс – материальную обеспеченность, в то время как женщина – более универсальный и не требующий уникальных умений и качеств – деторождение и ведение домашнего хозяйства, что потенциально ставит ее в более уязвимое положение. Навыки, необходимые «хорошей до-

¹ См.: Sorensen A., McLanahan S. Op. cit. P. 662.

² Bornstein R.F. Op. cit.

мохозяйке», имеют весьма ограниченное применение на рынке труда, то есть не позволяют женщине остаться на том же уровне жизни в случае потери кормильца (его дохода). Но при этом бремя домашнего труда обуславливает маргинализацию женщин на рынке труда, их более низкие заработки, отсутствие перспектив для повышения квалификации, сегрегацию на низших уровнях профессионально-должностной иерархии, преобладание женщин среди работающих неполный рабочий день.

Экономические и содержательные аспекты домашней работы, низкая общественная оценка ее престижности и значимости, а также уязвимость члена семьи, занимающегося ею, позволяет рассматривать ее как деятельность «более низкого» порядка по сравнению с оплачиваемой занятостью. Следовательно, этой монотонной, рутинной и непрестижной работой будет заниматься низкоресурсный член семьи, чьи позиции в «торге» за свои права относительно слабы. Исходя из этого распределение домашнего труда можно рассматривать как отношения власти (и даже эксплуатации) в семье, что характерно, прежде всего, для марксистской традиции в феминизме¹. Мужской контроль часто проявляется в низведении зависимой от него жены до статуса домработницы даже при возможности нанять прислугу: *А зачем он кого-то будет нанимать, когда я все сделаю бесплатно?* (домохозяйка, 32 года). Таким образом, гендерное неравенство в разделении домашнего труда является и следствием гендерного неравенства в публичной сфере, и механизмом его воспроизводства.

Что касается *домашней трудовой нагрузки зависимых женщин*, то публикации свидетельствуют о том, что при практически одинаковой продолжительности оплачиваемой занятости женщины выполняют больший объем домашнего труда, чем мужчины, и что в России это неравенство значительно

¹ Folbre N. Exploitation comes home: A critique of the Marxian theory of family labour // Cambridge Journal of Economics. 1982. No. 4; Бенерия Л. Неоплачиваемый труд: в продолжение дискуссии // Гендер и экономика.

сильнее, чем в развитых странах¹. По данным нашего исследования, медианные женские временные затраты на домашнюю работу вдвое превосходят мужские (соответственно 20 и 10 часов в неделю), а затраты зависимых женщин (вносящих в семейный бюджет менее 10% дохода) вдвое превосходят медианные женские – 42 часа. Кроме того, отмечена статистически значимая обратная зависимость объема домашнего труда женщин от уровня их доходов (коэффициент Пирсона -,359). Однако, как мы указывали в одной из наших публикаций², замужняя женщина приближается к типичной «мужской» модели слабого (10-часового) участия в домашнем труде, только достигнув уровня заработной платы, в полтора и более раза превышающего средний мужской.

Эгалитарное же распределение домашних обязанностей между супругами отмечено в интервью с представительницами «контрольной группы» – специалистов с уровнем доходов выше среднего, вносящих приблизительно равную с партнером долю в семейный бюджет. *У нас нет четкого распределения. Обед сегодня могу приготовить я, завтра муж. Убираемся мы вместе, мусор тоже выносит тот, кто идет на улицу, в магазин мы идем вместе... Кто первый в ванну пошел, тот готовит завтрак* (юрист, 26 лет, есть маленький ребенок). В таких семьях наблюдается не только эгалитарное распределение домашних обязанностей между супругами, но и малый объем домашней занятости обоих, выполнение части домашней работы оплачиваемым персоналом (например, нянями), а также то, что женщина использует лишь малую часть положенного ей по закону отпуска по уходу за ребенком. Таким образом, профессионально мотивированные женщины следуют стратегии «накапливания преимуществ», традиционно более характерной для мужчин, при которой материнство не является помехой для получения независимого дохода и карьерного роста.

¹ Калабихина И. Указ. соч. С. 93.

² Балабанова Е.С. Домашний труд как символ гендера и власти // Социологические исследования, 2005. № 6.

Отметим, что распределение домашних обязанностей, при котором большая их часть ложится на женщин, устраивает большинство из них (69% среди замужних женщин). Основное объяснение этому, как мы отмечали выше, что в российском обществе традиционная модель «домохозяйка – кормилец» продолжает доминировать в качестве идеала супружеских отношений в экономической сфере, выглядеть «естественной» даже несмотря на активное участие женщин в оплачиваемой занятости. Чем больше согласие женщины с этими традиционными нормами, тем больше вероятность, что она добровольно возьмет на себя основную часть домашней работы.

Однако некоторые факты позволяют усомниться в справедливости гендерно нейтральной логики «рационального экономического обмена» в разделении домашнего труда. Как свидетельствуют данные таблицы 48, несколько больше тех, кто в целом не удовлетворен существующим распределением домашнего труда, как раз среди зависимых замужних женщин, а также женщин-«кормильцев».

Таблица 48

Удовлетворенность замужних женщин распределением домашних обязанностей в их семьях, N = 267

<i>Распределение домашних обязанностей в семье...</i>	<i>Ответы по группам женщин, %</i>		
	<i>Зависимые (0-9% семейного бюджета)</i>	<i>Вкладывающие от 10 до 73%</i>	<i>Кормильцы (75-100% бюджета)</i>
Совсем не устраивает, скорее не устраивает	24	17	22
Полностью устраивает, скорее устраивает	63	71	61

Восприятие разделения домашнего труда как справедливого или несправедливого непосредственным образом влияет на удовлетворенность браком в целом. Судя по удовлетворенности распределением домашнего труда, наиболее благополучные браки наблюдаются не у «зависимых домохозяек», а у тех женщин, которые вкладывают в семейный бюджет сопоставимую с мужем

долю дохода. Это позволяет предположить, что распределение домашнего труда во многих семьях осуществляется не по «модели сотрудничества» (что предполагает гендерно нейтральная «функционалистская» логика), а по «модели торга»: каждый член семьи стремится минимизировать свое участие в домашней работе, и большой объем домашних обязанностей выпадает на долю низкоресурсного члена семьи.

Итак, наш анализ факторов, влияющих на объем женской занятости в домохозяйстве, позволяет сделать вывод, что показатели, свидетельствующие об *экономической уязвимости* – малая доля вклада в семейный бюджет, наличие детей, низкие личные доходы, отсутствие или малый объем оплачиваемой занятости – заметно увеличивают женскую занятость по дому. Напротив, *индивидуальные экономические преимущества* – статус основного кормильца, отсутствие несовершеннолетних детей, личные доходы выше средних – уменьшают объем женской домашней занятости незначительно.

Иная картина наблюдается с *домашней трудовой нагрузкой зависимых мужчин*. Типичный экономически зависимый в семье мужчина не принимает «женскую» модель активного участия в домашнем хозяйстве – его временные затраты увеличиваются с 10 (медиана домашней занятости женатых мужчин по выборке) до 12,5 часов в неделю у тех, кто вносит в семейный бюджет от 10 до 33% дохода, и до 14 часов, чья доля в бюджете менее 10%. Если экономически зависимые замужние женщины увеличивают свою домашнюю нагрузку на 20 часов в неделю (на 100%) по сравнению с остальными женщинами, то зависимые мужчины – всего на 2-4 часа (на 20-40%).

Таким образом, в случае с экономически зависимыми мужчинами гендерно нейтральная логика «рационального экономического обмена» не работает: фактор малого уровня дохода (или его отсутствия) у женатых мужчин вовсе не означает принятия ими «женской» модели активного участия в домашнем труде. При отклонении от «нормативных» гендерных образцов включается невидимая доселе логика «гендерного дисплея», потребность в

сохранении мужской гендерной идентичности, формирующейся «от противного»: мужественным является то, что не является женственным. Эта логика проявляется в феномене «компенсаторной маскулинности» – мужчины компенсируют свою экономическую несостоятельность игрой в «настоящую» патриархальную семью, стремятся подтвердить свою мужскую идентичность уклонением от «женской» работы по дому. 10 часов домашнего труда в неделю – некая культурная норма, превышение которой представляется угрозой мужской идентичности. По выражению авторов одного из исследований, «гендер побеждает деньги»¹.

Физическое и психологическое насилие в отношении экономически зависимого члена семьи. Домашнее насилие – это система поведения, целью которого является достижение власти и контроля со стороны одного члена семьи по отношению к другому². Насилие обеспечивает агрессору возможность ощутить свою власть над зависимым, контролировать его жизнь. В § 1.1.7 мы уже отмечали повышенный риск «зависимой личности» оказаться объектом насилия, поскольку низкий уровень самоуважения и низкая самооценка накладываются на экономическую зависимость, социальную изолированность, эмоциональную привязанность к партнеру и приверженность патриархальным ценностям взаимоотношений мужчины и женщины в семье. Кросскультурные исследования Д. Левинсона показали, что оскорбления жен наблюдаются реже в тех обществах, где женщины экономически независимы и, соответственно, чаще – там, где мужчины полностью контролируют доходы и где существуют препятствия при оформлении женщинами разводов³. Ряд зарубежных исследований были специально посвящены связи экономической зависимости и насилия в семьях, были отмечены положительные корреляции индексов финансовой зависимости жен от мужей с вероятностью

¹ Bittman M., England P., Sayer L., Folbre N., Matheson G. When Does Gender Trump Money? Bargaining and Time in Household Work // American Journal of Sociology. 2003. Vol. 109. No. 1.

² Потапова А. Что такое домашнее насилие // Гендерный калейдоскоп. С. 493.

³ Levinson D. Family Violence in Cross-Cultural Perspective. Beverly Hills: Sage, 1989.

жестокое обращение¹. Р. Листер отмечает тесную связь физического и экономического измерений автономии личности. Так, в случае экономической зависимости женщин, когда их голос слаб и возможности выхода невелики, они легко попадают в ловушку насильственных отношений и плохого обращения, ограничения их мобильности – как в социальном плане (ограничение доступа к ключевым пространствам публичной сферы), так и в физическом (ограничение свободы передвижения)². *Обязанность угождать мужчине, однообразие жизни, конечно, убивают. А уходить мне куда-то нельзя. Ему не нравится, что у меня могут быть свои друзья. Я к его приходу должна быть в форме, все должно быть сготовлено и сервировано. Я могу уйти куда-то, но это будет скандал (спонсируемая, 35 лет).*

Таблица 49

Наличие различных видов насилия по отношению к респондентам (среди респондентов, проживающих в домохозяйствах размером более 1 чел., N=819)

Виды насилия	Положительные ответы по группам, %					
	Зависимые (0-9% семейного бюджета)		Вкладывающие от 10 до 73%		Кормильцы (75-100% бюджета)	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Контроль за Вашими расходами, отказ выдавать деньги на Ваши нужды	53	37	26	26	20	8
Плач, упреки, жалобы с целью повлиять на Вас	47	22	32	16	41	15
Ограничение свободы поведения (заточение в доме, препятствия в общении с друзьями, родственниками)	24	22	16	15	21	7
Психологическое насилие (угрозы, крики, брань, оскорбления)	16	28	15	17	23	12
Запрещение работать	5	19	2	7	4	2
Физическое насилие (побои, толчки, причинение боли, вреда здоровью, сексуальное принуждение)	3	7	2	3	3	2
<i>Среднее количество видов насилия в отношении респондента</i>	1,5	1,4	0,9	0,8	1,1	0,5

¹ Russel D.E.H. Rape in Marriage. N.Y.: Macmillan, 1982; Kalmuss D.S., Straus M.A. Wife's marital dependency and wife abuse // Journal of Marriage and the family, 1982. Vol. 44. P. 277-286.

² Lister R. Citizenship : Feminist Perspectives. P. 113, 128-129.

Данные табл. 49 показывают, что в целом экономически зависимые как женщины, так и мужчины испытывают гораздо большее давление со стороны других членов семьи, их личностная автономия нарушается сильнее по сравнению с «кормильцами» и теми, кто вносит пропорциональный вклад в семейный бюджет. Это позволяет предположить, что само наличие в семье экономически зависимого взрослого человека (как женщины, так и мужчины) является дестабилизирующим фактором семейных отношений.

Наблюдаются гендерные различия взаимосвязи финансовой зависимости респондентов в семье и уровнем насилия в отношении них. С одной стороны, у женщин эта взаимосвязь по всем видам насилия носит линейный характер (коэффициент корреляции вклада респондента в бюджет семьи и количества видов насилия в отношении него у женщин составляет $-0,202$, в то время как у мужчин статистически значимой корреляции нет). То есть, чем больше доля женщины в семейном бюджете, тем меньше у нее вероятность оказаться субъектом различных видов насилия.

У мужчин же линейный характер зависимости проявлений насилия с их финансовым вкладом зафиксирован лишь в случаях контроля за их расходами и плачем/жалобами как средствами психологического давления на них, в отношении же прочих видов насилия между «кормильцами» и вносящими от 10 до 73% семейного бюджета различий не обнаружено.

Экономически зависимые женщины, как и мужчины, чаще всего отмечают ограничение своей свободы в распоряжении деньгами, при этом они в полтора раза чаще мужчин подвергаются «жестким» формам психологического насилия в виде брани / оскорблений, почти в 4 раза чаще им запрещают работать; вдвое чаще зависимые женщины становятся жертвами физического насилия в семье. Отношения неэквивалентного обмена предполагают право опекуна контролировать поведение опекаемого, навязывая последнему определенный образ жизни и круг общения.

В целом, судя по среднему количеству видов насилия в расчете на одного респондента, мужчины несколько чаще подвергаются семейному насилию, чем женщины. Как мужчины, так и женщины чаще всего отмечают наличие «мягких» видов насилия в отношении себя – экономического и морального. Небольшое количество респондентов, отметивших наличие физического насилия по отношению к себе, возвращает нас к проблеме получения надежных статистических данных о насилии в семье: с одной стороны, сотрудники кризисных центров и активисты женских организаций, оценивая долю таких семей в 20-25%, вероятно, склонны преувеличивать масштабы проблемы, с другой – в массовых опросах респонденты неохотно делятся столь деликатной информацией, а иногда просто не рассматривают семейные конфликты с рукоприкладством как значимую проблему: *Толчки бывают. Но такого нет... Ну, стукнет, бывает, руку сожмет, сила ведь какая у мужика... Стукнуть, зажать где-то... Ну это бывает в сильной ругани. Если я на своей точке зрения стою. Когда он выпивши. Чтобы я замолчала [смеется]* (рабочая, замужняя, 30 лет). Кроме того, женщины достаточно четко осознают связь экономической поддержки от мужчины и ограничения своей сексуальной свободы, стараясь по мере возможности не вступать в отношения экономической зависимости: *Как я поняла из своего пусть и такого уж большого опыта общения с мужчинами, помощь просить нельзя, потому что они требуют от этой помощи отдачи. ИНТЕРВЬЮЕР: В каком плане? РЕСПОНДЕНТ: В каком, да хоть в половом. Раз помог, значит, я что-то должна... Поэтому, если я иду гулять с человеком, я сама куплю себе пива, я уже ни у кого из мужчин стараюсь не брать. Потому что не хочу быть обязанной. У меня и мать так всю жизнь жила, говорит, что ни на кого не надо надеяться, только сама* (находится в процессе развода, 22 года).

Факторы, препятствующие возникновению властных отношений между Провайдером и Зависимым. В предыдущих разделах нами рассмотрены различные проявления власти по отношению к экономически зависи-

мым членам семьи – ограниченный доступ к экономическим ресурсам домохозяйства; неравное распределение домашних обязанностей; психологическое и физическое насилие по отношению к зависимым. Результаты нашего исследования 1999 г.¹, основанного на материалах углубленных интервью, казалось, подтверждали прямую связь экономической зависимости с бесправием и эксплуатацией. Однако исследование 2003-2004 гг., сочетавшее методику массового опроса с последующими углубленными интервью, не позволяет делать столь однозначных выводов. Его результаты были ожидаемыми в том плане, что женщины-кормильцы имеют более сильный «голос» в принятии важных экономических решений в семье; экономически зависимые домохозяйки и женщины в материнских отпусках выполняют наибольший объем домашней работы; экономически зависимые (и мужчины, и женщины) чаще испытывают различные виды притеснений.

При этом выяснилось, что логика «экономически зависимый – значит, бесправный» в семье работает не столь четко, как утверждают многие зарубежные публикации о распределении внутрисемейной власти, написанные в феминистской традиции и акцентирующие внимание на негативных последствиях экономической зависимости. Так, зависимые женщины относительно редко оказываются депривированными от экономических ресурсов домохозяйства или исключенными из принятия важных экономических решений, а мужчины-кормильцы редко обретают в домохозяйстве большую по сравнению с женщинами власть. Женщины, вносящие половину или основную часть дохода в семейный бюджет, практически не снижают своей трудовой нагрузки в домашнем хозяйстве, тогда как экономически зависимые мужчины не принимают «женскую» модель домашней занятости. Корреляции частоты случаев морального и физического насилия с экономической зависимо-

¹ Балабанова Е.С. Зависимость женщин: теоретические подходы к изучению // Гендерные исследования, № 4. 2000; Балабанова Е.С. Социально-экономическая зависимость женщин // Экономическая социология. 2003. Том 4. № 3. <http://www.ecsoc.msses.ru/pdf/ecsoc015.pdf>; Балабанова Е.С. Социально-экономическая зависимость: история, теория, современность. Н. Новгород: Издательство Нижегородского государственного университета, 2004.

стью слабы для женщин и очень слабы – для мужчин.

Все это заставляет предположить, что возникновение властных отношений в семье детерминировано не только экономической зависимостью ее взрослых членов, но и другими значимыми факторами. Уязвимость феминистского подхода к анализу положения зависимых в семье заключается в методологических упрощениях, что 1) отношения провайдера и зависимого обязательно выстраиваются по модели «торга»; 2) эти отношения являются универсальными независимо от материального положения семей; 3) они не зависят от культурно-исторических традиций данного общества; 4) анализ «семейных» отношений сводится к «супружеским», что означает игнорирование специфики взаимодействия членов семьи разного пола и находящихся в разных степенях родства. Рассмотрим факторы, усиливающие «голос» экономически зависимых членов семьи и тем самым препятствующие трансформации экономических преимуществ провайдера во властные.

*1. Отношения между брачными партнерами выстраиваются по «модели сотрудничества», характеризующейся высоким уровнем доверия между партнерами, совпадением их ценностей в семейной сфере. Как показал наш анализ, к «модели сотрудничества» в семейных отношениях в наибольшей степени склонны женщины с традиционными взглядами и мужчины, придерживающиеся относительно либеральных взглядов на семейные роли. В этом случае ни жены, ни мужья не склонны вступать в «торг» относительно расширения своих возможностей контроля ресурсов домохозяйства или минимизации домашней трудовой нагрузки, и потенциальная власть мужчин-кормильцев над зависимыми женами остается невостребованной. «Патриархально» ориентированные замужние домохозяйки, чьи семьи характеризуются средне-высоким достатком, демонстрируют примеры *зависимой женской адаптации*. У женщин, определивших главной сферой своей самореализации приватную, не артикулированы ценности экономической независимости. Женщинам с подобной мотивацией важно отсутствие необходимости*

жить в напряжении, зависимость связывается у них с чувством бытового и психологического комфорта: *Как обычный день проходит? Утром еще маленько поваляюсь... Позавтракаю с мамой, приготовим обед, посмотрим все сериалы...* (домохозяйка, 28 лет); *Он такая гора, за которой я прячусь. Я даже не знаю, сколько у нас денег. «Это не твои проблемы», - он всегда говорит* (домохозяйка, 27 лет). Более того, зависимое состояние рассматривается как истинная свобода: имея источник поддержки, женщина может выбирать – сидеть дома или работать на низкооплачиваемой, но «удобной» и «любимой» работе. Такие женщины склонны рассматривать традиционное разделение труда как справедливое: *человек, пришедший с работы, хочет, чтобы ему элементарно подали на стол. И я не считаю это барством и для себя каким-то унижением то, что я это подам* (домохозяйка, 35 лет).

Напротив, в отношении «торга» за минимизацию объема своего домашнего труда и расширение возможностей контроля наиболее склонны вступать патриархальные мужчины и женщины, приверженные ценностям гендерного равноправия. В этом случае даже при отсутствии прямого подавления наблюдается сильный психологический дискомфорт от зависимого статуса и снижение самооценки. Это проявляется в чувстве собственной неполноценности, что женщина *«сидит на шее у мужа», «не может сама заработать себе на хлеб»*. Женщины с выраженными социальными запросами, которые отделяют себя от семьи как самостоятельную единицу, в случае своей экономической зависимости оказываются в состоянии сильной фрустрации. *Был период, у меня не то, чтобы совсем депрессия, но очень давило это, что я неполноценная, не могу себя прокормить. Это ощущение какой-то содержанки...* (работающая, 38 лет). Потребность в чувстве независимости и повышении самооценки – сильный мотивирующий фактор женской занятости¹. На Западе увеличение участия женщин в рынке труда в последние десятилетия продиктовано не только экономическими потребностями их домохо-

¹ Pahl, J. Money and Marriage. N.Y.: St. Martin's Press, 1989.

зайств, но и в значительной степени – стремление к финансовой свободе как таковой. Так, по данным исследования в Великобритании 1999 г., для 10% работающих женщин главной причиной занятости является желание зарабатывать собственные деньги¹. *Вообще-то я поняла, что мужчины не любят, когда полностью сидишь на их иждивении. Я заметила, что, когда в киоске подрабатывала, у меня возникало чувство самоудовлетворения, что я прихожу, как нормальный человек домой. И они ценить больше женщину начинают, поскольку мы уже независимые от них, и они начинают думать: что они говорят, как себя ведут (работающая, 37 лет).*

2. *Экономическая роль женщины в условиях недостаточного семейного дохода значительна.* Объяснить расхождение результатов нашего исследования 2003-2004 гг. с исследованием 1999 г. и с данными зарубежных публикаций мы можем тем, что в 1999 г. углубленные интервью проводились по целевой выборке – с домохозяйками преимущественно из обеспеченных семей, чье положение близко к описанным в зарубежной литературе домохозяйкам из среднего класса. Однако массовый опрос 2003 г. показал, что в России «типичными» зависимыми в семье женщинами являются вовсе не жены «новых русских», а домохозяйки и находящиеся в отпусках по уходу за ребенком женщины из средне- и малообеспеченных семей: среднедушевые доходы в их семьях в полтора-два раза ниже, чем в семьях работающих женщин.

Если обеспеченные однозарплатные семьи действительно тяготеют к патриархальной модели распределения ресурсов, то в большинстве бедных и малообеспеченных большей экономической властью обладают жены. «Баланс власти в домохозяйстве основан на контроле и распределении излишков, которые представляют собой ресурсы сверх уровня, необходимого для простого выживания»². Отсутствие таких «излишков» у подавляющей части нижегородских семей делает неактуальной проблему контроля над ними.

¹ Lister R. Citizenship : Feminist Perspectives. P. 227.

² Брайнс Дж. Указ. соч. С. 333.

Когда мужчина не в состоянии обеспечить существование семьи, повышается роль женщины в домохозяйстве. По данным зарубежных исследователей, в низкодоходных семьях управление долгами часто является именно женской обязанностью¹. По словам Н. Тихоновой, российские реформы 1990-х гг., результатом которых стало массовое обеднение населения, обусловили процессы перераспределения внутрисемейных ролей и власти в пользу женщин². Как свидетельствуют результаты наших интервью, в этом случае часто происходит инверсия традиционных гендерных ролей – уже не мужчина, а женщина контролирует доходы и расходы супруга. При более же высоком доходе компетентность женщины в ведении домашнего хозяйства оказывается менее значимой.

3. *«Наследие» советской гендерной системы: социальный и бытовой инфантилизм российских мужчин.* Как известно, советская семейная политика лишила мужчину его традиционной роли кормильца семьи. Слабая гендерная дифференциация доходов и распространенность безотцовщины привели к тому, что мужчина в семье, в отличие от женщины, перестал считаться необходимым для ее экономического выживания и социализации детей. Это определяло «приниженный» социальный статус мужчины в советской семье. По словам И. Кона, «социализм калечил не только женщину, он символически “кастрировал” мужчину, отняв у него роль защитника, кормильца, сильного человека вообще»³. Материнское воспитание и снятие с мужчины ответственности за содержание семей способствовали инфантилизму советских мужчин. «...Такие мужчины навсегда отказываются от личной независимости, а вместе с нею – от ответственности, передоверяя социальную ответственность начальству, а семейную – жене»⁴. Сохранение мужской идентичности обеспечивалось за счет психологической гиперкомпенсации – агрессив-

¹ Ford J. Consuming Credit: Debt and Poverty in the UK. L.: SPAG., 1991. P. 79.

² Тихонова Н.Е. Феномен городской бедности в современной России. М.: Летний сад, 2003. С. 271.

³ Кон И.С. Ребенок и общество. М., 1988. С. 234.

⁴ Кон И.С. Российский мужчина и его проблемы // Гендерный калейдоскоп. С. 233.

ности, пьянства, уклонения от выполнения домашней работы.

Бытовой инфантилизм мужей препятствует реализации их потенциальной власти над экономически зависимыми женами. В своем стремлении избежать ответственности мужа сами устраниваются от принятия экономических решений в домохозяйстве, делегируя это право женам. В интервью упоминались также случаи, когда инфантильные мужья становились кормильцами именно благодаря усилиям своих жен, участвующих в их карьере. *В начале нашей семейной жизни он как-то неуверенно себя чувствовал. Какой-то серенький, забитенький. А после – перестал. На работу устроился. Как-то по моей инициативе. И подлечили, и работу нашли. На ноги благодаря этому встали* (домохозяйка, 33 года). В этом случае работает «капитал» прошлых заслуг экономически зависимой в настоящий момент женщины, усиливая ее «голос» в семье.

4. *Отношения экономической зависимости в расширенных семьях.* Западная феминистская традиция в изучении причин и последствий экономической зависимости в домохозяйстве делает упор на рассмотрении финансовой зависимости замужних женщин от своих мужей. В России же ввиду отсутствия у большого количества семей собственного жилья обычной является практика совместного проживания супружеских пар с родителями одного из супругов. В этом случае наблюдается сильная дифференциация отношений в зависимости от того, кем являются провайдеры – супругами, собственными родителями или родителями супруга. Экономическая зависимость от собственных родителей меньше ограничивает личностную автономию женщин, чем зависимость от мужей или сожителей. Эмоциональные связи родителей и дочерей столь сильны, что они весьма редко «рационализируются» или превращаются в «торг». По этой причине конфликты дочерей с матерями из-за распределения домашних обязанностей, малого размера заработков или расходов семейного бюджета упоминаются гораздо реже, чем аналогичные конфликты жен с мужьями. *Конфликты прекратились, когда мой муж пере-*

стал с нами жить. У нас сейчас настолько спокойно дома. У нас нет ругани из-за того, кто будет убирать, кто будет делать то, кто будет делать се. У нас все это легко происходит (находится в процессе развода, 22 года).

Если, получая материальную поддержку от мужчин, женщины отмечают появление у них определенных обязательств – бытовых или сексуальных – то помощь родителей носит, скорее, реципрокный характер, создавая неопределенные, длящиеся во времени обязательства не столько «экономического», сколько «морального» характера. Взрослые дети считают, что обязаны «слушаться» родителей не потому, что те содержат их, но из традиций уважения к ним. Кроме того, «инфантильная» социализация, характерная для советской и постсоветской культуры, определяет рассмотрение такой помощи взрослым детям как «родительскую обязанность»: *Потому что это мать. Я тоже к своему ребенку, когда будет он у меня большой, буду так же относиться. У меня такое убеждение, что родители должны помогать. Она понимает, что я учусь, я не так много зарабатываю. Так что она пытается создать условия, чтобы я ни о чем другом не думала, кроме как об учебе (она же).*

Сильнее же, чем от партнеров-мужей, личную свободу экономически зависимых женщин, судя по материалам интервью, ограничивает зависимость от родственников мужа. Как правило, это проявляется в требовании признания власти тещи (свекрови), на чьей жилплощади проживают супруги. В этом случае эмоциональные связи зависимого и провайдера относительно слабы, что стимулирует последнего использовать свои – реальные или символические – властные преимущества. *Здесь я человек подневольный, зависимый от всех и вся. Я и дети на куриных правах. Никакого слова, только через мужа. Одна я туда [к свекрови] даже не суюсь. Потому что бесполезно (в отпуске по уходу за ребенком, 29 лет).* В этом случае зависимость оказывается своеобразным порочным кругом, когда, например, на фоне плохих отношений со свекровью женщина не может рассчитывать на ее помощь по уходу за детьми и выйти на работу, то есть стать более независимой.

Таким образом, результаты эмпирического исследования, с одной стороны, показали наличие взаимосвязи между экономической зависимостью в домохозяйстве с властными преимуществами провайдера-кормильца. Ослабление «голоса» взрослого зависимого члена семьи выражаются в сужении возможностей контроля над экономическими ресурсами домохозяйства; несением основного бремени неоплачиваемого домашнего труда; ограничении личностной автономии в семье, крайняя степень которого – физическое и психологическое насилие в отношении зависимого.

Однако при этом взаимосвязь финансовой зависимости в семье с подавлением личности зависимого носит нелинейный характер и обусловлена влиянием других факторов – характером взаимоотношений между супругами, материальным положением семьи, культурно-историческими особенностями мужской социализации в семье, степенью родства зависимого и провайдера. Наиболее вероятна трансформация экономической зависимости во властные отношения в нуклеарных высокодоходных семьях, где отношения супругов строятся по «модели торга», наименее – в расширенных бедных, ориентированных на «модель сотрудничества».

Итак, экономическая зависимость не ведет к прямому подавлению зависимого, но всегда оставляет провайдеру *потенциальную власть* над ним, которая остается не востребованной в «игре сотрудничества» и к которой прибегают в случае столкновения интересов провайдера и зависимого, при возникновении необходимости «поставить зависимого на место». Финансовая несамостоятельность обуславливает социальную уязвимость, она является своеобразной «бомбой замедленного действия», которая срабатывает в случае возникновения семейных конфликтов. К. Дельфи и Д. Леонард назвали такую стратегию кормильцев «благожелательным деспотизмом», при котором они «решают воздержаться от использования своих привилегий, хотя

при этом могут вернуть их себе в любой момент»¹.

4.4.4. Неэффективность и кумулятивный характер отношений зависимости

Как мы отмечали ранее, восприятие экономически несамостоятельными своего положения в семье может разительно отличаться в зависимости от их ценностей и установок – «патриархальных» либо «эгалитарных». «Патриархально» настроенные женщины воспринимают свою зависимость как культурно приемлемое и комфортное состояние, приверженцы эгалитарных ценностей так или иначе страдают от своего зависимого статуса и по мере возможности пытаются от него освободиться. Однако мы считаем, что проблема женской зависимости выходит за рамки индивидуальных предпочтений самих женщин, являясь одним из столпов воспроизводства гендерного неравенства в публичной и приватной сферах и способствуя худшим жизненным шансам женщин по сравнению с мужчинами. К негативным последствиям экономической зависимости в семье мы относим: 1) экономическую уязвимость зависимых; 2) их недоиспользованный социальный и профессиональный капитал; 3) социально-психологическое неблагополучие семей, где есть взрослые экономически зависимые члены. Эти негативные последствия носят кумулятивный характер, сплетаясь в «порочный круг» гендерного неравенства в экономической сфере.

Экономическая уязвимость. Еще более 20 лет назад К. Доулинг в своем бестселлере «Комплекс Золушки» писала о «розовых очках» американских домохозяек, отказывающихся признать, насколько ненадежна их жизнь, что «защищенность» молодых замужних женщин оборачивается бедностью пожилых вдов². Главное условие «зависимой адаптации» – это наличие провайдера. В случае прекращения помощи – по причине физического исчезновения

¹ Delphy C., Leonard D. Class Analysis, Gender Analysis, and the Family // Gender and Stratification / Ed. R. Crompton and M. Mann. Cambridge: Polity Press, 1986. P. 64.

² Dowling C. Op. cit. P. 49, 52.

провайдера, его дальнейшей неспособности или отказа помогать – зависимый оказывается в бедственном положении. Зависимость от одного-единственного человека (чаще всего супруга) делает индивида в наибольшей степени уязвимым – ведь с разводом или смертью супруга зависимый теряет и экономический статус. Ценой «приобретений» зависимого – его бытового и психологического комфорта, соответствия нормативным представлениям о модели отношений мужчины и женщины – является повышенный риск бедности и экономической нестабильности.

Эта уязвимость особенно высока, если учитывать реалии современной жизни, а именно, большое количество неполных (женских) семей, образованных в результате внебрачных рождений, разводов и вдовства. Наиболее высок риск оказаться в бедности у одиноких матерей и одиноких пожилых женщин. Как отмечает Н. Тихонова, за годы реформ в России почти любое изменение семейной ситуации замужней женщины (смерть мужа, его болезнь, временный или окончательный уход из семьи) сразу резко увеличивали для семьи риск попасть в число бедных¹. Причем число таких семей в ближайшей перспективе будет только увеличиваться, поскольку и в России, и в мире уровень разводов и внебрачных рождений продолжает расти. Со структурой современных семей, а также с меньшим индивидуальным доходом женщин, связан известный феномен «феминизации бедности». Повышенная доля женщин среди беднейших слоев населения устойчиво подтверждается и зарубежными², и российскими исследованиями, в том числе и нашими. Так, в исследовании 1997 г. по результатам кластерного анализа группы «обездоленных» почти целиком составили женщины из неполных семей³; в исследовании 2003 г., как мы отметили в § 4.2.4, 43% среди бедных респондентов составили незамужние, разведенные или вдовы матери.

¹ Тихонова Н.Е. Феномен городской бедности в современной России. М.: Летний сад, 2003. С. 241.

² Davies H., Joshi H. Sex, Sharing and the Distribution of Income // Journal of Social Policy, 1994. Vol. 23. Pp. 301-340.

³ Балабанова Е.С. Социально-экономическая зависимость и социальный паразитизм: стратегии «негативной адаптации» // Социологические исследования, 1999. № 4.

Данные зарубежных исследований свидетельствуют, что экономические последствия разводов более тяжелы для женщин: финансовое положение разведенных и вдовых женщин оказывается хуже по сравнению с разведенными мужчинами или вдовцами¹. Хотя разведенные женщины стремятся работать после развода больше, разрыв в оплате труда мужчин и женщин не позволяет последним достичь приемлемого уровня жизни². Как показали панельные исследования в Нидерландах за 1984-1995 гг., учитывая меньшие личные доходы женщин и то, что при разводе дети, как правило, остаются с матерью, реальный доход домохозяйств женщин после развода уменьшается на 31%, а домохозяйств мужчин – несколько увеличивается. Этот гендерный диспаритет не могут преодолеть ни публичные, ни частные трансферты. В итоге разведенная мать с большей вероятностью окажется на пособии по бедности, чем разведенный отец: на пособиях по бедности находится 40% разведенных женщин и только 3% разведенных мужчин³. Согласно нашим данным, среди женщин значительно выше доля тех, у кого материальное положение после развода ухудшилось (20%, среди мужчин – всего 4%).

Принципы пенсионного обеспечения как развитых стран, так и России также способствуют повышенной экономической уязвимости одиноких пожилых женщин. Женщина, бывшая в экономически активном возрасте домохозяйкой, в старости может претендовать лишь на «социальную» пенсию, фактически эквивалентную социальному пособию по бедности. Размер же «трудовых» («профессиональных») пенсий, обеспечивающих достойный уровень жизни в старости, увязан с размером заработков в течение трудовой деятельности, так что экономически зависимые женщины, имевшие значительные перерывы в карьере, работавшие неполный рабочий день и на низкооплачиваемых работах, не могут рассчитывать на достойный уровень жиз-

¹ Gregory J., Foster, K. *The Consequences of Divorce*. L.: HMSO, 1990.

² Garfinkel, I., McLanahan, S., Watson, D. *Divorce, Female Headship, and Child Support // Women's Life Cycle and Economic Insecurity. Problems and Proposals / Ed. M.N. Ozawa. N.Y.-L.: Greenwood Press, 1989.*

³ Poortman, A.-R. *Sex Differences in the Economic Consequences of Separation : A Panel Study of the Netherlands // European Sociological Review, 2000. Vol. 16. No. 4. P. 367, 379.*

ни в случае своего вдовства¹. Проблема обостряется тем, что среди населения мира в возрасте 60 лет и старше состоят в браке 79% мужчин и только 43% женщин, а население мира продолжает стареть, поэтому уязвимость вдов перед бедностью станет еще более серьезной проблемой в XXI веке². В России же наблюдается один из самых больших в мире разрывов в средней продолжительности жизни мужчин и женщин – 12-14 лет.

В российском обществе зависимые в семье женщины оказываются «уязвимыми вдвойне» по той причине, что государство, в отличие от развитых стран, не обеспечивает им адекватной «сети безопасности». Если в большинстве западных стран экономически несостоятельные матери и пожилые «обменивают» свою зависимость в семье на зависимость от государственных пособий и социальных услуг, российское «социальное государство» такой свободы выбора не обеспечивает.

Несмотря на то, что женщина сегодня все больше утрачивает экономическую опору в приватной сфере в лице мужчины и не получает ей адекватной замены в публичной в лице государства, культурные стереотипы, что «зарабатывать – это дело мужчины», а «для женщины главное – семья», остаются в России весьма живучими. Подобные установки и ценностные ориентации вкупе со структурными ограничениями на рынке труда и неконкурентоспособностью женщин обуславливают то, что даже при утрате экономической поддержки их экономическая активность практически не повышается: по нашим данным, медианная продолжительность рабочей недели составляет одинаковые 40 часов в неделю независимо от того, имеет ли женщина детей и состоит ли она при этом в браке. Их адаптация к состоянию «вынужденной независимости» носит пассивный характер: она направлена не на максимизацию заработков, но на поиск источников внешней поддержки и на ограничение потребления.

¹ Arber S., Ginn J. Gender and Later Life. L.: Sage, 1991; Баскаков В.Н., Баскакова М.Е. О пенсиях для мужчин и женщин: Социальные аспекты пенсионной реформы. М.: Московский философский фонд, 1998. С. 101.

² Гендерные проблемы и развитие. С. 70.

Недоиспользованный человеческий потенциал женщин. «Результующей» влияния объективных факторов женской зависимости и интернализации женщинами патриархальных ценностей становится их недоиспользованный человеческий потенциал.

Таблица 50

Виды ресурсов	Средние значения по группам	
	Мужчины	Женщины
Индекс персональных ресурсов (максимально возможный 30)	18,1	17,5
Наличие полезных связей с «нужными» людьми (9-балльная шкала)	4,4	4,0
Состояние здоровья (5-балльная шкала)	3,9	3,7
Профессиональная квалификация	4,0	3,8
Предприимчивость, деловая хватка	3,3	3,2
<i>Среднее число видов собственности, которыми владеют респонденты</i>	<i>1,2</i>	<i>0,8</i>
<i>Доля респондентов с высшим и средним профессиональным образованием (%%)</i>	<i>66</i>	<i>72</i>

Таблица 50 показывает, что по большинству видов индивидуальных ресурсов, необходимых для реализации во внесемейной сфере, женщины хотя и отстают от мужчин, но весьма незначительно. При этом женский уровень образования несколько выше мужского – факт, наблюдавшийся и в советском обществе. Поэтому мы квалифицируем женский социальный и профессиональный капитал именно как *«недоиспользованный»*, а не *«недостаточный»*. Результаты зарубежных исследований также показывают, что финансовая отдача от человеческого капитала (уровня образования) у женщин ниже, чем у мужчин¹. Специальное исследование эффективности инвестиций в высшее образование, проведенное в России М. Баскаковой, также показало, что при равнодоступности высшего образования для мальчиков и девочек женщинам

¹ Brynin M., Schupp J. Education, Employment, and Gender Inequality amongst Couples : A Comparative Analysis of Britain and Germany // European Sociological Review, 2000. Vol. 16. No. 4. P. 349.

значительно сложнее «отрабатывать» свои затраты на образование. Рост разрыва заработной платы мужчин и женщин, женские перерывы в трудовой деятельности и их более ранний возраст выхода на пенсию обуславливают меньшую отдачу от инвестиций в образование женщин и их низкие пенсии в пожилом возрасте¹.

Рассмотренный выше «комплекс Золушки» не позволяет женщинам реализовать свой профессиональный потенциал. Как указывает К. Доулинг, большинство современных женщин являются такими Золушками, живущими в ожидании Прекрасного Принца, который в одночасье изменит их жизнь. Женщины часто и не стремятся к профессиональным достижениям и росту, сами выбирают низкооплачиваемые, но удобные работы². Не отрицая наличия дискриминации на рабочем месте, приходится признать, что женщины сами *конструируют* свою зависимость, *соглашаются* с дискриминационными практиками.

Социально-психологическое неблагополучие семей, где есть взрослые экономически зависимые члены. Мы уже упоминали о том, что удовлетворенность замужних женщин распределением домашних обязанностей в их семьях наиболее высока в семьях, где они вносят сопоставимую с другими членами семьи долю в семейный бюджет (табл. 48) и что экономические зависимые чаще подвергаются экономическому, психологическому и физическому насилию (табл. 49). Данные таблицы 51 показывают, что в семьях с экономически зависимыми взрослыми также чаще происходят конфликты по поводу распределения временных и финансовых ресурсов.

Это понятно в случае с мужчинами – экономическая зависимость взрослых трудоспособных мужчин не является в нашем обществе «нормативной» и часто так или иначе связана с их десоциализацией. Как правило, отсутствие заработка сопровождается асоциальным поведением, и этим объяснимо со-

¹ Баскакова М.Е. Экономическая эффективность инвестиций в образование: гендерный аспект. М.: Гелиос АРВ, 2002.

² Dowling C. Op. cit. P. 44.

циально-психологическое неблагополучие семей таких мужчин.

Таблица 51

Наличие разных видов конфликтов в семьях (среди респондентов, проживающих в домохозяйствах размером более 1 чел., N=819)

Случаются ли в Вашей семье следующие виды конфликтов?	Положительные ответы по группам, %					
	Зависимые (0-9% семейного бюджета)		Вкладывающие от 10 до 73%		Кормильцы (75-100% бюджета)	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Из-за распределения домашних обязанностей	47	56	44	47	51	42
Из-за нехватки денег, неспособности членов семьи зарабатывать	45	49	44	46	37	38
По поводу расходов семейного бюджета	45	40	40	50	43	32
<i>Среднее количество упомянутых видов конфликтов</i>	1,4	1,4	1,3	1,4	1,3	1,1

Однако анализ данных таблиц 49 и 51 показывает нелинейный характер взаимодействия фактора экономической зависимости и частоты семейных конфликтов и насилия. Линейный характер этой зависимости несколько более свойственен женщинам: экономически зависимые чаще подвергаются различным видам насилия и чаще упоминают о наличии семейных конфликтов, имеющих экономическую природу. Женщины-«кормильцы» (многие из которых являются главами неполных домохозяйств), напротив, наиболее редко упоминают и о конфликтах, и о насилиях в своих семьях. Как отмечает Н. Тихонова, комментируя результаты своих исследований, ощущение равенства прав в семье является важнейшей предпосылкой того, чтобы женщина считала свою семейную жизнь счастливой, причем важнее скорее равенство прав с мужчиной, чем ее главенство в семье¹.

Что же касается мужчин, то проявление насилия в отношении них и на-

¹ Тихонова Н.Е. Феномен городской бедности в современной России. М.: Летний сад, 2003. С. 203.

личие семейных конфликтов, скорее всего, опосредовано рядом других факторов, более значимых, чем доля их доходов в семейном бюджете. Это, как мы уже отмечали, модель «сотрудничества» или «торга» в семейных отношениях; патриархальные / эгалитарные установки мужчин; бытовой инфантилизм; проживание на одной жилплощади с родственниками жены. Интересно при этом, что реже всего конфликты и насилие в отношении респондентов-мужчин наблюдаются как раз не в семьях «кормильцев», а в тех, где они вкладывают до 75% бюджета. Мы можем предположить, что мужчины-кормильцы более других склонны к «торгу» относительно своего неучастия в домашнем труде или контроля над семейными ресурсами, что и провоцирует конфликты. Это позволяет предположить, что наиболее психологически комфортными для супругов являются именно двухзарплатные семьи, а вовсе не «традиционная» модель «домохозяйка – кормилец».

Кумулятивный характер экономической зависимости женщин в семье. Рисунок 1 показывает взаимосвязь структурных, культурных и индивидуально-личностных факторов женской экономической зависимости в семье.

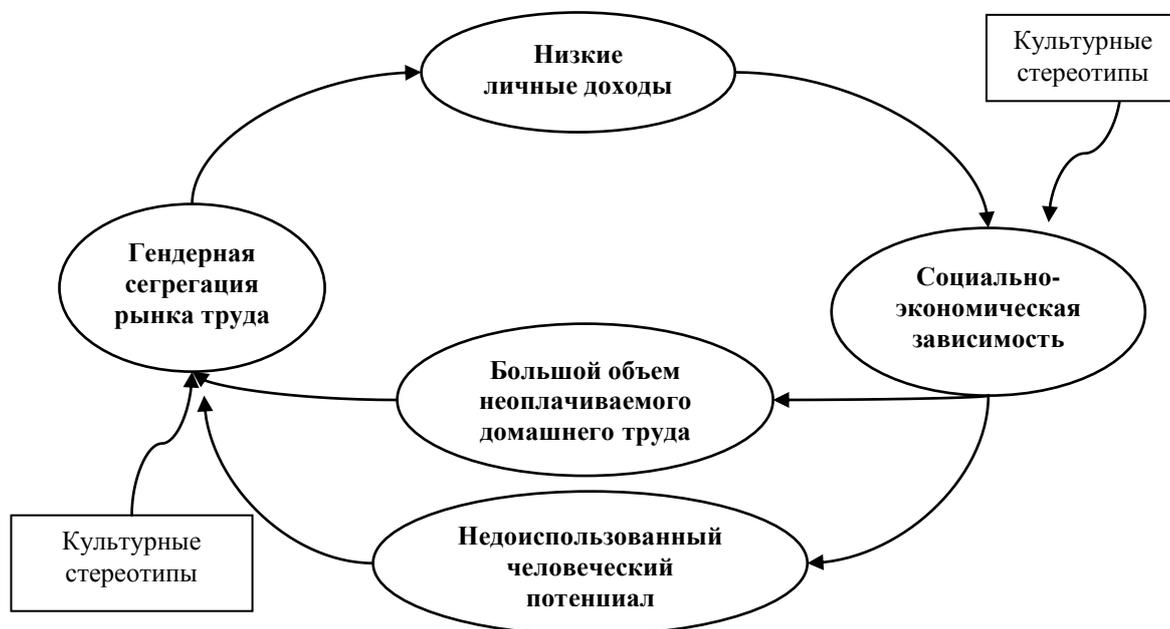
Экономическая зависимость в семье оправдывает традиционное гендерное разделение труда, ослабляя позицию женщины в «торге» внутри домохозяйства. Экономически зависимые женщины выполняют значительно больший объем домашнего труда, чем независимые, а также оставляют недоиспользованным свой человеческий потенциал, который бы позволил ей стать более успешной в публичной сфере.

Большая нагрузка в домашнем хозяйстве и недоиспользованный человеческий капитал снижают востребованность женщин на рынке труда и являются основаниями для дискриминационных стереотипов. Результат – гендерная сегрегация оплачиваемой занятости, являющаяся причиной низких личных доходов женщин (их экономической маргинализации¹).

¹ Lister, R. Citizenship : Feminist Perspectives. P. 108.

Рисунок 1

«Порочный круг» гендерного неравенства в экономической сфере

Низкие личные доходы обуславливают экономическую зависимость женщин, заставляя их искать источники внешней поддержки жизнеобеспечения себя и своих детей – мужа, партнера, государство.

Культурные стереотипы относительно «предназначения женщины» или «подходящей» для женщины работе, создают видимость «добровольности» и «рациональности» соглашений относительно домашней работы и низкооплачиваемой занятости, которые в действительности являются следствием гендерного неравенства и экономической зависимости.

В результате женщины, попавшие в этот «порочный круг», могут менять сферы своей зависимости (домохозяйство – социальные сети – государство), однако гораздо сложнее выйти из зависимого состояния. Платой за этот выход нередко становится бедность.

Итак, в нашей культуре «успешная» жизненная стратегия женщин связывается с наличием провайдера-мужчины и экономической зависимостью, которая закрепляет традиционное гендерное разделение труда и не позволяет

им на равных конкурировать с мужчинами в публичной сфере. Чем больше собственных ресурсов женщина «инвестирует» в умение быть хорошей хозяйкой и матерью, тем в большей степени она становится зависимой (экономически и психологически) от узкого круга самых близких ей людей. То, что женщины не развивают (а фактически растрачивают) свой человеческий потенциал, обуславливает не только их более низкие с мужчинами жизненные шансы и экономическую уязвимость. Присоединимся к мнению американского исследователя М. Киммела, утверждающего, что «наполовину завершенная революция» XX столетия оставила многих женщин фрустрированными и несчастливыми – они по-прежнему неспособны «иметь все» – быть хорошими матерями и при этом – эффективными и амбициозными работниками¹. Действительно, профессиональная успешность женщин сегодня по-прежнему в большей степени связывается с отказом от создания собственной семьи или трудовыми сверхнагрузками («стратегия суперженщины») и в гораздо меньшей – с эгалитарными отношениями в семье.

Что же касается мужчин, то их «успешность» может быть описана как «стратегия накапливания преимуществ» в экономической сфере. Культурные нормы мужской социализации не заставляют мужчину делать выбор «карьера или семья», позволяя ему быть одинаково успешным в обеих сферах. В отличие от женщин, мужчины, инвестируя свои ресурсы в достижение позиции в иерархии оплачиваемой занятости, расширяют себе доступ к все большему количеству дополнительных ресурсов, обеспечивая себе большую экономическую независимость в настоящем (должностные привилегии, кредитоспособность) и будущем (трудовая пенсия, собственность, сбережения). Большая трудовая нагрузка в сфере оплачиваемой занятости, высокие личные доходы и статус основного кормильца семьи, в отличие от женщин, являются убедительными аргументами в пользу минимизации их трудовой нагрузки в домохозяйстве, что высвобождает ресурсы для дальнейшего разви-

¹ Kimmel M. *The Gendered Society*. N.Y. & Oxford: Oxford University press, 2000. P. 267.

тия человеческого капитала, необходимого для самореализации в профессиональной сфере, а также ресурсы для рекреационной деятельности.

Однако традиционное гендерное разделение труда, основанное на искусственном разделении публичной и приватной сфер, по словам Киммела, в реальности *обедняет жизнь как женщин, так и мужчин*. Женщины по-прежнему остаются «заточенными» в доме, в то время как мужчины – «высланными» из него. Киммел приводит слова писателя Ф. Делла, написанные еще в 1917 году: «Если вы заключили женщину в коробку..., это больше не совместная жизнь – это жизнь по раздельности. Одна половина жизни – готовка, одежда и дети; другая половина – бизнес, политика и бейсбол. Нет большой разницы в том, какая половина хуже. Любая половина, если речь идет о жизни, – это почти то же самое, что вообще ничего»¹.

Заключение к параграфу 4.4

Экономически зависимыми в домохозяйстве являются 13% нижегородцев трудоспособных возрастов. Две трети из них представлены женщинами, треть – мужчинами. Женская экономическая зависимость в домохозяйстве в большей степени связана с состоянием в браке, статусом домохозяйки или пребыванием в отпуске по уходу за ребенком. Мужская – с нестабильной занятостью и низкими личными доходами.

Непосредственным фактором экономической зависимости в домохозяйстве является отсутствие или низкая величина личных доходов. В свою очередь, отсутствие независимого достаточного дохода обусловлено 1) законодательными ограничениями на возможность заниматься определенными видами профессиональной деятельности; 2) традиционным гендерным разделением труда; 3) женской зависимостью как культурной нормой.

¹ Ibid. P. 268.

В ситуации экономической зависимости в семье возникают отношения власти, которые были классифицированы нами на три группы: 1) ограничение возможностей контроля экономических ресурсов домохозяйства; 2) закрепление неравного распределения домашнего труда; 3) ограничение физической и эмоциональной автономии зависимого члена семьи, психологическое и физическое насилие в отношении него. Монополизация провайдером возможностей контроля экономических ресурсов домохозяйства обеспечивает ему 1) большие возможности для потребления; 2) рычаги внеэкономического принуждения зависимых; 3) возможность манипулирования сознанием зависимых, поддержания у них моральных обязательств по отношению к себе. Наиболее ярко отношения власти на основе экономической зависимости выражены в обеспеченных семьях.

Частота упоминания случаев физического и психологического насилия в отношении респондентов в семьях обнаружила линейную взаимосвязь с экономической зависимостью у женщин: зависимые подвергаются различным видам насилия наиболее часто, «кормильцы» – реже всех. У мужчин отсутствует линейная взаимосвязь между зависимостью и насилием: чаще всего подвергаются насилию экономически зависимые, реже – те, которые вносят сопоставимый с другими членами семьи вклад в семейный бюджет.

Количественный эмпирический анализ показал, что в целом взаимосвязь экономической зависимости и бесправия в нижегородских семьях выражена значительно слабее, чем в американских и западноевропейских семьях «среднего класса». Статус кормильца семьи обеспечивает *потенциальную* власть над зависимыми, однако в исследованных нами семьях она далеко не всегда оказывается *востребованной*.

К факторам, препятствующим реализации провайдерами своих властных преимуществ в семье, нами отнесены: 1) «модель сотрудничества» в супружеских отношениях; 2) значительная экономическая роль женщины в условиях недостаточного семейного дохода; 3) бытовой инфантилизм российских

мужчин как наследие советской гендерной системы; 4) проживание в расширенных семьях.

Негативные последствия экономической зависимости в семье включают: 1) экономическую уязвимость зависимого; 2) недоиспользованный человеческий капитал зависимого; 3) социально-психологическое неблагополучие семей, где есть взрослые экономически зависимые члены – как женщины, так и мужчины.

«Порочный круг» экономической зависимости женщин и гендерного экономического неравенства заключается в воспроизводстве культурных норм гендерной идентичности, властных отношений и иллюзии «рациональности» неравного распределения домашних обязанностей. Большой объем домашнего труда, аргументом которому служит экономическая несостоятельность женщин, еще больше эту несостоятельность углубляет. Преимущественная ответственность женщин за домашнее хозяйство уменьшает их способность зарабатывать, обуславливает худшие карьерные перспективы и недостижимые ценности в профессиональной сфере, меньшую мобильность, а значит, закрепляет экономическую зависимость женщин от мужей, работодателя или государства.

Преодолеть экономическую зависимость женщин может только трансформация института современной семьи, сущность которой – отказ от традиционного гендерного разделения домашнего труда. Роль государства в этой трансформации должна заключаться не в компенсации последствий гендерного экономического неравенства, но в поощрении «активного отцовства» и принятии на себя функций обслуживания и ухода, традиционно выполняемых женщинами в семье.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Научная проблема, решению которой было посвящено диссертационное исследование, заключается в противоречии современных тенденций индивидуализации и либерализации социальной жизни сохраняющимся и воспроизводимым массовым установкам на социально-экономическую зависимость и «зависимым» моделям экономического поведения. Предложенная автором интегральная модель отношений Зависимого и Провайдера направлена на достижение цели диссертационной работы – комплексное изучение социально-экономической зависимости трудоспособного населения как социального феномена в условиях индивидуализации жизни современного общества. В соответствии с заявленной целью и задачами диссертационного исследования сформулируем его *основные выводы*.

Основными компонентами отношений социально-экономической зависимости как в публичной, так и в частной сферах являются следующие: 1) Потребность Зависимого в ресурсах жизнеобеспечения; 2) Монополия Провайдера на необходимые Зависимому ресурсы; 3) Заменяемость Зависимого для Провайдера; 4) Властные преимущества Провайдера; 5) Воспроизводящийся и кумулятивный характер отношений зависимости.

В отличие от стран Запада, социально-экономическая зависимость является одним из компонентов российской экономической культуры, сформированной в условиях многовековых структурных ограничений экономической свободы со стороны государства и крестьянской общины. На всем протяжении истории России отношения социально-экономической зависимости и соответствующие культурные нормы были неэффективными и тормозили социально-экономическое развитие страны.

В настоящее время социально-политические установки массового сознания больше тяготеют к консервативно-патерналистской модели, нежели к

либерально-рыночной. Однако определяющей для степени адаптированности является ориентация на зависимость / самостоятельность в индивидуальном экономическом поведении. Установки на социально-экономическую зависимость как нормативную ценность и феномен «зависимой личности» характерны для дезадаптированных групп как с точки зрения количественных показателей материальной обеспеченности, так и по критерию социального самочувствия. Доля таких «зависимых дезадаптантов» составляет около трети трудоспособного населения.

К основным факторам, определяющим социально-экономическую зависимость граждан от государства, в сфере трудовых и семейных отношений, относятся «институциональные» (внешние, структурные ограничения индивидуальной экономической свободы); «культурные» (зависимость как нормативная ценность); «индивидуально-личностные» (объективная низкая ресурсная обеспеченность зависимых и субъективное восприятие себя как неэффективного и зависимого).

Во всех трех рассмотренных нами сферах женщины преобладают среди респондентов с высокими показателями социально-экономической зависимости. Наиболее уязвимыми и дезадаптированными оказались респонденты, зависимые в публичной сфере – от государства и работодателя. Ядро этой группы составляют низкоресурсные «работающие бедные». Экономическая зависимость в семье представляет собой тип «зависимой женской адаптации» и связана с состоянием в браке, статусом домохозяйки или пребыванием в отпуске по уходу за ребенком.

Властные преимущества Провайдера в отношении Зависимого наблюдаются в условиях персонифицированной социально-экономической зависимости в сфере трудовых и семейных отношений. Она является основанием для манипулирования 1) поведением и 2) сознанием зависимых. В первом случае власть обеспечивает провайдерам более широкий доступ к ресурсам и выгодных условий взаимодействия с зависимыми. Во втором власть направ-

лена на саму личность зависимых, их установки, ценности, представления о себе и обязательствах перед своими провайдерами.

Хотя зависимое экономическое поведение можно трактовать как «адаптивное» с точки зрения минимизации собственных усилий индивида по приобретению ресурсов, необходимых для выживания, в целом отношения зависимости неэффективны как для Зависимого, так и для Провайдера. Самовоспроизводящийся характер отношений социально-экономической зависимости обусловлен стремлением Провайдера сохранить контроль над ресурсами и закрепить депривацию от этих ресурсов Зависимого. Состояние экономической зависимости формирует и закрепляет у индивидов черты «зависимой личности», что препятствует достижению ими независимости.

Как нам представляется, перспективным направлением дальнейшего развития настоящей темы может быть изучение отношений зависимости в социальных сетях, то есть в приватной сфере экономического взаимодействия, выходящего за рамки отдельного домохозяйства. Большое количество опубликованных исследований сетевых взаимодействий подчеркивают их реципрокный характер, уделяя гораздо меньшее внимание «неравноценным» обменам. В теоретическом же плане перспективной выглядит дальнейшая разработка категории социальной власти, в частности, специальное изучение проблем эксплуатации, влияния, принуждения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алашеев, С. О любви особого рода и специфике советского производства / С. Алашеев // Социологический журнал. – 1997. – № ½. – С. 169-182.
2. Александрова, А.Л. Бедность и льготы: мифы и реальность / А.Л. Александрова, Л.Н. Овчарова, С.В. Шишкин. – М.: Народная Ассамблея, Независимый институт социальной политики, Фонд «Институт экономики города», 2003. – 48 с.
3. Алексеев, А.В. Экономическая политика правительства России – пленница и генератор «институциональной ловушки» / А.В. Алексеев // Трансформация экономических институтов в постсоветской России (микроэкономический анализ) / Под ред. Р.М. Нуреева. – М.: МОНФ, 2000. – С. 94-109. – ISBN 5-89554-211-5.
4. Антология социальной работы : в 5 т. / Сост. М.В. Фирсов. – Т. 3. – М.: НВФ «Социально-психологические технологии», 1995. – 311 с.
5. Афанасьев, М.Н. Клиентелизм и российская государственность / М.Н. Афанасьев. – М.: МОНФ, 1997. – 301 с. – ISBN 5-89554-005-8.
6. Бажин, Е.Ф. Метод исследования уровня субъективного контроля / Е.Ф. Бажин, Е.А. Голынкина, А.М. Эткинд // Психологический журнал. – 1984. – Т. 5, № 3. – С. 152-163.
7. Балабанова, Е.С. Андекласс: понятие и место в обществе / Е.С. Балабанова // Социологические исследования. – 1999. – № 12. – С. 65-70.
8. Балабанова, Е.С. Вынужденные мигранты: жизненные трудности и ресурсы их преодоления / Е.С. Балабанова // Куда идет Россия? Власть, общество, личность / Под общ. ред. Т.И. Заславской. – М., 2000. – С. 349-358. – ISBN 5-93725-001-X.
9. Балабанова, Е.С. Вынужденные мигранты: стратегии совладания с жизненными трудностями / Е.С. Балабанова // Экономическая социология. – 2000. – Т. 1, № 2. [http:// www.ecsoc.msses.ru/pdf/ecsoc002.pdf](http://www.ecsoc.msses.ru/pdf/ecsoc002.pdf) – С. 35-53.
10. Балабанова, Е.С. Гендерные различия стратегий совладания с жизненными трудностями / Е.С. Балабанова // Социологические исследования. – 2002. – № 11. – С. 26-36.
11. Балабанова, Е.С. Домашний труд как символ гендера и власти / Е.С. Балабанова // Социологические исследования. – 2005. – № 6. – С. 109-120.

12. Балабанова, Е.С. Зависимость женщин: теоретические подходы к изучению / Е.С. Балабанова // Гендерные исследования. – 2000. – № 4. – С. 266-277.
13. Балабанова, Е.С. Зависимый работник: социальные характеристики и причины формирования / Е.С. Балабанова // Медиевистика и социальная работа : Сборник научных трудов / Под ред. Е.А. Молева. – Н. Новгород: ННГУ, 2004. – С. 161-175.
14. Балабанова, Е.С. Институциональные условия трансфера технологий / Е.С. Балабанова, А.О. Грудзинский // Социологические исследования. – 2001. – № 4. – С. 39-48.
15. Балабанова, Е.С. Исторические особенности генезиса российского рынка / Е.С. Балабанова // Становление рынка в постсоветской России: Институциональный анализ / Под ред. Р.М. Нуреева. – М.: Аспект Пресс, 2002. – С. 9-56. – ISBN 5-7567-0276-8
16. Балабанова, Е.С. Модернизация предприятий: факторы и направления / Е.С. Балабанова, А.О. Грудзинский, Ю.Г. Кудряшов // Социологические исследования. – 2002. – № 6. – С. 18-28.
17. Балабанова, Е.С. О комплексном характере социологических исследований / Е.С. Балабанова // Социологические исследования. – 2002. – № 10. – С. 11-16.
18. Балабанова, Е.С. Особенности российской экономической ментальности / Е.С. Балабанова // Мир России. Социология. Этнология. – 2001. – Т. X, № 3. – С. 67-77.
19. Балабанова, Е.С. Особенности российской экономической ментальности / Е.С. Балабанова // Экономические субъекты в постсоветской России: институциональный анализ / Под ред. Р.М. Нуреева. – М.: МОНФ, 2001. – С. 66-98. – ISBN 5-89554-211-5.
20. Балабанова, Е.С. Отношения зависимости и партнерства в адаптационных стратегиях сельхозпредприятий / Е.С. Балабанова // Организация в фокусе социологических исследований : Материалы международной научно-практической конференции / Под общ. ред. З.Х. Саралиевой. – Т. 1. – Н. Новгород: Издательство НИСОЦ, 2005. – С. 84-88. – ISBN 5-93116075-2.
21. Балабанова, Е.С. Потребление и сбережения домохозяйств современной России: между престижным потреблением «Новых русских» и аскетизмом «Новых Бедных» / Е.С. Балабанова // Экономические субъекты в постсоветской России: институциональный анализ / Под ред. Р.М. Нуреева. – М.: МОНФ, 2001. – С. 194-220. – ISBN 5-89554-211-5.

22. Балабанова, Е.С. Процессы накопления преимуществ и углубления депривации: к постановке исследовательской проблемы / Е.С. Балабанова, А.С. Балабанов // Экономическая социология. – 2003. – Том 4, № 4. – С. 62-78. <http://www.ecsoc.msses.ru/pdf/ecsoc016.pdf>
23. Балабанова, Е.С. Распределение экономической власти в нижегородских семьях / Е.С. Балабанова // Малая социальная группа: социокультурный и социопсихологический аспекты / Под общ. ред. З.Х. Саралиевой. – Т. 2 – Н. Новгород: Издательство НИСОЦ, 2004. – С. 48-50. – ISBN 5-83116-061-2.
24. Балабанова, Е.С. Социальное неравенство: факторы углубления депривации / Е.С. Балабанова, А.С. Балабанов // Социологические исследования. – 2003. – № 7. – С. 34-43.
25. Балабанова, Е.С. Социально-экономическая зависимость в массовом сознании населения современной России / Е.С. Балабанова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». – Вып. 1(3) – 2004. – С. 93-102. – ISSN 1811-5942.
26. Балабанова, Е.С. Социально-экономическая зависимость женщин / Е.С. Балабанова // Экономическая социология. – 2003. – Т. 4, № 3. <http://www.ecsoc.msses.ru/pdf/ecsoc015.pdf> – С. 106-119.
27. Балабанова, Е.С. Социально-экономическая зависимость и социальный паразитизм: стратегии «негативной адаптации» / Е.С. Балабанова // Социологические исследования. – 1999. – № 4. – С. 46-57.
28. Балабанова, Е.С. Социально-экономическая зависимость: история, теория, современность : Монография / Е.С. Балабанова. – Н. Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета, 2004. – 269 с. – ISBN 5-85746-676-8.
29. Балабанова, Е.С. Социально-экономическая зависимость как социологическая категория / Е.С. Балабанова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки» – Вып. 1. – Н. Новгород: Издательство Нижегородского университета, 2001. – С. 39-42. – ISBN 5-85746-466-8.
30. Балабанова, Е.С. Социально-экономическая зависимость как установка экономически неуспешных групп населения / Е.С. Балабанова // Перекресток культур: Междисциплинарные исследования в области гуманитарных наук. – М.: Логос, 2004. – С. 168-195. – ISBN 5-94010-309-X.
31. Балабанова, Е.С. Социально-экономическая зависимость населения в условиях российских реформ / Е.С. Балабанова // Трансформация экономических институтов в постсоветской России (микроэкономиче-

- ский анализ) / Под ред. Р.М. Нуреева. – М.: МОНФ, 2000. – С. 176-188. – ISBN 5-89554-155-0.
32. Балабанова, Е.С. Сочетание качественных и количественных методов в социологических исследованиях / Е.С. Балабанова // Социологические исследования в социальной работе. – Н. Новгород: НИСОЦ, 2001. – С. 63-70. – ISBN 5-93116-036-1.
33. Балабанова, Е.С. Стратегии совладания с жизненными трудностями: самостоятельность или зависимость? / Е.С. Балабанова // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3, № 3. – С. 59-78. <http://www.ecsoc.msses.ru/pdf/ecsoc010.pdf>.
34. Балабанова, Е.С. Теории «зависимой личности»: возможности социологической интерпретации / Е.С. Балабанова // Личность. Культура. Общество. – 2005. – Т. 7. – Вып. 4 (28). – С. 94-103. – ISSN 1606-951X.
35. Балабанова, Е.С. Типы стратегий совладания с жизненными трудностями / Е.С. Балабанова // Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / Под общ. ред. Т.И. Заславской. – М.: МВШСЭН, 2001. – С. 333-339. – ISBN 5-93725-004-4.
36. Балабанова, Е.С. Экономическая зависимость женщин: сущность, причины и последствия / Е.С. Балабанова // Социологические исследования. – 2006. – № 4. – С. 47-57.
37. Балабанова, Е.С. Экономические основания социальной власти: теоретическая модель социально-экономической зависимости / Е.С. Балабанова // Социологические исследования. – 2006. – № 1. – С. 54-64.
38. Барсукова, С.Ю. Формальное и неформальное трудоустройство: парадоксальное сходство на фоне очевидного различия / С.Ю. Барсукова // Социологические исследования. – 2003. – № 7. – С. 3-15.
39. Баскаков, В.Н. О пенсиях для мужчин и женщин: Социальные аспекты пенсионной реформы / В.Н. Баскаков, М.Е. Баскакова. – М.: Московский философский фонд, 1998. – 200 с. – ISBN 5-86248-079-8.
40. Баскакова, М.Е. Экономическая эффективность инвестиций в образование: гендерный аспект / М.Е. Баскакова. – М.: Гелиос АРВ, 2002. – 272 с. – ISBN 5-85438-051-X.
41. Бауман, З. Возвышение и упадок труда / З. Бауман // Социологические исследования. – 2004. – № 5. – С. 77-85.
42. Бауман, З. Рассказанные жизни и прожитые истории / З. Бауман // Социологические исследования. – 2004. – № 1. – С. 5-14.

43. Бедность: взгляд ученых на проблему / Под ред. М. А. Можинной. М.: ИСЭПН РАН, 1994. – 287 с. – ISBN 5-50410-069-2.
44. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с. – ISBN 5-89826-059-5.
45. Беляева, Л.А. Россия в контексте мировых переходных процессов в конце XX века / Л.А. Беляева // Мир России. – 1998. – Т. VI, № 4. – С. 140-153.
46. Беляева, Л.А. Социальный портрет возрастных когорт в постсоветской России / Л.А.Беляева // Социологические исследования – 2004. – № 10. – С. 31-41.
47. Бенериа, Л. Неоплачиваемый труд: в продолжение дискуссии / Л. Бенериа // Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики / Отв. ред. и сост. Е.Б. Мезенцева. – М.: ИСЭПН РАН – МЦГИ – «Русская панорама», 2002. – С. 275-298. – ISBN 5-93165-062-8.
48. Бердяев, Н.А. Судьба России / Н.А. Бердяев. – М.: ЭКСМО, 2004. – 736 с. – ISBN 5- 699-07270-5.
49. Бердяев, Н.А. Философия свободы / Н.А. Бердяев // Н.А. Бердяев. Философия свободы. Смысл творчества. – М.: Правда, 1989. – С. 9-250.
50. Бессонова, О.Э. Институциональная теория хозяйственного развития России / О.Э. Бессонова // Социальная траектория реформируемой России : Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. – Новосибирск: Наука, 1999. – С. 245-273. – ISBN 5-02-031089-1.
51. Брайнс, Дж. Экономическая зависимость, гендер и разделение домашнего труда / Дж. Брайнс // Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики / Отв. ред. и сост. Е.Б. Мезенцева. – М.: ИСЭПН РАН-МЦГИ-«Русская панорама», 2002. – С. 328-349. – ISBN 5-93165-062-8.
52. Булавка, Л.А. Портрет протестного движения в постсоветской России. Самозащита прав трудовых коллективов в современной России / Л.А. Булавка. – М.: Слово, 2001. – 125 с.
53. Бурдье, П. Формы капитала / П. Бурдье // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 519-536. – ISBN 5-8243-0574-9
54. В поиске социальной парадигмы («круглый стол») // Социологические исследования. – 1995. – № 10. – С. 33-48.

55. Валлерстайн, И. После либерализма / И. Валлерстайн. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 256 с. – ISBN 5-354-00509-4.
56. Вебер, М. Основные понятия стратификации / М. Вебер // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 33-42.
57. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер // Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 48-180.
58. Вебер, М. Типы господства / М. Вебер // Социологические исследования. – 1988. – № 5. – С. 138-147.
59. Великая, Н.М. Проблемы консолидации общества и власти / Н.М. Великая // Социологические исследования. – 2005. – № 5. – С. 69-71.
60. Верховин, В.И. Модели экономического поведения и их вербализация в русском народном фольклоре / В.И. Верховин // Мир России. Социология, этнология. – 2001. – Т. X, № 1. – С. 106-124.
61. Везрманн, Р. Предприниматели Эстонии: либеральная общность или этническая разобщенность? / Р.Везрманн, Хелемяэ Е // Социологические исследования. – 2004. – № 8. – С. 30-40.
62. Витковская, Г.С. Адаптация вынужденных мигрантов в разных типах поселений в России / Г.С. Витковская // Миграция и урбанизация в СНГ и Балтии в 90-е годы / Под ред. Ж. Зайончковской. – М.: Адамант, 1999. – 358 с.
63. Вишневский, А.Г. Демографическая модернизация России и ее противоречия / А.Г. Вишневский // Мир России. – 1999. – № 4. – С. 5-21.
64. Вишневский, А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР / А.Г. Вишневский. – М.: ОГИ, 1998. – 432 с. – ISBN – 5-900241-15-7.
65. Ворожейкина, Т.Е. Глядя назад: возможные альтернативы в развитии перестройки / Т.Е. Ворожейкина // Общественные науки и современность. – 2005. – № 5. – С. 17-22.
66. Ворожейкина, Т.Е. Государство и общество в России: исчерпание государственно-центричной матрицы развития / Т.Е. Ворожейкина // Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики / Под общ. ред. Т.И. Заславской. – М.: МВШСЭН, 2002. – С. 34-41. – ISBN 5-93725-013-3.
67. Галицкий, Е.Б. Возможности процедур многомерного статистического анализа при изучении ценностной дифференциации общества / Е.Б. Галицкий, С.Г. Климова // Социологический журнал. – 2002. – № 3. – С. 69-97.

68. Гендерные проблемы и развитие. Стимулирование развития через гендерное равенство в правах, в доступности ресурсов и возможности выражать свои интересы: Научный доклад о политике Всемирного банка. – М.: «Весь Мир», 2002. – 386 с. – ISBN 5-7777-0153-1
69. Герцен, А.И. Мясо освобождения / А.И. Герцен. Собр. соч. в 30-ти т. – Т. 16. – М.: АН СССР, 1959. – С. 25-29.
70. Гидденс, Э. Социология / Науч. ред. В.А. Ядов / Э. Гидденс. – М.: УРСС, 1999. – 704 с. – ISBN 5-901006-82-8.
71. Гиляровский, В.А. Москва и москвичи / В.А. Гиляровский // Собр. соч. в 4-х т. – Т. 4. – М.: Правда, 1989. – С. 3-374.
72. Гнатюк, О.Л. Н.С. Тимашев как социолог / О.Л. Гнатюк // Социологические исследования. – 2001. – № 6. – С. 104-112.
73. Гоббс, Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс // Соч.: в 2-х т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1991. – С. 3-546.
74. Голенкова, З.Т. Гражданское общество в России / З.Т. Голенкова // Социологические исследования. – 1997. – № 3. – С. 25-37.
75. Голенкова, З.Т. Профессионалы – портрет на фоне реформ / З.Т. Голенкова, Е.Д. Игитханян // Социологические исследования. – 2005. – № 2. – С. 28-36.
76. Голосенко, И.А. Нищенство как социальная проблема (Из истории до-революционной социологии бедности) / И.А. Голосенко // Социологические исследования. – 1996. – № 7. – С. 27-36; № 8. – С. 18-26.
77. Гордон, Л.А. Субъективные ошибки или объективные обстоятельства? / Л.А. Гордон // Общественные науки и современность. – 1998. – № 5. – С. 25-37.
78. Горшков, М.К. Богатство и бедность в представлениях россиян / М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова // Социологические исследования. – 2004. – № 3. – С. 16-22.
79. Горшков, М.К. Перспективы демократии в России: угрозы реальные и мнимые / М.К. Горшков, В.В. Петухов // Социологические исследования. – 2004. – № 8. – С. 23-33.
80. Готлиб, А.С. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты / А.С. Готлиб. – Самара: «Универс-групп», 2004. – 383 с. – ISBN 5-98421-894-5
81. Готлиб, А.С. Смыслы и ценность свободы в контексте социальной адаптации: попытка эмпирического анализа / А.С. Готлиб // Вестник Самарского университета. – 2002. – С. 65-79.

82. Готлиб, А.С. Социально-экономическая адаптация россиян: факторы успешности-неуспешности / А.С. Готлиб // Социологические исследования. – 2001. – № 7. – С. 51-57.
83. Грановеттер, М. Экономические институты как социальные конструкты: рамки анализа / М. Грановеттер // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2004. – Т. VII. – № 1. – С. 75-89.
84. Гудков, Л.Д. Исследования постсоветской России в свете теории тоталитаризма / Л.Д. Гудков // Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики / Под общ. ред. Т.И. Заславской. – М.: МВШСЭН, 2002. – С. 22-34. – ISBN 5-93725-013-3.
85. Гудков, Л.Д. Реформы и процессы общественной примитивизации / Л.Д. Гудков // Кто и куда стремится вести Россию? Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / Под общ. ред. Т.И. Заславской. – М.: МВШСЭН, 2001. – С. 283-297. – ISBN 5-93725-004-4.
86. Гудков, Л.Д. «Тоталитаризм» как теоретическая рамка: попытки ревизии спорного понятия / Л.Д. Гудков // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2001. – № 6 (56). – С. 35-47.
87. Гутник, В.П. Социальное государство: тупик или возможность обновления? / В.П. Гутник // Куда идет Россия? Трансформация социальной сферы и социальная политика / Под общ. ред. Т.И. Заславской. – М.: Дело, 1998. – С. 15-24. – ISBN 5-7749-0122-Х.
88. Данилова, Е.Н. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ / Е.Н. Данилова, В.А. Ядов // Социологические исследования. – 2004. – № 10. – С. 27-30.
89. Данцигер, Ш. Бедность / Ш. Данцигер // Энциклопедия социальной работы. Пер. с англ. – Т. 1. – М., 1993. – С. 46-51.
90. Димаджио, П. Культура и хозяйство / П. Димаджио // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 471-518. – ISBN 5-8243-0574-9.
91. Достоевский, Ф.М. Братья Карамазовы / Ф.М. Достоевский // Полн. собр. соч. в 30-ти т. – ТТ. 14, 15. – Л.: Наука, 1974.
92. Достоевский, Ф.М. Вступительное слово, сказанное на литературном утре в пользу студентов Санкт-Петербургского университета 30 декабря 1879 года перед чтением главы «Великий Инквизитор» / Ф.М. Достоевский // Полн. собр. соч. в 30-ти т. – Т. 15. – Л.: Наука, 1974. – С. 422-437.

93. Достоевский, Ф.М. Дневник писателя. 1873 // Ф.М. Достоевский. Дневник писателя. Избранное. – М.: Современник, 1989. – С. 14-137.
94. Достоевский, Ф.М. Зимние заметки о летних впечатлениях / Ф.М. Достоевский // Полн. собр. соч. в 30-ти т. – Т. 5. – Л.: Наука, 1973. – С. 46-98.
95. Дудченко, О. Социальное самочувствие работников на предприятиях разного стиля менеджмента и уровня конкурентоспособности / О. Дудченко, А. Мытиль // Становление трудовых отношений в постсоветской России / Под ред. Дж. Де Барделебен, С. Климовой, В. Ядова. – М.: Академический проект, 2004. – С. 95-110. – ISBN 5-8291-0446-6.
96. Жидкова, Е.М. Ориентация на незанятость среди проблемных групп на рынке труда / Е.М. Жидкова // Социологические исследования – 2005. – № 3. – С. 52-62.
97. Заславская, Т.И. Неправовые трудовые практики и социальные трансформации в России / Т.И. Заславская, М.А. Шабанова // Социологические исследования. – 2002. – № 6. – С. 13-22.
98. Заславская, Т.И. Проблема институционализации неправовых практик в сфере труда / Т.И. Заславская, М.А. Шабанова // Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики / Под общ. ред. Т.И. Заславской. – М.: МВШСЭН, 2002. – С. 137-148. – ISBN 5-93725-013-3.
99. Заславская, Т.И. Социоструктурный аспект трансформации российского общества / Т.И. Заславская // Социологические исследования. – 2001. – № 8. – С. 3-12.
100. Заславская, Т.И. Трансформационный процесс в России: социоструктурный аспект / Т. И. Заславская // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. – Новосибирск: Наука, 1999. – С. 149-168. – ISBN 5-02-031089-1.
101. Захаров, Н.Л. Воровство и льготы в структуре трудового поведения / Н.Л. Захаров // Социологические исследования. – 2001. – № 6. – С. 67-72.
102. Зборовский, Г.Е. К взаимодействию религиозного и светского образования в современных условиях / Г.Е. Зборовский, Н.Б. Костина // Социологические исследования. – 2002. – № 12. – С. 107-112.
103. Здравомыслова, Е.А. Женщины без работы / Е.А. Здравомыслова // Все люди – сестры. Бюллетень № 3. – СПб., 1994. – С. 19-22.

104. Здравомыслова, Е.А. Исследования женщин и гендерные исследования на Западе и в России / Е.А.Здравомыслова, А.А. Темкина // *Общественные науки и современность* – 1999. – № 6. – С. 177-185.
105. Зелизер, В. Создание множественных денег / В. Зелизер // *Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики* / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 413-430. – ISBN 5-8243-0574-9.
106. Зиновьев, А.А. Запад. Феномен западнизма / А.А. Зиновьев. – М.: Центрполиграф, 1995. – 448 с.
107. Иваницкий, В.Г. Архетипы успеха в русских народных сказках / В.Г. Иваницкий // *Этика успеха*. – Вып. 8. – Тюмень-Москва, 1996. – С. 77-85.
108. Игумен Вениамин (Новик). Анализ 1-5 глав «Основ социальной концепции русской православной церкви» / Игумен Вениамин // *Социологические исследования*. – 2002. – № 4. – С. 67-75.
109. Иноземцев, В.Л. Постиндустриальное хозяйство и «постиндустриальное» общество (К проблеме социальных тенденций XXI века) / В.Л. Иноземцев // *Общественные науки и современность*. – 2001. – № 3. – С. 140-151.
110. Иноземцев, В.Л. Эксплуатация: феномен сознания и социальный конфликт / В.Л. Иноземцев // *Свободная мысль*. – 1998. – № 2. – С. 84-97.
111. Кабалина, В.И. Предприятие-город: трансформация социальной инфраструктуры в период реформ / В.И. Кабалина, Т.Ю. Сидорина // *Мир России*. – 1999. – Т. VII, № ½. – С. 167-199.
112. Калабихина, И. Теоретические направления гендерного анализа домохозяйства и некоторые вопросы социальной политики / И. Калабихина // *Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики* / Отв. ред. и сост. Е.Б. Мезенцева. – М.: ИСЭПН РАН-МЦГИ-«Русская панорама», 2002. – С. 88-105. – ISBN 5-93165-062-8.
113. Капелюшников, Р.И. Российская модель рынка труда / Р.И. Капелюшников // *Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики* / Под общ. ред. Т.И. Заславской. – М.: МВШСЭН, 2002. – С. 127-137. – ISBN 5-93725-013-3
114. Кардозо, Ф.Э. Зависимость и развитие Латинской Америки. Опыт социологической интерпретации / Ф.Э. Кардозо, Э. Фалетто. – М.: ИЛА РАН, 2002. – 220 с. – ISBN 5-201-05392-0.
115. Кардозо, Ф. Э. Социальные последствия глобализации / Ф.Э. Кардозо // *Латинская Америка*. – 1997. – № 5. – С. 4-11.

116. Касьянова, К. О русском национальном характере / К. Касьянова. – М.: Институт национальной модели экономики, 1994. – 267с. – ISBN 5-900520-01-3.
117. Кирдина, С.Г. Институциональные матрицы и развитие России / С.Г. Кирдина. – Новосибирск: ИЭиОПП РАН, 2001. – 308 с. – ISBN 5-89665-053-1.
118. Кирилина, А.В. Гендер: лингвистические аспекты / А.В. Кирилина. – М.: ИС РАН, 1999. – 180 с. – ISBN 5-89697-42-0.
119. Кириченко, О. Правовое регулирование на российском рынке труда / О. Кириченко, П. Кудюкин // Вопросы экономики. – 2003. – № 9. – С. 111-122.
120. Классики менеджмента / Пер. с англ. под общ. ред. Ю.Н. Каптуревского. – С.-Пб.: Питер, 2001. 1160 с. – ISBN 5-318-00126-2.
121. Клеман, К. Неформальные практики российских рабочих / К. Клеман // Социологические исследования. – 2003. – № 5. – С. 62-72.
122. Клеман, К. Формальные и неформальные правила: каков оптимум? / К. Клеман // Становление трудовых отношений в постсоветской России / Под ред. Дж. Де Барделебен, С. Климовой, В. Ядова. – М.: Академический проект, 2004. – С. 135-192. – ISBN 5-8291-0446-6.
123. Клопыжникова, Н.М. Влияние традиционной крестьянской культуры на становление рыночных отношений на селе / Н.М. Клопыжникова // Проблемы перехода России к рыночной экономике. – Вып. V. – М.: МОНФ, 1996. – С. 13-24.
124. Ключевский, В.О. Добрые люди Древней Руси / В.О. Ключевский. – М.: Типогр. Русского т-ва печатного и изд. дела, 1915. – 30 с.
125. Ковалев, Е. Взаимосвязи типа «патрон-клиент» в российской экономике / Е. Ковалев // Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. – М.: Логос, 1999. – С. 125-138. 5-88439-037-8.
126. Козина, И.М. Трудовые практики иностранных рабочих в России / И.М. Козина, М.В. Карелина, Т.А. Металина // Социологические исследования. – 2005. – № 3. – С. 44-52.
127. Козлова, Н.Н. Кризис классических методологий и современная познавательная ситуация / Н.Н. Козлова, Н.М. Смирнова // Социологические исследования. – 1995. – № 11. – С. 12-23.
128. Козырева, П.М. Некоторые тенденции адаптационных процессов в сфере труда / П.М. Козырева // Социологические исследования. – 2005. – № 9. – С. 37-48.

129. Кон, И.С. Ребенок и общество : Историко-этнографическая перспектива./ И.С. Кон. – М.: Наука, 1988. – 271 с.
130. Кон, И.С. Российский мужчина и его проблемы / И.С. Кон // Гендерный калейдоскоп. Курс лекций / Под общ. ред. М.М. Малышевой. – М.: Academia, 2002.– С. 229-242. – ISBN 5-87444-101-8.
131. Корель, Л.В. Социология адаптаций: этюды апологии / Л.В. Корель. – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1997. – 160 с. – ISBN 5-02-032352-7.
132. Коровицына, Н.В. Сравнительный опыт общественных преобразований в постсоциалистических странах / Н.В. Коровицына // Социологические исследования. – 2002. – № 5. – С. 9-18.
133. Коулман, Дж. Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулман // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 13-24.
134. Краткий словарь по социологии / Под общ. ред. Д.М. Гвишиани, Н.И. Лапина. Политиздат, 1988. – 479 с. – ISBN 5-250-00129-7.
135. Култыгин, В.П. Концепция социального обмена в современной социологии / В.П. Култыгин // Социологические исследования. – 1997. – № 5. – С. 85-99.
136. Лапин, Н.И. Власть, вседозволенность и свобода в ценностном сознании россиян / Н.И. Лапин // Куда идет Россия? Власть, общество, личность / Под общ. ред. Т.И. Заславской. – М.: МВШСЭН, 2000. – С. 419-429. – ISBN 5-93725-001-Х.
137. Лапин, Н.И. Инверсия доминантных процессов социокультурной трансформации и ее акторы / Н.И. Лапин // Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / Под общ. ред. Т.И. Заславской. – М.: МВШСЭН, 2001. – С. 75-84. – ISBN 5-93725-004-4.
138. Лапин, Н.И. Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России / Н.И. Лапин // Социологические исследования. – 2003. – № 6. – С. 78-87.
139. Лапин, Н.И. Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций / Н.И. Лапин // Мир России. – 2000. – № 3. – С. 3-21.
140. Левада, Ю.А. Комплексы общественного мнения / Ю.А. Левада // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. – 1997. – № 1(27). – С. 5-16.

141. Левада, Ю.А. От мнений к пониманию. Социологические очерки. 1993-2000 / Ю.А. Левада. – М.: Московская школа политических исследований, 2000. – 576 с. – ISBN 5-93895-005-8.
142. Левашов, В.К. Морально-политическая консолидация российского общества в условиях неолиберальных трансформаций / В.К. Левашов // Социологические исследования. – 2004. – № 7. – С. 27-46.
143. Левшин, А. Социальное обеспечение в СССР – одно из важнейших завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции / А. Левшин // Антология социальной работы : в 3-х т. – Т. 1. – С. 238-240.
144. Лейбович, О.Л. Промышленные рабочие на уральском заводе / О.Л. Лейбович, Н.В. Шушкова // Социологические исследования. – 2005. – № 6. – С. 70-76.
145. Логинов, В.Т. Столыпин как реформатор / В.Т. Логинов // Кто и куда стремится вести Россию? Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / Под общ. ред. Т.И. Заславской. – М.: МВШСЭН, 2001. – С. 26-32. – ISBN 5-93725-004-4.
146. Локк, Дж. Два трактата о государственном правлении / Дж. Локк // Соч. в 3-х т. – Т. 3. – М., 1988. – 668 с. – ISBN 5-244-00084-5.
147. Магун, В.С. О взаимосвязях готовности человека к собственным усилиям и ожидаемой им помощью / В.С. Магун // Психологический журнал. – 1991. – Т. 12, № 6. – С. 40-54.
148. Магун, В.С. Российские трудовые ценности в сравнительной перспективе / В.С. Магун // Социологические чтения. – Вып. 2. – М.: ИС РАН, 1997. – С. 14-23.
149. Магун, В.С. Российские трудовые ценности: идеология и массовое сознание / В.С. Магун // Мир России. – 1998. – № 4. – С. 113-144.
150. Магун, В.С. Структура и динамика трудовых ценностей российского населения / В.С. Магун // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. – М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. – С. 430-448. – ISBN 5-93354-008-0.
151. Малышева, М.М. Глобализация, гендерное неравенство и репродуктивный труд женщин / М.М. Малышева // Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики / Отв. ред. и сост. Е.Б. Мезенцева. – М.: ИСЭПН РАН – МЦГИ – «Русская панорама», 2002. – С. 116-136. – ISBN 5-93165-062-8.
152. Малышева, М.М. Современный патриархат. Социально-экономическое эссе / М.М. Малышева. – М.: Academia, 2001. – 352 с. – ISBN 5-87444-036-4.

153. Мартэн, Д. Социальные измерения трансформации и модернизации: теоретические уроки эмпирических исследований / Д. Мартэн // Социологические исследования. – 2002. – № 8. – С. 57-66.
154. Мезенцева, Е.Б. Гендер в программах социально-экономического развития: анализ международного опыта / Е.Б. Мезенцева // Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики / Отв. ред. и сост. Е.Б. Мезенцева. – М.: ИСЭПН РАН – МЦГИ – «Русская панорама», 2002. – С. 38-70. – ISBN 5-93165-062-8.
155. Мель, Ю. Социальная компетентность как цель психотерапии: проблемы образа Я в ситуации социального перелома / Ю. Мель // Вопросы психологии. – 1995. – № 5. – С. 61-79.
156. Ментальность россиян (Специфика сознания больших групп населения России) / Под общ. ред. И.Г. Дубова. – М.: Имидж-Контакт, 1997. – 478 с.
157. Мещеркина, Е.Ю. Социологическая концептуализация маскулинности / Е.Ю. Мещеркина // Социологические исследования. – 2001. – № 11. – С. 15-26.
158. Мизес, Л. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность / Л. Мизес. – М.: «Каталаксия», 1993. – 240 с. ISBN 5-85900-061-8.
159. Мизес, Л. Либерализм / Л. Мизес. – М.: Экономика, 2001. – 239 с. – ISBN: 5-901901-01-0.
160. Мизес, Л. Социализм. Экономический и социологический анализ / Л. Мизес. – М.: Catallaxy, 1994. – 416 с. – ISBN 0-913966-63-0.
161. Миронов, Б.Н. Отношение к труду в дореволюционной России – Б.Н. Миронов // Социологические исследования. – 2001. – № 10. – С. 99-108.
162. Моисеева, Н.А. Менталитет и национальный характер (О выборе метода исследования) / Н.А. Моисеева, В.И. Сороковникова // Социологические исследования. – 2003. – № 2. – С. 45-55.
163. Монусова, Г.А. Промышленные рабочие в России: адаптация, дифференциация, мобильность / Г.А. Монусова // Социологический журнал. – 1998. – № ½. – С. 12-24.
164. Муздыбаев, К. Переживание бедности как социальной неудачи: атрибуция ответственности, стратегии совладания и индикаторы депривации / К. Муздыбаев // Социологический журнал. – 2001. – № 1. – С. 24-36.

165. Мчедлов, М.П. Конфессиональные особенности религиозной веры и представлений о ее социальных функциях / М.П. Мчедлов, Ю.А. Гаврилов, Е.Н. Кофанова, А.Г. Шевченко // Социологические исследования – 2005. – № 6. – С. 46-56.
166. Мюллер, К. Смена парадигм посткоммунистической трансформации / К. Мюллер, А. Пикель // Социологические исследования. – 2002. – № 9. – С. 67-82.
167. Нестеренко, А.Н. Проблемы российской экономики: институциональный подход // А.Н. Нестеренко. Экономика и институциональная теория / Отв. ред. Л.И. Абалкин. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 416 с. – ISBN 5-8360-0442-0.
168. Никулин, А.М. Кубанский колхоз – в холдинг или асьенду? / А.М. Никулин // Социологические исследования. – 2002. – № 1. – С. 41-51.
169. Никулин, А.М. Предприятия и семьи в России: социокультурный симбиоз / А.М. Никулин // Куда идет Россия? Трансформация социальной сферы и социальная политика / Под общ. ред. Т.И. Заславской. – М.: Дело, 1998. – С. 218-230. – ISBN 5-7749-0122-Х.
170. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. – М.: Фонд экономической книги «Начало», 1997. – 412 с. – ISBN 0-521-39734-0.
171. Нуралиев, Н.Н. Проблемы трудовой миграции из Таджикистана в Россию / Н.Н. Нуралиев // Социологические исследования. – 2005. – № 8. – С. 68-72.
172. Нуреев Р.М. Институциональные условия становления современной российской фирмы / Р.М. Нуреев // Кто и куда стремится вести Россию? Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / Общ. ред. Т.И. Заславской. – М.: МВШСЭН, 2001. – С. 182-193. – ISBN 5-93725-004-4
173. Нуреев, Р.М. Курс микроэкономики / Р.М. Нуреев. – М.: ИНФРА-М, 2000. – 572 с. – ISBN 5-86 225-834-5.
174. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И.Ожегов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 18-е изд. стереотип. – М.: Рус. язык, 1987. – 797 с.
175. Олейник, А.Н. Институциональная экономика / А.Н. Олейник. – М.: Инфра-М, 2000. – 416 с. – ISBN 5-16-000181-6.
176. Олейник, А.Н. Конституция российского рынка: согласие на основе пессимизма? / А.Н. Олейник // Социологические исследования. – 2003. – № 9. – С. 30-41.

177. Олсон М. Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция и социальный склероз / М. Олсон. – Новосибирск: ЭКОР, 1998. – 432 с.
178. Пайпс, Р. Собственность и свобода / Р. Пайпс. – М.: Московская школа полит. исследований, 2000. – 415 с. – ISBN 5-93895-001-5.
179. Партии после выборов («Круглый стол») // Социологические исследования. – 2004. – № 11. – С. 34-45.
180. Петрова, Л.Е. Как «умирают» советские профсоюзы / Л.Е. Петрова // Мир России. – Т. X. – 2001. – № 3. – С. 138-152.
181. Петухов, В.В. Новые поля социальной напряженности / В.В. Петухов // Социологические исследования. – 2004. – № 3. – С. 30-40.
182. Платонов, А. Государственный житель / А. Платонов // А. Платонов. Государственный житель. – Минск: Мастацкая літаратура, 1990. – С. 370-380.
183. Погам, С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования / С. Погам // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1999. – Т. II. Современная французская социология. – С. 149-165.
184. Поздняков, А. Политика регионального выравнивания в России (основные подходы и принципы) / А. Поздняков, Б. Лавровский, В. Масаков // Вопросы экономики. – 2000. – № 10. – С. 74-83.
185. Поланьи, К. Экономика как институционально оформленный процесс / К. Поланьи // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 82-104. – ISBN 5-8243-0574-9.
186. Полтерович, В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы / В.М. Полтерович. – М.: ЦЭМИ РАН, 1999. – 265 с. – ISBN 5-5-80181-305-6.
187. Попова, И.П. Вторичная занятость: случаи «вытеснения» / И.П. Попова // Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики / Под общ. ред. Т.И. Заславской. – М.: МВШСЭН, 2002. – С. 167-172. – ISBN 5-93725-013-3
188. Попова, И.П. Дополнительная занятость в успешных адаптационных стратегиях населения / И.П. Попова, Н.Н. Седова // Социологические исследования. – 2004. – № 2. – С. 31-43.
189. Потапова, А. Что такое домашнее насилие. Концептуальный подход к проблеме / А. Потапова // Гендерный калейдоскоп. Курс лекций

- / Под общ. ред. М.М. Малышевой. – М.: Academia, 2002. – С. 489-503. – ISBN 5-87444-101-8/
190. Предприятие и рынок: динамика управления и трудовых отношений в переходный период (опыт монографических исследований 1989-1995 гг.) / Под ред. В.И. Кабалиной. – М.: РОССПЭН, 1997. – 424 с. – ISBN 5-86004-074-1.
191. Рабжаева, М.В. Семейная политика в России XX в.: историко-социальный аспект / М.В. Рабжаева // *Общественные науки и современность*. – 2004. – № 2. – С. 166-176.
192. Радаев, В.В. Еще раз о предмете экономической социологии / В.В. Радаев // *Социологические исследования*. – 2002. – № 7. – С. 3-14.
193. Радаев, В.В. Легализация российского бизнеса как институциональная проблема / В.В. Радаев // *Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики* / Под общ. ред. Т.И. Заславской. – М.: МВШСЭН, 2002. – С. 95-108. – ISBN 5-93725-013-3.
194. Радаев, В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертации / В.В. Радаев // *Общественные науки и современность*. – 2003. – № 2. – С. 5-16.
195. Радаев, В.В. Рынок как идеальная модель и форма хозяйства. К новой социологии рынков / В.В. Радаев // *Социологические исследования*. – 2002. – № 9. – С. 15-28.
196. Радаев, В.В. Социология потребления: основные подходы / В.В. Радаев // *Социологические исследования*. – 2005. – № 1. – С. 3-18.
197. Радаев, В.В. Формирование новых российских рынков: Трансакционные издержки, формы контроля и деловая этика / В.В. Радаев. – М.: Центр политических технологий, 1998. – 328 с. – ISBN 5-98735-017-3.
198. Радаев В.В. Экономико-социологическая альтернатива Карла Полянши / В.В. Радаев // *Экономическая социология*. – 2004. – № 5. – С. 20-34.
199. Родионова, Г.А. Современное сельскохозяйственное предприятие и стратегии выживания сельских сообществ: симбиоз величин и функций / Г.А. Родионова // *Неформальная экономика. Россия и мир* / Под ред. Т. Шанина. – М.: Логос, 1999. – С. 219-227. – ISBN 5-88439-037-8.
200. Романов, И.А. Особенности государственного регулирования миграции на Дальнем Востоке / И.А. Романов // *Социологические исследования*. – 2004. – № 11. – С. 52-56.

201. Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики: Коллективная монография / Под ред. К.А. Абульхановой. М.: Институт психологии РАН, 1997. – 334 с. – ISBN 5-96140-039-8.
202. Рошин С. Женщины в сфере занятости и на рынке труда в российской экономике // Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики / Отв. ред. и сост. Е.Б. Мезенцева. М.: ИСЭПН РАН – МЦГИ – «Русская панорама», 2002. – С. 212-234. – ISBN 5-93165-062-8.
203. Рукавишников, В.О. Конкурентоспособность и демократия / В.О. Рукавишников // Социологические исследования. – 2005. – № 2. – С. 3-15.
204. Салтыков-Щедрин, М.Е. Господа Головлевы / М.Е. Салтыков-Щедрин. Избр. соч. – М., 1954. – С. 90-220.
205. Сведберг, Р. Новая экономическая социология: что сделано и что впереди? / Р. Сведберг // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 111-130. – ISBN 5-8243-0574-9.
206. Сидорова, В.А. Влияние адресной социальной помощи на изменение уровня, глубины и остроты бедности / В.А. Сидорова // Социологические исследования. – 2004. – № 7. – С. 83-94.
207. Скидельски, Р. Дорога от рабства. Об экономических и политических последствиях краха коммунизма / Р. Скидельски. – М.: Ad Marginem, 1998. – 238 с. – ISBN 5-88059-052-1.
208. Скотт, Дж. Моральная экономика крестьянства как этика выживания / Дж. Скотт // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире / Под ред. Т. Шанина. – М.: Прогресс-Академия, 1992. – С. 202-210. – ISBN 5-01-003016-0.
209. Смелсер, Н. Социологический подход к анализу хозяйства / Н. Смелсер, Р. Сведберг // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 25-58. – ISBN 5-8243-0574-9.
210. Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х / Отв. ред. Ю. Левада. – М: Мировой океан, 1993. – 229 с. – ISBN 5-7585-0005-4.
211. Солнцев, С. Социальные льготы: современное состояние и возможные пути реформирования : Аналитический доклад ИКСИ РАН 16 июля 2004 / С. Солнцев. – Web-сайт ИКСИ РАН <http://www.icss.ac.ru/publish/analysis/am104.html>

212. Соловьев, Э.Ю. Правовой нигилизм и гуманистический смысл права / Э.Ю. Соловьев // Квинтэссенция: Философский альманах. – М.: ИПЛ, 1990. – С. 162-236. – ISBN 5-250-00318.
213. Сорокин, П.А. Проблема социального равенства / П.А Сорокин // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Под общ. ред. А.Ю. Согомонова. – М.: ИПЛ, 1992. – С. 90-220. – ISBN 5-250-01297-3.
214. Тамбовцев, В.Л. Экономические институты российского капитализма / В.Л. Тамбовцев // Куда идет Россия? Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год / Под общ. ред. Т.И. Заславской. – М.: Логос, 1999. – С. 193-201. – ISBN 5-88439-039-4.
215. Тартаковская, И.Н. Социология пола и семьи / И.Н. Тартаковская. – Самара: СамГУ, 1997. – 131 с.
216. Темницкий, А.Л. Ориентации рабочих на патерналистские и партнерские отношения с руководством / А.Л. Темницкий // Социологические исследования. – 2004. – № 6. – С. 26-37.
217. Темницкий, А.Л. Отношение к труду рабочих России и Германии: терминальное и инструментальное / А.Л. Темницкий // Социологические исследования. – 2005. – № 9 – С. 54-64.
218. Темницкий, А.Л. Социокультурные факторы формализации трудовых взаимоотношений / А.Л. Темницкий // Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики / Под общ. ред. Т.И. Заславской. – М.: МВШСЭН, 2002. – С. 148-155. – ISBN 5-93725-013-3.
219. Темницкий, А.Л. Факторы усиления патернализма и предпосылки развития партнерства в трудовых отношениях / А.Л. Темницкий // Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ) / Под ред. Р.М. Нуреева. – М.: МОНФ, 2001. – С. 376-384. – ISBN 5-89554-211-5.
220. Титаренко, Л.Г. «Парадоксальный белорус»: противоречия массового сознания / Л.Г. Титаренко // Социологические исследования. – 2003. – № 12. – С. 96-107.
221. Тихонова, Н.Е. Динамика социальной стратификации в постсоветском обществе / Н.Е. Тихонова // Общественные науки и современность. – 1997. – № 5. – С. 3-11.
222. Тихонова, Н.Е. Личность, общность, власть в российской социокультурной модели / Н.Е. Тихонова // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 5-15.
223. Тихонова, Н.Е. На пути к новой стратификации российского общества / Н.Е. Тихонова // Общественные науки и современность. – 1998. – № 3. – С. 20-31.

224. Тихонова, Н.Е. Особенности национального самосознания и возможности модернизации России / Н.Е. Тихонова // Пути России: двадцать лет перемен / Под ред. Т.Е. Ворожейкиной. – М.: МВШСЭН, 2005. – ISBN 5-93725-007-9.
225. Тихонова, Н.Е. Российская социальная политика: выбор без альтернатив? / Н.Е. Тихонова, О.И. Шкаратан // Социологические исследования. – 2001. – № 3. – С. 21-32.
226. Тихонова, Н.Е. Российские безработные: штрихи к портрету / Н.Е. Тихонова // Мир России. – 1998. – Т. VII, № 1-2. – С. 93-146.
227. Тихонова, Н.Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике / Н.Е. Тихонова. – М.: РОССПЭН, 1999. – 320 с. – ISBN 5-8243-0037-2.
228. Тихонова, Н.Е. Феномен городской бедности в современной России / Н.Е. Тихонова. – М.: Летний сад, 2003. – 407 с. – ISBN 5-94381-104-4.
229. Токсанбаева, М. По каким «адресам» идет адресная помощь малоимущим / М. Токсанбаева // Вопросы экономики. – 2003. – № 10. – С. 130-141.
230. Тощенко, Ж.Т. Парадоксальный человек / Ж.Т. Тощенко. – М.: Гардарики, 2001. – 398 с. – ISBN 5-8297-0076-X.
231. 300 лет. История российских социальных служб. Хронограф / Под общ. ред. Г.Н. Кареловой, В.И. Жукова. – М.: МГСУ, 2001. – 241 с. – ISBN 5-30500-014-1.
232. Тукумцев, Б.Г. О новом типе работника, порожденном советской общественной системой / Б.Г. Тукумцев // Социология труда в новых условиях : Межвузовский сборник статей. – Самара: Самарский университет, 1993. – С. 93-98.
233. Уильямсон, О.И. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация / О.И. Уильямсон. – С-Пб: Лениздат, 1996. – 702 с. – ISBN 5-98112-077-X.
234. Фадеева, О.П. Хозяйственные стратегии сельских семей / О.П. Фадеева // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. – Новосибирск: Наука, 1999. – С. 426-447. – ISBN 5-02-031089-1.
235. Федеральный Закон «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» // Работник социальной службы. – 1997. – № 1/1. – С. 109-116.

236. Философский энциклопедический словарь. 2-е изд. – М.: Сов. энцикл., 1989. – 814 с.
237. Флигстин, Н. Рынки как политика: политико-культурный подход к рыночным институтам / Н. Флигстин // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 185-210. – ISBN 5-8243-0574-9.
238. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – М.: Прогресс, 1989. – 298 с. – ISBN 5-89349-861-5.
239. Хайек, Ф.А. Дорога к рабству / Ф.А. Хайек. – М.: Экономика, 1992. – 176 с. – ISBN 5-28201-501-3.
240. Хайек, Ф.А. Индивидуализм: истинный и ложный / Ф.А. Хайек // Ф.А. Хайек. Индивидуализм и экономический порядок. – М.: Изограф, 2000. – С. 22-51. – ISBN 5-87113-087-9.
241. Хайек, Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма / Ф.А. Хайек. – М.: Новости, 1992. – 304 с. – ISBN 5-7020-0445-0/
242. Хайек, Ф.А. «Свободное» предпринимательство и конкурентный порядок / Ф.А. Хайек // Ф.А. Хайек. Индивидуализм и экономический порядок. – М.: Изограф, 2000. – С. 115-126. – ISBN 5-87113-087-9.
243. Хасбулатова, О.А. Социальное самочувствие женщин и мужчин в средних городах России / О.А. Хасбулатова, Л.С. Егорова // Социологические исследования. – 2002. – № 11. – С. 48-55.
244. Хибовская, Е.А. Вторичная занятость как способ адаптации населения к экономическим реформам / Е.А. Хибовская, З.В. Куприянова // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития / Под общ. ред. Т.И. Заславской. – М.: Аспект Пресс, 1995. – С. 187-192. – ISBN 5-7567-0008-0.
245. Хоткина, З.А. Гендерный подход к исследованию неформальной экономики / З.А. Хоткина // Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики / Отв. ред. и сост. Е.Б. Мезенцева. М.: ИСЭПН РАН – МЦГИ – «Русская панорама», 2002. – С. 106-115. – ISBN 5-93165-062-8.
246. Хоткина, З.А. Женщина на рынке труда и просто на рынке (Права женщин в сфере неформальной занятости) / З.А. Хоткина // Права женщин в России: исследование реальной практики их соблюдения и массового сознания. – Т. 1. – М.: МЦГИ, 1998. – С. 217-234. – ISBN 5-85133-058-9.
247. Черныш, М.Ф. Противоречия становления социального партнерства / М.Ф. Черныш // Социологические исследования. – 2004. – № 6. – С. 16-26.

248. Чехов, А.П. Наше нищенство / А.П. Чехов // Собр. соч. в 12-ти т. – Т. 6. – М.: Правда, 1985. – С. 443-446.
249. Чехов, А.П. Остров Сахалин / А.П. Чехов // Собр. соч. в 12-ти т. – Т. 11. – М.: Правда, 1985. – С. 39-362.
250. Чирикова, А.Е. Женское предпринимательство в России: концептуальные подходы и направления / А.Е. Чирикова // Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики / Отв. ред. и сост. Е.Б. Мезенцева. – М.: ИСЭПН РАН – МЦГИ – «Русская панорама», 2002. – С. 235-249. – ISBN 5-93165-062-8.
251. Чирикова, А.Е. Женщина-менеджер в современном бизнесе // / А.Е. Чирикова // Гендерный калейдоскоп. Курс лекций / Под общ. ред. М.М. Малышевой. – М.: Academia, 2002. – С. 383-384. – ISBN 5-87444-101-8.
252. Шабанова, М.А. Институциональные изменения и неправовые практики / М.А. Шабанова // Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / Под общ. ред. Т.И. Заславской. – М.: МВШСЭН, 2001. – С. 319-327. – ISBN 5-93725-004-4.
253. Шабанова, М.А. Образы свободы в реформируемой России / М.А. Шабанова // Социологические исследования. – 2000. – № 2. – С. 29-38.
254. Шабанова, М.А. Социологическая концепция трансформации свободы / М.А. Шабанова // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. – Новосибирск: Наука, 1999. – С. 168-204. – ISBN 5-02-031089-1.
255. Шабанова, М.А. Социология свободы: трансформирующееся общество / М.А. Шабанова. – М.: МОНФ, 2000. – 315 с. – ISBN 5-89554-162-3.
256. Шанин, Т. Какого капитализма мы хотим для России / Т. Шанин // Пути России: Существующие ограничения и возможные варианты / Под общ. ред. Т.Е. Ворожейкиной. – М.: МВШСЭН, 2004. – С. 12–19. – ISBN 5-93725-006-8.
257. Шаститко, А.Е. Неинституциональная экономическая теория. – 2-е изд. / А.Е. Шаститко. – М.: ТЕИС, 1999. – 465 с. – ISBN 5-7218-0239-1.
258. Шпедер, Ж. Очерк трансформации в Венгрии / Ж. Шпедер, Ж. Элекеш, И. Гарча, П. Роберт // Социологические исследования. – 2002. – № 5. – С. 37-59.

259. Штомпка, П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе / П. Штомпка // Социологические исследования. – 2001. – № 2. – С. 3-13.
260. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с. – ISBN 5-7567-0053-6.
261. Эйдельман, Я. Методологические проблемы изучения трудовой мотивации / Я. Эйдельман // Вопросы экономики. – 1991. – № 1. – С. 78-82.
262. Элбакян, Е.С. Влияние религиозных ценностей на экономические предпочтения верующих россиян / Е.С. Элбакян, С.В. Медведко // Социологические исследования. – 2001. – № 8. – С. 103-112.
263. Элиас, Н. Общество индивидов / Н. Элиас. – М.: Праксис, 2001. – 336 с. – ISBN 5-901574-01-Х.
264. Юрлов, Ф.Н. Социальные издержки глобализации / Ф.Н. Юрлов // Социологические исследования. – 2001. – № 7. – С. 13-22.
265. Ядов, В.А. Возможности совмещения теоретических парадигм в социологии / В.А. Ядов // Социологический журнал. – 2003. – № 3. – С. 5-19.
266. Ядов, В.А. Два рассуждения о теоретических предпочтениях / В.А. Ядов // Социологический журнал. – 1995. – № 2. – С. 70-72.
267. Ярошенко, С.С. Проблематика субкультуры бедности в американской социологии: эволюция принципов исследования и подходов / С.С. Ярошенко. – Дис... канд. соц. наук: 22.00.04. – М., 1994. – 179 с.
268. Ярошенко, С.С. Северное село в режиме социального исключения / С.С. Ярошенко // Социологические исследования. – 2004. – № 7. – С. 71-82.
269. Ярошенко, С.С. Синдром бедности / С.С. Ярошенко // Социологический журнал. – 1994. – № 2. – С. 43-50.
270. Ясин, Е.Г. Угрозы стабилизации / Е.Г. Ясин // Пути России: Существующие ограничения и возможные варианты / Под общ. ред. Т.Е. Ворожейкиной. – М.: МВШСЭН, 2004. – С. 20-27. – ISBN 5-93725-006-8.
271. Ainsworth, M.D.S. Object relations, dependency and attachment: A theoretical review of the infant-mother relationship / M.D.S. Ainsworth // Child Development. – 1969. – Vol. 40. – P. 969-1025.
272. Arber, S. Gender and Later Life : a sociological analysis of resources and constraints / S.Arber, J.Ginn. – L.: Sage, 1991. – 230 p. – ISBN 0803983964.

273. Arthur, W.B. Increasing Returns and Path Dependence in the Economy / W.B. Arthur. – Ann Arbor: University of Michigan, Institute of Public Administration, 1994. – 201 p. – ISBN 0472094963.
274. Auletta, K. The Underclass / K. Auletta. – N.Y.: Random House, 1982. – 352 p. – ISBN 0879519290.
275. Bacharach, S.B. Power and Politics in Organizations / S.B. Bacharach, E.J. Lawler. – San Francisco: Jossey-Bass, 1980. – 249 p. – ISBN 0875894585.
276. Bandura, A. Self-efficacy mechanism in human agency / A. Bandura // American Psychologist. – 1982. – Vol. 37. – P. 122-147.
277. Bane, M.J. Welfare Realities: From Rhetoric to Reform / M.J. Bane, D.T. Ellwood. – L. and Cambridge: Harvard University Press, 1995. – 238 p. – ISBN 0-674-94912-9.
278. Banfield, E.C. The Unheavenly City Revisited / E.C. Banfield. – Boston: Scott Foresman & Co, 1974. – 358 p. – ISBN 0673394190.
279. Barry, B. Power: an Economic Analysis / B. Barry // Power and Political Theory: Some European Perspectives / Ed. B. Barry. – L.: Wiley, 1976. – P. 64-99. – ISBN 0471054240.
280. Batles, M.M. The Many Faces of Dependency in Old Age / M.M. Batles. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 204 p. – ISBN 052149804X.
281. Becker, G. A Treatise on the Family / G. Becker. – Cambridge, MA.: Harvard University Press, 1981. – 288 p. – ISBN 0674906969.
282. Becker, G.S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education / G.S. Becker. – 3rd ed. – Chicago: University of Chicago Press, 1993. – 412 p. – ISBN 0226041204.
283. Berkel, M. Married Women's Economic Dependency in the Netherlands, 1979-1991 / M. Berkel, N.D. Graaf // British Journal of Sociology. – 1998. – No. 1. – P. 97-117.
284. Birtchell, J. What does the MMPI dependency scale really measure? / J. Birtchell, J. Kennard // Journal of Clinical Psychology. – 1983. – Vol. 39. – P. 532-543.
285. Bittman, M. When Does Gender Trump Money? Bargaining and Time in Household Work / M. Bittman, P. England, L. Sayer, N. Folbre, G. Matheson // American Journal of Sociology. – 2003. – No. 1. – P. 186-214. – ISSN 0002-9602.
286. [The] Blackwell Dictionary of Social Policy / Ed. P. Alcock, A. Erskine, M. May. – Oxford: Blackwell Publishers, 2002. – ISBN 0631218467.

287. Blank, R.M. Short-term recidivism among public-assistance recipients / R.M. Blank, P. Ruggles // *American Economic Review*. – 1994. – Vol. 84. – P. 49–53.
288. Bonoli, G. Classifying Welfare States: a Two-dimension Approach / G. Bonoli // *Journal of Social Policy*. – 1997. – No. 3. – P. 351-372.
289. Bornstein, R.F. The dependent personality / R.F. Bornstein. – New York : Guilford Press, 1993. – 241 p. – ISBN 0898629918.
290. Brines, J. Economic Dependency, Gender, and the Division of Labor at Home / J. Brines // *American Journal of Sociology*. – 1994. – No. 3 – P. 652-688. – ISSN 0002-9602.
291. Brynin, M. Education, Employment, and Gender Inequality amongst Couples : A Comparative Analysis of Britain and Germany / M. Brynin, J. Schupp // *European Sociological Review*. – 2000. – No. 4. – P. 349-365. – ISSN 0266-7215.
292. Burawoy, M. The Politics of Production: Factory Regimes Under Capitalism and Socialism / M. Burawoy. – L.: Verso, 1985. – 272 p. – ISBN 0860910962.
293. Burt, R.S. Structural Holes: The Social Structure of Competition / R.S. Burt. – Cambridge: Harvard University Press, 1992. – 324 p. – ISBN 067484372X.
294. Cardoso, F.H. Dependent Capitalist Development in Latin America / F.H. Cardoso // *New Left Review*. – 1972. – Vol. 74. – P. 43-60.
295. Coleman, J.S. Foundations of Social Theory / J.S. Coleman. – Cambridge, Mass. : Belknap Press of Harvard University Press, 1990. – 993 p. – ISBN 0674312252.
296. Coleman, J.S. Social Capital in the Creation of Human Capital / J.S. Coleman // *American Journal of Sociology*. – 1988. – Vol. 94. – P. 95-120.
297. Cornford, J. Policy Issues and the Underclass Debate / J. Cornford // *Understanding the Underclass* / Ed. D.J. Smith. – L.: Policy Studies Institute, 1992. – P. 59-66. – ISBN 0853745382.
298. Dahl, T.S. Women's Law: An Introduction to Feminist Jurisprudence / T.S. Dahl. – Oslo: Norwegian University Press, 1987. – 195 p. – ISBN 8200184900.
299. Dahrendorf, R. Footnotes to the Discussion / R. Dahrendorf // *Understanding the Underclass* / Ed. D.J. Smith. – L.: Policy Studies Institute, 1992. – P. 53-58. – ISBN 0853745382.
300. Dahrendorf, R. Reflections on the Revolution in Europe : in a letter intended to have been sent to a gentleman in Warsaw / R. Dahrendorf. – New

- York : Times Books, 1990. – 163 p. – ISBN 0812918835.
301. Davies, H. Sex, Sharing and the Distribution of Income / H. Davies, H. Joshi // *Journal of Social Policy*. – 1994. – Vol. 23. – P. 301-40.
302. Delphy, C. Close to Home: A Materialist Analysis of Women's Oppression / C. Delphy. – Amherst: University of Massachusetts Press, 1984. – 237 p. – ISBN 0870234544.
303. [A] Dictionary of Sociology / Ed. G. Marshall. – 2nd ed. – N.Y.: Oxford University Press, 1998. – 710 p. – ISBN 0192800817.
304. Dos Santos, T. The Structure of Dependence / T. Dos Santos // *American Economic Review*. – 1970 – Vol. 60. – P. 231-236.
305. Dowling, C. The Cinderella Complex. Women's Hidden Fear of Independence / C. Dowling. – N.Y.: Summit Books, 1981. – 266 p. – ISBN 0671400525.
306. Drobnic, S. The Effects of Children on Married and Lone Mothers' Employment in the United States and (West) Germany / S. Drobnic // *European Sociological Review*. – 2000. – No. 2. – P. 137-157. – ISSN 0266-7215.
307. Edin, K. Work, Welfare and Single Mothers' Economic Strategies / K. Edin, L. Lein // *American Sociological Review*. – 1997. – No. 2. – P. 253-267.
308. Eichenbaum, L. What do women want: exploding the myth of dependency / L. Eichenbaum, S. Orbach. – N.Y.: Coward-McCann, 1983. – 240 p. – ISBN 0698112105.
309. Ellwood, D. The Origins of 'Dependency': Choices, Confidence or Culture? / D. Ellwood // *Focus*. – 1989. – No. 1. – P. 643-662.
310. Emerson, R.M. Power-dependence Relations / R.M. Emerson // *American Sociological Review*. – 1962 – Vol. 27. – P. 31-41.
311. Emerson, R.M. Social Exchange Theory / R.M. Emerson // *Social Psychology: Sociological Perspectives* / Eds. M. Rosenberg, R.H. Turner. – N.Y.: Basic Books, 1981. – P. 30-65. – ISBN 0465079059.
312. Etzioni, A. The spirit of community : rights, responsibilities, and the communitarian agenda / A. Etzioni. – N.Y.: Crown Publishers, 1993. – 323 p. – ISBN 0517592770.
313. Firestone, S. The Dialectic of Sex: The Case for Feminist Revolution / S. Firestone. – N.Y.: Morrow, 1970. – 274 p. – ISBN 068806454X.

314. Folbre, N. Exploitation comes home: A critique of the Marxian theory of family labour / N. Folbre // *Cambridge Journal of Economics*. – 1982. – No. 4. – P. 317-29.
315. Ford, J. Consuming Credit: Debt and Poverty in the UK / J. Ford. – L.: CPAG, 1991. – 128 p. – ISBN 0946744327.
316. Fraser, N. A Genealogy of 'Dependency': Tracing a Keyword of the U.S. Welfare State / N. Fraser, L. Gordon // *Justice Interruptus: Critical Reflections on the 'Postsocialist' Condition* / Ed. N. Fraser. – N.Y. and L.: Routledge, 1997. – P. 121-149. – ISBN 0415917948.
317. Fraser, N. Dependency demystified: inscriptions of power in a keyword of the welfare state / N. Fraser, L. Gordon // *Social Politics*. – 1994. – No. 1. – P. 4-31.
318. Furtado, C. The Concept of External Dependence in the Study of Underdevelopment / C. Furtado // *Political Economy of Development and Underdevelopment* / Ed. C.K. Wilber. – New York: Random House, 1973. – P. 182-213. – ISBN 0394317564.
319. *Gender and Stratification* / Ed. R. Crompton, M. Mann. – Cambridge: Polity Press, 1986. – 304 p. – ISBN 0745601685.
320. *Gender, Family, and Economy: The Triple Overlap* / Ed. R.L. Blumberg. – Newbury Park, Calif.: Sage, 1991. – 311 p. – ISBN 0803937555.
321. *Gender Relations in Public and Private: New Research Perspectives* / Ed. L. Morris and E.S. Lyon. – L.: Macmillan Press Ltd, 1996. – 268 p. – ISBN 0333630874.
322. Ghoshal, S. The Individualized Corporation: A Fundamentally new approach to management / S. Ghoshal, C.A. Bartlett. – L.: Random House Business Books, 2000. – 364 p. – ISBN 0712669817.
323. Giddens, A. The constitution of society: Outline of the theory of structuration / A. Giddens. – Cambridge: Polity Press, 1984. – 402 p. – ISBN 0745600069.
324. Giddens, A. The Third Way: The Renewal of Social Democracy / A. Giddens. – Malden: Polity Press, 1999. – 166 p. – ISBN 0745622666.
325. Goldberg, C.A. Welfare Recipients or Workers? Contesting the Welfare State in New York City / C.A. Goldberg // *Sociological Theory*. – 2001. – No. 2. – P. 187-218
326. Granovetter, M. The Strength of Weak Ties / M. Granovetter // *American Journal of Sociology*. – 1973. – Vol. 78. – P. 1360-1380.
327. Green, D. Liberty, Poverty and the Underclass. A classical-liberal approach to public policy / D. Green // *Understanding the Underclass* / Ed.

- D.J. Smith. – L.: Policy Studies Institute, 1992. – P. 66-79. – ISBN 0853745382.
328. Gregory, J. *The Consequences of Divorce* / J. Gregory, K. Foster. – L.: HMSO, 1990. – 345 p. – ISBN 0116913231.
329. Grondona, M. *A Cultural Typology of Economic Development* / M. Grondona // *Culture Matters. How Values Shape Human Progress* / Eds. L.E. Harrison, S.P. Huntington. – N.Y.: Basic Books, 2000. – P. 101-120. – ISBN 0465031765.
330. Handler, J.E. *Social Citizenship and Workfare in the US and Western Europe: From Status to Contract* / J.E. Handler // *Journal of European Social Policy*. – 2003. – No. 3. – P. 229-243.
331. Harrel, W.A. *Husband's Masculinity, Wife's Power and Marital Conflict* / W.A. Harrel // *Social Behaviour and Personality*. – 1990. – Vol. 18. – P. 207-216.
332. Harrison, D. *The sociology of modernization and development* / D. Harrison. – London & Boston: Unwin Hyman, 1988. – 196 p. – ISBN 0043012205.
333. Harrison, L.E. *Who prospers? How cultural values shape economic and political success* / L.E. Harrison. – N.Y. : Basic Books, 1992. – 280 p. – ISBN 0465016340.
334. Hartley, D. *Dependency Culture: the Explosion of a Myth* / D. Hartley, P. Taylor-Gooby. – N.Y. and L.: Harvester Wheatsheaf, 1992. – 217 p. – ISBN 0745012256.
335. Hartmann, H. *Capitalism, Patriarchy and Job Segregation by Sex* / H. Hartmann // *Signs*. – 1976. – Vol. 1. – P. 137-168.
336. Hartsock, N.C.M. *Money, Sex and Power: Toward a Feminist Historical Materialism* / N.C.M. Hartsock. – New York : Longman, 1983. – 310 p. – 0582282799.
337. Heathers, G. *Acquiring dependence and independence: A theoretical orientation* / G. Heathers // *Journal of Genetic Psychology*. – 1955. – Vol. 87. – P. 277-291.
338. Hiller, D.V. *The Division of Labour in Contemporary Marriage: Expectations, Perceptions and Performance* / D.V. Hiller, W.W. Philliber // *Social Problems*. – 1986. – Vol. 33. – P. 191-201.
339. Hirschman, A.O. *Exit, Voice, and Loyalty : Responses to Decline in Firms, Organizations, and Strategies* / A.O. Hirschman. – Cambridge: Harvard University Press, 1970. – 162 p. – ISBN 0674276507.

340. Hobson, B. No exit, no voice: women's economic dependency and the welfare state / B. Hobson // *Acta Sociologica*. – 1990. – No. 3. – P. 237-238.
341. Hofstede, G.H. Culture's consequences: comparing values, behaviors, institutions, and organizations across nations / G.H. Hofstede. – Thousand Oaks, Calif.: Sage Publications, 2001. – 596 p. – ISBN 0-8039-7323-3.
342. Homans, G. Social Behaviour as Exchange / G. Homans // *American Journal of Sociology*. – 1958. – Vol. 62. – P. 66-79.
343. Homans, G. Social Behaviour: Its Elementary Forms / G. Homans. – N.Y.: Harcourt, Brace and World, 1961. – 279 p.
344. Inkeles, A. National Character: A Psycho-social Perspective / A. Inkeles. – New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 1997. – 392 p. – ISBN 1560002603.
345. Jaffee, D. Levels of socio-economic development theory / D. Jaffee. – New York: Praeger, 1990. – 218 p. – ISBN 0275932869.
346. Jones, K. Mythology and social policy / K. Jones // *Dependency to Enterprise* / Ed. J. Mitton. – L. and N.Y.: Routledge, 1991. – 238 p. – ISBN 0415048613.
347. Jordan, B. Trapped in poverty? Labour-market decisions in low-income households / B. Jordan, S. James, H. Kay, M. Redley. – L. and N.Y.: Routledge, 1992. – 350 p. – ISBN 0415068673.
348. Kalmuss, D.S. Wife's marital dependency and wife abuse / D.S. Kalmuss, M.A. Straus // *Journal of Marriage and the family*. – 1982. – Vol. 44. – P. 277-286.
349. Kanter, R.M. Men and Women of the Corporation / R.M. Kanter. – N.Y.: Basic Books, 1977. – 348 p. – ISBN 0465044522.
350. Kimmel, M. The Gendered Society / M. Kimmel. – N.Y. & Oxford: Oxford University press, 2000. – 315 p. – ISBN 0-19-512587-8.
351. Klein, R. Do-It-Yourself Social Policy: Searching for a New Paradigm? / R. Klein, J. Millar // *Social Policy & Administration*. – 1995. – Vol. 29. – P. 303-314.
352. Land, H. Compulsory altruism for some or an altruistic society for all? / H. Land, H. Rose // *In Defence of Welfare* / Ed. P. Bean, L. Ferris, D. Whynes. – L.: Tavilstock, 1985. – P. 74-96. – ISBN 0-691-02379-4.
353. Lefcourt, M.M. Locus of control: Current trends in theory and research / H.M. Lefcourt. – Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1976. – 211 p. – ISBN 0470150440.

354. Levinson, D. Family Violence in Cross-Cultural Perspective / D. Levinson. – Beverly Hills: Sage, 1989. – 146 p. – ISBN 0803930755.
355. Lewis, J. Responsibilities and Rights: Changing the Balance / J. Lewis // Developments in British Social Policy 2 / Ed. N. Ellison, C. Pierson. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2003. – P. 64-79. – ISBN 1403900205.
356. Lewis, O. La Vida / O. Lewis. – New York: Random House, 1968. – 669 p.
357. Lewis, O. The Culture of Poverty / O. Lewis // Poverty in America / Ed. L. Ferman. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1965. – P. 405-419.
358. Lin, N. Social Capital: A Theory of Social Structure and Action / N. Lin. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 314 p. – ISBN 052152167X.
359. Lister, R. Citizenship : Feminist Perspectives. 2nd ed. / R. Lister. – N.Y.: New York University Press, 2003. – 323 p. – ISBN 0814751954.
360. Lister, R. New Conceptions of Citizenship / R. Lister // Developments in British Social Policy / Ed. N. Elison, C. Pierson. – L.: Macmillan, 1998. – P. 34-51. – ISBN 1403900213.
361. Lister, R. Women, Economic Dependency and Citizenship / R. Lister. – Journal of Social Policy. – 1990. – No 4. – P. 445-467.
362. Maltby, T. Women and Pensions in Britain and Hungary: A cross-national and comparative case study of social dependency / T. Maltby. – Brookfield: Avebury, 1994. – 248 p. – ISBN 1856286304.
363. Marsden, P.V. Restricted Access in Networks and Models of Power / P.V. Marsden // The American Journal of Sociology. – 1983. – No. 4. – P. 686-717.
364. Mayo, G.E. The Human Problems of an Industrial Civilization / G.E. Mayo. – N.Y.: Macmillan, 1933. – 194 p.
365. McDonald, G. Structural Exchange and Marital Interaction / G. McDonald // Journal of Marriage and the Family. – 1981. – Vol. 41. – P. 825-838.
366. Memmi, A. Dependence : a sketch for a portrait of the dependent / A. Memmi. – Boston: Beacon Press, 1984. – 185 p. – ISBN 0807043001.
367. Morris, L. Dangerous Classes: The Underclass and Social Citizenship / L. Morris. – L. and N.Y.: Routledge, 1994. – 177 p. – ISBN 0415050138.
368. Murray, C. Losing Ground. American Social Policy 1950-1980 / C. Murray. – L. and N.Y.: Routledge, 1992. – 312 p. – ISBN 0465042333.

369. New, B. Paternalism and public policy / B. New // *Economics and philosophy*. – 1999. – No. 1. – P. 43-60.
370. [The] new paternalism: supervisory approaches to poverty / Ed. L.M. Mead. – Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 1997. – 355 p. – ISBN 081575650X.
371. Old and New Poverty: The Challenge for Reform / Ed. K. Funken, P. Cooper. – L.: Rivers Oram Press, 1995. – 161 p. – ISBN 1854890786.
372. Pahl, J. Money and Marriage / J. Pahl. – N.Y.: St. Martin's Press, 1989. – 215 p. – ISBN 0312032544.
373. Parsons, T. Social structure and personality / T. Parsons. – N.Y.: Free Press, 1964. – 376 p.
374. Pascall, G. Social Policy and Social Movements: Gender and Social Policy / G. Pascall // *Developments in British Social Policy* / Ed. N. Elison, C. Pierson. – L.: Macmillan, 1998. – P. 176-200. – ISBN 1403900213.
375. Paternalism / Ed. R. Sartorius. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1983. – 287 p. – ISBN 0816611726.
376. Pfeffer, J. Managing With Power: Politics and Influence In Organizations / J. Pfeffer. – Boston: Harvard Business School Press, 1992. – 391 p. – ISBN 087584314X.
377. Pfeffer, J. The External Control of Organizations / J. Pfeffer, G.R. Salancik. – N.Y.: Harper and Row, 1978. – 300 p. – ISBN 0060451939.
378. Pillemer, K. The dangers of dependency: New findings on domestic violence against the elderly / K. Pillemer // *Social Problems*. – 1985. – Vol. 33. – P. 146-158.
379. Poggi, G. Forms of Power / G. Poggi. – Cambridge: Polity Press, 2001. – 230 p. – ISBN 074562474X.
380. Poortman, A.R. Sex Differences in the Economic Consequences of Separation : A Panel Study of the Netherlands / A.R. Poortman // *European Sociological Review*. – 2000. – No. 4. – P. 367-383.
381. Portes, A. On the Sociology of National Development: Theories and Issues / A. Portes // *American Journal of Sociology*. – 1976 – Vol. 82. – P. 55-85.
382. Rand, A. Capitalism: The Unknown Ideal / A. Rand. – N.Y.: New American Library, 1966. – 309 p.
383. Riesman, D. The lonely crowd / D. Riesman. – New Haven: Yale University Press, 1950. – 386 p.

384. Roemer, J.E. What is exploitation? / J.E. Roemer // *Philosophy and Public Affairs*. – 1989. – Vol. 18. – P. 90-97.
385. Rose, H. Rereading Titmuss: The Sexual Division of Welfare / H. Rose // *Journal of Social Policy*. – 1981. – No 4. – P. 477-502.
386. Rose, H. Social Welfare Policy / H. Rose // *Social Science Encyclopedia* / Eds. A. Kuper, J. Kuper. – L. and N.Y.: Routledge, 1989. – P. 470-474. – ISBN 0415040817.
387. Rummel, R.J. Understanding Conflict and War / R.J. Rummel. – Vol. 2. – Beverly Hills: Sage Publications, 1976. – 299 p. – ISBN 0470745010.
388. Russel, D.E.H. Rape in Marriage / D.E.H. Russell. – N.Y.: Macmillan, 1982. – 412 p. – ISBN 0026061902.
389. Schmidt, L. Addiction and Welfare Dependency: Interpreting the Connection / L. Schmidt, D. Dohan, J. Wiley, D. Zabkiewicz // *Social Problems*. – 2002. – No. 2. – P. 221-241.
390. Schmidtz, D. Social Welfare and Individual Responsibility. For and against / D. Schmidtz, R. Goodin. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 285 p. – ISBN 0521564611.
391. Segall, M.H. Human Behavior in Global Perspective. An Introduction to Cross-cultural Psychology / M.H. Segall ... [et al.]. – N.Y.: Pergamon Press, 1990. – 424 p. – ISBN 008036814X.
392. Seligman, M. Helplessness: On depression, development and death / M. Seligman. – San Francisco: W.H. Freeman and ©, 1975. – 250 p. – ISBN 0716707527.
393. Smith, D.J. Defining the Underclass / D.J. Smith // *Understanding the Underclass* / Ed. D.J. Smith. – London: Policy Studies Institute, 1992. – P. 2-9. – ISBN 0853745382
394. Social Capital: Critical Perspectives / Ed. S. Baron, J. Field, T. Schuller. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – 307 p. – ISBN 0198297130.
395. Sorensen, A. Married Women's Economic Dependency, 1940-1980 / A. Sorensen, S. McLanahan // *American Journal of Sociology*. – 1987. – No. 3. – P. 659-87.
396. Stier, H., Mandel, H. Inequality in the Family: The Institutional Aspects of Wives' Earning Dependency // *Luxembourg Income Study. Working Paper Series. Working Paper No. 359. October 2003.* <http://www.lisproject.org/publications/liswps/359.pdf>
397. Tanner, M. The end of welfare : fighting poverty in the civil society / M. Tanner. – Washington, D.C.: Cato Institute, 1996. – 226 p. – ISBN

188257737X.

398. Taylor-Gooby, P. Personal Consumption and Gender / P. Taylor-Gooby // *Sociology*. – 1985. – Vol. 19. – P. 273-84.
399. Thompson, J.D. Organizations in Action / J.D. Thompson. – N.Y.: McGraw-Hill, 1967. – 192 p.
400. Ward, C. Income Dependency within Couples / C. Ward, A. Dale, H. Joshi // *Gender Relations in Public and Private: New Research Perspectives* / Ed. L. Morris and E.S. Lyon. – L.: Macmillan Press Ltd, 1996. – P. 89-106. – ISBN 0333630874.
401. Women's Life Cycle and Economic Insecurity. Problems and Proposals / Ed. M.N. Ozawa. – N.Y.-L.: Greenwood Press, 1989. – 292 p. – ISBN 0275933482.
402. Young, I. Mothers, citizenship and independence: a critique of pure family values / I. Young // *Ethics*. – 1995. – No. 3. – P. 535-556.
403. Zuckerman, D.M. Introduction: Welfare Reform: Preliminary Research and Unanswered Questions / D.M. Zuckerman, A. Kalil // *Journal of Social Issues*. – 2000. – No. 4. – P. 579-586.